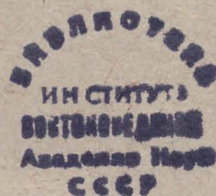
БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1934

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1934

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

BIBLIOGRAPHY OF THE ORIENT

№№ 2—4 (1933)

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Май 1934 г. Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик А. Н. Самойлович

Технический редактор Л. А. Федоров. — Ученый корректор А. А. Типольт

Сдано в набор 21 июля 1933 г. — Подписано к печати 23 мая 1934 г.

X + 202 стр.

Формат бум. 72 × 110 см. — $13\,^2/_8$ печ. л. — 54128 печ. зн. в л. — Тираж 2000 + 175

Ленгорлит № 8070. — АНИ № 224/104. — Заказ № 1500

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

28 февраля 1934 г. скончался

академик Сергей Федорович Ольденбург

В лице Сергея Федоровича Институт Востоковедения потерял своего директора и неизменного редактора всех изданий Института, в том числе «Библиографии Востока», в которой Сергей Федорович принимал живейшее участие не только как редактор и один из главных инициаторов издания, но и как автор, — своими ценными обзорами и рецензиями.

И. И. Яковкин

С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ И НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Большая работа, проведенная за годы революции в государственных книгохранилищах и специальных библиотеках Союза, не могла остаться вне поля зрения, а следовательно, и вне интересов человека такой кипучей энергии, какою обладал акад. С. Ф. Ольденбург. Как исследователь, как организатор научной работы и, наконец, как руководитель крупнейшего в стране востоковедного учреждения Сергей Федорович во всей своей разносторонней деятельности был тесно спаян с книгою и с рукописью и поэтому внимательно следил за работою, за достижениями и за затруднениями того аппарата, который в нужный момент должен был быстро и точно доставить требующуюся ему книгу или манускрипт. Специалисты-востоковеды определят, какое участие принимал Сергей Федорович в развитии библиотеки Института востоковедения; что же касается других наших книгохранилищ универсального типа, то необходимо отметить, что в 1922 г. С. Ф. Ольденбург выступал с большим докладом в Специальной смешанной Комиссии по поводу передачи Польше книг и рукописей, хранившихся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде,[1] а несколько лет спустя, в 1926 г., на второй конференции научных библиотек в Ленинграде сделал на основании только что полученных им тогда личных впечатлений весьма интересное сообщение о Парижской Национальной библиотеке. Оправдывая свое выступление на таком специальном совещании тем, что он имеет некоторый библиотечный стаж, так как 40 лет тому назад был в течение нескольких лет библиотекарем, С. Ф. Ольденбург весь свой доклад о «Bibliothèque Nationale» построил в аспекте тех основных задач, которые стоят пред ашими национальными книгохранилищами. Необходимо, — говорил он, — обратить внимание на положение наших мировых библиотек, иначе они станут скоро мертвыми, и это будет величайшим несчастием для нашего библеотечного дела. Поэтому он призывал подумать о выделении из наших книгохранилищ неактуальных фондов, о создании доступных для читателей каталогов, охватывающих

---

[1] Dokumenty dotyczace akcji Delegacyi polskich w Komysjach Mieszanych Reewakuacyjnei Specjalnej w Moskwie. Warszawa, 1923, s. 101—106.

полностью собрания таких крупнейших библиотек, как Всесоюзная библиотека В. И. Ленина, Государственная Публичная библиотека в Ленинграде и Библиотека Академии Наук, о кооперировании деятельности крупнейших библиотек по линии закупки иностранных изданий, создания сводных каталогов. (Труды 2-й Конференции научных библиотек, Л. 1929, стр. 67—75). Все, кто хоть немного знаком с повседневной жизнью нашей научной библиотеки, признают, конечно, что, ставя эти вопросы на конференции, С. Ф. Ольденбург подходил действительно к основным проблемам нашего библиотечного строительства, и недаром поэтому акад. Н. Я. Марр в прениях на конференции по этому сообщению указал, что «С. Ф. Ольденбург — друг книги и чрезвычайно мирный человек, но речь его в то же время была словно разорвавшаяся бомба. Значит, он задел за живое». Пусть решения этих полных жгучего интереса для библиотекаря вопросов, которые предлагались С. Ф. Ольденбургом на основании опыта Национальной библиотеки, не всегда отвечают нуждам и запросам наших библиотек, но в то время важно быле четко поставить проблему, привлечь к ней внимание, и библиотечные работники по опыту знают, что, когда бы они ни обращались к С. Ф. Ольденбургу за помощью и советом, он всегда поднимал перед ними большие принципиальные вопросы и звал их не успокаиваться на традиционных решениях и искать новых путей в их, быть может, не всегда заметной постороннему взгляду работе.

Как исследователь с чрезвычайно широкими научными интересами С. Ф. Ольденбург естественно уделял очень много внимания комплектованию библиотечных фондов иностранной литературой, и по его почину возобновились и приобрели большую организационную устойчивость захиревшие почти совсем в начале империалистической войны операции обмена литературою. Но и здесь в этом, казалось бы, допускавшем только экстенсивный рост деле С. Ф. Ольденбург сумел увидеть далекую, пока еще неосуществленную, форму организации научных международных связей, и в одном из своих годовых отчетов о деятельности Академии Наук говорил о необходимости углубить этот обмен, организовать систематическое взаимное реферирование научной литературы и начать обмен научными периодическими изданиями, может быть даже в чистых листах — для ускорения информации (Отчет Академии Наук СССР за 1926 г., стр. V).

Характеризуя этими немногими строками близкое соприкосновение С. Ф. Ольденбурга с работою научной библиотеки, нельзя обойти молчанием его интерес к библиографическим начинаниям. Он сам, как видно из составленной им справки, собирал библиографический материал по индийской технике, по истории Восточного Туркестана и Индии и т. д. Далее, по его инициативе и под его редакцией вышел 1-й выпуск издания «Библиография Востока». Наконец, он принимал активное участие в обсуждении докладов по вопросам об организации библиографических

работ на созывавшихся Академией конференциях по изучению производительных сил Среднеазиатских республик и, приветствуя в своих выступлениях по этим докладам предложения о создании библиографических указателей по отдельным республикам, призывал вместе с тем к начинаниям более широким и более планомерным. Библиографы, по его мысли, должны изжить остатки кустарничества, которые до сего времени царят в наших библиографических работах. Запад с его индивидуалистическими подходами не может дать нам образцов надлежащих установок для библиографических трудов; необходима кооперация библиографических сил, и таковая может быть осуществлена только при плановом построении научной работы. Только у нас можно говорить об осуществлении таких крупных начинаний, как раскрытие содержания отдельных серий, без чего немыслимо правильное разрешение тех заданий, которые ставятся перед библиографией. В своем заключительном слове на одной из этих конференций автор настоящих строк, полностью разделяя эти пожелания, высказал надежду, что при ближайшем содействии Сергея Федоровича удастся претворить в жизнь все эти широкие начинания, которые откроют перед советской библиографией далекие перспективы, но надежде этой не суждено было сбыться.

ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

С. Ф. Ольденбург

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ИНДИЙСКИХ РАБОТАХ ПО ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКЕ ИНДИИ

1. Ramesh Chandra Majumdar. Corporative life in ancient India. Second edition, revised and enlarged. Poona, 1922.—2. Narayan Chandra Bandyopadhyaya. Kautilia or an exposition of his social ideal and political theory. In two independent volumes. Vol. I. The art of good government. Calcutta, 1927.—3. Dr. Pran Nath. A study in the economic condition of ancient India (Asiatic. Soc. Monographs, v. XX). London, 1929.

Несомненно, что среди индийских ученых за последние годы пробудился живой интерес к индийской истории и экономике, в то время как раньше они преимущественно интересовались историей религий, вопросами права и, больше всего, изящной литературой и философией. Поворот этот весьма знаменательный, нам в Союзе он хорошо знаком — это первый серьезный шаг приближения науки к жизни.

Крайне ненормальное положение дела выписки иностранной литературы в библиотеках академических учреждений позволяет мне говорить лишь о небольшой части трудов индийских ученых, заглавия и содержание которых мне известны в значительном числе по библиографиям и рецензиям.

Из доступной мне в Ленинграде литературы я выбрал на первый раз три работы, вышедшие в свет в годах 1922—1929. Я делю их на две группы: в первую входят две книги: Маджумдара и Бандьопадьяя, во вторую книга д-ра Пран Ната. Основная цель разбираемых трудов, кроме сообщения определенных фактов и некоторого их обобщения, увязать прошлое Индии с его настоящим. Преемники великой старинной культуры, научные работники современной Индии, желают показать как многое из того, что теперь стоит на очереди дня в культурном строительстве, уже давно в той или другой мере предусматривалось старинной индийской культурой. К сожалению, в большинстве случаев националистические увлечения лишают индийских специалистов необходимой объективности и заставляют их забывать о ходе исторического процесса.

Из разбираемых мною сейчас книг первые две являются яркими представителями националистического направления, и при разборе это все время придется иметь в виду.

Тема первой книги «О корпоративной жизни в Индии» выбрана, несомненно, очень удачно, так как до сих пор в этом отношении мы не имели ни собрания материала, ни критической его проработки, кроме известной и несколько позабытой книги д-ра Фика, говорившей о социальном устройстве северо-восточной Индии во время Будды.

К сожалению, у автора Р. Ч. Маджумдара сложилось очень скоро определенное представление о том, что жизнь корпораций, общин, гильдий и тому подобных сообществ занимала чрезвычайно большое место в общей жизни древней Индии, и соответственная установка дана всей книге. Между тем, источники не дают нам достаточного материала, при теперешней их разработанности, для того, чтобы быть уверенным в правильности взгляда автора. Многое, как всегда в таких случаях, зависит от правильного истолкования специальных терминов, из которого потом делаются те или другие выводы.

Между тем, автор далеко не всегда в этом отношении достаточно убедительно обосновывает свои толкования терминов. Остановлюсь на двух: gaṇa и çreṇi. Прежде всего одно замечание общего характера, которое, как мне кажется, надо всегда иметь в виду при вопросах терминологии: никогда не надо забывать, что одно и то же слово в разные исторические формации и эпохи, в разных местностях и в разной социальной среде имеет терминологически ряд значений и, при необходимом, конечно, уточнении каждого термина, надо очень остерегаться уравнительной тенденции. Необходимо всегда учитывать всесторонне окружение каждого термина.

Слово gaṇa имеет обыкновенно значение: сообщество, корпорация, гильдия, община и схожие значения, но кроме того может значить и просто «группа людей», а затем специально и «небольшой военный отряд». В последнее время автором третьей из разбираемых нами книг д-ром Пран Натом было выдвинуто предположение, что gaṇa обозначает и известную территориальную единицу. Мнение это мне представляется пока не окончательно еще доказанным, но я привел его, чтобы показать, как пока еще необходимо крайне осторожно обращаться с терминами. Д-р Пран Нат говорит: «Происхождение всех теорий, выдвигаемых для доказательства существования некоторой демократической формы правления древней Индии, восходит в значительной мере к непониманию социального положения и политической власти тех народных классов, которые имеются в виду под названиями kula, gaṇa, rājan, bhoja и т. д. Надо пожалеть, что ряд источников, имеющих отношение к этим классам, цитируются не полностью, а другие истолковываются в смысле, который не может быть им придан».

По отношению к слову çreṇi автор хочет видеть при соединении его с словом vala, bala, какую-то форму военной организации корпораций. К сожалению, им не приведены убедительные доказательства его толкования термина. Вместе с тем автор желает показать то большое значение, которое придавалось корпорациям и ссылается при этом на Махабхарату. Но при этом он делает то, на что указывал Пран Нат, он сокращает цитату, и смысл значительно меняется. Текст говорит о грозных последствиях несоблюдения обязанностей по отношению к корпорации, по сокращенной цитате; в тексте же говорится одновременно и о касте, что разумеется ослабляет аргументацию, так как наряду с корпорацией стоит еще и каста, и нет того выделения значения именно корпораций, которое принимает автор.

Я остановился подробнее на некотором увлечении со стороны автора чрезвычайно, несомненно, ценным и любопытным материалом, потому что мне хотелось показать, как определенная, заранее принятая точка зрения влияет на оценку и понимание первоисточников, приводя затем к выводам, не оправдываемым исследованным материалом. Не подлежит сомнению, что корпоративные организации в прошлом Индии играли определенную роль, как они играют ее и теперь, но мы пока не имеем достаточных критически проверенных данных для того, чтобы сказать, каковы, в действительности, в индийской социальной жизни были значение и роль корпораций и в какой обстановке их значение возрастало или падало. Число источников очень велико, и Р. Ч. Маджумдару удалось собрать их значительное количество и большая его заслуга, что он привлек для своей работы надписи, которыми пока еще недостаточно пользуются. К сожалению, он, как и большинство индийских исследователей, брал понятие Индии как одного целого, между тем как мы, несомненно, в разных частях Индии имеем дело с совершенно разными условиями жизни, с разным социальным строем. Это отражается и в литературных источниках, по отношению к которым мы не имеем еще достаточной выясненности важного вопроса о том, в какой мере литературные источники отражают точно действительную жизнь с точки зрения определенных классов или же в них кроме того отражаются индивидуальные теоретические подходы отдельных авторов, раскрывать классовые корни которых иногда очень трудно. Эта большая работа, совершенно при том необходимая для правильных выводов, ни Р. Ч. Маджумдаром, ни кем-либо другим еще не проделана. Несмотря на указанные выше недостатки, проистекающие от националистического увлечения автора, книга новостью постановки темы и привлечением обильного свежего материала выгодно отличается от следующей разбираемой нами книги.

Широко ставший теперь известным политический трактат, отражающий строй феодальной Индии «Арташастра» Каутильи, сделавшийся доступным

в подлиннике менее тридцати лет тому назад, естественно обратил на себя внимание специалистов в Индии и в Европе, и о нем уже существует большая литература. Лектор по истории и антропологии Калькуттского университета Н. Ч. Бандьопадьяя посвятил «Арташастре» большое исследование, первый том которого имеется теперь у нас, вышел он в 1927 г., вышел ли уже второй том мне неизвестно, но так как указано, что оба тома независимы друг от друга (two independent volumes), то я считаю возможным дать разбор имеющегося уже первого тома. Автор озаглавил свой труд «Каутилья, или изложение его социального идеала и политической теории», а первый том специально — «Искусство хорошего управления».

Определенно националистический подход автора к выполнению его задачи высказался уже в предисловии, из которого я поэтому считаю необходимым дать некоторые выдержки: «Я сделал, что мог», говорит автор, «чтобы отметить особенности индийской социальной и политической эволюции, которые, повидимому, представляются единственными в своем роде. В Индии мы имеем особый тип социальной организации, хотя и основанной на, повидимому, узких принципах, но представляющей перспективы не только широкие, но и в высшей степени симпатичные и гуманные. Разнообразие этнических элементов стояло действительно на пути социального единообразия, но тем не менее задачи общества не были сужены до исключения разнородных элементов в интересах немногих правящих. Таким образом выросла федеративная социальная организация с гетерогенными разделами, которые все были объединены в достижении общей цели, подобно членам живого организма. Цели и функции политической власти тоже соответственно видоизменялись. Несмотря на основные различия, коренные отличия и традиционные привилегии различных разделов [народа], царь сделался защитником прав всех независимо от касты и веры и сосредоточил свое внимание на преуспеянии материальных потребностей всех классов подданных. Он был покровителем всех, и на него стали смотреть, как на отца его подданных, хотя во многих отношениях его авторитет был ограничен».

Вряд ли кто согласится признать подобного рода историческую концепцию научной, но и в самой книге автор делает исторические построения совершенно неприемлемые. «Как очевидно всем историкам Индии», говорит автор (стр. 86), «участие народа в политике почти пришло к концу в заключении периода упадка племенных государств. Возник буддизм, и с ним дело абсолютизма и империализма косвенно получило мощную поддержку». Автор считает, что «религия отвратила к себе внимание людей от политики». Ослабла оппозиция тирании, и боязнь потерять привилегии сделала духовенство союзником власти. Тут является школа Арташастры, стоящая за усиление царской власти, политика становится иморальной, растет милитаризм, как следствие учения этих политиков, с ними

завоевания, накопления через них богатств, которые делают царя независимым от народа. Это история Индии от VI до IV в. до н. э. Тут автор еще говорит о пессимистических религиях, имея в виду прежде всего буддизм: «наступает век, когда человечество забывает истинные цели жизни и жаждет смерти и конечного разложения. Наконец является реакция против пессимизма и появляются прямо противоположные учения, они говорят о необходимости радостей жизни, начинает царить материализм, который тоже в свою очередь является крайностью. Компромисс находит Каутилья в «Арташастре», у неге есть известные материалистические склонности; они однако, по мнению автора, соединяются с верою в загробную жизнь.

Из каких источников автор почерпнул эти фантастические представления об истории Индии он не говорит, да и конечно не мог бы сказать, потому что они принадлежат ему самому и, разумеется, не отвечают никакой действительности. Мне кажется, что излишне после этого еще говорить об «историческом» исследовании автора, где дальше излагается содержание «Арташастры» с крайне субъективными комментариями; достаточно будет еще дать пример националистического увлечения автора в трактовке вопроса. Националистическое увлечение сказывается во всей книге и, к сожалению, сильно отзывается на объективности подхода к исследуемому предмету.

Так, например, в важнейшем вопросе о рабстве, автор хочет сделать из Каутильи какого-то борца против рабства и говорит: «Отношение Каутильи к рабству стоит особо, как яркий свет либерализма и человечности в варварский век»; при этом автор увлеченно противопоставляет Каутилью Аристотелю, которого он считает современником индийского политика.

Если бы автор вместо того, чтобы прибегать к таким по существу не выясняющим дело характеристикам, во-первых, дал бы себе труд внимательнее всматриваться в текст, где имеются в виду не жители Индии вообще, а лишь «ария», т. е. представители господствующих классов, а затем вообще познакомился с вопросом о рабстве и рабах в Индии, то он увидел бы, насколько не ясен еще этот вопрос, но что он вместе с тем и не играл, повидимому, существенной роли в Индии, и потому ясно, что никакой борьбы против института рабства Каутилья не вел. В дальнейших комментариях книга Бандьопадьяя, мне кажется, не нуждается.

Следующая подлежащая разбору книга принадлежит профессору экономики в Индийском университете в Бенаресе д-ру Пран Нату и чрезвычайно выгодно отличается от первых двух разобранных мною книг.

Задавшись целью уяснить по первоисточникам ряд предпосылок, необходимых для понимания экономики прошлого феодальной Индии, д-р Пран Нат остановился на ряде не выясненных до сих пор вопросов и постарался их по мере

сил разрешить. Следует признать, что он очень интересно поставил вопросы и дал ряд ценных разъяснений, если не окончательных разрешений, вопросов, которые смущали до сих пор специалистов и к которым исследователи, вроде двух предыдущих, подходили чересчур упрощенно.

Прежде всего поставлен вопрос о территориальном делении древней Индии, постоянном камне преткновения исследователей. Мы имеем точные данные о делениях современной Индии и вполне понимаем современную терминологию; в значительной степени столь же благополучно обстоит с нашим пониманием вопроса для времени великих моголов. Но как только мы подходим к Индии до моголов, мы стоим перед рядом вопросов, все еще не разрешенных, перед нами длинная вереница терминов, которые мы пока понимаем еще весьма приблизительно и потому не можем их использовать для выяснения экономических отношений. Здесь особенно ясно чувствуется, как правилен наш новый подход к работе, в котором столь крупное место мы уделяем вопросам точной терминологии. Взять первый же вопрос, поставленный д-ром Пран Натом, — территориальные деления: неверное или неточное понимание терминов сразу приведет здесь к ложным выводам. А насколько труден вопрос видно уже и по тщательному исследованию нашего автора: он привлекает ряд совершенно новых источников и по-новому анализирует уже известные. Но как ни тщательно работает автор, он в данном вопросе впал невольно в ту же методологическую ошибку, в которую, как я уже раньше говорил, впадают часто при изучении терминологии; к ней обыкновенно подходят слишком механистически: устанавливают одно или несколько даже значений термина и полагают, что дело сделано. Между тем, прежде всего мы постоянно убеждаемся в том, что вполне устойчивого точного употребления терминов очень часто не было в самых разных областях человеческого обихода и что мы, давая совершенно точное определение известного термина, искажаем его реальное, жизненное применение. Кроме того, постоянно происходят ошибки от одинакового толкования термина в разной социальной среде, в разное время, в разных местностях. Возьму один пример из книги д-ра Пран Ната. Термин grāma, чрезвычайно важный для понимания сельской экономики Индии. Традиционный перевод этого термина, который держится и до сих пор, — деревня. Автор вполне убедительно доказал, что если держаться этого понимания, то совершенно непонятными делаются громадные цифры grāma в отдельных областях, которые указываются надежными источниками, и поэтому, опираясь на тщательный анализ большого числа источников, д-р Пран Нат дает новое определение слову grāma — поместье. Определение, как мне кажется, верное и позволяющее понять правильно целый ряд явлений в области сельской экономики Индии. В одном месте (стр. 33) автор, как будто, допускает и толкование слова как «деревня», но сейчас же затем он совершенно категорически устанавли-

вает значение «поместье», как единственное, отвечающее его реальному употреблению в источниках. Но здесь-то, как мне кажется, и заключается ошибка автора, потому что в ряде случаев понимание grāma как «поместье» не отвечает реальному употреблению слова, которое необходимо толковать как «деревня». Так, мы имеем случай, где царь (конец XII в. Центр. Индия)[1] в надписи указывает, что он строит храм в таком-то grāma. Трудно себе представить, чтобы царь строил храм в поместьи. Но еще определеннее такое, напр., указание в надписи конца V в. н. э.,[2] тоже в Центральной Индии: царь обращается к домохозяевам, начиная с брахманов, и ремесленникам такого-то grāma с сообщением, что он данный grāma отдал во владение такому-то брахману. Ясно, что здесь никак не может итти речь о поместьи, и таких указаний можно привести большое количество из разных местностей и разного времени. Отсюда ясно, что слово grāma должно значить не только поместье, а и деревня. В обиходном употреблении оно иногда применялось даже к городу.

Очень ценны и важны указания д-ра Пран Ната относительно территориальных и административных делений Индии, причем он особенно обращает внимание на то, что до сих пор не учитывают, что старые термины, как «царство», продолжают принимать по отношению к территориям ничтожного объема, увлекаясь громкой титулатурой индийских правителей в их надписях и иных документах. Автор глубоко прав, что старое понимание давало нам совершенно неправильное представление о государственном и социальном строе феодальной Индии. Д-р Пран Нат правильно старается, где только возможно, увязать материалы, касающиеся домусульманской Индии, с данными при великих моголах и в настоящее время. Он дает нам этим очень ценный материал для правильной периодизации истории Индии.

Не менее интересны и поучительны следующие главы, где автор касается: мер и весов, процентов на капитал, цен на предметы ежедневного употребления и ряда других цен, количества населения, землевладельческого класса, рабочего класса, с указаниями на заработную плату, положения рабочего класса. Я надеюсь в ближайшем будущем вернуться к крайне интересной и ценной книге д-ра Пран Ната и остановиться подробнее на отдельных затронутых в ней вопросах.

Мне кажется, что эта книга может служить ярким показателем того, что местные исследователи в Индии, когда они отрешаются от узкого национализма, а тем более шовинизма, могут дать исследования, которые невозможны для неживущих в стране специалистов, за недостаточностью для них целого ряда как материалов, так и подхода к ним. Книга д-ра Пран Ната не единственная в своем

---

[1] Epigr. Ind. 1, 45 сл.

[2] J. Fleet Gupta inscript. 117 сл.

роде, мы имеем интересные и важные экономические и социальные исследования по отдельным районам, имеем и отдельные исторические исследования индийских ученых, чрезвычайно ценные, но, к сожалению, велико число и таких псевдоисторических работ, как книга Бандьопадьяя о Каутильи. Укажем, например, хотя бы на вышедшую в 1930 г. книгу P. T. Srinivas Iyengar «A short history of India», чисто внешнее, подинастийное описание истории Индии, не дающее никакого представления о ходе развития индийских культур, ни малейшего представления о классах и их борьбе, о чем имеются богатейшие материалы, — никакого представления об экономике Индии. А автор преподаватель истории в Мадрасском университете! Надо пожелать, чтобы столь ненормальная постановка изучения истории и экономики в самой Индии была скорее изжита.

И. Ю. Крачковский

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЙЕМЕНА

(Rathjens- v. Wissmannsche Südarabien-Reise. Band 1. Sabäische Inschriften bearbeitet von J. H. Mordtmann und Eugen Mittwoch. Mit Abbildungen und Karten. Hamburg. Friedrichsen, de Gruyter und Co. m. b. H. 1931. Quart. XVI + 270. RM 20. — Hamburgische Universität. Abhandlungen aus dem Gebiet des Auslandskunde. Band 36 — Reihe B. Völkerkunde, Kulturgeschichte u. Sprachen. Band 17)

Изучение южно-арабской древности за последние годы перешло в новую стадию. «Сабеистика» как бы стремится оформить себя и постепенно превращается из подсобной второстепенной области семитологии в самостоятельную дисциплину. Она начинает создавать и руководства учебного характера, и выводы, подводящие итог всему достигнутому до настоящего времени, и специальные монографии, направляющие исследование в незатронутые раньше области. Характерным показателем некоторого оживления явился выход в 1926 г. грамматики Ign. Guidi[1] — первой учебной в этой области, давшей в руки учащихся и некоторый текстовой материал[2] с удобным словариком.[3] Единственным предшественником ее в грамматической литературе был труд Fr. Hommel'я,[4] строившийся по иному принципу и мало пригодный теперь для начального изучения по состоянию разработки в 90-х годах. Через год после учебной грамматики Ign.

---

[1] Summarium grammaticae arabicae meridionalis auctore Ignatio Guidi (Le Muséon, XXXIX, 1—32).

[2] На стр. 19—26 помещены с переводом четыре надписи, взятые из Corpus Inscriptionum Semiticarum.

[3] Стр. 27—32 (сабейским шрифтом с латинской траскрипцией).

[4] Süd-arabische Chrestomathie (minäo-sabäische Grammatik-Bibliographie-minäische Inschriften nebst Glossar). München, 1893, 4⁰, VI + 136 (литография).

Guidi вышло издание другого характера — первый том большого свода, редактируемого D. Nielsen'ом.[1] Впервые в широких очерках по четырем основным линиям — истории, общественной жизни, археологии, религии — свод суммировал результаты специальных исследований южно-арабской древности; очерки были составлены теми учеными, которые своими работами не мало содействовали прогрессу соответствующих областей. Около этого же времени редакторы известного издания Парижской Академии Надписей «Répertoire d'Épigraphie sémitique» решили объединить в одном месте сведения о всех южно-арабских надписях, что при большой разбросанности материала является настоятельно необходимым. Осуществление этой идеи было поручено бельгийскому семитологу-эпиграфисту G. Ryckmans'у. В 1928—1929 гг. вышел в двух выпусках пятый том Répertoire, в котором даны сводные сведения о 430 приблизительно надписях в порядке хронологической последовательности появления о них упоминаний в науке, начиная с 1811 г. по 1872 г. Издание будет продолжаться; редактор не ограничил узко свою задачу, а дал кроме того полную библиографию всех работ, которые относятся к южной Аравии, начиная с 1716 по 1928 г. включительно в количестве 841 номера (стр. III—LXXXIII). Благодаря изданию Ryckmans'а, все исследователи получили теперь возможность быстро и удобно ориентироваться во всей крайне разбросанной литературе.[2] Что интерес к сабеистике возрастает, ясно показало появление уже в 1930 г. вторым изданием грамматики Ign. Guidi;[3] помимо ряда мелких поправок и дополнений, равно как некоторого изменения в составе приложенных к ней текстов,[4] она очень любопытна тем, что вышла одновременно на латинском и арабском языке в изданиях Египетского университета. Последнее обстоятельство характерно для жизни современного арабского Востока, который все более проникается методами и интересами современной европейской науки, устремляясь в те области, которые еще недавно не привлекали его внимания. Сабейский язык не является экзотическим для арабов: Ign. Guidi был едва ли не первым, кто познакомил с ним еще во время своих лекций в Египетском университете в 1909 г.[5] Важное и не существовав-

[1] Handbuch der altarabischen Altertumskunde, in Verbindung mit Fr. Hommel und Nik. Rhodokanakis, herausgegeben von Ditlef Nielsen, mit Beiträgen von Adolf Grohmann und Enno Littmann. I Band. Die altarabische Kultur. Kopenhagen, 1927, 4⁰, VIII + 272 (76 рисунков).

[2] Было бы желательно иметь алфавитный указатель авторов для более легкого отыскания нужных статей по фамилии.

[3] Summarium grammaticae veteris linguae arabicae meridionalis. Latine et arabice confecit Ignatius Guidi. Le Caire 1930. (Université Egyptienne. Recueil de travaux publiés par la Faculté des Lettres. Deuxième fascicule). 8⁰, 39 + ٣٩ (с арабским заглавием).

[4] К четырем надписям первого издания прибавлены еще две, причем одна (№ VI) минейская.

[5] См. محاضرات ادبيات الجغرافيا والتاريخ واللغة عند العرب... التى خطب العلامة المحقق السنيور جويدى مصر стр. 91—101 с рядом образцов. Специальный отдел посвящен сабейской древности у каирского ученика E. Littmann'а И. Вольфензона в его работе تاريخ اللغات السامية تاليف الدكتور اسرائيل ولفنسون, Каир, 1929, 227—252 (образцы надписей 248—252).

шее раньше пособие принес 1931 г. — первую южно-арабскую хрестоматию C. Conti Rossini.[1] Помещенные в ней 102 надписи (стр. 39—97) составитель распределил по основным группам южно-арабского языка: сабейской (№ 1—65), минейской (№ 66—82), катабанской (№ 83—92), хадрамаутской (№ 97—102) и аусанской (№ 93—96). Кроме тщательного подбора текстов хрестоматия ценна сводкой сведений одиннадцати классических авторов о южной Аравии, которые составитель дает (стр. 1—37) в латинском оригинале или в таком же переводе с греческого. Особенно важное значение приобретает приложенный к хрестоматии словарь (стр. 99—261), так как он включает не только весь лингвистический материал самой хрестоматии, но привлекает и другие непомещенные здесь надписи всегда с полным указанием источника текста и параллелями из других семитических языков. Если вспомнить, что до последнего времени не существовало никакого словаря южно-арабского языка, то понятна громадная услуга сабеистике, оказанная составителем.

Все перечисленные пособия почти в корне меняют приемы изучения южно-арабской древности: положение начинающих ученых теперь несравненно легче, чем было двадцать и даже десять лет тому назад. Нельзя думать, конечно, что создание пособий за этот короткий период поглотило все силы сабеистов: в то же самое время шла интенсивная разработка накопившегося материала. Достаточно взглянуть на библиографию Ryckmans'а, чтобы видеть, как энергично продолжалась работа, например, в австрийской школе сабеистов, главным образом, благодаря усилиям N. Rhodokanakis'а, его учеников и сотрудников (A. Grohmann'а и др.). Прочие страны не отставали в этом направлении: если война вызвала некоторое замедление в монументальном издании Corpus Inscriptionum Semiticarum,[2] то теперь можно надеяться, что усилиями G. Ryckmans'а оно двинется быстрее; также можно надеяться, что организация на Конгрессе ориенталистов в Лейдене в 1931 г. особой международной комиссии ускорит опубликование надписей собрания Glaser'а и даст неутомимым исследователям их возможность усилить темпы опубликования.[3]

Превосходя все предшествующие периоды в смысле создания пособий и интенсивного изучения накопившегося материала, последние годы не могут похвалиться особенно значительным его приростом: в этом смысле результаты экспедиций J. Halévy и E. Glaser'а попрежнему остаются непревзойденными.

---

[1] Karolus Conti Rossini. Chrestomathia arabica meridionalis epigraphica edita et glossario instructa. Roma, 1931 — IX. 8⁰, XII + 264.

[2] Имею в виду Pars IV, Inscriptiones Himyariticas et Sabaeas continens, которая в дальнейшем называется сокращенно CIH. Общие замечания о движении и плане этого издания см. G. Ryckmans. Notes épigraphiques. Muséon, XLIII, 1930, 389—391.

[3] О докладе G. Ryckmans'а, 8 сентября 1931 г., вызвавшем организацию этой комиссии, см. Actes du XVIIIe Congrès des Orientalistes, Leyden 1932, 175 (ср. еще 180 и 32).

Наиболее крупным приобретением довоенного времени были надписи H. Burchardt'а (убитого 19 декабря 1909 г.), постепенно и медленно входившие в обиход науки, главным образом, в изданиях M. Hartmann'а.[1] Значительно превзошли его (по крайней мере в количественном отношении) результаты экспедиции C. Rathjens'а и H. von Wissmann'а зимой 1927—1928 г.; появление первого тома трудов этой экспедиции, специально посвященного сабейским надписям в количестве 174 номеров,[2] представляет крупнейшее событие в области сабеистики за прошлый год.

Известия об этой экспедиции проникали в печать и раньше. Уже 29 августа 1928 г. был назначен доклад C. Rathjens'а на международном Конгрессе ориенталистов в Оксфорде; однако он не мог состояться за несвоевременным разрешением на ввоз кинофильмы (см. Proceedings of the seventeenth international Congress of Orientalists, Oxford — London, 1929, 85). В ноябре 1928 г. один из участников сделал общий доклад в Географическом обществе в Берлине.[3] Через год в журнале этого же общества обоими была опубликована статья, посвященная Çанʿā;[4] помимо целого ряда новых данных, распределенных в пяти главах,[5] статья очень ценна двумя картами (окрестностей Çанʿā и планом города), равно как шестью рисунками, один из которых дает впервые авиосъемку города. Почти одновременно с этим вышел краткий отчет и на французском языке.[6] Он сообщает общие сведения об условиях и результатах поездки с рядом антропологических (149—151) и исторических (152—155) соображений. О работе над надписями тоже было известно с 1928 г.: на съезде немецких ориенталистов в Бонне E. Mittwoch сообщил, что им совместно с J. H. Mordtmann'ом подготовляется издание сабейских надписей, собранных экспедицией.[7]

Появившаяся теперь работа дает гораздо больше, чем можно было ожидать или требовать от простого editio princeps. Построенная на основе материалов экспедиции Rathjens — v. Wissmann, она привлекает целый ряд других, известных и неизвестных источников и перерабатывает всю литературу, касающуюся

---

[1] Общая характеристика результатов его путешествия дана в 1926 г. E. Mittwoch'ом (Aus dem Jemen. Hermann Burchardts letzte Reise durch Südarabien, bearbeitet von E. Mittwoch. Leipzig, 4°, 74 стр. и 28 табл.).

[2] Фактически их несколько больше, если даже не считать подделок № 175—188: некоторые номера повторяются с литерами (напр. 146a и 146b или 150a и 150b и др.), под другими описывается несколько надписей.

[3] Eine Reise nach Südwestarabien, Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1929, 77. О предпринятой поездке упоминалось там же еще раньше, 1928, 255.

[4] Sanaa. Eine südarabische Stadtlandschaft, ib. 1929, 329—53.

[5] I. Lage in der Landschaft (329—332), II. Die Ebene von Sanaa (332—337), III. Geschichte (337—340), IV. Stadtbild (340—349), V. Stadtleben (349—353).

[6] Carl Rathjens. Exploration au Yémen. Journal Asiatique, CCXV, 1929, 141—155.

[7] Neues Inschriftenmaterial aus Südarabien (ZDMG LXXXII, 1928, *72—*73). Cp. G. Ryckmans. Notes épigraphiques, Muséon, XLIII, 1930, 391.

сопредельных вопросов. Эпиграфические результаты экспедиции сводятся, главным образом, к выполненным от руки копиям надписей. Эти копии отличаются несомненно большим графическим искусством для непосвященного глаза, но нельзя забывать, что снимавшие их лица — географы и натуралисты по специальности[1] — до поездки не были знакомы не только с южно-арабским языком, но и шрифтом (VII—VIII);[2] в их снимках часто встречаются промахи и ошибки, иногда ясные специалисту с первого взгляда, иногда немало затрудняющие его издание. Копии Rathjens — v. Wissmann являются не столько основным, сколько исходным пунктом нового издания. К нему примыкают копии тех же надписей, которые иногда встречаются в собрании Glaser'a. Частично они были использованы по факсимиле и эстампажам, которые были предоставлены редакцией CIH, где иногда воспроизводились (VIII), частью по копиям, снятым с оригиналов Glaser'a еще при его жизни J. H. Mordtmann'ом (XIV, прим. 2). Третьим основным фондом издания является наследие путешественника H. Burchardt'a, главным образом в виде прекрасно выполненных фотографий и надписей, очень часто тех же, что позже были зарисованы Rathjens—v. Wissmann'ом (VIII—IX). Конкорданс их, составленный издателями (XIII), дает возможность ориентироваться во всей связанной с ними литературе. Наряду с тремя основными фондами издатели систематически привлекают к исследованию и описанию отдельные предметы из частных коллекций (напр. M. Ginsberg'a, 234, № 171, G. Hahn'a, 242, № 174а и т. д.). С такой же полнотой использованы и фотографии; интересно, что последними издатели обязаны не только европейским ученым (напр., семитологу H. Schlobies, 198, № 157), но и некоторым местным деятелям. Одному из последних Мухаммеду Ҫалāх ад-дӣну ан-Наджжāру принадлежит, например, прекрасный снимок (188) со знаменитых бронзовых дверей в Ҫанʿā, открывающих CIH. Издание с внешней стороны выполнено очень хорошо и воспроизведение таблиц стоит на высшем уровне современной техники.

Экспедиция первоначально имела в виду географическое обследование ʿАсӣра,[3] но не получила на это соответствующего разрешения от Ибн Саʿӯда и могла использовать пребывание в Джедде только для изучения ее ближайших окрестностей и киносъемки начальных стадий хаджжа.[4] В виду неудачи первоначального плана база была перенесена в Ходейду, где участники встретили благосклонное отношение Имама Яхьи и полное содействие с его стороны работам около Ҫанʿā.[1] В связи со специальностью лиц, входивших в состав экспедиции,

1 См. JA CCXV, 1929, 141, 144. Кроме двух основных участников в состав экспедиции входила еще M-lle Apitz, étudiante en langues orientales (ibid. 141).

2 Все цифры, приводимые без пояснений, относятся к страницам работы Mordtmann-Mittwoch; те, при которых стоит номер, — к изданным в ней надписям.

3 JA CCXV, 1929, 141.

4 Ibid. 142.

основное внимание направлялось на изучение стратиграфии и тектоники южной Аравии, сбор ботанических и зоологических коллекций, ознакомление с современной культурой и экономикой Йемена. Результаты в этих областях будут опубликованы в других изданиях.[2]

Материал в книге Mordtmann-Mittwoch распределен по местностям, откуда происходят или где были найдены надписи. Главное обследование направлялось преимущественно к северу, северо-востоку и северо-западу от Ṣан'ā на километров 10—35.[3] От общего плана несколько отступает первая глава, посвященная хронологии сабейских надписей (1—10), которая является экскурсом, выросшим из всей работы; к этому вопросу авторам приходится возвращаться неоднократно и в других частях исследования. Местности, которым уделены специальные отделы, разбиты по нескольким главам: вторая посвящена ал-Гирāсу (11—57), третья концентрирует материал, который доставили Ḫāз, Бейт Гуфр, Ḫукка[4] (58—155), четвертая основана исключительно на фотографиях Burchardt'а из Вāдӣ Дахр, Ẕамāра, Хакира, Гаймāна (163—186), наконец, пятая концентрирует весь материал о надписях, находящихся в Ṣан'ā (187—242). В каждой из этих глав в первой их части до исследования надписей в отдельности делается свод данных о соответствующих местностях по арабским литературным источникам.

Особенный интерес для нас представляет глава, заключающая книгу и специально посвященная фальсификатам (243—251). С установлением регулярной связи с Йеменом все чаще начинают попадать в Союз и отдельные предметы этого рода и целые коллекции. В настоящее время в моем распоряжении кроме восьми предметов из коллекции А. И. Ступака, о которых я уже имел возможность упоминать,[5] находится семь небольших бронз и одна каменная таблица из коллекции Б. В. Голуба, тоже вывезенной из Йемена. В методологическом отношении и для анализа всяких аналогичных предметов эта глава в работе Mordtmann-Mittwoch приобретает очень важное значение. Авторами дана здесь полная история подделок, появившихся впервые в конце 60-годов (243), с должной обстоятельностью освещена та роль, которую в этом деле играл Ḫāим Ḫебшӯш (243—4),[6] упомянутый и мною.[7] В связи с этим историческим очерком дана

[1] Ibid.

[2] JA CCXV, 1929, 144.

[3] Приложенная в конце карта дает общий план этих окрестностей Ṣан'ā; в уменьшенном виде она помещена в JA CCXV, 143.

[4] Я придерживаюсь транскрипции литературной формы; в работе Mordtmann-Mittwoch иногда чувствуется непоследовательность: в оглавлении, например, на одной и той же странице V мы встречаем и Ḥuqqa и Ḥugga, Bait Ġufr и Bêit Ghor (опеч. вм. Beit Ghofr).

[5] ИАН, 1931, 451—452.

[6] Ср. еще index 267.

[7] L. cit., 450—451.

сводка всех известных до настоящего времени подделок и литературы о них. Последнюю часть главы занимает описание 14 подделок, вывезенных Rathjens — v. Wissmann (№ 175—188), и находящихся, главным образом, в передне-азиатском отделении Берлинского Музея (№ 183 и 186 принадлежат американскому инженеру Twitchell).

О степени распространенности этих подделок, представляющих однообразные рельефы с краткими надписями (изображения 176, 184, 185 и рисунок 186), говорит то обстоятельство, что совершенно аналогичные предметы встречаются в коллекциях А. И. Ступака и Б. В. Голуба, но обыкновенно с характерным отличием: берлинская коллекция дает эти рельефы на камне (245), наша на бронзе и в связи с этим в несколько меньшем размере. Тип изображения и надписи абсолютно схожи в большинстве случаев. Так № 175—178 берлинской коллекции (мужчина en face с мечом в правой руке) имеет своих двойников в обеих упомянутых коллекциях, № 184 представлен в коллекции Б. В. Голуба, № 182 — в коллекции А. И. Ступака с добавлением внизу рельефного изображения змеи (слева) и собаки (справа) с головами, обращенными друг к другу. В берлинской коллекции не упоминаются образцы представленных у нас рельефов с изображением человека с лошадью в поводу (по направлению направо) и всадника верхом на лошади (с поворотом налево). Надписи на наших рельефах иногда варьируются сравнительно с берлинскими, но всегда они представляют, как отмечает Mordtmann-Mittwoch (246), ограниченный репертуар пяти-шести слов, буквы которых комбинируются в самом фантастическом порядке то с направлением направо, то с направлением налево, иногда вверх ногами или поставленными на ребро.[1] Наши коллекции говорят с определенностью, что индустрия подделок продолжает процветать и развиваться. Авторы предполагают, что в последнем периоде «медник» уступил свое место «резчику по камню» (244), но примеры наших бронзовых табличек с ясностью показывают, что промысел медника попрежнему остается выгодным. Глава о фальсификатах послужит хорошим пособием для тех, кто пожелает отличить южно-арабские древности от современных изделий Йемена. Сторонником гиперкритики в вопросах о подлинности Mordtmann попрежнему не является и его мнение о предметах, заподозренных Derenbourg'ом, о которых я упоминал,[2] остается твердым (245). С такою же определенностью он высказывается о некоторой случайности предположений M. Hartmann'а (224), равно как и других исследователей (45, прим.).

Книга Mordtmann-Mittwoch снабжена специальным глоссарием, который регистрирует весь языковый материал надписей и служит конкордансом к ним

---

[1] Ср. мои замечания в ИАН, 1931, 452.

[2] Ibid, 451.

(252—265), а частично привлекает данные и из других надписей.[1] Также рационально составлен систематический предметный указатель (266—268), хотя в него включены только главнейшие Stichwörter. Имеется и указатель надписей, привлеченных к исследованию из других собраний и изданий, главным образом CIH (269—270). Исследование каждой надписи сопровождается прекрасным воспроизведением фотографии, если таковая имеется, копий Glaser'a и Rathjens — v. Wissmann, еврейской транскрипцией, переводом и комментарием. В тексте сабейский шрифт не применяется, вероятно в виду его отсутствия в типографии, и по обычной семитологической традиции заменяется еврейским. В книге дано пять карт: окрестностей Ṣанʿā, окрестностей Ḫыṣн З̱ӯ-Мармар (из которых происходит большинство надписей, найденных в ал-Гирāсе) с геологическим наброском, план окрестностей Ḫāза и Бейт Гуфра, план деревни и развалин Ḫуḳḳа, карта Вāдӣ Ḍахр с окрестностями. На плане Ḫуḳḳā нанесено даже нынешнее местонахождение всех надписей и открытых архитектурных деталей.

По языку все надписи относятся к сабейской группе. Значительные сомнения вызывает только № 166 (стр. 226—7), который издатели считают минейским, но другие ученые склонны видеть в нем передачу несемитического языка сабейским шрифтом.[2]

Результаты громадной работы, проделанной издателями, формулируются ими с большой скромностью в предисловии (IX); эту формулировку следует значительно расширить. Благодаря работе Mordtmann-Mittwoch входит в науку очень значительное количество inedita, связанных с экспедицией Rathjens — v. Wissmann. Число их, правда, меньше половины всего издаваемого материала (по моему подсчету около 74 номеров), не всегда вновь открываемые надписи первоклассного значения: очень часто они представляют небольшие фрагменты и простые graffiti. Наряду с этим, однако, ценно то, что из некоторых областей мы получаем надписи вообще впервые: такова, например, Ḫуḳḳа, откуда происходит около 15 надписей (№ 123—137) и восем групп graffiti (№ 138—145). Объясняется это тем, что Rathjens — v. Wissmann были первыми европейцами, которые имели возможность провести в южной Аравии систематические раскопки, хотя конечно, в ограниченном масштабе (VII); раскопки эти производились именно в Ḫуḳḳа (143—144). Результаты их будут опубликованы во втором томе трудов экспедиции,[3] куда войдет и описание архитектурных деталей, в большом количестве отмеченных на плане Ḫуḳḳа, равно как и рисунков, связанных с graffiti

[1] Кое-где в нем даны поправки и дополнения к самой работе, см. напр. 255 s. v. برث, 262 s. v. قوم и др.

[2] См. JA CCXV, 1929, 149 прим.

[3] Общие сведения об этих раскопках дал Rathjens в JA CCXV, 1929, 144, 146—148, где помещен и набросок плана раскопаннаго им храма, относящегося к эпохе около нашей эры (стр. 147).

(155). Точно также и в местности ал-Гирāс до экспедиции Rathjens—v. Wissmann был единственно только H. Burchardt (12). Относительно Ṣан'ā исследован полностью весь материал; теперь можно с уверенностью сказать, что все имеющиеся здесь надписи (количеством около 25) приведены в известность и вошли в обиход науки. Характерно, что все, даже найденные здесь in situ, завезены из других мест; самое название города до сих пор найдено только в одной надписи, происходящей из Мариба (в форме صنعو). Объясняется это вероятно тем, что город приобрел важное значение и стал играть роль столицы вместо прежних Мариба и Ẓафāра только в последний период доисламской эпохи (187—188).

Введение в обиход науки нового материала является не единственной заслугой издания; не менее важно внесение ясности в целый ряд известных уже надписей. Главное количество падает естественно на CIH, причем поправки и новая интерпретация иногда меняют совершенно картину прежнего понимания памятника. Это, конечно, отнюдь не умаляет достоинств единственного и необходимого всякому сабеисту свода, но нельзя забывать, что первый выпуск его вышел в 1887 г., когда разработка была в самом начале, а новый материал с тех пор иногда сразу освещал казавшийся тогда темным текст (XII). Крайне интересно, что при таком перекрестном анализе удалось установить место происхождения целого ряда надписей, давно уже завезенных в Ṣан'ā или попавших в европейские собрания без всяких указаний, откуда они добыты (IX). Не менее интересно, что во многих случаях оказалось возможным выяснить принадлежность к одной надписи различных кусков или фрагментов, часто происходивших из разных местностей, о единстве которых иногда не подозревали даже издатели (см. напр. 60—61 и прим.; 73, № 33—34; 199—200, № 158 и ряд других). Более резкой критике, чем CIH, подвергаются нередко работы M. Hartmann'а, главным образом, соответствующие части «Die arabische Frage» и статьи, в которых впервые публиковались надписи Burchardt'а. С замечаниями авторов нельзя не согласиться: при всех достоинствах этих работ M. Hartmann'а, часто впервые приносивших новый материал, в них почти всегда чувствуется стремление к широким, иногда не обоснованным схемам и склонность к модернизации условий, в которых развивалась южная Аравия (см. напр. 67, прим. 1; 97; 181, прим. 2 и т. д.).

Скудное количество дат в южно-арабской эпиграфике заставило издателей обратить особенное вниманиe на вопросы хронологии, и вызвало предваряющий всю работу экскурс «Хронология сабейских надписей» (1—10). Выводы его очень ценны и последующим ученым придется, вероятно, из них исходить; в частности, конец ḳатабāнского царства, который Glaser'ом и Hommel'ем относится ко 2-му веку до н. э., Hartmann'ом к 80-м годам до н. э.,[1] отодвигается на три-

[1] Ср. еще статью J. Tkatsch в Enz. d. Isl. II ,871.

два века позже (9); подтверждается этот вывод и специальными генеалогическими изысканиями (218—220). Аналогичные экскурсы, рассыпанные на всем протяжении книги, касаются не только вопросов внешней истории Йемена (см., напр., объединение данных о царе Илшараḥ Йаḥдиб, 39—41 и др.), но и целого ряда данных о его внутренней структуре, главным образом, путем терминологического анализа. В таких экскурсах подробно изучаются административные термины *кабир* и *'аḳиб* (135—137), военный *асад* (232—234), архитектурный *мвс̱б* и *мкнт* (169—170). Вообще архитектурная терминология, как всегда в южно-арабских надписях, представлена очень богато; нужно быть благодарным издателю за то, что он систематически зарегистрировал ее в Sachregister (266), но нельзя не согласиться с замечанием (208), что относительно многих терминов положение будет оставаться неясным до тех пор, пока остатки старых йеменских сооружений не будут обследованы каким-нибудь архитектором или инженером, обладающим кроме своей специальности необходимыми языковыми сведениями.

Из отдельных экскурсов останавливает внимание сводка данных о многочисленных надписях с известными словами Вадд-аб (229—230);[1] этому магическому слову, в состав которого входит имя божества Вадд, издатели придают такое же талисманическое значение, как имени демона كبيكج, которое появляется на рукописях для охраны от порчи.

Вопросам археологии и искусства в тесном смысле будет отведено место, как уже указывалось, во втором томе; однако, и здесь дан ряд очень интересных изображений (124, 235—7, 240—2), среди которых особенно любопытно находящееся теперь в Берлинском музее изображение двух прядущих женщин (124 № 94а). Попутно издатели останавливаются и на некоторых деталях орнаментировки, как, например, появлении розетки в конце отдельных надписей (26 № 6, к третьей строке).[2] О богатстве грамматического материала, который исследуется издателями passim, дает ясное представление Sachregister (267 s. v. Grammatisches и 266 s. v. Onomatologisches); не могли издатели пройти мимо разнобоя в транскрипции трех свистящих звуков, который до сих пор господствует у сабеистов (X, прим. 1).[3] С точки зрения стиля заслуживает внимания анализ приема alliterazione onomastiche (28—29, прим.), как он был назван E. Griffini (ср. еще указатель).

---

[1] Ср. мою заметку «Южно-арабский амулет», ЗВО, XXIV, 1917, 91—94.

[2] Ср. мои замечания по аналогичному поводу в ИАН, 1931, 446.

[3] В дополнение к тому, что я писал об этом в ИАН 1931, 436 и 442 интересно отметить, что даже в двух вышедших одновременно работах италианских ученых Ign. Guidi и C. Conti Rossin система транскрипции различна (ср. замечания по этому поводу C. Nallino в Oriente Moderno, XI, 1931, 396—397, прим. 2).

Издатели не склонны считать выводы своей работы окончательными во всех ее деталях. Совершенно основательно они замечают, что при нынешнем состоянии сабеистики всякое editio princeps сабейских надписей будет носить только провизорный характер (XI). На некоторые части можно смотреть лишь как на предварительную сводку материала, которая только со временем может указать путь для толкования; особенно это надо сказать о таких продуктах, как сабейские graffiti (155—162), где так же мало возможна полная дешифровка, как и в некоторых фрагментированных надписях (см., напр., 227 № 167). При полноте использования литературы отсутствие упоминания о некоторых работах объясняется, вероятно, случайностью. Говоря об истории сабейского шрифта, издатели в качестве единственного исследования по этому вопросу упоминают замечания D. H. Müller'а в работе 1883 г. (1, прим. 1); полезна синтезирующая работа A. Grohmann'а «Über den Ursprung und die Entwicklung der äthiopischen Schrift»,[1] где даны очень ценные соображения и о сабейском шрифте с рядом интересных таблиц. На страницах, где идет речь о сведениях классических авторов о южной Аравии (особенно 7—8), хотелось бы видеть упоминание о статьях J. Tkatsch, независимо от отношения к его выводам.

Отдельные замечания в связи с текстом будут даны, вероятно, со временем специалистами при детальном монографическом изучении.[2] Они не могут быть предметом общей заметки, которая ставит себе задачей познакомить с новым приращением сабейского материала. Издание его дано в такой форме, которое делает возможной его обработку с самых разнообразных точек зрения. В области южно-арабской эпиграфики книга Mordtmann-Mittwoch является крупным событием за 1931 г. и надо радоваться, что результаты экспедиции Rathjens—v. Wissmann в этой области так быстро введены в обиход науки в прекрасном издании.[3]

Л., Май 1932.

* * *

Дополнение (1 января 1934 г.). Настоящая статья была сдана в редакцию в конце мая 1932 г. Вскоре после этого, 4 июля 1932 г., скончался нестор европейской сабеистики J. H. Mordtmann (см. некролог и библиографию его

[1] Archiv für Schriftkunde, Jahrgang 1, Leipzig, 1918, 57—87.

[2] Сомнительным мне кажется собственное имя Рамх̣ан — رمحن в первой строке надписи № 5 (стр. 24—25, ср. указатель 263); авторы отмечают, что не только оно, но и самый корень до сих пор в надписях не зарегистрирован и сопоставляют его с ذو الرمحين хымьяритской касыды. Между тем в копии Rathjens — v. Wissmann определенно читается ربحن (с ب, а не م): не может ли это имя стоять в связи с собственным именем رتع которое указывает на основании надписей в словаре к хрестоматии Conti Rossini (236)?

[3] Одним из участников экспедиции H. v. Wissmann'ом впоследствии было совершено путешествие по Хадрамауту совместно с D. Van der Meulen'ом; результаты его были намечены к опубликованию фондом De Goeje в Лейдене (см. ZDMG LXXXV, 1931, 399) и вышли в свет в 1932 г. (Hadramaut. Some of its mysteries unveiled, Leyden 1932).

работ, опубликованную F. Babinger'ом в MSOS XXXV, 1932, 1—16). Благодаря энергии его сотрудника за последние годы E. Mittwoch'а удалось выпустить в свет несколько совместных работ; одна из них посвящена полному изданию сабейских надписей в государственных музеях Берлина (Himjarische Inschriften in den staatlichen Museen zu Berlin bearbeitet von J. H. Merdtmann und E. Mittwoch, Leipzig 1932 = Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft, 37. Band, 1. Heft), другая — надписями из Хадрамаута и Адена, скопированным или эстампированным H. v. Wissmann'ом в 1931 г. (Altsüdarabische Inschriften von J. H. Mordtmann u. Eugen Mittwoch, Romae 1933 = Orientalia 1932, Heft 1—3 und 1933, Heft 1). Появился за это время и второй том, посвященный экспедиции, о которой идет речь в моей статье (Vorislamische Altertümer von Carl Rathjens und Hermann v. Wissmann, Hamburg, 1932); появился и ряд монографий наиболее деятельной австрийской школы, в которой наряду с ее руководителем N. Rhodokanakis'ом (напр. Altsabäische Texte II. WZKM XXXIX, 173—226) встречаются и новые имена его учеников (напр. Maria Höfer, Die sabäischen Inschriften der südarabischen Expedition im Kunsthistorischen Museum in Wien (I), WZKM XL, 1—36). Работа по сабеистике вступила в период несомненнаго оживления.

А. И. Востриков

К БИБЛИОГРАФИИ ТИБЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Несколько критических замечаний на работу: A Contribution to the Bibliography of Tibet. By Johan van Manen. Asiatic Society of Bengal. Journal and Proceedings (New Series), vol XVIII, 1922, № 8, pp. 445—525 (issued 16th November 1923)

Библиография тибетской литературы — дело очень трудное и сложное в виду тех крайне ограниченных познаний, которыми мы располагаем в этой области. Если оставить в стороне བཀའ་འགྱུར и བསྟན་འགྱུར, на описание и изучение которых было положено немало труда и знаний,[1] но которые, будучи

[1] Достаточно вспомнить такую первоклассную работу как «Index du Bstan-ḥgyur» par P. Cordier (Catalogue du fonds tibétaine de la Bibliothèque Nationale, IIme et IIIme Partie, Paris 1909—1915), каталог H. Beckh'а—(«Verzeichniss der tibetischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin» von D-r Hermann Beckh, I Abt. Kanjur (Bkaḥ-ḥgyur), Berlin 1914), старую работу Csoma de Körös— «Analysis of the Kanjur and Tanjur» (в «Asiatic Researches» vol. XX, Calcutta, 1836) и ее усовершенствованный перевод L. Feer'а (в «Annales du Musée Guimet», vol. II, Paris 1881), труды Schmidt'а, Schiefner'а, Laufer'а и других ученых. Усилиями ряда ученых, — акад. Ф. И. Щербатского, Prof. L. de la Vallée Poussin'а и других, — немалое число тибетских текстов, заключающихся в этих двух собраниях, издано, переведено и исследовано.

собраниями переводных произведений, при всех своих огромных размерах и большом значении, не дают и не могут дать представления об оригинальной тибетской литературе, то придется признать, что обширнейшее море собственно тибетской литературы остается до сих пор нам почти совершенно неизвестным. Я не хочу сказать этим, что не было вовсе изучения отдельных памятников ее. Можно было бы назвать целый ряд первоклассных изданий текстов, хороших переводов и исследований, но всего этого еще очень мало по сравнению с массой неизученных и часто даже по названию нам неизвестных тибетских сочинений. И нередко самая тема исследования, самый объект издания или перевода обнаруживает еще недостаточное знакомство исследователей со всем богатством наличных материалов в данной области, отсутствие правильной перспективы в деле сравнительной оценки и выбора памятников, достойных опубликования, свидетельствует о затрате сил и труда на опубликование первых попавшихся и далеко не полноценных произведений, которые такой затраты не заслуживают.[1]

Я уже не говорю о том, что значительная часть исследований в области тибетской литературы еще не вышла из стадии первоначального, формально-филологического изучения ее, изучения, вырывающего литературные явления из конкретной исторической действительности и лишающего их внутреннего и, самое главное, общественного, классового содержания. Такое положение вещей придает особую важность работам по библиографии тибетской литературы, как единственному средству привести в известность, хотя бы в самых общих чертах, наличное богатство ее и тем самым обеспечить в дальнейшем возможность сколько-нибудь систематического ее изучения. Но, вместе с тем, оно же

---

[1] В качестве примера затраты большого труда на изучение памятников, недостаточно ценных, можно сослаться хотя бы на недавнюю, и, в общем, прекрасно *сделанную* работу Prof. J. Bacot — «Une grammaire tibétaine du tibétaine classique; Les šlokas grammaticaux de Thon-mi-sam-bho-ta avec leur commentaires», trad. du tibétain et annoté par J. Bacot. Annales du Musée Guimet, Bibliothèque d'Etude, tome 37, Paris 1928. Основу этой работы составляет не коротенькое сочинение Thonmi Sambhota'ы, которое уже издавалось, а комментарий к нему. Но как раз этот самый комментарий, воспроизведенный в книге J. Bacot с большим искусством фототипически, напечатанный тибетским шрифтом и в латинской транскрипции и переведенный, не заслуживал того, чтобы тратить на него столько усилий. Это самый рядовой, самый обычный комментарий на སུམ་རྟགས་, каких сотни в Тибете, простая и к тому же анонимная компиляция, извлечение, сделанное из грамматики, составленной སི་ཏུ и примечаний к ней མཁས་གྲུབ་དམ་པ. Тратить на издание такого рядового компилятивного произведения столько труда, когда крупнейшие грамматические работы тибетцев, как грамматика знаменитого པྟི་རིན་ཆེན་དོན་གྲུབ, составляющая целую школу, с которой на всем протяжении своего сочинения полемизирует སི་ཏུ་, как интереснейшая по совершенно новой форме изложения грамммтика известного བསྟན་དར་ ལྷ་རམས་པ་ и другие важные и интересные вещи еще не опубликованы и не изучены, по меньшей мере странно. Между тем проф. Бако о большинстве важнейших тибетских грамматических работ даже не упоминает.

ставит и целый ряд трудностей в самой библиографической работе, осложняет и замедляет ее и, прежде всего, мешает поставить эту работу с надлежащей полнотой. Волей или неволей, но библиографическая работа в области тибетской литературы вынуждена свестись, и практически сводилась до сих пор, к более или менее тщательному и подробному описанию тибетских ксилографов и рукописей, имеющихся в различных научных собраниях. К сожалению, и эта работа, если опять-таки не считать описаний བཀའ་འགྱུར"а и བསྟན་འགྱུར"а, находится, пока что, в зачаточном состоянии и исчерпывается несколькими более или менее несовершенными и неполными списками отдельных коллекций.[1]

Повидимому, неполнота и случайность самих этих коллекций, отсутствие какой бы то ни было системы в их составлении, а, может быть, также и трудность их обработки, в связи с общей неизученностью тибетской литературы, расхолаживающе действуют на длительное и кропотливое занятие их подробным научным описанием. Но, казалось бы, иного выхода нет, поскольку возможность научного изучения тибетской литературы на месте, непосредственно в самом Тибете, в настоящее время исключена. И в интересах самой науки и в интересах дальнейшего пополнения наших фондов необходимо прежде всего подвести итог тому, что у нас уже имеется.

---

[1] Перечень важнейших списков дан Prof. F. W. Thomas'ом в его меморандуме Индийскому правительству от 18 янв. 1904 г. о важности разыскания тибетской литературы в связи с предполагавшейся экспедицией в Тибет. Еще более полный перечень см. у д-ра ван Манена, в цитированной работе. В большинстве своем это простые инвентарные списки. Особняком стоят лишь работы акад. В. П. Васильева, Чома де Кёрёса и меморандум проф. Томаса, дающие классификацию и известный подбор материала. Меморандум Томаса интересен как первая и единственная попытка подытожить данные различных каталогов о тибетских книгах по истории, монастырским хроникам, биографиям, фольклору и светской литературе. К сожалению, эта очень ценная и нужная работа страдает от несовершенства каталогов, на которых она основана, воспроизводя допущенные в них ошибки. Так, например, весь его список монастырских анналов, составленный по данным «Verzeichniss d. tibet. Handschr. und Holzdrucke im Asiat. Museum» von Schmidt und Böhtlingk, представляет на самом деле перечень не анналов, а б о г о с л у ж е б н о й л и т е р а т у р ы, а № 5—9 обозначают собственно сборники песнопений (རབ་གསལ་), читаемых в храмах. Сборники эти различны в разных монастырях, и в списке, приведенном Томасом, указаны п я т ь р а з н ы х с б о р н и к о в п е с н о п е н и й, принятых в пяти различных б у р я т о - м о н г о л ь с к и х дацанах (названных, как полагается, своим собственным тибетским именем), а вовсе не истории тибетских монастырей. Равным образом полностью воспроизведена ошибка или опечатка Verzeichniss'а в написании слова དེ་པུ་ཏད་(написано དེ་པུ་ཏར་) и самое слово осталось не понято. На самом деле это слово есть ничто иное, как написанное тибетскими буквами слово «депутат» — звание, которое носил Бандида Хамбо бурят-монгольского буддийского духовенства Дамбадаржа Заягийн (или Заяев), в качестве депутата от бурят-монголов в Екатерининскую комиссию по составлению Нового Уложения 1766 г. Указанная рукопись представляет его коротенькое повествование — «Слово» о самом себе и о постройке первого в Бурят-Монголии дацана, Цонгольского, которому в честь известного тибетского монастыря присвоено название དཔལ་ལྡན་འབྲས་སྤུངས་གླིང་

Экземпляр меморандума проф. Томаса имеется в библиотеке Института востоковедения Академии Наук СССР.

Однако, оттого ли, что самое подробное научное описание наших далеко не полных и в значительной мере случайно набранных коллекций не может дать достаточный материал для суждения о тибетской литературе в целом, и даже этот недостаточный материал может дать не сразу, оттого ли, что такое описание требует согласных усилий разных лиц и организаций, владеющих этими коллекциями, и вообще не так легко осуществимо, или по каким другим причинам, но у некоторых исследователей возникает стремление ускорить разработку тибетской библиографии, не останавливаясь перед приемами, не совсем обычными в библиографическом деле. Продуктом и выражением такого рода стремления может считаться статья Dr. Johan van Manen'a «A Contribution to the Bibliography of Tibet». Несмотря на то, что эта статья появилась еще в 1923 г. и интересна как попытка выйти из узких рамок, предоставленных простой каталогизацией, она до сих пор не получила надлежащей оценки.

Основная особенность этой работы, делающая ее единственным явлением в своем роде, заключается в том, что, отказавшись от простой каталогизации наличных материалов тибетской литературы, так же как и от суммирования и классификции данных имеющихся каталогов, д-р ван Манен отказался, вместе с тем, и от общепринятого правила научной библиографии описывать сочинения, сколько-нибудь описателю известные, и решился пополнить наши библиографические представления заочным, так сказать, путем, именно путем запроса из Тибета сведений о существующей там литературе.

Самое лучшее было бы для расширения наших библиографических познаний в области тибетской литературы обратиться, конечно, к библиографическим работам самих тибетцев. Тем более, что существуют и специальные тибетские работы по библиографии и указатели литературы по определенному вопросу внутри некоторых тибетских сочинений.[1]

---

[1] В качестве примера можно указать на неоднократно цитируемое мною ниже сочинение བཀའ་གདམས་པ་དང་དགེ་ལུགས་བླ་མ་རགས་རིམ་གྱི་གསུང་འབུམ་མཚན་ཐོ་ («Грубый перечень названий сочинений лам сект Гадамба и Гелугба») составленное ཀློང་རྡོལ་བླ་མ་ངག་དབང་བློ་བཟང་'ом (род. 1719 г.) и входящее в его གསུང་འབུམ་ (25-я книга (ར), 65 лл.). Очень важная и интересная библиографическая работа, дающая перечень произведений, входящих в разные «собрания сочинений» и произведений, являющихся основными учебниками разных школ. Затем можно указать на сочинение དཔེ་རྒྱུན་དཀོན་པ་འགའ་ཞིག་གི་ཐོ་ཡིག་ («Список некоторых редких книг»), составленное ཨ་ཁུ་རིན་པོ་ཆེ་ཤེས་རབ་རྒྱ་མཚོ་ (1803—1875), и на ряд других работ. Некоторые из них указаны в работе Б. Барадийна: Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране, Ленинград, 1924 (Bibliotheca Buddhica, XXII).

Но, к сожалению, д-ру ван Манену известно о них только то, что «perhaps they exist».[1]

Все его конкретные сведения в этой области исчерпываются одной единственной ссылкой на каталог Шмидта и Бетлингка, в котором под № 446—456 значится: སློབ་དཔོན་བཤད་སྒྲུབ་མིང་ཅན་གྱིས་བརྩམས་པའི་དཔེ་ཐོ་རིན་ཆེན་འབྱུང་གནས།། «Das von dem Lehrer Schad-dub-ming-tschan (?! A.B.) verfasste Bücherverzeichniss, (genannt) die Fundgrube von Kleinodien». Elf Bände.[2]

Но вся беда в том, что даже это единственное сведение д-ра ван Манена обязано своим существованием элементарной ошибке, допущенной в цитированном месте, в котором за название сочинения принято название **оглавления**, приложенного к нему. Само сочинение — это полное собрание сочинений (གསུང་འབུམ་) известного ученого ламы གྲགས་པ་བཤད་སྒྲུབ་ из монастыря в ཅོ་ནེ (или ཅོ་ནི). По общему правилу всякий གསུང་འབུམ་, как таковой, не имеет специального титульного листа ни для всего его в целом, ни для отдельных его томов, а представляет собою собрание отдельных сочинений, имеющих обычно свою пагинацию и связанных друг с другом только буквенным обозначением тома (рядом с номером листа). Но ко всему собранию в целом, или, чаще, к каждому его тому прилагается оглавление, перечисляющее сочинения, входящие в данное собрание или в данный том (если оглавления прилагаются к каждому тому) и указывающее число листов в них. Оглавления эти носят обычно свои наименования и таким-то наименованием и является название སློབ་དཔོན་བཤད་སྒྲུབ་མིང་ཅན་གྱིས་བརྩམས་པའི་དཔེ་ཐོ་རིན་ཆེན་··· འབྱུང་གནས།, которое буквально означает: «Месторождение драгоценностей. — Перечень книг, сочиненных учителем по имени བཤད་སྒྲུབ་». Любопытно, что в том же самом каталоге, на который ссылается д-р ван Манен, под № 312—322 значится второй экземпляр этого же самого собрания сочинений. И хотя и в этом случае оно приводится под названием своего оглавления, приведенным выше, однако, наличие написанного позже на обложке титула ཅོ་ནེའི་གྲགས་པ་བཤད་སྒྲུབ་ཀྱི་གསུང་འབུམ་ помогло авторам каталога, отказавшись от буквального перевода названия оглавления, правильно определить самые книги, как «die von dem Hauptlehrer, Namens Schad-dub verfasste Schriftensammlung». К сожалению, д-р ван Манен не обратил внимания на бросающееся в глаза совпадение этих двух мест в каталоге и, поверив явной ошибке, принял за библиографическую

---

[1] Op. cit., стр. 449.

[2] Verzeichniss der tibetischen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, verfasst von I. J. Schmidt und O. Böhtlingk (Bulletin historico-philologique de l'Académie impériale des Sciences de St-Pétersbourg, T. IV, №№ 6, 7, 8).

работу самое простое оглавление. Настоящие же библиографические работы ему совершенно неизвестны.

Не лучше обстояло дело и со сведениями д-ра ван Манена по части официальных каталогов тибетских ксилографохранилищ и печатен (так наз. པར или དཔར). Лишь в процессе завершения своей работы он получил возможность познакомиться с двумя из них, а до того все сведения его исчерпывались ссылкой на упоминаемый в списке коллекции Сарат Чандра Даса каталог དགའ་ལྡན་ཕུན་ཚོགས་གླིང་གི་པར་ཐོ།

При таких условиях немудрено, что д-р ван Манен, желая расширить наши библиографические познания о тибетской литературе, решился прибегнуть к такому странному средству, как заказать составить в Тибете списки находящихся там в обращении сочинений. Сама по себе попытка запросить из Тибета те или иные библиографические сведения дело не новое. Еще в 1901 г. Dr. Emil Schlagintweit при содействии W. W. Rockhill'a и Sarat Chandra Das'a обратился с письмом непосредственно к самому Далай-ламе с просьбой сообщить списки древних индийских рукописей, имеющихся в библиотеках тибетских монастырей. Попытка эта ни к чему не привела. Письмо было при помощи послов США и Германии вручено в 1902 г. китайским властям для отправки в Тибет и было туда последними направлено, но на этом дело и кончилось.[1] И д-р ван Манен до известной степени прав, говоря, что «its legacy is a rather amusing and prolific description of the attempt, together with all documentary material connected with it, which Schlagintweit publisched in Munich in 1904, and which is a very serious report concerning a more or less comic episode in the progress of Tibetan studies».[2]

Однако, эта строгая оценка попытки Шлагинтвейта не помешала д-ру ван Манену самому повторить ее, хотя и с иными задачами и в иной форме — «in a more unambitious and unofficial manner», как он сам говорит. Д-р ван Манен просто обратился к одному своему знакомому ламе, возвращавшемуся в Тибет из паломничества в Индию, с просьбой доставить ему при следующем своем приезде в Индию сведения, но на этот раз не о санскритских рукописях, а о тибетской литературе, имеющейся в Тибете, объяснив ему при этом требования научной библиографии.[3] Через шесть месяцев д-р ван Манен получил

[1] Об этой попытке см. «Bericht über eine Adresse an den Dalai Lama in Lhasa (1902) zur Erlangung von Bücherverzeichnissen aus den dortigen buddhistischen Klöstern» von Emil Schlagintweit. (Abhandlungen der philosophisch-philologischen Klasse der König. Bayerischen Akademie der Wissenschaften, XX Bd., München, 1905). В отчете приведены и английский и тибетский тексты письма и вся переписка по этому поводу.

[2] Op. cit., стр. 446.

[3] Там же, стр. 447.

заказанные им списки. Но весь вопрос в том, что он получил и на что он, собственно говоря, рассчитывал?

Когда Шлагинтвейт и Рокхилл[1] обращались со своим письмом к Далай-ламе, они рассчитывали получить сведения о санскритских рукописях, которые в Индии, повидимому, утрачены, а в Тибете, где велась на протяжении веков интенсивная переводческая работа, могли сохраниться, как сохранились в Японии, в Непале и т. д.; т. е. рассчитывали получить прежде всего сведения о возможном местонахождении памятников, известных науке (по переводам или цитатам), но только до сих пор не найденных, и их попытка может заслуживать упрек только со стороны манеры, с которой она была сделана.[2]

Иначе дело обстоит с попыткой д-ра ван Манена. Его притязания, как он сам говорит, «not going so far as to expect any concerning sanscrit texts probably still extant in Tibet».[3] Его интересовали сведения о тибетской литературе и при том о такой, которая вообще имеет хождение в Тибете. Но к чему такое расплывчатое намерение могло привести? Ведь в той мере, в которой заказанные им списки представили бы ему перечень произведений, нам уже известных, они становились бы совершенно бесполезными, поскольку сами произведения находятся в наших руках и поскольку задачу розыска известных, но утраченных текстов д-р ван Манен не ставил и не мог ставить. Что же касается перечня сочинений, нам еще неизвестных, то, что, собственно говоря, д-р ван Манен намеревался делать с голым перечнем названий, который никому и ничего не говорит и разве только воочию показывает, что в Тибете есть немало сочинений, о которых мы ничего не знаем?

Для того, чтобы списки тибетской литературы, заказанные д-ром ван Маненом, отвечали своему прямому назначению, т. е. содействовали расширению наших познаний в области тибетской библиографии, они должны были бы отвечать трем элементарным требованиям: 1) они должны удовлетворять хотя бы самым основным правилам библиографии, дабы обеспечить в дальнейшем возможность идентификации приведенных в них названий книг с самими книгами, 2) они должны хоть сколько-нибудь исчерпывать действительное богатство литературы, пусть даже в какой-нибудь одной узкой области и 3) их достоверность должна быть так или иначе обоснована. Наконец, необходимо, чтобы материал, данный этими списками, был как-то классифицирован по видам и отраслям литературы и комментирован в интересах показа содержания помечен-

---

[1] Адрес Далай-ламе был написан от имени обоих ученых (см. «Bericht», стр. 666 и обе таблицы).

[2] Вначале была даже мысль послать адрес от имени германского кайзера (см. «Bericht», стр. 664 и сл).

[3] Op. cit., стр. 446.

ных в них произведений. Уже простой перечень этих требований показывает, что д-р ван Манен возложил и на себя и на своих агентов задачу не по силам. Действительность это подтверждает.

Д-р ван Манен получил два списка тибетских книг и ни один из них не удовлетворяет ни одному из поставленных выше требований. Еще первый список представляет какую-то попытку дать перечень литературы по издательствам, в которых она печатается. Второй же представляет собой простой перечень названий, наполовину сопровождаемый цифровым обозначением количества листов, а наполовину даже и без этого.

Прежде всего списки эти не отвечают самым элементарным требованиям библиографии, что признает и сам ван Манен.[1] Хуже того, списки эти представляют даже не голый перечень собственных названий книг, а голый перечень тех условных кратких кличек, под которыми данные книги известны в ламской среде и которые очень часто вовсе не похожи на длинные и цветистые титулы самих книг. Отсюда неизбежно вытекает требование их расшифровки.

Авторы сочинений указываются в списках (за редкими исключениями) только там, где условное прозвище книги служит родовым обозначением целой отрасли литературы и имя автора играет роль известной спецификации. Так, имена авторов упоминаются при указании полных собраний сочинений (གསུང་འབུམ་), биографий (རྣམ་ཐར་) или целых областей литературы, как грамматические сочинения (སུམ་རྟགས་ и སྒྲ་), учебники (по дисциплинам བསྡུས་གྲྭ་ ; མཛོད་ и т. д.), богословские и богослужебные сборники, мистическая литература (по дисциплинам བསྐྱེད་རྫོགས་ и т. д.). Но и это наблюдается не всегда и иногда одно и то же общее родовое название имеет авторскую спецификацию, а иногда нет.[2] Кроме того для краткости и сами имена авторов частью заменены их условными прозвищами, названиями монастырей и т. п. И, наоборот, иногда приводятся имена авторов, без обозначения сочинений.[3]

Никакого порядка в расположении материала нет и в помине, если не считать попытку, данную в одном из списков, перечислять книги по месту их печатания.

Затем, списки эти не только не исчерпывают действительное богатство тибетской литературы, даже в одной какой-нибудь узкой области, но вообще представляют собой бессистемный набор первых попавшихся названий книг, начиная с собраний сочинений и кончая богослужебными сборниками, школьными учебниками, трактатами по медицине, астрономии и т. д. В списках приведены

---

1 Op. cit., стр. 448.

2 Op. cit., Index to titles, №№ 184 и 211, 202 и 203, 12 и 32 и т. п.

3 Там же №№ 74, 98, 99, 135, 189 и т. п.

названия книг из разных областей и форм литературы, но ни одна область или род литературы не представлены со сколько-нибудь исчерпывающей полнотой.

В списках упоминаются некоторые གསུང་འབུམ་'ы, но среди них мы не находим таких, более чем распространенных и высокопочитаемых собраний сочинений, как ཙོང་ཁ་པ་བློ་བཟང་གྲགས་པའི་གསུང་འབུམ།, རྒྱལ་ཚབ་དར་མ་རིན་ཆེན་གྱི་གསུང་འབུམ། и མཁས་གྲུབ་དགེ་ལེགས་དཔལ་བཟང་པོའི་གསུང་འབུམ།. Нет ни собраний сочинений, разных པཎ་ཆེན་རིན་པོ་ཆེ་, ни знаменитого ཏཱ་རཱ་ནཱ་ཐའི་གསུང་འབུམ་, ни других известнейших собраний сочинений, не менее распространенных и почитаемых, чем те, которые упомянуты в списках. Изо всех сочинений རྒྱལ་ཚབ་ приводится почему-то вдруг только одно и притом не самое важное,[1] то же и из сочинений བུ་སྟོན་རིན་ཆེན་གྲུབ་'а[2] ཏཱ་རཱ་ནཱ་ཐ་'ы[3] и т. д. и т. п.

Первый список перечисляет, между прочим, издания монастыря འབྲས་སྤུངས་. Но, сам д-р ван Манен удостоверяет, что в каталоге འབྲས་སྤུངས་ཀྱི་པར་ཁང་ཆེན་པོ་ значится 285 названий, между тем как в список попало только 14, а изо всех изданий этого монастыря — 46.[4] Изо всей огромной исторической литературы перечислены только пять сочинений. За бортом остались такие важнейшие произведения, как история བུ་སྟོན་'а, как དེབ་ཐེར་སྔོན་པོ་, не говоря уже о целой массе других.[5] Такая же картина и с грамматическими и с медицинскими, и с астрономическими сочинениями.[6]

Обширнейшая учебная литература вообще представлена какими-то бессистемными обрывками. Ряд дисциплин (བསམ་གཟུགས། རྟེན་འབྲེལ། དགེ་འདུན་ཉེ་སྒྲུ་)

---

[1] Там же, № 55.

[2] Там же, № 147.

[3] Там же, № 208 и, повидимому, № 48.

[4] Ср. op. cit., стр. 475 и сл. и стр. 525

[5] Ср. длиннейший перечень исторической и библиографической литературы, данный в сочинении по истории Амдо — ཡུལ་མདོ་སྨད་ཀྱི་ལྗོངས་སུ་ཐུབ་བསྟན་རིན་པོ་ཆེ་ཇི་ལྟར་དར་བའི་ཚུལ་གསལ་བར་བརྗོད་པ་དེབ་ཐེར་རྒྱ་མཚོ་, называемом кратко དེབ་ཐེར་རྒྱ་མཚོ་, составленном བྲག་དགོན་ཞབས་དྲུང་དཀོན་མཆོག་བསྟན་པ་རབ་རྒྱས་ в 1833 г.; перечень, занимающий в 1-й части этого сочинения (всего в нем 3 части) — 15 тибетских листов (от л. 4 recto, строка 6 по л. 19 recto, строка 4).

[6] Мне пришлось видеть специальный список тибетских медицинских произведений, составленный в одном из монастырей Монголии. В нем 298 названий. Астрономическая литература тоже очень велика.

вовсе не представлен, по другим приведены только некоторые и, иногда, не первостатейные пособия.[1]

Неизвестно по какой причине из числа каталогов тибетских печатен в списки попал только один ཕོ་བྲང་པར་ཐོ་. Наряду с этим некоторые сочинения упоминаются в списках по два и по три раза. Больший беспорядок и хаос самых случайных названий трудно даже себе представить.

Наконец, сам д-р ван Манен[2] признается, что ему даже неизвестно, кто, собственно, был автором полученных им списков и какие источники легли в их основу. Более того, он сам высказывает догадку, что это могли быть просто книготорговцы, которые составляли эти списки по памяти, под диктовку, а вовсе не на основе самих книг. Д-р ван Манен сам признает, что эти неизвестные авторы были не очень ученые люди, поскольку списки грешат против правил тибетской орфографии, путая одинаково или похоже звучащие, но разно пишущиеся и имеющие различное значение слова. Вместо འདུལ་བ་ пишут འདུ་བ་; вместо བདེ་ — སྡེ་; вместо གཞི་ — ཞི་ и т. д. и т. п.

При таком характере этих списков, естественнее всего было бы ожидать, что д-р ван Манен признает свою попытку не удавшейся и употребит эти списки для своих внутренних нужд — хотя бы для того, скажем, чтобы попытаться достать из Тибета через то лицо, которое ему их доставило, перечисленные в них произведения. Это было бы единственно правильное применение, которое эти списки могут иметь.

Однако, д-р ван Манен рассудил иначе. Вопреки всей очевидности он пытается отстоять ценность своих списков и считает необходимым издать их как материал, дающий, якобы, новые данные о тибетской литературе и рисующий «a picture of the literature affected by the modern Tibetan intelligentzia».[3]

Каким образом полуграмотный набор первых попавшихся названий книг может нам дать представление о литературе, излюбленной современной тибетской «интеллигенцией» и что это за «интеллигенция» — ведомо одному д-ру ван Манену. Но каждому ясно, что, взявшись за издание своих списков, д-р ван Манен возложил тем самым на свои плечи тяжелую и неблагодарную задачу расшифровки и комментирования условных обозначений, данных в этих списках.

Однако, для того, чтобы определить какое условное название какому подлинному названию книги соответствует, надо иметь по меньшей мере широкую

---

[1] Для того, чтобы получить представление об одних только обязательных учебниках, принятых в разных школах, см. указанное выше сочинение ཀློང་རྡོལ་བླ་མ་'ы (см. выше стр. 22, прим. 1).

[2] Op. cit., стр. 448.

[3] Там же.

начитанность в тибетской литературе и очень серьезный навык в области тибетской книжной традиции, потому что, как я уже упоминал, между кратким условным обозначением и длинным и витиеватым названием самой книги нередко очень мало общего. Но ни у д-ра ван Манена, ни у его безымянных информаторов, на которых он ссылается, такого навыка, повидимому, не было, и потому издаваемые им списки превратились для него самого в головоломнейший и неразрешимый ребус. И хотя его списки более чем на девять десятых говорят о книгах, давно уже известных, занесенных в наши каталоги, а иногда даже изданных, переведенных и изученных, д-р ван Манен тщетно бьется над тем, чтобы понять, какие книги скрываются под теми или иными обозначениями в его списке и, конечно, впадает в самые невероятные ошибки, высказывает самые фантастические предположения.

Я приведу некоторые из его примечаний, не опуская в них ни одного слова, для того, чтобы показать, какую непосильную задачу задал себе д-р ван Манен и для того, чтобы, попутно, исправить хотя бы самые грубые ошибки.

Поскольку порядок названий, данный самим д-ром ван Маненом в его индексе чисто внешний (механическое расположение по алфавиту названий в том виде как они даны в списках, вне зависимости от того, начинаются ли они с имени автора, с названия сочинения и т. д.), а сами списки вобще никакого порядка не придерживаются, я позволю себе также в своих цитатах никакого особого порядка не соблюдать. Тем более, что в каждой цитате цифра перед тибетским названием обозначает порядковый номер алфавитного индекса д-ра ван Манена,а цифры в скобках после названия — порядковый номер этого названия в тибетских списках.[1]

«92. ཇེ་ཐང་དུས་ཆོགས་ (167). Discourse (ཆོགས་) on the occasion (དུས་) of the exhibition of the scroll (or banner, ཐང་ཀ་) on the Sundays. Refers to a custom in both Lhasa and Tashilhünpo to exhibit newly painted thankas on Sundays, to the Dalai and Tashi Lamas». Более неверную интерпретацию трудно себе представить. Д-р ван Манен очевидно не знает, что в трактатах по Vinaya (འདུལ་བ་) имеется особый отдел или вернее особый экскурс, посвященный рассмотрению вопроса о времясчислении, о календаре — о начале года, о различных делениях года на сезоны и т. д., в связи с установлением покаянных дней и т. п. Этот особый экскурс и называется དུས་ཆོགས་ или более полно དུས་ཆོགས་རྣམ་བཞག་.[2] Толкованию его посвя-

[1] Op. cit. Index to titles. With translation and notes, стр. 489—523.

[2] Краткое изложение его дано в сочинении ཀློང་རྡོལ་བླ་མ་'ы, называющемся: ནད་རིག་པ་འདུལ་བའི་སྡེ་སྣོད་ལས་བྱུང་བའི་དོན་བསྡུ་མིང་གི་གྲངས་ — «Терминология Винаи», составляющем 19-ю книжку (ན་) в его གསུང་འབུམ་. См лист 22 verso, строка 2-я и сл.

щена целая литература в Тибете. Он входит в качестве особого предмета в программу обучения в дацанской школе при прохождении курса འདུལ་བ་. И одним из наиболее известных и распространенных сочинений, посвященных его изложению и является данное сочинение. Слово ཉི་ཐང་ (иначе ཉེ་མ་ཐང་, иначе སྙི་ཐང་) означает собою название местности, точнее монастыря, одного из целой плеяды их, входящих в так называемый སྟོད་གླིང་ обители གསང་ཕུ་.[1] Но в данном случае ཉི་ཐང་ есть сокращение от ཉི་མ་ཐང་པ་, т. е. «Нитанский», «Нитанец»—прозвище автора книги, ламы из монастыря ཉི་ཐང་ по имени ཤེས་རབ་སྒྲིན་པ་. «ཉི་ཐང་དུས་ཚིགས་», в целом—сокращенное наименование трактата, полное название которого — ལུང་དང་རིགས་པའི་གཏེར་ཆེན་པོ་ལེགས་པར་བཤད་པའི་དུས་ཚིགས་གསལ་བར་བྱེད་པའི་ཉི་མ་ཞེས་བྱ་བ།.

В Отделе рукописной книги и документа Института востоковедения Академии Наук СССР и у меня самого имеется ксилограф этого сочинения, напечатанный в Агинском дацане (བདེ་ཆེན་ལྷུན་གྲུབ་གླིང་) в БМАССР. В сочинении 71 л. обычного «длинного» формата. В каталоге изданий Агинского дацана[2] оно значится под заглавием: མཁས་པའི་དབང་པོ་ཉི་མ་ཐང་ཤེས་རབ་སྒྲིན་པས་མཛད་པའི་དུས་ཚིགས།[3]

«56. རྒྱུད་བླ་ཐོགས་འགྲེལ་ (169). Commentary on the obstructions of the Tantric Lamas? (Very doubtful, but so according to oral information)».

Кто мог дать подобного рода чудовищную информацию, мне неизвестно, но, что познания этого информатора даже в области самой известной канонической литературы заслуживают, по меньшей мере, подозрения, это совершенно несомненно. Человек, действительно знакомый с тибетской литературой, не может не знать, что такое རྒྱུད་བླ་ཐོགས་འགྲེལ་,

---

[1] См. соч. བསྟན་འཛིན་གྱི་སྐྱེས་བུ་རྒྱ་དང་བོད་དུ་བྱུང་བའི་མིང་གི་གྲངས་ того же ཀློང་རྡོལ་བླ་མ་ л. 4 recto, строка 4. Сочинение это составляет 22-ю (ཟ་) книжку его полного собрания.

[2] Название каталога печатни Агинского дацана, на который не раз придется ссылаться следующее: བྱང་ཕྱོགས་ཀྱི་ཨ་ཀོའི་དགོན་སྡེ་ཆེན་པོ་བདེ་ཆེན་ལྷུན་གྲུབ་གླིང་འདིར་བཞུགས་པའི་དཔར་གྱི་ཐོ་ཡིག། Каталог делится на 4 части: 1) книги «длиной печати» (རིང་གི་གྲས་), 2) «средней» དཔར་འབྲིང་, 3) «короткой»—དཔར་ཐུང་ и 4) «ультра короткой» ཤིན་ཏུ་སྣ་ཐུང་||.

[3] См. указанный каталог, отд. དཔར་རིང་གི་གྲས་, лист 6 verso, строка 6.

потому что это есть самое ходовое, самое употребительное краткое наименование известнейшего комментария Āryāsaṅga'и (по-тиб. འཕགས་པ་ཐོགས་མེད་ сокр. — ཐོགས་མེད་ = Āsaṅga) на одно из наиболее чтимых ламаитами произведений, именно на Uttaratantra (རྒྱུད་བླ་མ་ или более кратко རྒྱུད་བླ་). Само сочинение Uttaratantra (или Mahāyānottaratantraśāstra—тиб. ཐེག་པ་ཆེན་པོའི་རྒྱུད་བླ་མའི་བསྟན་བཅོས་), приписываемое Maitreya'е, и комментарий на него Āryāsaṅga'и Uttaratantravyākhyā (или Mahāyānottaratantraśāstravyākhyā — тиб. ཐེག་པ་ཆེན་པོའི་རྒྱུད་བླ་མའི་བསྟན་བཅོས་ཀྱི་རྣམ་པར་བཤད་པ་) находятся в བསྟན་འགྱུར་'е[1] и имеют, особенно первое, массу отдельных изданий. В частности, и то и другое сочинение имеются в изданиях Агинского дацана, в каталоге[2] которого комментарий Āryāsaṅga'и значится буквально под тем же самым ходовым кратким наименованием, что и в списках ван Манена — རྒྱུད་བླ་ཐོགས་འགྲེལ་ 78 лл.[3]

Название རྒྱུད་བླ་, т. е. почти не сокращенный перевод санскритского Uttaratantra — этого более чем известного сочинения, повидимому, вообще незнакомо д-ру ван Манену, потому что дальше в его индексе мы находим:

«201. ལོ་ཙྪ་བ་བློ་ལྡན་ཤེས་རབ་ཀྱི་རྒྱུད་བླའི་བསྡུས་དོན་ (120). Short account of the Lama succession (doctrinal tradition) of Translator Lodansherab. རྒྱུད་བླ་ = བླ་རྒྱུད་ བླ་ = བླ་མ་».

Особенно характерны здесь последние соответствия, обнаруживающие незнакомство д-ра ван Манена с названием རྒྱུད་བླ་. На самом деле речь идет о кратком изложении содержания (བསྡུས་དོན་ = санскр. piṇḍārtha) Uttaratantra, составленном известным རྔོག་ལོ་ཙྪ་བ་བློ་ལྡན་ཤེས་རབ་ (1059—1109).

«155. བྱམས་ཆོས་སྡེ་ལྔ་ (11). The five chapters of Lovereligion, i. e. Lama བྱམས་ཆེན་ཆོས་རྗེ་ཤཱཀྱ་ཡེ་ཤེས་, the founder of the Sera monastery».

Я совершенно отказываюсь понимать, откуда мог вывести д-р ван Манен такое фантастическое заключение, потому что только человек, абсолютно незнакомый с тибетской литературой, может не знать, что такое བྱམས་ཆོས་སྡེ་ལྔ་

---

1 བསྟན་འགྱུར། མདོ། ཕི། См. Cordier, op. cit, P. III, p. 374. Оба текста переведены, с введением и примечаниями, Е. Е. Обермиллером в Acta Orientalia, vol. IX, 1931.

2 См. указанный выше (стр. 30, прим. 2) каталог, отдел དཔར་རིང་པོ་, л. 2 verso, строка 1 и 3.

3 Там же, л. 2 verso, строка 1.

и высказать такое нелепое утверждение. བྱམས་ཆོས་སྡེ་ལྔ་ — это самое употребительное, самое ходовое, самое распространенное название для всех пяти трактатов, приписываемых Maitreya'e (བྱམས་པ་), вместе взятых. བྱམས་ཆོས་སྡེ་ལྔ་ это: пять книг Maitreya'и—1) Abhisamayālaṃkāra—མངོན་རྟོགས་རྒྱན, 2) Sutrālaṃkāra — མདོ་སྡེ་རྒྱན་, 3) Madhyāntavibhaṅga — དབུས་མཐའ་རྣམ་འབྱེད་, 4) Darmadharmatāvibhaṅga— ཆོས་དང་ཆོས་ཉིད་རྣམ་འབྱེད་, и 5) Uttaratantra — རྒྱུད་བླ་མ་. Под этим именем, еще более распространенным и принятым, чем, буквально впрочем соответствующий ему, термин བྱམས་པའི་ཆོས་ལྔ་, указанные пять сочинений известны всей тибетской литературе, всякому грамотному тибетцу, под этим именем они фигурируют во всех каталогах тибетских печатен и даже в нашу научную литературу проникло это наименование.[1]

И по меньшей мере странно, как д-р ван Манен не мог понять такого простого и общепринятого термина и высказать с такой безапелляционностью свое совершенно фантастическое объяснение.

«67. ངག་དབང་བྱམས་པའི་གསུང་ (54). The works of Ngakwang Jampa. Namthar. Said to have been the teacher of the present Dalai Lama, and to have died some 20 years ago at an advanced age».

Опять-таки совершенно непонятно, откуда д-р ван Манен мог почерпнуть подобное объяснение. Во всяком случае, не от людей, знакомых с тибетской литературой. Сочинение, о котором говорит д-р ван Манен, в трех томах и помещено в его первом тибетском списке в числе изданий скита སྦར་ཕྱུག་ (= སྦར་བ་ཕྱུགས་).[2] И если бы д-р ван Манен постарался посмотреть путешествие в Тибет Г. Ц. Цыбикова, то он узнал бы, что в этом ските: «между прочим

---

[1] См. напр. специальное сочинение упомянутого выше ཅོ་ནེ་གྲགས་པ་བཤད་སྒྲུབ་'а (род. 1727 г.) под названием བྱམས་ཆོས་སྡེ་ལྔའི་བསྡུས་དོན་བྱམས་མགོན་དགྱེས་པའི་མཆོད་སྤྲིན་ཞེས་བྱ་བ་ 10 лл. посвященное обзору содержания всех этих пяти трактатов; см. также ཏཱ་རཱ་ནཱ་ཐའི་རྒྱ་གར་ཆོས་འབྱུང་ изд. A. Schiefner, стр. 87 и перевод и примечание к этому месту В. П. Васильева; указанную выше (стр. 22, прим. 1) работу Б. Барадийна, стр. 25 и т. д.

См. также указанный выше каталог Агинской печатни, Отдел དཔར་ཐེང་པོ་ лист 2-й verso, строка 2-я и сл. Все пять сочинений находятся в བསྟན་འགྱུར། མདོ།. Первое из них (མངོན་རྟོགས་རྒྱན་) в томе ཀ་, остальные четыре в томе ཕི་.

[2] Op. cit., стр. 478.

сохраняются типографские доски трех томов сочинений одного из прежних перерожденцев Агван-чжямба».[1] Общее имя перерожденцев скита རི་ཁྲོད་ཕུར་བུ་ལྕོགས'а, как известно, བྱམས་པ་རིན་པོ་ཆེ་ и Г. Ц. Цыбиков, который вывез из ཕུར་བུ་ལྕོགས''а полное трехтомное собрание сочинений ངག་དབང་བྱམས་པ''ы, поместил это собрание в своем каталоге под этим общим именем.[2] ཀློང་རྡོལ་བླམ་ приводит в своей библиографической работе полный перечень этого трехтомного собрания сочинений (ཇེ་ངག་དབང་བྱམས་པའི་གསུང་འབུམ་མཚན་ཐོ་), буквально соответствующий трем томам, привезенным Цыбиковым.[3] Д-р ван Манен просто спутал двух перерожденцев ཕུར་བུ་ལྕོགས''а, которые оба называются общим именем བྱམས་པ་རིན་, པོ་ཆེ་, но из которых один — ངག་དབང་བྱམས་པ་ был известен уже ཀློང་རྡོལ་བླ་མ''е и является автором указанных в списке д-ра ван Манена и в каталоге Цыбикова трех томов сочинений, а другой по имени Лобсан-цултим-Чжямба-чжямцо был действительно учителем тринадцатого Далай-ламы и в августе 1901 г. умер в глубокой старости.[4] Но последний никакого отношения к сочинениям, указанным в списке, кроме того, что он почитается воплощением того же лица, что и настоящий автор их, не имеет. Но этого, конечно, мало для того, чтобы приписать ему авторство.

«35. གྲངས་ངེས་ཞི་འགྲེལ་ (32) Commentary on the peace of the true number(s). མཚན་ཉིད་, philosophy».

«36. གྲངས་ངེས་ཐལ་སྦྱོར་ (4). The method to arrive at the true number(s). མཚན་ཉིད་, philosophy».

Непонятно, как сам д-р ван Манен или его информаторы, если им знакома тибетская литература, могли не только не заметить самой простой орфографической ошибки, но даже построить на ней свой перевод. Вместо того, чтобы написать ངང་ составитель списка написал одинаково с ним звучащее གྲངས་; вместо གཞི་ написал ཞི་. Ошибки очень простые и обычные. Так же как и написание ཐལ་སྦྱོར་ вместо མཐའ་དཔྱོད་.[5] Но, д-р ван Манен должен был бы знать,

[1] См. Г. Цыбиков. «Буддист паломник у святынь Тибета» по дневникам, веденным в 1899—1902 гг. (издание Русского Геогр. общества, Петроград, 1919) стр. 352.

[2] См. «Musei Asiatici Petropolitani Notitiae» IV, (СПб., 1904). Список тибетским изданиям, привезенным Цыбиковым в 1902 г., стр. 3, № 23.

[3] См. упомянут. выше (стр. 22, прим. 1) сочинение ཀློང་རྡོལ་བླ་མ''ы, лист 34 recto, строка 2, до листа 35 recto, строка 2.

[4] См. Цыбиков, назв. соч., стр. 270.

[5] Подробнее об этом см. ниже в нашем замечании к № 141.

что དྲང་ངེས་ есть специальный термин, обозначающий целую отрасль литературы в Тибете. А именно литературу, посвященную разбору и разделению (тиб. རྣམ་འབྱེད་) буддийского священного писания на две категории, на категорию писания, имеющего прямой или абсолютный смысл (ངེས་ или ངེས་པའི་དོན་) и на категорию писания, смысл которого приноровлен, притянут к пониманию людей (དྲང་ или དྲང་པའི་དོན་).

Дело в том, что буддизм, переживший многовековую историю не раз в процессе изменения своих представлений был вынужден сталкиваться с необходимостью так или иначе определить свое отношение к своим прежним взглядам, от которых он отказался, которые устарели и противоречили взглядам новым, но которые настолько были прочно связаны с буддизмом в представлении всех верующих, что просто отбросить их было нельзя. В особенности это относится к таким представлениям, которые традицией приписывались самому Будде, которые в ереси, следовательно, обвинить было нельзя, но которые, противореча представлениям новым, тем самым подрывали их канонический авторитет. Выход из этого положения, знакомого всем религиозным системам, находится в создании особого рода толковательной литературы, имеющей своим назначением — сгладить, путем какого угодно насилия над буквальным смыслом, кричащие противоречия между прежними каноническими представлениями и новыми взглядами, так эти представления истолковать, чтобы противоречия этого не было. В буддизме такими первыми толкователями почитаются Nāgārjuna и Āryāsaṅga — эти два «великих столпа» (по-тибетски говорится «две великих колесницы» — ཤིང་རྟ་ཆེན་པོ་) Mahāyāna'ы. В последующее время в Тибете знаменитый ученый монах ཙོང་ཁ་པ་བློ་བཟང་གྲགས་པ་, писания которого послужили, как известно, идеологической платформой для реорганизации ламской церкви в Тибете, написал специальное сочинение на эту тему, под названием དྲང་པ་དང་ངེས་པའི་དོན་རྣམ་པར་འབྱེད་པའི་བསྟན་བཅོས་ལེགས་བཤད་སྙིང་པོ. Сочинение это, известное под более краткими именами དྲང་ངེས་ལེགས་བཤད་སྙིང་པོ་, просто ལེགས་བཤད་སྙིང་པོ་ и наконец еще короче དྲང་ངེས་རྩ་བ་, построено на сопоставлении и истолковании двух произведений буддийского канона: མདོ་སྡེ་དགོངས་འགྲེལ་ (Sandhinirmocanasūtra— འཕགས་པ་དགོངས་པ་ངེས་པར་འགྲེལ་པ་)[1] и བློ་གྲོས་མི་ཟད་པས་བསྟན་པ་ (Akṣayamatinirdeśa).[2]

---

[1] См. བཀའ་འགྱུར། མདོ། ཅ།

[2] См. там же མདོ། མ།

Задача его продемонстрировать как следует подходить к устранению противоречий («мнимых» с точки зрения автора) в текстах священного писания. Сочинение это имеет массу изданий и легло в основу обширной комментаторской и учебной литературы, составляя особый предмет изучения в дацанской школе (ཆོས་གྲྭ་ или མཚན་ཉིད་གྲྭ་ཚང་) в процессе прохождения курса པར་ཕྱིན་. Два таких учебника и указаны в списках д-ра ван Манена.

དྲང་ངེས་གཞི་འགྲེལ་ (а не གྲངས་ངེས་ཞི་འགྲེལ་) есть краткое название учебника, о котором мне пришлось, к сожалению, только слышать. Автором его называют монгольского ламу [illegible].

དྲང་ངེས་མཐའ་དཔྱོད་ (а не གྲངས་ངེས་ཐལ་སྤྱོད་) есть краткое название, общее целому ряду сочинений такого рода. По одному этому родовому названию сказать, кто был автором этого сочинения и что это за сочинение, окончательно, конечно, невозможно. Но так как это название приводится среди перечня других учебных руководств, употребляемых в дацане བློ་གསལ་གླིང་ монастыря འབྲས་སྤུངས་, то можно с большой долей вероятности заключить, что под этим названием здесь надо разуметь: གསུང་རབ་ཀུན་གྱི་དྲང་བ་དང་ངེས་པའི་དོན་རྣམ་པར་འབྱེད་པ་ལེགས་པར་བཤད་པའི་སྙིང་པོ། བཀལ་ལན་གྱིས་རྣམ་པར་འབྱེད་པ་ཀུནྡ་ལའི་འབྱེད་པ་ཞེས་བྱ་བ་ 59 лл., сочиненное པཎ་ཆེན་བསོད་ནམས་གྲགས་པ་ (1478—1554 н. э.) и являющееся одним из основных руководств (ཡིག་ཆ་) в этой школе.[1]

«83. འཇམ་དབྱངས་དཀའ་བློའི་ལྷ་ཁྲིད་རྒྱས་འབྲིང་གཉིས་ (182). The two recensions, full and medium, of (the work) conducting towards god Mañjughoṣa, by (Lama) Galo (Joymind?), uncertain see S. C. D., s. v. ཀ་ལོ་, but see next number. There is also a ཀུ་ལོ་ཙྪ་ (པ)».

«84. འཇམ་དབྱངས་དཀའ་བློའི་གསུང་སྒྲར་ (164). About the writings of Galo concerning Mañjughoṣa. Uncertain. See previous number. Namthar».

---

[1] ཀློང་རྡོལ་བླ་མ་ указывает это сочинение в числе обязательных учебников (ཡིག་ཆ་) школы བློ་གསལ་གླིང་. См. упомянутое выше (стр. 22, прим. 1) произведение его, лист 44-й verso. Это сочинение имеется в числе других учебных книг указанного дацана в коллекции, привезенной Цыбиковым (см. Notitiae, IV, № 21. Тибетский титул, данный там བསོད་ནམས་གྲགས་པའི་གསུང་འབུམ་, не верен. На самом деле под этим номером находится собрание (к сожалению не исчерпывающее) учебной литературы дацана བློ་གསལ་གླིང་, в которую входят между прочим и сочинения བསོད་ནམས་གྲགས་པ་"ы).

В данном случае вина уже повидимому не переписчика, а самого д-ра ван Манена, напечатавшего вместо ལྟ་ཁྲིད་ — ལྟ་ཁྲིད་, которые в скорописи почти не различимы. Ошибка несомненная, но она не решает еще дела. Значительно хуже то крайне вольное обращение, которое д-р ван Манен позволяет себе здесь в отношении основных правил тибетского синтаксиса. При всем желании, нельзя так читать, как читает д-р ван Манен, потому что ближайшее определение ставится ближе к определяемому.

འཇམ་དབྱངས་དཀའ་བློ་ = འཇམ་དབྱངས་དཀའ་བའི་བློ་གྲོས་ есть собственное имя автора (1429—1503 н. э.), известного также, в качестве третьего по счету настоятеля འབྲས་སྤུངས་'а, под именем འཇམ་དབྱངས་ལེགས་པ་ཆོས་འབྱོར་.[1]

В индексе ван Манена под № 83 указаны два из трех известных сочинений его, посвященных введению (наставлению) в мировоззрение Mādhyamika, именно: подробное — ལྟ་བའི་མཐའ་དཔྱོད་མཁས་པའི་སྙིང་གཏམ་ཞེས་བྱ་བ་ 17 лл. и среднее — ལྟ་བའི་ཁྲིད་ཡིག་དེ་ཉིད་གསལ་བྱེད་ཅེས་བྱ་བ་ 12 лл. Третье краткое сочинение на ту же тему — ལྟ་བའི་ཁྲིད་ཡིག་བསྡུས་པ་འཇམ་དཔལ་ཞལ་ལུང་ 6 лл. почему то опущено.[2]

Под № 84—говорится просто о собрании сочинений этого автора. གསུང་སྐོར་ — неполное собрание некоторых произведений.

«141. ཕར་ཕྱིན་དབུ་མ་ཐལ་སྦྱོད་ (1). (Rendering altogether problematic): Method of revering the pāramitās of the mādhyamikas. The expression ཐལ་སྦྱོད་ has not been explained and the grammatical relation between ཕར་ཕྱིན་ and དབུ་མ་ is uncertain. མཚན་ཉིད་, philosophy».

Единственное достоинство этого примечания заключается в откровенности, с которой д-р ван Манен признает свое незнание терминологии, принятой в тибетской литературе. Малосведущий составитель списка написал ཐལ་སྦྱོད་ вместо མཐའ་དཔྱོད་. Дело в том, что в произношении оба эти выражения звучат чрезвычайно похоже, а со стороны буквального смысла выражение ཐལ་སྦྱོད་, которое можно перевести как «метод дедукции» (ཐལ་བ་ = санскр. prasaṅga), как нельзя более соответствует техническому значению выражения མཐའ་

---

[1] Ср. упомянутое выше (стр. 22, прим. 1) сочинение ཀློང་རྡོལ་བླ་མ་'ы, лист 44 verso, строки 1 и 2-я.

[2] Об этих сочинениях упоминает ཀློང་རྡོལ་བླ་མ་, там же. Все три сочинения имеются в коллекции Цыбикова, № 21, т. IX.

དཔྱོད་ и для человека, незнающего как это последнее по настоящему пишется, представляется самым правильным его написанием. Подобным же образом вместо མཐའ་དཔྱོད་ пишут མཐའ་གཅོད་, которое звучит так же почти, как и མཐའ་དཔྱོད་ и близко к последнему по своему буквальному смыслу.

Термин མཐའ་དཔྱོད་ (или མཐའ་དཔྱད་), который можно буквально перевести как «детальное исследование» или «детальное обсуждение» употребляется в тибетской литературе как terminus technicus и служит для обозначения особой формы учебной комментаторской литературы, особого типа изложения, вызванного к жизни практикой монастырских схоластических диспутов.

Существует три важнейших типа комментаторских произведений в Тибете (я говорю здесь только о самых главных и распространенных) а именно 1) རྣམ་བཤད་, 2) མཆན་ и 3) མཐའ་དཔྱོད་. Первый из них — རྣམ་བཤད་, представляет собою связное последовательное изложение, а, вернее говоря, толковый пояснительный пересказ комментируемого текста, пересказ, в котором обычно старательно используется, но в новом дополненном и поясненном виде, весь словарный запас этого текста и сохраняется его порядок. Ввиду того, что в Тибете даже совершенно самостоятельное произведение в большинстве случаев рассматривается как толкование на те или иные тексты священного писания, а именно, как объяснение смысла его (так наз. དོན་འགྲེལ་ в отличие от ཚིག་འགྲེལ་ — «объяснение слов»), под понятие རྣམ་བཤད་ может быть подведено всякое сочинение, составленное в виде связного и последовательного изложения.

Второй тип — མཆན་ или более полно — མཆན་བུ་, представляет собою собственно комментарий в его обычном смысле и состоит из примечаний, глосс к отдельным местам текста, требующим пояснений, причем часто эти глоссы нумеруются для облегчения параллельного пользования ими вместе с комментируемым текстом, как своего рода подстрочными примечаниями.[1]

[1] См напр. сочинение གྲུབ་མཐའ་ཆེན་མོའི་མཆན་འགྲེལ་དཀའ་གནད་མདུད་གྲོལ་བློ་གསལ་གཅེས་ནོར་ཞེས་བྱ་བ།, составленное монгольским ламой དཔལ་ལྡན་ཆོས་རྗེ་ в Урге в 1846 г. (как сообщается в его колофоне). Сочинение это представляет собою комментарий на знаменитый труд འཇམ་དབྱངས་བཞད་པ''ы I-го, ངག་དབང་བརྩོན་འགྲུས''я (1648—1722 н. э.) под названием གྲུབ་མཐའི་རྣམ་བཤད་རང་གཞན་གྲུབ་མཐའ་ཀུན་དང་ཟབ་དོན་མཆོག་ཏུ་གསལ་བ་ཀུན་བཟང་ཞིང་གི་ཉི་མ་ལུང་རིགས་རྒྱ་མཚོ་སྐྱེ་དགུའི་རེ་བ་ཀུན་སྐོང་ཞེས་བྱ་བ་ или под сокращенным обозначением གྲུབ་མཐའ་ཆེན་མོ་ Кстати, именно это последнее сочинение и указано в списке изданий дацана

Наконец, མཐའ་དཔྱོད་ состоит в отличие от первых двух, в обсуждении комментируемого текста, в дедуктивном рассуждении по поводу различных правильных и неправильных пониманий и толкований его и слагается из опровержения неправильных (с точки зрения автора, конечно) мнений и из доказательства мнений правильных, путем построения целой цепи последовательных силлогистических заключений, приводящих в конечном счете сторонника противных взглядов к абсурду — к противоречию с священным писанием, с действительностью и со своими же собственными взглядами. Самый метод такого рода дедуктивных рассуждений называется по-тибетски ཐལ་འགྱུར་ (от ཐལ་བ་ = санскр. prasaṅga) и отсюда довольно нередко среди недостаточно образованных людей термин མཐའ་དཔྱོད་ при написании его превращается в похоже звучащий ཐལ་སྤྱོད་.

Помимо своей основной задачи—развернутого силлогистического доказательства правильности одних и неправильности других суждений — མཐའ་དཔྱོད་ имеет своей целью служить практическим руководством для схоластической дискуссии по данному вопросу, примером того, как должна эта дискуссия вестись. Поэтому в духовной или так называемой философской школе господствующей секты དགེ་ལུགས་པ་ (тибетское имя такой школы མཚན་ཉིད་གྲྭ་ཚང་ или короче ཆོས་གྲྭ་), обучение в которой складывается из заучивания наизусть ряда текстов и из ведения схоластических дискуссий, сочинения типа མཐའ་དཔྱོད་ являются одними из обязательных и важнейших учебников (тиб. ཡིག་ཆ་). མཐའ་དཔྱོད་'ы имеются по всем без исключения дисциплинам, проходимым в школе, являясь комментариями на основные тексты (རྩ་བ་) этих дисциплин. Ввиду того, что существует несколько разных направлений или толков школ, མཐའ་དཔྱོད་'ы, как и вся вообще учебная литература, кроме རྩ་བ་, различные в школах, придерживающихся разных толков, но всегда строго определенные. Количество མཐའ་དཔྱོད་'ов огромно, причем главная масса их падает, конечно, на такие дисциплины, как དབུ་མ་ и ཕར་ཕྱིན་, являющиеся центральным пунктом ламского обучения.

Два таких མཐའ་དཔྱོད་'а и указаны в списке д-ра ван Манена.

Грамматическая связь между ཕར་ཕྱིན་ и དབུ་མ་ в приведенном выражении, поставившая в тупик д-ра ван Манена, чрезвычайно ясна и обыкновенна.

སྒོ་མང་, в число обязательных учебных пособий которого входят преимущественно работы འཇམ་དབྱངས་བཞད་པ་'ы (см. van Manen, op. cit., стр. 476, и Index № 39). Но для д-ра ван Манена все это осталось неизвестным.

Просто между этими словами, из которых каждое является определением к третьему — མཐའ་དཔྱོད་, выброшен по обыкновению союз «и» — དང་. Все выражение таким образом слагается из кратких названий двух сочинений ཕར་ཕྱིན་མཐའ་དཔྱོད་ и དབུ་མ་མཐའ་དཔྱོད་. Только и всего. Первое из них есть указанного рода «детальное исследование» по дисциплине ཕར་ཕྱིན་ (Pāramitā) и представляет собою своеобразный комментарий на основной текст (རྩ་བ་), принятый по этой дисциплине во всех школах, а именно на приписываемое Maitreya'е сочинение Abhisamayālaṃkāra — མངོན་རྟོགས་རྒྱན་.[1] А второе таким же порядком является комментарием на сочинение Candrakīrti — Mādhyamakāvatāra — དབུ་མ་ལ་འཇུག་པ་,[2] принятое за основной текст при изучении དབུ་མ་ (Mādhyamika). Сказать точно, кто автор этих двух произведений невозможно, потому что краткое обозначение их, под которым они стоят в списке д-ра ван Манена, является общим именем для целого ряда подобных произведений разных авторов. Но так как в списке ван Манена они стоят во главе перечня основных учебников школы བློ་གསལ་གླིང་, то вероятнее всего мы имеем здесь дело с сочинениями པཎ་ཆེན་བསོད་ནམས་གྲགས་པ་'ы, который, по сообщению ཀློང་རྡོལ་བླ་མ་'ы, действительно является автором двух таких произведений, принятых в число основных руководств в этой школе.[3]

«28. ཁྲི་རྒན་ཚང་གི་བསྡུས་གྲྭ་ (188). Explained as the „easy introduction" of the college (or house) of the old pulpit (or seat). No further details. མཚན་ཉིད་ དཔེ་ཆ, philosophy».

По всей очевидности д-р ван Манен не знает ни того, что значит ཁྲི་རྒན་ཚང་, ни того, что значит བསྡུས་གྲྭ་. Ниже он дает другое толкование слова བསྡུས་གྲྭ་, а именно «the book for the use of the body (assembly) of novices».[4] Но и этот буквальный перевод далек от понимания действительного значения технического термина བསྡུས་གྲྭ་.

བསྡུས་གྲྭ་ есть название практического курса эристики, проходимого учениками в течение первых трех лет обучения в མཚན་ཉིད་གྲྭ་ཚང་'е. Назначение

---

[1] См. выше, стр. 32, прим. 1.

[2] См. བསྟན་འགྱུར། མདོ། འ།

[3] См. сочинение, указанное выше (стр. 22, прим. 1), лист 44 verso, строки 5 и 6.

[4] Index, № 120.

этого курса, разделяющегося обычно по степени трудности на три части, состоит в том, чтобы, с одной стороны, приучить ученика правильно и бегло аргументировать, развивая силлогистическое доказательство того или иного тезиса, а с другой стороны, приучить его правильно и быстро реагировать на аргументацию, развиваемую оппонентом, отвечая кратко — согласием (འདོད་) на бесспорный аргумент, требованием доказательства (ཅིའི་ཕྱིར་), если оно не приведено, или констатированием отсутствия логической связи (རྟགས་མ་གྲུབ་) или мнимости аргумента (ཁྱབ་པ་མ་བྱུང་), если такого рода ошибки имеют место. С этой целью курс བསྡུས་གྲྭ་, начинающийся с примерной дискуссии по вопросу логических соотношений простейших понятий (цвет и цвета, форма и формы и т. д.), ведется все время в двух направлениях: в направлении развертывания примерных дискуссий вокруг основных логических и эристических категорий, и в направлении преподания основных аксиом и определений в данной области, являющихся фундаментом для спора. Основоположником метода བསྡུས་གྲྭ་ и вместе с тем автором первого руководства по этой дисциплине тибетская традиция называет ཕྱ་པ་ཆོས་ཀྱི་སེང་གེ་, жившего в XII в. (1109—1169 н. э.). К сожалению, мне лично его сочинения не пришлось видеть.[1] Что же касается вообще литературы по བསྡུས་གྲྭ་, то она огромна, но перечислять ее здесь не место.

В списке д-ра ван Манена указаны только два учебника བསྡུས་གྲྭ་ и притом не самые важные — это སྡེ་སྲིད་སངས་རྒྱས་རྒྱ་མཚོའི་བསྡུས་གྲྭ་ и ཁྲི་ཀྲན་ཚང་གི་བསྡུས་གྲྭ་. Оставляя в стороне первое из них, автор которого известен, и обращаясь ко второму, послужившему предметом настоящего замечания, я вынужден повторить, что д-р ван Манен совершенно не понял выражение ཁྲི་ཀྲན་ཚང་.

ཁྲི་ཀྲན་ཚང་ — буквально «старый настоятель» есть прозвище автора книги, известного ученика и сподвижника འཇམ་དབྱངས་བཞད་པ་'ы I-го (ངག་དབང་བརྩོན་འགྲུས་'я), данное ему ввиду его долгого пребывания, до глубокой старости, в сане настоятеля монастыря བླ་བྲང་བཀྲ་ཤིས་གཡས་སུ་འཁྱིལ་ в Амдо. Настоящее имя автора — ངག་དབང་བཀྲ་ཤིས་.

---

[1] Оглавление этого сочинения дает ཀློང་རྡོལ་བླ་མ་ в своей работе под названием ཚད་མ་རྣམ་འགྲེལ་སོགས་གཏན་ཚིགས་རིག་པ་ལས་བྱུང་བའི་མིང་གི་གྲངས་ («Терминология Логической науки»), л. 2 verso, строка 2 и след. Эта работа состоит из 27 лл. и составляет 14-ю (པ་) книжку в его གསུང་འབུམ་'е.

Этому автору принадлежат два сочинения, посвященные བསྡུས་གྲྭ་. Одно из них имеет титул: ཚད་མའི་དགོངས་འགྲེལ་གྱི་བསྟན་བཅོས་ཆེན་པོ་རྣམ་འགྲེལ་གྱི་དོན་གཅིག་ཏུ་དྲིལ་བ་བློ་རབ་འབྱེད་ཐ་མ་གསུམ་དུ་སྟོན་པ་ལེགས་བཤད་ཆེན་པོ་མཁས་པའི་མགུལ་རྒྱན་སྐལ་བཟང་རེ་བ་ཀུན་སྐོང་།, но более известно под кратким названием རྗེ་ངག་དབང་བཀྲ་ཤིས་ཀྱི་བསྡུས་གྲྭ་. Имеет несколько изданий, между прочим Лабранское (изд. 1860 г.) и Агинское (в последнем 158 лл.)

Другое сочинение более всего известно под именем བསྡུས་གྲྭ་རྫོམ་འཕྲོ་ «Недоконченное བསྡུས་གྲྭ་» или ཁྲི་ཀུན་ཚང་གི་བསྡུས་གྲྭ་ или наконец, ཁྲི་ཀུན་ཚང་གི་བསྡུས་གྲྭ་རྫོམ་འཕྲོ་. Как ясно уже из этого названия, данное сочинение осталось незаконченным и собственного титула даже не имеет. В Амдосском издании, имеющемся у меня, вовсе нет ни заглавия, ни колофона. В Агинском издании оно имеет следующий титул: འཇམ་དབྱངས་བླ་མ་ངག་དབང་བཀྲ་ཤིས་དཔལ་བཟང་པོས་ཁྲི་གུང་ཐང་སྤྲུལ་སྐུ་བསྟན་པའི་རྒྱལ་མཚན་ལ་ཐུགས་གཉེར་གྱི་ཆེད་དུ་གནང་བའི་བསྡུས་གྲྭ་རྫོམ་འཕྲོ།, т. е. «Незаконченное བསྡུས་གྲྭ་, преподанное сладкозвучным учителем ངག་དབང་བཀྲ་ཤིས་, добропочтенным, настоятелю перерожденцу གུང་ཐང་བསྟན་པའི་རྒྱལ་མཚན་'у для пользы уму его». В этом издании 130 лл. В каталоге изданий Агинского дацана это сочинение значится под названием བསྡུས་གྲྭ་རྫོམ་འཕྲོ་ཁྲི་ཀུན་ཚང་གི་གསུང་རྒྱུན་དུ་གྲགས་པ་, т. е. «Незаконченное བསྡུས་གྲྭ་, известное (по традиции) как сочинение, исходящее от старого настоятеля».[1]

Какое из этих двух сочинений обозначено в списке ван Манена, сказать с полной определенностью трудно, ибо и то и другое может быть названо ཁྲི་ཀུན་ཚང་གི་བསྡུས་གྲྭ་. Но все же думается, что скорее всего в списке обозначено второе, незаконченное བསྡུས་གྲྭ་, так как оно больше известно под этим именем. Но это, конечно, только предположение.

«121. སྡེ་སྲིད་པའི་མཚམས་སྦྱོར་ལྔ་པའི་འགྲེལ་པ་ (202). Commentary on the five ways of composition by the Desi. མཚམས་སྦྱོར་ = ལེགས་སྦྱར་ composition».

Ничего подобного! མཚམས་སྦྱོར་ есть буквальный перевод санскритского sandhi, которое обозначает, как известно, изменения, претерпеваемые в санскрит-

---

[1] См. указанный выше (стр. 30, прим. 2) каталог, Отдел དཔར་རིང་ཐོ་, лист 6, recto, строка 3.

ском языке различными звуками при их соприкосновении. В данном же случае речь идет о пяти первых главах Sarasvatīvyākaraṇa — དབྱངས་ཅན་སྒྲ་མདོ་, из которых первая говорит о звуках вообще, вторая о sandhi гласных, третья об исключениях из общих правил, четвертая о sandhi согласных и пятая о visarga-sandhi, и которые все вместе известны в тибетской литературе под названием མཚམས་སྦྱོར་ལྔ་.[1]

Выражение, стоящее в списке ван Манена, с предельной ясностью говорит о сочинении བརྡ་སྤྲོད་ཀུན་གྱི་ཡང་སྙིང་དབྱངས་ཅན་བྱཱ་ཀ་ར་ཎའི་འགྲེལ་པ་རབ་ཏུ་བྱ་བ་གསལ་ལྡན་འགྱུར་ལྡན་དག་པ་མཐོང་བས་ཀུན་འགྲོལ་ཞེས་བྱ་བ་ལས་མཚམས་སྦྱོར་ལྔའི་རྒྱ་ཆེར་བཤད་པ།, т. е. о начале комментария на Sarasvatīvyākaraṇa. Автор его — известный регент Тибета སྡེ་སྲིད་སངས་རྒྱས་རྒྱ་མཚོ་, правивший с 1679 по 1702 (убит в 1705 г.) и оставивший после себя много работ по самым различным областям знания.[2]

«101. སྟག་ཚང་ལོ་ཙཱ་བའི་རིག་གནས་ཀུན་ཤེས་རྩ་འགྲེལ། (127). Text and commentary of the „Omniscience“ of Taktshang Lotsava. Taktshang a Place in Tibet, the birth place of the Lotsava».

---

[1] См. сочинение на эту тему вышеупомянутого ཙོ་ཏེ་གྲགས་པ་བཤད་སྒྲུབ་'а под названием སྒྲ་འཚམས་སྦྱོར་ལྔ་པ་བློ་ལྡན་དོན་གཉེར་ཅན་གྱི་འཇུག་ངོགས་ལྷ་ལམ་ཞེས་བྱ་བ། 14 лл.

[2] В Index'e Dr van Manen'a под № 122 показано собрание его сочинений, а под №№ 120, 121, 151, 152, 153 его отдельные сочинения. Под № 187 གཡའ་སེལ་, мне думается, нужно также разуметь его сочинение, полное название которого བསྟན་བཅོས་བཻཌཱུར་དཀར་པོ་ལས་དྲིས་ལན་འཁྲུལ་སྣང་གཡའ་སེལ་དོན་གྱི་གཉེན་རས་སྟོན་བྱེད་ཅེས་བྱ་བ། 473 лл. и которое является ответом автора на возражения, сделанные против другого его сочинения: ཕུག་ལུགས་རྩིས་ཀྱི་ལེགས་བཤད་མཁས་པའི་མགུལ་རྒྱན་བཻཌཱུར་དཀར་པོའི་དོ་ཤལ་དཔྱོད་ལྡན་སྙིང་ནོར་ཞེས་བྱ་བ། 633 лл. Оба эти сочинения указываются в Verzeichniss Schmidt'a и Böhtlingk'a, №№ 472 и 473 и в списке коллекции Цыбикова, №№ 31 и 29. Сочинения эти, как показывает уже само заглавие их астрономические. Первое из них и есть то самое сочинение གཡའ་སེལ་, о котором говорит A. Csoma de Körös в своей «Grammar of the Tibetan Language, in English» (Calcutta, 1834), стр. 191. Хотя мне, так же как и д-ру ван Манену, приходилось слышать о существовании медицинского сочинения གཡའ་སེལ་, но даже если этот слух верен, вряд ли оно имеется здесь в виду. Вернее всего речь идет об указанном здесь и весьма известном сочинении упомянутого выше автора, тем более, что в списке д-ра ван Манена оно фигурирует среди прочих его работ и, кроме того, в числе изданий той печатни, где именно печатается это астрономическое сочинение.

Незнание самого текста и его полного названия побудило д-ра ван Манена ограничиться буквальным переводом сокращенного наименования его, фигурирующего в списке. Метод этот применяется д-ром ван Маненом почти во всех его примечаниях и в большинстве случаев ведет, конечно, к неизбежным ошибкам. Так и здесь. Полное название текста རིག་གནས་ཀུན་ཤེས་ནས་བདག་མེད་གྲུབ་པ་ཞེས་བྱ་བའི་བསྟན་བཅོས་, изд. монастыря དགའ་ལྡན་ཕུན་ཚོགས་གླིང་ в Тибете, 11 листов. А название комментария: རིག་གནས་ཀུན་ཤེས་ནས་བདག་མེད་གྲུབ་པ་ཞེས་བྱ་བའི་བསྟན་བཅོས་ཀྱི་རྣམ་པར་བཤད་པ་ཉུང་གསལ་ཀུན་དགའ་ཞེས་བྱ་བ་, изд. того же монастыря, 33 листа.

Как показывает заглавие самого текста и особенно анализ его содержания, оно посвящено рассмотрению всех пяти наук (ནང་རིག་པ་, སྒྲ་རིག་པ་, གཏན་ཚིགས་རིག་པ་, བཟོ་རིག་པ་, и གསོ་བ་རིག་པ་) в интересах утверждения буддийской доктрины об отсутствии субстанции. Автор обоих сочинений известнейший еретик སྟག་ཚང་ལོ་ཙཱ་བ་ཤེས་རབ་རིན་ཆེན་ (род. 1405).[1]

«38. གྲུབ་མཐའ་ཀུན་ཤེས་རྩ་འགྲེལ་ (128), Commentary and text of the Dubtha Künshe, the Siddhānta leading to omniscience».

То же самое! Полное название текста: གྲུབ་མཐའ་ཀུན་ཤེས་ནས་མཐའ་བྲལ་གྲུབ་པ་ཞེས་བྱ་བའི་བསྟན་བཅོས། изд. мон. དགའ་ལྡན་ཕུན་ཚོགས་གླིང་, 17 лл.

Название комментария: གྲུབ་མཐའ་ཀུན་ཤེས་ནས་མཐའ་བྲལ་གྲུབ་པ་ཞེས་བྱ་བའི་བསྟན་བཅོས་ཀྱི་རྣམ་པར་བཤད་པ་ལེགས་བཤད་ཀྱི་རྒྱ་མཚོ་ཞེས་བྱ་བ་ издание того же монастыря, 114 л. Как показывает само название и особенно текст сочинения, оно посвящено рассмотрению всех философских систем в интересах утверждения буддийской доктрины бесконечности. Автор обоих этих сочинений, упомянутый выше, སྟག་ཚང་ལོ་ཙཱ་བ་ཤེས་རབ་རིན་ཆེན།. У меня лично имеется экземпляр этих двух и двух вышеупомянутых сочинений སྟག་ཚང་ལོ་ཙཱ་བ'ы, составляющий

---

[1] Об его ереси, как и об ереси ཇོ་ནང་པ་ говорится, что ни в Индии, ни в Тибете, ни среди буддистов, ни среди брахманов нет ничего похожего. См. དཔག་བསམ་ལྗོན་བཟང་ — History of the rise, progress and downfall of Buddhism in India and History of Tibet from early times to 1745 AD by སུམ་པ་མཁན་པོ་ཡེ་ཤེས་དཔལ་འབྱོར་ ed. by Sarat Chandra Das. Calcutta 1908, стр. 197. Поэтому его сочинения представляют особый интерес.

отдельный томик, в котором сочинения перенумерованы буквами ཀ་ཁ་ག་ང་, но имеют каждое свою особую пагинацию.

Но, кажется, довольно. Довольно, не потому, что все остальное правильно понято и истолковано д-ром ван Маненом, что нечего больше исправлять и дополнять. Наоборот, и все остальные примечания д-ра ван Манена в таком же роде. Немногочисленные случаи, когда он не ошибается, касаются только очень хорошо известных текстов. Но даже и в этих случаях его примечания оставляют желать лучшего.

По сути дела исправлять и дополнять нужно все 219 его примечаний. Какую ценность могут иметь такие примечания, как № 136 и 137, где д-р ван Манен просто не понял, что речь идет о комментариях (а в № 137 и о самом тексте) известнейшего и не один раз изданного в санскритском оригинале сочинения Bodhicaryāvatāra, по тибетски сокращенно называющегося སྤྱོད་འཇུག་. Или № 198, где он не догадывается, что речь идет о большом и малом ལམ་རིམ་'е Цзонҳавы, которые кратко и обозначаются именно ལམ་རིམ་ཆེ་ཆུང་. И так далее. Что нового вносят в наши познания тибетской литературы его буквальные переводы названий གསུང་འབུམ་'ов, в массе своей давно уже нам по имени известных? Абсолютно ничего. Я уже не говорю об ошибках, которых очень немало, даже сверх тех, что были выше разобраны и таких же, подчас, как и они грубых. Напр., в своем примечании № 72 д-р ван Манен просто не знает, что значит слово གོང་མ་ и превращает его в титул, между тем как этот термин служит для обозначения первого перерожденца.

Исправлять надо многое. Но спрашивается, стоит ли тратить труд на то, что бы наново переделать все почти примечания д-ра ван Манена к тексту, который сам по себе, как случайный и неизвестно кем составленный перечень первых попавшихся названий, вообще не заслуживает издания и комментирования? Думается, что нестоит. Я и так слишком много потратил времени на то, чтобы показать несостоятельность самого материала и исправить наиболее грубые ошибки, допущенные в его истолковании. Я руководился при этом желанием показать, что библиографическая работа в мало изученной области дело значительно более серьезное, чем может показаться, предостеречь от повторения попыток заочного, так сказать, библиографирования и, раз уже подобное предприятие осуществлено и претендует быть вкладом в библиографию, исправить хотя бы самые грубые ошибки, совершенно мешающие этим вкладом пользоваться.

Остается сказать немного. Мне думается, что насущнейшая задача тибетской библиографии состоит не в попытках несерьезного порядка обойти внима-

тельное и настойчивое изучение самих литературных источников, а в серьезной и упорной работе над ними, над материалами, уже находящимися в наших руках, привлекая к этой работе тибетские библиографические и исторические произведения, справочники и каталоги тибетских издательств. Работы здесь непочатый край. Взять хотя бы полные собрания произведений тибетских авторов (གསུང་འབུམ་). Ведь мало кому известно о том, какие произведения скрываются под ничего не говорящим именем «полных собраний».[1] А между тем གསུང་འབུམ་'ы заслуживают не менее хорошего описания, чем то, которое Cordier дал བསྟན་འགྱུར་'у.

Пусть имеющиеся коллекции не полны, случайны, не охватывают всего богатства тибетской литературы, но при изучении и описании их мы стоим по крайней мере на реальной почве и каждое новое подробное и точное описание ксилографа и рукописи является действительным вкладом в наше познание тибетской библиографии и может с полным правом быть действительно названо «A Contribution to the Bibliography of Tibet».

Н. А. Белгородский

ПЕРСИДСКИЙ ТАМОЖЕННЫЙ ОТЧЕТ ЗА 1930—1931 г.[2]

Отчет персидских таможен за 1930—1931 г. представляет собою значительный интерес. Мировой экономический кризис наложил на него свой отпечаток. Последние два-три предкризисных года прошли в Персии под знаком относительно повышенной конъюнктуры; этому способствовали: отчасти обще-мировой повышенный конъюнктурный уровень предкризисной полосы, отчасти же начавшееся в Персии (сперва в небольших размерах) падение местной валюты по причине мирового снижения цены серебра. Если условно считать начальным моментом мирового экономического кризиса биржевые банкротства в Америке в ноябре 1929 г., то мы можем утверждать, что в Персии мировой

---

[1] В приложении к изданию тибетского текста Saṃtānāntarasiddhi (Bibliotheca Buddhica XIX) акад. Ф. И. Щербатской дал полный перечень сочинений, входящих в བསྟན་དར་ལྷ་རམས་པའི་གསུང་འབུམ་ Но его пример, к сожалению, пока еще не вызвал подражания.

[2] Оригинальное название таково: Statistique commerciale de la Perse. Tableau général du commerce avec les Pays Etrangères pendant l'année 1309 (22 Mars 1930—21 Mars 1931) publié par l'Administration des Douanes. Téhéran, Imprimerie «Bosphore», 1931.

кризис проявился не сразу. Этому способствовало то обстоятельство, что осенние месяцы являются в Персии по сезонным причинам, вообще говоря, месяцами с наиболее повышенной конъюнктурой в году. Лишь во второй половине зимы 1929—1930 г., когда сезонная конъюнктура в Персии пошла на убыль, следствия мирового экономического кризиса сказались там во всей своей остроте. Резко обострился пассив платежного баланса страны, на мировых рынках снижались цены на персидское сырье, серебро, а за ним персидская валюта-кран продолжала падать.

С марта месяца 1930 г. в Персии установлен режим так наз. валютной монополии.[1] Этот режим преследовал цель смягчения неблагоприятных следствий мирового экономического кризиса. Режим валютной монополии просуществовал до конца февраля 1931 г., т. е. почти целиком весь персидский 1309 г. Именно в течение этого года, за который издан рассматриваемый таможенный отчет. Следовательно, настоящий отчет является отчетом о персидском внешне-торговом обороте кризисного периода и в частности — за время действия персидской валютной монополии.

Наша заметка отнюдь не является развернутым анализом персидского внешне-торгового оборота за этот год; перед нами поставлена задача дать краткую рецензию на отчет. Однако, и при этих условиях мы не можем пройти мимо отмеченных в отчете изменений, происшедших в персидской внешней торговле за этот кризисный год.

Из сравнительной таблицы импорта и экспорта Персии в 1308—1309 гг.,[2] даже при беглом сличении цифр, мы видим общее понижение оборота в целом, а также каждой составной части его — импорта и экспорта — в отдельности. Как известно, в общий итог по экспорту персидские таможни включают также сумму экспорта нефтепродуктов Англо-персидской нефтяной компании («Anglo-Persian Oil Company», сокр. APOC), что можно делать лишь весьма условно, так как эта сумма в персидском расчетном балансе носит принципиально другое содержание, чем прочий экспорт из Персии. Ее удельный вес в общем обороте очень начителен: экспорт нефтепродуктов, обычно, больше чем в два раза превышает собственно персидский экспорт. Не касаясь пока чрезвычайно сложной проблемы правильного построения расчетного баланса Персии, мы лишь покажем на основе данных рассматриваемого отчета, каковы цифры персидского оборота вместе с экспортом нефтепродуктов APOC'а и без них.[3]

---

[1] Или, как его называют еще, девизной монополии. Точный перевод названия закона, устанавливающего новый валютный режим, следующий: «Закон, разрешающий контроль и наблюдение за покупкой и продажей иностранных валютных ценностей при посредстве котировальной комиссии»

[2] Стр. IV 6 отчета

[3] Стр. XI 4 отчета.

В миллионах кранов

ГОДЫ	Ввоз	Вывоз			Сальдо оборота		Общий оборот	
		Весь	В том числе		С нефт. АРОС	Без нефт. АРОС	С нефт. АРОС	Без нефт АРОС
			Нефт. АРОС	Без нефт. АРОС				
1308 (1929—30)	919.9	1574.8	1087.6	487.2	+654.9	—432.7	2494.7	1407.1
1309 (1930—31)	810.5	1463.8	1005.2	458.6	+653.3	—351.9	2274.3	1269.1
Изменение в 1309 против 1308	—109.4	—111 0	—82.4	— 28.6	— 1.6	+ 80.8	—220.4	—138.0

Из этой таблички видно, что ввоз в Персию сократился больше чем на 100 млн. кранов, вывоз из Персии сократился тоже более чем на 100 млн. кранов, главным образом за счет сокращения вывоза нефтепродуктов АРОС и частично за счет сокращения собственно персидского экспорта. Общий оборот сократился вследствие этого больше чем на 200 млн. кранов. Сальдо оборота, если считать экспорт нефтепродуктов АРОС, — формально благоприятно для Персии, т. е. экспорт превышает импорт. Однако, если мы выбросим из оборота нефтепродукты АРОС, то сальдо сразу переходит в пассив и в очень большой сумме для масштаба Персии. Так, сальдо оборота 1308 г. было для Персии —432.7 млн. кранов и в 1309 г. —351.9 млн. кранов. Однако, мы должны отметить, что сальдо оборота 1309 г. в крановом выражении было более благоприятно для Персии, чем сальдо 1308 г.[1]

Совершенно очевидно, что цифры оборота в кранах, в условиях падения курса крана, еще совершенно недостаточны для правильной его оценки. В отчете приведен средне-годовой курс фунта стерлингов за 1309 г.: он равнялся 63.40 кранов.[2] Средний курс фунта за 1308 г. равнялся 58 кранам.[3] Для того, чтобы сопоставить цифры персидского внешне-торгового оборота за эти два сравниваемые года, представим приведенные выше цифры в мировой валюте, для чего пересчитаем их по соответствующим средне-годовым курсам в фунты.

[1] Мы здесь не касаемся каких-либо других очисток оборота, поскольку это дело довольно сложное и вывело бы нас из рамок рецензии. В связи с этим было бы неправильно думать, что выведенные в табличке цифры персидского оборота принимаем как окончательные. Мы совершенно не касаемся также вопроса о практике и методах оценок персидского оборота в персидской таможенной статистике. Мы лишь условно принимаем, что последние были одинаковы в 1308 и 1309 гг. и поэтому обращаем больше внимания не на абсолютные цифры каждого из этих в отдельности годов, а на те относительные сдвиги, которые произошли за год.

[2] Стр. III 4 рассматриваемого отчета.

[3] Стр. III 4 таможенного отчета за 1308 г.

В тысячах фунтов стерлингов

ГОДЫ	Ввоз	Вывоз			Сальдо оборота		Общий оборот	
		Весь	В том числе		С нефтепродукт. АРОС	Без нефтепродукт. АРОС	С нефтепродукт. АРОС	Без нефтепродукт. АРОС
			Нефтепродукт. АРОС	Без нефтепродукт. АРОС				
1308	15 860	27 152	18 751	8401	+11 292	—7459	43 012	24 261
1309	12 784	23 089	15 855	7234	+10 305	—5550	35 873	20 018
Изменение	—3 076	—4 063	—2 896	—1167	— 987	+1909	—7 139	—4 243

Из этой таблицы мы видим еще большее сокращение всех статей внешнеторгового оборота Персии. Общий оборот за год сократился на 17%, с 24.3 млн. фунтов до 20.0 млн. фунтов. Особенно сильно сократился ввоз в Персию; в этом, очевидно, сказалась регулирующая сторона закона о валютной монополии. По вывозу сильно сократился экспорт нефтепродуктов АРОС и частично сократился вывоз собственно персидских товаров. Пассивное сальдо оборота без нефтепродуктов в связи с этим уменьшилось с 7.5 млн. фунтов стерлингов до 5.6 млн. фунтов стерлингов. Таким образом, мы видим, что кое-какие результаты режим валютной монополии дал, но, понятно, тяжесть проведения его пришлось нести персидскому потребителю. Сокращение ввоза в Персию с 15.8 млн. кранов, больше чем на 3 млн. фунтов, не могло не отразиться на персидском рынке и, конечно, способствовало повышению цен на иностранные товары. Не нужно забывать, что для Персии иностранные товары это, в основной массе, готовые изделия потребительского набора: мануфактура, сахар, керосин и т. п.

Интересные изменения произошли в цифрах экспорта и импорта отдельных статей. Вывоз главнейшей статьи «персидского»[1] экспорта — нефтепродуктов — снизился с 1087.6 млн. кр. до 1005.2 млн. кр., т. е. на 82.4 млн. кр.[2]

Если взять статьи собственно персидского экспорта, то можно видеть что основное уменьшение пришлось на товары, вывозимые в капиталистические страны и гораздо меньшее — на товары, вывозимые в СССР.

Так главнейшая экспортная статья — ковры — снизилась с 146.4 млн. кр. до 124.7 млн. кр., т. е. на 21.7 млн. кр. Опиум, занимавший в 1308 г. третье

[1] Выше мы обратили внимание на то, что этот экспорт можно включать в цифры персидского внешне-торгового оборота лишь весьма условно.

[2] При сравнении этих и других подобных цифр за 1308 и 1309 гг. в кранах необходимо также учитывать разницу в средних курсах крана в 1308 и 1309 гг.; из приведенных выше цифр видим, что кран в 1309 г. был по меньшей мере на 10% ниже крана 1308 г.; это по данным официальной котировки крана в Тегеране, а по фактическому курсу — даже на 45—50% ниже, чем в 1308 г.

место во всем экспорте (после нефтепродуктов и ковров), перешел на четвертое место, понизившись в цифре экспорта с 70.2 млн. кр. до 49.1 млн. кр., т. е. на 21.1 млн. кр.

Эти две главные статьи персидского экспорта — ковры и опиум, — считавшиеся до кризиса наиболее «валютными», испытали на себе тяжесть мирового экономического кризиса больше всех остальных. Основным потребителем персидских ковров является Америка (США). Вывоз ковров в эту страну за последние предкризисные годы и рассматриваемый кризисный год выражался в следующих цифрах:

Годы	Всего	Из этого в США
1305 (1926—27)	123 млн. кр.	71 млн. кр.
1306 (1927—28)	154 » »	73 » »
1307 (1928—29)	159 » »	75 » »
1308 (1929—30)	146 » »	78 » »
1309 (1930—31)	125 » »	60 » »

Выработка ковров на старой технической базе увеличилась за послевоенное время под влиянием спроса со стороны капиталистических стран, в особенности, со стороны Америки. Потребителем персидской ковровой продукции была, в основном, средняя и мелкая американская буржуазия и даже рабочая аристократия (если не считать более дорогих антиков и старых кашанских и керманских шелковых ковров, покупавшихся отдельными состоятельными коллекционерами и любителями).

Падение покупательной способности средних слоев населения в США под влиянием кризиса резко ударило по ценам на ковры, а затем выразилось и в сокращении самого экспорта ковров из Персии. США, в целях борьбы с кризисом, с момента начала кризиса установили на ковры заградитель- ные пошлины, встретившие сильнейший протест в Персии. Наиболее агрессивно настроенные персидские круги взывали даже к необходимости таможенной войны с США, но понятно силы для этого были неравные. Однако, сокращение экспорта персидских ковров в Америку все же несомненно отразилось в смысле ответного сокращения ввоза автомобилей из США.

Что касается опиума, то главнейшим потребителем его является Китай и Индо-Китай, если не считать небольшого количества, идущего для медицинских надобностей в Европу. Персидские таможенные отчеты не дают правильной картины вывоза опиума по странам назначения. Фактически основная масса опиума идет в Китай для курения. Однако, поскольку он там запрещен к ввозу, то при отправке из Персии вывозимый опиум декларируется в таможнях по другому местоназначению. Основная масса опиума отгружается в Бушире на специально

фрахтуемые (в большинстве случаев) японские корабли. Ежегодно в Бушир приходят до 10 японских кораблей за опиумом; больше они ничего не грузят. Коносаменты и цертепартии выписываются на какой-нибудь, обычно не китайский, порт с тем, чтобы, при проходе китайскими водами, эти корабли не могли быть задержаны судами китайской таможенной полиции. Затем, где-нибудь в условном месте корабли сгружают опиум на встретившие их джонки. Если эта выгрузка проходит незамеченной таможенной стражей и опиум попадает на берег, то все обстоит благополучно, и вырученные за него деньги путем довольно сложных расчетов через Индию (обычно путем трассирования из Персии на Бомбей) возвращаются в Персию. Если же разгрузка происходит неудачно и ее обнаруживает таможенная охрана, то товар конфискуется. Отсюда, кстати, весьма большая разница в цене опиума фоб-Бушир и на месте его потребления.

В целях обхода китайской таможенной охраны весьма удобно декларировать опиум местоназначением во Владивосток. При этом условии корабли с опиумом (выше отмечено, что они обычно другого груза не берут) могут пройти вдоль всего индо-китайского и китайского побережья и при всяких встречах имеют возможность утверждать, что местоназначение их грузов дальше. Отсюда до 1306 г. (1927—29) в персидской таможенной статистике значительная часть, а в 1306 г. до одной трети (т. е. больше чем на 30 млн. кр.) всего экспорта опиума показывалась вывезенной в СССР. Это обстоятельство послужило поводом для специальных представлений со стороны СССР, в результате чего в таможенном отчете за 1306 г. была помещена специальная оговорка,[1] разъясняющая это недоразумение. С того времени, судя по цифрам экспорта опиума, показываемого на СССР, опиум, вывезенный по южным границам Персии и декларированный на СССР, персидской таможенной статистикой к цифрам СССР не относится. Персидские таможенные отчеты за последние несколько лет не показывают разбивки товарооборота по отдельным таможенным пунктам, так что на основании отчетов нельзя сказать, через какие пункты данный товар вывезен.

В смысле сокращения вывоза персидского опиума за последние годы на Персию сильно влияла Лига наций. Мотивировалось это, понятно, общегуманными соображениями, по слухам же в нажиме на Персию была заинтересована влиятельная группа крупнейших индийских экспортеров опиума. В Персию выезжала специальная комиссия Лиги наций для расследования опиумного вопроса на месте. В результате, в 1928 г. в Персии была введена правительственная монополия на опиум и сильно сокращены площади посевов.

---

[1] См. стр. X 6 отчета за 1306 г.: Remarque II. Il est presque certain que tout l'opium déclaré à l'exportation en destination de l'URSS (Vladivostok) a été déchargé ailleurs: en Chine, Indo-Chine ou autres contrées de l'Extrême-Orient.

Под давлением Лиги наций и в результате кризиса экспорт опиума из Персии в 1309 г., как мы видели, сильно сократился даже против 1308 г., что крайне тяжело отразилось на крестьянстве, занятом возделыванием культуры мака.

Не касаясь здесь общечеловеческих соображений о вреде курения опиума, в данном частном случае мы не должны забывать, что в современных социальных условиях в Персии опиум дает крестьянскому хозяйству первые деньги в году. Сбор опиума происходит в конце мая — начале июня и по установленному обычаю оплачивается тут же наличными. Этот момент играет чрезвычайно важную роль для крестьянского хозяйства этой страны.

Сухие фрукты, вывоз которых выражался в 1308 г. в 47.0 млн. кр., дали в 1309 г. увеличение до 57.9 млн. кр. Рис, показавший в 1308 г. 33.2 млн. кр., лишь незначительно снизился до 32.0 млн. кр.; хлопок, давший в 1308 г. 39.9 млн. кр., снизился до 31.3 млн. кр. Значительно увеличился в крановом выражении экспорт шерсти — с 15.8 млн. кр. до 23.3 млн. кр.; все это товары преимущественного экспорта в Союз ССР.

Особо следует отметить экспорт серебра в слитках, полученных в результате демонетизации части кранового обращения вследствие кризиса персидской валюты. В 1308 г. мы имели экспорт серебра из Персии всего лишь в сумме 4.3 млн. кр. при импорте его на сумму 42.4 млн. кр. (т. е. баланс ввоза и вывоза серебра давал превышение ввоза над вывозом в 38.1 млн. кр.); в 1309 г. мы наблюдаем обратное явление, а именно было экспортировано демонетизированного серебра[1] на сумму 12.8 млн. кр. при полном отсутствии импорта серебра.

Это явление должно быть подвергнуто экономистами специальному исследованию.

В Персии, подобно и некоторым другим восточным странам, имевшим серебряное денежное обращение, курс серебра вообще стоял выше, чем в развитых капиталистических странах, и европейские банки обычно старались эту разницу в курсе поддерживать. Процесс постепенного падения серебра, на фоне которого восточные страны встретили мировой экономический кризис, дал возможность европейским странам по относительно хорошим ценам сбывать падающий в цене товар — серебро. Баланс ввоза и вывоза серебра в последние предкризисные годы все время давал для Персии превышение ввоза этого металла над вывозом, ведя персидское денежное обращение неуклонно к кризису. Законодательство страны либо по близорукости, либо под влиянием извне, тоже этому благоприятствовало, установив режим свободного ввоза серебра и даже сложив с него ввозные пошлины с установлением одновременного запрета вывоза серебра.

---

[1] «Argent en lingots (monnaies démonétisées»)», стр. XI, 4.

Результатом этой политики, как известно, была серебряная инфляция и общее падение ценности персидского денежного обращения не меньше чем в два раза; что касается золота, то оно абсолютно ушло из страны. Наоборот в цифрах оборота серебра в 1309 г. явно чувствуется режим, установленный валютной монополией, а именно запрет ввоза серебра и льготы по вывозу серебра, проведенные последующими добавлениями к закону. Таким тяжелым путем своеобразного «кровопускания» персидское правительство пыталось ликвидировать серебряную инфляцию и хотя бы временно отрегулировать свое приведенное в расстройство денежное обращение. Всем понятно, что серебро могло быть вывезено в 1309 г. при общей резкой депрессии мирового серебряного рынка лишь по бросовым ценам.

Не безинтересно в связи с этим отметить, что в 1308 г. главнейшим поставщиком серебра для Персии была Англия (вместе с Индией — 29.3 млн. кр. из общей суммы ввоза в 42.4 млн. кр.), в 1309 г. она уже выступала как главнейший покупатель (10.7 млн. кр. из общей суммы вывоза в 12.8 млн. кр.).

Снизился экспорт кишок, выделанной кожи, икры и т. п. Одновременно с этим возрос экспорт живого скота, главным образом, вследствие спроса, предъявленного со стороны СССР.

Что касается импорта в Персию, то, как мы уже видели, он сократился относительно еще более, чем экспорт. Это сказалось почти на всех статьях. Так импорт хлопчатобумажных тканей сократился с 166.9 млн. кр. 1308 г. до 142.8 млн. кр.; импорт сахара сократился со 115.6 млн. кр. до 114.9 млн. кр.; импорт чая с 70.1 млн. кр. до 65.7 млн. кр. Эти три статьи вместе вообще до последнего года были решающими в персидском ввозе и составляли в 1308 г. 36% всего ввоза, т. е. больше одной трети. Сильно сократился ввоз перевозочных средств, в том числе и автомобилей — с 65 млн. кр. до 35 млн. кр. Сократился ввоз железнодорожного оборудования, очевидно, в связи с приостановкой постройки Трансперсидской железной дороги. Сократился ввоз шерстяных тканей, спичек и др.

В отчете показано очень большое увеличение ввоза машин и оборудования — с 46.1 млн. кр. до 88.1 млн. кр. Из отчета непосредственно не видно, но есть основания считать, что основная часть этого приходится на ввоз машин и оборудования для нужд АРОС, а не на собственно персидский ввоз.

Наконец необходимо также отметить большую сумму импорта военного снабжения,[1] которого завезено в 1309 г. на сумму в 21.5 млн. кр.

По странам оборот изменился следующим образом. С Англо-Индией оборот сильно снизился. Экспорт из Персии (включая нефтепродукты) сократился

---

[1] Armes et munitions, стр. XI 2 отчета.

с 763.6 млн. кр. до 653.0 млн. кр., главным образом за счет снижения вывоза нефтепродуктов (на 91.7 млн. кр., а в фунтах с учетом падения крана, на 2.8 млн. фунтов). Весьма сильно снизился вывоз в эту страну опиума—с 22.4 млн. кр. до 0.5 млн. кр.[1] Что касается импорта из этой страны в Персию, то он, выраженый в кранах, даже увеличился с 356.4 млн. кр. до 368.6 млн. кр., или на 12.2 млн. кр. (в фунтовом же выражении, с учетом падения крана, снизился на 331 тыс. фун.). Однако, при ближайшем рассмотрении мы видим, что рост импорта в кранах произошел главным образом за счет увеличения ввоза машин и оборудования — с 29.4 млн. кр. до 78.5 млн. кр., т. е. на 49.1 млн. кр., очевидно, главным образом, для нужд АРОС. Весь же остальной ввоз в Персию основательно снизился даже в крановом выражении. Так сократился ввоз хлопчатобумажных тканей, сократился ввоз чая и др.

Торговля Персии с Союзом в 1309 г. также сократилась, однако несколько иначе, чем торговля с Англо-Индией. Отчет отмечает снижение импорта из Союза на 40.5 млн. кр. и вместе с тем увеличение экспорта в Союз на 10.2 млн. кр.[2] Общая сумма экспорта Персии в Союз выведена в 158.8 млн. кр., а импорта из Союза в 234.2 млн. кр.[3] Сократился несколько экспорт риса, хлопка и сухофруктов, но сильно возрос экспорт шерсти, коконов, гумми-драганта, живого скота и др.

Увеличили оборот с Персией Германия, Италия, Япония, Нидерланды и др. Снизили оборот, кроме Англии, сильно США, Франция и др.

Германия, вообще, за последнее время развивает сильную торговую экспансию в Персии. По экспорту из Персии оборот с Германией увеличился, главным образом, за счет вывоза в Германию сухих фруктов, а увеличение импорта произошло преимущественно за счет ввоза военного снаряжения (на полную сумму всего ввоза по этой статье, упомянутой выше).

Оборот с США сократился по вывозу — преимущественно за счет вывоза ковров, а по ввозу — за счет ввоза автомобилей и железнодорожного оборудования.

Италия и Япония увеличили ввоз в Персию хлопчатобумажных тканей.

Прочие страны либо имели с Персией очень небольшой оборот, либо этот оборот происходил почти исключительно за счет нефтепродуктов АРОС (напр., Египет).

---

[1] Возможно, что это снижение фиктивное. Едва ли и в 1308 г. реально вывозилось опиума в Англо-Индию на такую сумму; скорее можно думать, что опиум лишь оформлялся на эти страны, а в 1309 г. произошли какие-то изменения в оформлении местоназначения опиума.

[2] Стр. X 5 отчета.

[3] Эти цифры далеко не дают правильного представления о взаимоотношении между экспортом в Союз и импортом из Союза вследствие практикуемых персидской таможенной статистикой неправильных оценок товаров советско-персидского оборота; фактически между ввозом и вывозом в Союз такого разрыва в 1309 г. не было.

Изменения в структуре персидского внешнего оборота в 1309 г. и изменения участия в нем отдельных стран заслуживают серьезного внимания. Даже беглый обзор дает возможность судить, как обострилась конкуренция капиталистических стран в Персии в период кризиса и как ряд стран, занимавших не первое место на персидском рынке, пытается расширить свои позиции (Германия, Япония, Италия). Интересно также проследить, как во время кризиса капиталистические страны стремятся переложить тяжесть кризиса на страны, колониальные и полуколониальные, в том числе на Персию.

Кроме данных о товарообороте, в отчете вообще много всяких статистических и справочных данных за 1309 г. Там приведена статистика движения судов по Каспийскому морю, Персидскому заливу и р. Каруну, последние сведения о персидских путях и тарифы, справочные сведения об авиалиниях, статистика приезда и отъезда пассажиров и прочие разные сведения.

Особо должен быть отмечен, помещенный в качестве приложения, ряд законодательных актов, имеющих отношение к внешней торговле (они даны во французском переводе, как и весь отчет). К таковым относятся законы: о сахаро-чайной монополии, дорожных сборах, табачной монополии, монополии внешней торговли (введенный только в самом конце 1309 г.), закон о переходе на золотую единицу и ряд дополнений к последним законам.

Вообще весь отчет представляет необходимый материал для всякого, изучающего развитие кризиса в Персии.[1]

А. Д. Новичев

К ВОПРОСУ О ФЕОДАЛИЗМЕ В ТУРЕЦКОМ КУРДИСТАНЕ

(Nasit Hakkı Derebeyi ve Dersim. Анкара, 1932, 75 стр. с прилож. 23 фотографий)

В современной Турции мы имеем пестроту укладов. Наряду с районами, преимущественно Западной Анатолии, шагнувшими вперед по пути капиталистического развития, мы имеем районы, характеризующиеся сохранением феодальных отношений, своеобразно сплетающихся с отношениями родовыми и племенными. Как известно, в Турции эти отношения находят себе место главным образом в восточных районах, в Курдистане, и их носителями являются

---

[1] Как источник для изучения экономики современной Персии, персидские таможенные отчеты должны быть подвергнуты основательному критическому анализу. Мы этого вопроса в данной заметке не касались.

курды, составляющие большинство местного населения. В силу указанных особенностей этой части Турции, необходимо тщательное ее изучение, и каждая работа, дающая нам для этого конкретный материал, должна быть принята во внимание. С этой точки зрения большую ценность представляет работа, упомянутая в заголовке, автор которой дает конкретную, являющуюся результатом личных наблюдений, картину общественных отношений такого труднодоступного района Турции, как Дерсимский.

О дерсимских курдах мы имеем крайне скудные сведения. В русской литературе мы имеем о них несколько небольших статей, разбросанных главным образом в Записках Географического общества и Известиях штаба Кавказского военного округа. Таковы например: письмо из Трапезунда о дерсимских курдах в Зап. РГО за 1863 г. в книге 1-й, статьи о кызылбашах, главным образом дерсимских, в Изв. Штаба Кавк. военн. окр. за 1905 г. (№ 7—8) и 1907 г. (№ 19), статьи о кызылбашах проф. В. Гордлевского: «Из религиозных исканий в Малой Азии. Кызылбаши» в журн. «Русская мысль», кн. XI, 1916, и «Из религиозной жизни кызылбашей Малой Азии» в журн. «Новый Восток», 1922. Несколько отдельных мест о Дерсиме и дерсимских курдах мы находим у Линча во втором посвященном турецким провинциям томе его двухтомного сочинения об Армении (стр. 503 и далее, стр. 532 и далее).

Из иностранных работ мы укажем лишь на автора огромного труда «La Turquie d'Asie» Vital Quinet, который во втором томе своего сочинения, вышедшем в 1892 г., посвящает специальную главу статистико-экономическому описанию Дерсимского санджака как в целом, так и по отдельным каза.

Все перечисленные работы однако недостаточны для подробной характеристики Дерсима.

Сочинение Нашит Хаккы является работой, которая, хоть и не в достаточной мере, но все же более подробно освещает общественные отношения среди курдов Дерсимского района.

Автор ее принимал участие в подавлении курдского восстания в 1925 г., его работа является результатом записей, сделанных им в то время на месте.

Автор — типичный национал-шовинист. Он не обнаруживает ни грана понимания национального вопроса. Он его просто не признает. Дерсимское население он объявляет турецким по своему происхождению, которое насильно окурдизировано курдскими феодалами.[1]

[1] Этой же точки зрения придерживается и рецензент этой работы в турецком журнале «Kadro», издаваемом в Анкаре, Şevket Sureyya в № 6 июнь 1932. Мы не намерены заниматься здесь опровержением этой новоявленной теории. Мы лишь напомним в этой связи весьма интересную статью акад. Н. Я. Марра. Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии). «Записки Вост. Отд. имп. Русск. арх. общества», т. XX, 1910, стр. 99—151.

Отбрасывая в сторону это своеобразное «разрешение» курдского вопроса, мы все же можем и должны воспользоваться сообщаемым автором конкретным материалом. Ввиду того, что последний безусловно представляет большой интерес не только для изучающих Турцию, но и для тех исследователей, которые занимаются изучением курдского вопроса и которым недоступен турецкий язык, мы сочли целесообразным дать более подробное изложение наиболее существенных мест названной работы.

Прежде всего дадим несколько статистических справок об этом районе. По данным турецких официальных источников[1] площадь Дерсимского вилайета, ныне именуемого Эльазисским вилайетом (Elâziz), равняется 17 813 квадратным километрам, а население — 213 777 человек, из них 104 719 мужчин и 213 777 женщин. Средняя плотность населения составляет 12 чел. на 1 кв. километр. Однако, внутри вилайета плотность по отдельным каза крайне неравномерна, что явствует из следующих данных:

Наименование каза	Плотность на 1 кв. км	Наименавание каза	Плотность на 1 кв. км
Баскил	10.4	Кебан	4.3
Чапакчур[2]	5.0	Мазкирт	12.2
Чемышгезек	12.2	Маден	7.5
Ельазиз (б. Дерсим) . . .	24.6	Оваджык	9.9
Генч[2]	2.7	Полу	12.5
Хозат . . . . î	5.1	Пертек	17.6

Как видно из приведенных цифр, наиболее населенными каза являются Ельазиз, Пертек, Полу, Чемишгезек и Мазкирт. Наименее населенными — каза Генч, Кебан, Чапакчур и Хозат.

Примерно то же говорится и в рассматриваемой работе. Автор указывает на Пертек, Чемишгезек и Мазкирт, как на самые населенные, и на Оваджык и Хозат, как на наименее населенные части Дерсимского вилайета.

Природные условия этого района очень суровые. Зима здесь, по указанию автора, длится 7—8 месяцев. Местность гористая. Отвесные скалы, глубокие обрывы, высокие горы и расположенные у их подножия долины — вот рельеф местности. Долина вместе с окружающими ее горами напоминает колодец. Половину года она закрыта. Эту местность, покрытую значительную часть года снежным покровом, населяет физически крепкое население — дерсимские курды.

Кроме нескольких небольших городских центров, остальные населенные места представляют собой деревни по 8—10 домов в каждой.

---

[1] Türkiye Cümhuriyeti Devlet Jilliği, 1929—1930.

[2] Эти казы были включены в Дерсимский вилайет лишь в 1927 г. и Нашит Хаккы о них не упоминает.

Автор так описывает деревню этого района: на хребте рассыпано 4—5 кровель. Некоторые хижины построены из камня, а некоторые на аршин находятся под землею. Вблизи их имеется двухэтажный дом — это дом аги. В двухэтажном доме нижний этаж отведен под стойло и сарай для соломы. Наверху — большая комната, так называемая «мусафир одасы» — комната для гостей. В одноэтажном доме на одной стороне привязаны животные, на другой навалена солома. Тут же вместе со скотом и живет дерсимская семья, дети. Во время страшной зимы хижина согревается очагом, наполненным кизяком, и теплотой животных.

Напротив селения гора — пастбище племени. Летом дерсимец уходит туда на 3—4 месяца. Проходит лето и дерсимец вновь опускается в долины, в свои хижины.

Скотоводство здесь основное занятие населения и имущество племени исчисляется, как увидим ниже, при описании племен, в скоте.

По данным приведенного выше турецкого ежегодника за 1929—1930 г. можно составить себе известное представление о состоянии земледелия в этом вилайете. Всего под посевами здесь 372 690 денюмов[1] земли, главным образом, под пшеницей (254 000 денюмов) и ячменем (97 000 денюмов). Сельского населения в этом вилайете, по данным переписи 1927 года, — 179 114 человек. Другими словами, в среднем, на каждого жителя деревни приходится 2.4 денюма. Отсюда ясно, что земледелие играет здесь подчиненную роль. Но вместе с тем, очень важно подчеркнуть указание автора на то, что земля здесь не пустует, за исключением отдельных слабо населенных мест.

Таким образом очевидно, что слабая распространенность земледелия здесь находится также в связи с тем, что в этом районе вообще мало годной для земледелия земли. Между тем, процесс оседания племен, как отмечает ниже автор, идет. Отсюда неизбежное усиление имеющей место уже и сейчас борьбы за землю, каковую даже в этом районе нельзя поэтому недооценивать. Плодородной, по мнению автора, почву признать здесь нельзя.

Преобладает натуральное хозяйство. Дерсимец, говорит автор, сам потребляет свое стадо: пьет его молоко, ест его мясо, масло, одевается в его кожу и шерсть. В качестве одного из препятствий к развитию здесь товарооборота автор отмечает грабеж. В Дерсим — говорит он, нельзя возить деньги и товары — грабят.

По этой причине здесь нет налаженной караванной торговли, наиболее подходящей к существующим условиям транспорта.

Крупнейшим дефектом работы автора является то, что он не дает картины развития товарно-денежных отношений.

---

[1] 1 га = 10.879 денюма.

Между тем, уже в 1863 г., согласно данным упомянутого письма из Трапезунда, существовала торговля как местными продуктами, так и привозными: «овцы, козы, шкуры, шерсть, масло, сыр, манна, чернильные орешки, курдские ковры (в незначительном количестве) суть произведения страны и составляют предмет вывозной торговли; грубая мануфактура и домашняя рухлядь составляют статьи привоза» (стр. 8). То же отмечает и V. Quinet, который указывает, что население сбывает свои продукты скотоводства в обмен на ткани, причем эти операции большей частью производятся разносчиками, идущими из деревни в деревню (относится к 1890 г.).

Население Дерсима делится на племена (aşiret). Две основные ветви дерсимцев это — ветвь Шейх Хасана и Сеит-Али. Принадлежащие к ветви первого называются Шейхасанлы, а к ветви второго — Сейданлы. Племена находятся между собой в постоянной вражде. Вместе с летом, когда племена поднимаются из долин в горы на свои пастбища, оживает старая вражда, старые счеты. Проходит лето, дерсимец опускается в долину, опять-таки боясь нападения на свое стадо и не только со стороны соседей, но и дальних племен. Здесь нет надежности ни жизни, ни имущества.

Вот список племен, враждующих друг с другом: Шадыллы (Şadılli) с племенем Курейшан (Kureyşan), Каршан (Karşan) со всеми своими соседями. Хайдаранлы (Haydaranlı) с племенами Арыллы и Шейхасан (Şeyhasan), Арыллы с племенами Хормик, Курейшан и Хайдаранлы, Курейшан с племенами Шадыллы и Арыллы, Лолâн (Lolân) с племенем Деменан (Demenan), Бахтийар (Bahtiyar) с племенами Юкары Аббас (Jukarı Abbas) и Лачин (Laçin), Кочушагы (Koçuşagı) со всеми племенами, кроме племени Шамушагы (Şam uşağı), Нижний Аббас (Aşağı Abbas) с племенем Пильванк (Pilvank), Юкары Аббас с племенами Кырган (Kırgan), Калан (Kalan), Деменан и Бахттйар.

Верхние Карабаллы (Yukarı Karaballı) с племенем Калан; Ферхатушагы (Ferhatuşağı) с племенем Кочушагы (Koçuşağı). Пильванк со всеми своими соседями, Шамушагы с племенем Ашагы Карабаллы, Калан с племенами Юкары Аббас и Юкары Карабаллы. Максутушагы (Maksutuşağı) с племенем Аслан ушагы (Aslan uşağı).

Для того, чтобы наблюдать жизнь племен, надо удалиться подальше от городков (касаба). Отправившись на запад от г. Хозата, можно наблюдать жизнь западных племен. Автор дает краткое описание отдельных племен. Приведем некоторые из них:

Вот краткое содержание описания племени Карабаллы, которое возглавляется вождем Кангозадэ (автор говорит — Kangozadenin Aşireti — племя Кангозадэ). Племя делится на две ветви — Верхние Карабаллы и Нижние Карабаллы, которое состоит из двух родов. Это племя к настоящему времени уже

полностью освободилось от кочевничества, не порвав со скотоводством. Оно состоит из 2000 мужчин и стольких же женщин. В племени имеется до 5000 коз и овец, 1500 штук крупного рогатого скота, 600 мулов и до 800 ослов и лошадей. Интересно, что в этом племени имеется 5 человек, окончивших аширет мектеби[1] в Константинополе, из которых двое после были депутатами. Верхние Карабаллы делятся на два рода — Копданлы и Карабаллы. Они также осели на землю. Вокруг их деревень расположены летние пастбища. Племя насчитывает около 1500 человек. Они имеют до тысячи голов крупного рогатого скота, 2000 голов баранов и коз. Племя возглавляется Хусейн Ага Задэ. Оно враждует с племенем Калан и находится в дружеских отношениях с племенем Кырганлы.

Племя Калан насчитывает пять тысяч человек, живущих в деревне Калан казы Оваджик.

Живя среди гор, они до сих пор не знают, что такое государство, закон. Племя имеет около 8 тысяч голов скота. Скот пасется возле деревень. Вождь племени Мунзур Ага задэ Али. Племя Калан состоит из пяти родов — Кечель, Бал, Кыр, Пирим и Аббас.

В таком же примерно роде автор описывает и другие западные племена — Кочушагы, Шамушагы, Бахтийар, Лачин, Максут, Аслан, Безгер и Бейтушагы. Далее автор дает краткое описание главных племен и родов восточной части Дерсимского вилайета — Хайдаран, Арыллы, Хормик, Каршан, Шадыллы, Деменан Алан, Шейхмехметлер (Şeyh Mehmetler) и Лолан.

Вот описание восточного племени — Арыллы.

Оно живет в горах Назымийе в весьма оживленном нахие[2] Хакис, и вождем его является Юсуф ага, который держит в своих руках также три ветви племени — Махмутовцев (Mahmutlar), Аббасовцев (Abbaslar) и Ферхатовцев (Ferhatlar). Эти три ветви насчитывают 3500 человек. Автор пишет, что племя Арыллы чрезвычайно неспокойное. Во время мировой войны оно взбунтовалось и вместе с своими соседями внезапно напало на Назымийе, разграбило и разрушило правительственные здания. Говорили, что вместе с доставшимися на его долю после этого большого грабежа оружием, племя Арыллы могло выставить тысячу винтовок. Племя Арыллы живет в деревнях вокруг Хакиса. Летом оно уходит на пастбища горы Пежик. Юсуф ага считается наиболее важной персоной в этих горах.

---

[1] «В 1892 г. в Константинополе и Багдаде были основаны особые «аширетные школы», имевшие целью внедрить в кочевников арабов и курдов начала привязанности к Турции». В. Ф. Минорский. Курды, Пгр., 1915.

[2] Административная единица — примерно соответствует русской волости.

Что же представляют эти «Юсуф аги» — начальники племен, какова их социальная природа? Обратимся к изложению тех мест работы Nasit Hakkı, которые освещают именно эту сторону.

Деребей, бей, ага, шейх и челеби (барин) — одно и то же, говорит автор, какова бы ни была его внешняя оболочка.[1]

Вся сила у бея. Беи имеют одну деревню, шесть деревень, 15 деревень, сорок деревень, 80 деревень, 167 деревень . . . Это их личное имущество. Земля деревни, ее дома, воздух, вода, живущие в ней люди, животные, сельскохозяйственные орудия — все без различия — имущество бея. Единственный обладатель прав — бей. Религиозные правила, толкования имама, постановления судей, фирманы падишаха и конституция действуют только для него. Проживающий в центре — в центре нахие, каза, вилайета, государства — бей, проникает в государственный аппарат, чиновники попадают в его руки. Если какой-нибудь феодал помельче станет в оппозицию феодалу покрупнее, тогда первому приходится очень плохо. Гнев бея страшен. Мелкий феодал ввергается в тюрьму (как увидим ниже, весьма распространенным явлением является выступление феодала в качестве представителя государственной власти). Если он не отдаст все свое стадо или по крайней мере половину его, то он из тюрьмы не спасется.

Некоторые беи так не делают, боясь огласки, а посылают своих доверенных людей, которые сводят счеты в тихом углу. Убийцы скрываются, а если их даже схватят, то благодаря высокому покровительству бея они отделываются легким наказанием. Практикуется еще и другой способ: для того, чтобы заполучить землю соседа, составляется фальшивый донос, в котором последний объявляется изменником, узурпатором, сторонником отделения. Власть не может итти против сильного бея, имея в своем распоряжении всего 5—10 жандармов. Тогда бей получает распоряжение власти, от имени которой он овладевает имуществом соперника.

Если и есть такие, которые не попали в лапы бею, то это обычно те, которые живут на окраине касаба (маленького городка) в бедной хижине, владеющие земельным участком, не превышающим 30—40 денюмов, старающиеся ужиться с беем.

Автор рисует следующую картину ограбления крестьян, которую он сам наблюдал у феодала Саит Риза. Крестьяне, муж и жена, плача пришли к Саит Риза и, павши к его ногам, взмолились о том, чтобы им вернули мула, угнанного у них его приспешником. Саит Риза, рассмотрев дело бедняка-крестьянина, тут же определил — уплатить 300 меджидие, в противном случае мул не будет возвращен.

---

[1] «Управляются они агами, от которых зависит иногда одна, иногда несколько деревень. Аги относятся к жителям, как помещики к поселянам, без различия, курды ли эти последние, или армяне». Зап. РГО, 1863, кн. 1-я. Геогр. летопись, стр. 8.

Приведенные выше факты показывают, что вождь племени или рода является типичным феодалом, держащим в своих руках все подчиненное ему племя или род, пользующимся внеэкономическим принуждением, включая грабеж и убийство членов своего рода или племени, для своих личных целей.

Когда существовал ашар, взимавшийся через откупщиков-мультезимов, беи часто выступали в роли последних. Nasit Hakkı пишет, что бей, скрывающий сам от обложения 80% своей продукции, выступает в качестве «мультезима»-откупщика ашара. С своего соседа, владеющего всего 25—30 денюмами земли, он требует ашара столько, как будто бы тот владел целой деревни, не допуская при этом никаких возражений.

Необходимо отметить то чрезвычайно важное обстоятельство, что курдский феодал выступает не только в качестве вождя племени или рода, но очень часто и в качестве представителя власти, чем он также широко пользуется для своего обогащения.

Вождь племени Кырганлы Шатоглу Сельман во время пребывания автора в Дерсиме был одновременно начальником нахие.

Вождь племени Пилванк Кёшоглу Сулейман был одновременно начальником нахие Дэрэ.

Крупный феодал и вождь племени Диап ага во время своего пятидесятилетнего пребывания вождем племени Ферхат был начальником нахие и членом идарэ (местного административного совета).

До него вождь этого племени Кахраман ага, один из крупнейших вождей и феодалов Дерсима, приобрел со времен султана Азиза каймакамство (каймакам — начальник уезда) в Хозате и заставлял трепетать все племена.

Мустафа (Мичо) ага — вождь племени Ашагы Аббас, и упомянутый выше Диап ага при конституционном режиме были депутатами меджлиса в первый период его существования. Автор знал их обоих лично еще по Анкаре. Они резко бросались в глаза, говорит он, своими длинными бородами и туземным внешним видом.

Часто племенной вождь, феодал и представитель власти, выступает еще в четвертом качестве — шейха. Например, упомянутый выше Саит Риза. Религия в Дерсиме, пишет автор, находится в руках Саита и является для него широкой областью для злоупотреблений. Вера, ад, и рай продаются и покупаются. Молитва, не обложенная какой-нибудь податью, здесь не существует. Дерсимцы в большинстве своем — кызылбаши — говорит автор. В Дерсиме чрезвычайно распространено поклонение священным вещам. Объекты поклонения — разрушенная стена, надгробный камень, кусок тряпки или кусок старого дерева.[1]

[1] Еще автор цитировавшегося письма из Трапезунда писал: «Некоторые из них, собравшись в комнату, поклоняются деревянному столбу, другие чтут восходящее солнце, дубы и чернильные деревья, носят при себе деревянные кусочки, которым молятся» (Зап. РГО, 1863, т. I. Геогр. летопись

Источник, утоляющий жажду, дерево, дающее тень, фонтан с прохладной водой — и они священны. Очень распространено почитание святых. Наиболее распространенным в Дерсиме объектом поклонения является так наз. Сары Салдык (Sari Saldık). Самые большие клятвы, племенные обеты даются у Сары Салдык.[1]

Использование темноты масс является составной частью их эксплоатации.

Автор перечисляет, чего, по его мнению, не сможет больше делать шейх после подавления восстания. Теперь шейх знает: «Суд независимости и ВНСТ[2] закрыли текке (монастыри), являющиеся его официальным торговым домом; теперь он не сможет брать барана за заклинание, теперь его текке не сможет обирать невежественных женщин, приходящих за благодатью; теперь не надо будет платить 1 алтын за то, чтобы видеть ступню мюрида, 5 алтын за то, чтобы видеть его окрашенную хной бороду и 10 алтын за то, чтобы видеть закрытое покрывалом лицо; теперь не надо будет выть подобно собаке у его дверей — после семидневной тряски в дороге; теперь не надо будет прятаться в то время, когда он выходит на улицу».

Нельзя, понятно, брать в серьез утверждение автора, что фактом подавления восстания и разгрома нескольких феодалов и шейхов уничтожены все основы эксплоатации курдских масс, в том числе и эксплоатации их темноты. Для нас вышеприведенные строки являются характерным выражением применяющейся и сейчас эксплоатации темноты курдских трудящихся феодалами, шейхами и пр. Как мы уже отмечали, часто деребей — феодал и шейх одно и то же лицо. Интересно отметить, что среди феодалов-вождей племен существует известная иерархия. Провинциальные беи должны по традиции содержать бея, сидящего в центре, для чего они обязаны рядом сборов. В определенное время необходимо лично принести ему животное, съестные припасы, кошелек золота или сумку серебра. Подношения при рождении, обрезании, венчании необходимо делать особо.

Провинциальный бей, пишет автор, не должен делать ошибки и особо усердно проявлять свои чувства почтения и благодарности по отношению к бею, сидящему в центре, во время вручения подарка. Эти чувства разъяснят ценность и величина подарка.

стр. 7). Французский вице-консул в Эрзеруме M. F. Grenard, объездивший местность, пишет, что здесь наблюдается «религиозное почитание некоторых деревьев, особенно растущих уединенно на высотах; под страхом навлечь на себя жестокие несчастья, не разрешается ни рубить эти деревья, ни отламывать от них ветки; на такие деревья навешивают разноцветные тряпки, а по временам им приносят в жертву баранов и кур. Не чужды кызылбаши и обоготворения солнца, луны, источников и рек» (Религиозная секта кызылбашей в Малой Азии. Перев. с франц. П. И. Аверьянова. Изв. штаба Кавк. военн. окр., 1905, № 7—8, стр. 4).

[1] Подробно о «Сары Салдык» см. в статье проф. Гордлевского «Из религиозной жизни кызылбашей», Новый Восток, 1922, № 1, стр. 16.

[2] Великое Национальное Собрание Турции.

Взамен этого, бей, сидящий в центре, дает провинциальному бею чевре (белый вышитый платок), минтан, ентар (род верхней одежды), но эти подарки не употребляются. Чевре висит в селямлике на стенке, минтан и ентар одеваются по праздникам, а в другие дни они хранятся как святая вещь.

Центральный бей защищает его интересы перед правительством, спасает его сына от отдачи в солдаты. Если у него есть дело в суде, он заставляет прекратить его или растягивает его на годы. При приезде провинциального бея в центр, центральный бей его принимает в своем доме в качестве гостя, кормит его, предоставляет ему ночлег. Деребеи, живущие в городах, говорит автор, — это самые опасные, самые замаскированные. Автор указывает, что, стремясь обеспечить свои интересы, беи, шейхи и аги, образовывают в каждом районе одно или несколько сильных объединений. Иногда две или три таких группы объединяются вместе.

Таково в основном содержание книги «Derebey ve Dersim», богатой, как видим, конкретным материалом для характеристики общественных отношений в таком трудно доступном районе, как Дерсимский.

Как видим, в этом районе господствует феодал, он же племенной вождь, он же часто представитель власти и шейх. Обращаем внимание на то, что зовется ли этот феодал деребей, бей или ага, его социальная физиономия одна и та же. Мы говорим это потому, что в нашей литературе по Турции часто ага трактуется как кулак без всяких оговорок. Не вдаваясь сейчас в анализ социальной природы турецкого ага, так как это выходит за рамки нашей темы, отметим, что когда речь идет о характеристике социальной природы аги, необходимо учесть, что она разная в различных районах Турции.

Как видно из цитированного материала, в Курдистане ага, деребей и бей, по социальному содержанию одно и то же.

Автор прилагает несколько характерных снимков феодалов, которые мы, к сожалению, лишены возможности воспроизвести.

Вот Мичо ага, вождь племени Ашагы Аббас: высокий старик с длинной белой бородой, в европейском костюме — длинный сюртук, жилет, по жилетке протянута вдоль цепочка от часов, на голове шляпа.

Но вот два совершенно исключительных портрета двух племенных вождей — вождя племени Ферхатушагы Чемшит ага и племени Ашагы Карабаллы Хусейн ага. Первый снимок дает изображение пожилого европейца — бритое лицо и холеные седые усы, европейский костюм, белая рубашка, галстух, а из левого кармашка пиджака торчит белый платочек, на голове мягкая шляпа.

Не менее красочен портрет другого племенного вождя — феодала. Снимок изображает молодого красивого мужчину лет 35, с бритым лицом и холеными черными усами. Одет в модный серый костюм, под пиджаком белая рубашка-апаш.

Таковы современные курдские феодалы и племенные вожди. «Патриархи» с длинными седыми бородами доживают последние дни, да и те напялили на головы европейские шляпы и одели европейского покроя сюртуки и пиджаки.

Наивный автор думает, что после подавления курдского восстания в 1925 г. вся система эксплоатации, применявшаяся курдскими феодалами, уничтожена.

Годы, прошедшие с момента восстания, показывают, что существо общественных отношений в Курдистане в основном не изменилось. Нарисованная автором картина общественных отношений остается в силе.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

А. К. Арендс и Н. А. Белгородский

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ ПЕРСИДСКОЙ НЕФТИ

Непосредственным поводом к составлению этой справки послужил последний конфликт вокруг персидской нефти, начавшийся с лета истекшего 1932 г., в связи с исключительно малым по сумме очередным отчислением в доход персидской казны, произведенным АРОС[1] в минувшем году. Конфликт особенно обострился в конце ноября и в начале декабря прошлого года, когда персидское правительство объявило нефтяную концессию аннулированной. Мы не имеем возможности, да это и не входит в задачи настоящей библиографической справки, освещать вопрос по существу. Мы обязаны лишь подчеркнуть важность и знаменательность этого конфликта в особенности в период всеобщего кризиса капиталистической системы и, в частности, в настоящий период его, период мирового экономического кризиса. Этот конфликт по своей важности выходит из пределов вопросов местного значения и приобретает международный характер, хотя бы уже потому, что объектом его является вообще нефтяной вопрос и, в частности, месторождения нефти мирового значения. Важность конфликта заключается в том, что в нем заинтересованы не только непосредственные стороны, Персия и Англия, но им затрагиваются также интересы крупнейших американских нефтяных концернов. С другой стороны, в период перехода к новому туру революций и войн, в который в своем развитии входит мировой кризис, конфликт грозит вызвать вооруженные столкновения мирового масштаба и обостряет военную опасность для СССР.

Приведенное здесь собрание библиографических данных о персидской нефти отнюдь не является законченной библиографией вопроса и даже не может претендовать на это. Это не что иное, как предварительная библиографическая справка, которую нужно было составить в самый короткий срок, исключавший возможность мало-мальски серьезных розысков в библиотеках и углубленного изучения литературы, написанной в связи с данным вопросом. Составителям этой справки срок был поставлен крайне жесткий, исключавший возможность исчер-

[1] Anglo-Persian Oil Company (Англо-персидская нефтяная компания).

пывающего сбора и серьезной обработки собранного материала; приходилось пользоваться, главным образом, книжным и библиографическим материалом, частично имевшимся у самих составителей, образовавшимся в процессе работы над общей экономикой Персии; использованы существующие библиографии Персии[1] и частично другие библиографические и справочные материалы. Однако, неполнота полученного материала ясна для самих составителей может быть лучше, чем для кого-либо другого. В особенности слабо представлены статьи, помещенные в разное время в нефтяных и прочих технических журналах и других специальных периодических изданиях. Из подобных материалов в эту сводку попали либо наиболее известные, либо просто оказавшиеся под рукой, которые могли быть просмотрены в короткий срок, отведенный на эту работу. Значительная неполнота материала сказывается даже на официальных известиях, так или иначе касающихся этого вопроса. В частности далеко неполно использованы официальные Blue Books английского правительства, в которых в разных местах рассеяны материалы, касающиеся нефтяного вопроса в Персии. При всем этом, оправданием появления в свет настоящей справки является то обстоятельство, что она все же включает в себя наиболее полное по количеству материала собрание литературы, посвященной вопросу о персидской нефти и следовательно, как сказано выше, может оказать некоторую пользу желающему приступить к работе над изучением конфликта и облегчить ему дальнейшие розыски материала.

В этом свете составители настоящей справки считали необходимым привлечь также библиографические материалы по северохерсидской нефти, вопрос о которой слишком переплетается с вопросом о южной нефти. Кроме этого, в справку частично вошли материалы и по месопотамской нефти, проблему которой также очень трудно оторвать от персидской нефти уже потому, что одним из основных акционеров ее является та же АРОС. И один из главнейших разведанных районов деятельности АРОС в Персии, так. наз. район Нафт-Хане (около персидского города Каср-е-Ширина), частично расположен на персидской территории и входит в число объектов, эксплоатируемых на основе концессии д'Арси,[2] полученной в свое время от персидского правительства, а частично входит в число месторождений, относящихся к месопотамским.

Весь материал настоящей библиографической справки расположен вначале на русском языке, далее — на западноевропейских языках и, наконец, на

---

[1] Кстати сказать, крайне немногочисленные; использованы — Wilson., Sir Arnold T. A Bibliography of Persia, 1930, Библиографический указатель по Персии, изд. КУТВ, М., 1928 и перечни статей, помещенных в отдельных журналах.

[2] Основная концессия, на базе которой АРОС имеет право на эксплоатацию нефтерождений на территории Персии, за исключением пяти северных провинций; именно эта концессия объявлена персидским правительством 27 ноября 1932 г. аннулированной.

персидском языке, во всех частях по алфавиту. Кстати сказать, последние источники в библиографических материалах о Персии наименее известны в западной и советской литературе, и поэтому их использование не лишено интереса; обратим внимание хотя бы на персидские законодательные акты, посвященные северной нефти. Расположить материал по какому-либо другому признаку, например по тематическому, составители были лишены возможности, так как в большинстве случаев в одной и той же статье или книге задевается целый ряд моментов, относящихся к персидской нефти, начиная от мирового политического и экономического ее значения, кончая технологическими процессами производства. Это вызвало бы многочисленное повторение названия одного и того же источника в различных тематических разделах, что значительно увеличило бы объем настоящей работы, ограниченной издательскими рамками.

По времени появления в свет вся собранная в настоящей библиографии литература написана в период 1901—1932 гг., т. е. в течение немногим более тридцати лет, начиная с момента выдачи персидским правительством концессии на южную нефть[1] и до сего времени. Но не следует думать, что вся эта литература выходила в течение этого тридцатилетнего периода более или менее равномерно. Можно наметить несколько узловых моментов, вызывавших каждый раз целую серию литературы, после чего наступали периоды относительного затишья, в течение которых совсем, или почти совсем в печати не появлялось ничего нового.

Первым из таких моментов, вообще говоря, очень слабо освещенным в литературе, был самый факт получения концессии. По времени — это 1901 г. и непосредственно следующие за ним годы. Вполне вероятно, что факт получения концессии в свое время и нашел какое-то отражение в современной специальной и периодической литературе, но для розысков этих материалов нужно было бы обследовать соответствующую прессу того периода, чего составители справки в данный им срок не могли сделать. Вообще же надо отметить, что в момент получения концессии ей еще не придавалось столь большого значения, так как она была не первой концессией такого и подобного ей порядка, полученной иностранцами от персидского правительства. Из большинства таких концессий в конечном итоге ничего не вышло, и они в результате были аннулированы. Да и вообще тридцать лет тому назад нефти еще не придавалось того значения, какое придается в настоящее время. Из литературы на русском языке, относящейся к этому периоду, можно назвать в небольшой части работу, М. П. Федорова «Соперничество торговых интересов на Востоке», в которой

[1] Концессия на персидскую нефть была получена австралийцем д'Арси 28 мая 1901 г.; в настоящее время, как уже сказано, владеет этой концессией АРОС; срок, на который выдана концессии — 60 лет.

он совершенно кратко сообщает о получении концессии и о начале изыскательных работ.

После этого, вплоть до лета 1914 г., по данному вопросу не выходило почти никакой литературы. Те годы были по сути дела лишь годами организационного периода и изыскательных работ. Первая товарная нефть была получена по концессии лишь в 1912—1913 гг., когда был выстроен нефтепровод на порт Абадан и нефть стала экспортироваться. К этому времени английское правительство убедилось в важности этих месторождений и в большой перспективе персидской нефти; в октябре 1913 — январе 1914 г. в южно-персидский нефтяной район выезжала с обследованием специальная комиссия английского адмиралтейства, результатом чего появилось специальное соглашение (Agreement) английского правительства с АРОС о приобретении контрольного пакета акций компании. Этим обстоятельством концессия сразу же по сути дела превратилась в английское правительственное предприятие. Соглашение английского правительства с АРОС вызвало обширный поток литературы. Заволновалась и русская правительственная и полуправительственная печать. Дело в том, что Agreement весьма серьезно затрагивал империалистические интересы царской России в Персии, поскольку территория, на которую распространялась сила концессии, занимала всю так наз. нейтральную зону и частично — зону русского влияния, установленные соглашением 1907 г. между Россией и Англией. К этому времени относятся статьи в «Новом времени»; это же событие нашло свое отражение и в дипломатической переписке русского министерства иностранных дел со своими представителями. Английское правительство опубликовало Agreement с другими приложениями в специальной Blue Book; ознакомление с этим источником совершенно необходимо, так как из него можно вынести отчетливое представление о политических соображениях английского правительства, руководивших им, когда оно решило принять непосредственное участие в эксплоатации персидской нефти.

Следующая полоса, обильная литературой по этому вопросу, — это время мировой империалистической войны и первых лет, подводящих итоги войне. Здесь на сцену выступает другая империалистическая страна — Германия. В период войны в Германии естественно возрастает интерес к объектам империалистических захватов своих противников, и она старается ознакомить с ними свое общество и создать в нем интерес к этим возможным объектам своей империалистической экспансии в случае победы над врагом. К этому периоду относятся работы Frech'a, Herzfeld'a, Kohler'a, Litten'a, Schweer'a и другие.

Следующим этапом, вызвавшим весьма обширную литературу по вопросу о персидской нефти, были годы 1920—1925 гг., годы борьбы мировых империалистических концернов за северoперсидскую нефть. Концессия на так наз. север-

ную нефть, полученная во время войны русским подданным А. М. Хоштарией, была им в годы гражданской войны в СССР переуступлена той же Англо-персидской нефтяной компании. Персидское правительство в дальнейшем не признало этой передачи, и меджлис утвердил предоставление концессии на северную нефть американской компании Стандарт Ойл. Началась борьба этих могущественных концернов между собой. Позднее в качестве соискателя на северо-персидскую нефть выступил новый влиятельный претендент Синклер. Борьба развивалась в очень обостренных формах. Не говоря уже о всевозможных переговорах и дипломатических комбинациях, в ход были пущены подкупы прессы, взятки государственным деятелям и другие не совсем дипломатические приемы. Вокруг вопроса развернулась также шумиха в заинтересованной прессе. К этому периоду относится ряд книг, посвященных северо-персидской нефти и вообще персидской нефтяной проблеме, как одному из крупнейших мировых объектов империалистической захватной политики. Большая часть этих книг отражает интересы той или иной империалистической группировки, и принимать их в качестве объективного материала отнюдь нельзя. Сюда относятся работы: Эспаньоля, Дэвенпорта и Кука, Hofman'а, и ряд других. Борьба за северную нефть нашла свое отражение в персидском законодательстве в виде нескольких утвержденных текстов концессионных договоров на северную нефть. После 1925 г., когда конфликт вокруг северной нефти несколько разрядился, в прессе вновь наступает относительное затишье.

Период 1925—1932 гг. — годы «процветания» АРОС. Добыча этой компании быстро растет, увеличивается капиталовооружение южных промыслов, растет международный удельный вес компании. Полемической литературы в это время вышло мало, но зато появился ряд статей, освещающих технические вопросы (главным образом в специальных журналах). Появилось несколько работ апологетического характера, отражающих официальную точку зрения АРОС, к таковым относятся работы Williamson'а, Steed'а, Reports самой компании и соответствующие главы и места из отчетов коммерческих атташе при британском посольстве в Тегеране Hadow и Lingeman'а.

Наконец последний этап, конфликт 1932 г., достигший своей кульминационной точки после аннуляции персидским правительством концессии д'Арси. Больших работ, посвященных этому (в момент, когда пишется настоящая статья) еще не успело выйти, да и газетные статьи, в особенности иностранные, не могли быть надлежащим образом подобраны. Конфликт 1932 г. вызвал прежде всего большое отражение в персидской прессе; ему также посвящен ряд заметок и небольших статей информационного характера в советской прессе, из которых прежде всего надлежит отметить статью Мадьяра, освещающую позицию иранской коммунистической партии в этом вопросе; из информационных статей

может быть названы: статья без подписи в «Известиях ЦИК» и статьи Петрина, Завриева и Верховского. Для изучения прохождения последнего конфликта обязательно должны быть привлечены фактические материалы в виде письма персидского министерства финансов к АРОС об аннуляции концессии д'Арси и отчет заседания меджлиса, на котором обсуждался этот вопрос.

Из советских работ, вообще посвященных деятельности АРОС, могут быть отмечены, как наиболее содержательные, статьи: Любимова, Сенджаби и Худадова и отчасти соответствующие места из работ Карпова «Экономика современной Персии» и Осетрова «Очерки экономического строя Персии».

Крайне скудно освещен рабочий вопрос на промыслах АРОС; в этом отношении могут быть названы лишь несколько статей, помещенных в персидской зарубежной коммунистической прессе.

Совершенно особо должна быть выделена документация рассматриваемого нами вопроса, ибо изучение документов, на основе которых образовалась АРОС и на базе которых развивалась ее деятельность, изучение документов, связанных с конфликтом вокруг северноперсидской нефти и, наконец, ознакомление с документами, относящимися к последнему конфликту — может много дать лицу, желающему заняться изучением этого вопроса и произвести исследование, базируясь на серьезном материале.

Прежде всего момент получения концессии. Концессионный договор, персидского правительства с д'Арси приведен во французском тексте у Litten'a, в персидском у Рахим-заде Сефеви. Ряд последующих документов, кончая Agreement'ом, приведен в работе Schweer'a, кроме того Agreement с некоторыми другими документами издан официально английским правительством в специальной Blue Book. Акты, посвященные северной нефти, имеются в собрании законов 4-го меджлиса (персидский текст). Наконец в качестве официального материала, связанного с последним конфликтом, необходимо отметить упомянутое письмо персидского министерства финансов об аннуляции концессии и отчет заседания меджлиса, посвященного обсуждению этой аннуляции.

Последний вопрос, на котором составители считают необходимым остановиться, учитывая неполноту настоящей библиографической справки, это вопрос о том, где производить дальнейшие розыски материалов, касающихся персидской нефти.

Прежде всего должны быть обследованы такие издания, как годовые отчеты АРОС (Annual Reports) и официальные сборники документов по делам Персии (Blue Books), издаваемые английским правительством, отчеты персидского меджлиса и английского парламента, в особенности за отмеченные выше периоды.

Затем — разного рода сборники и издания дипломатических документов и мемуарная литература, обильно вышедшая после войны. Должны быть просмотрены главнейшие технические журналы, в особенности геологического и специально нефтяного содержания, и наконец, если бы это представилось возможным, просмотрена общеполитическая пресса главнейших стран, заинтересованных в персидской нефти, хотя бы по тем этапам, какие были отмечены выше. В конце справки приведен краткий список периодической печати, не обследованной составителями, где, возможно, содержатся материалы по персидской нефти.

Нет сомнения, что приводимый ниже список литературы при обследовании перечисленных выше источников мог бы быть значительно расширен.

Составители считают своим долгом выразить глубокую признательность заведывающей отделом Ближнего Востока библиотеки Ленинградского Восточного института Л. С. Слоним и секретарю Персидского кабинета Института востоковедения Академии Наук Ф. Б. Ростопчину за ценные библиографические указания, использованные в настоящей работе.

Январь, 1933 г.

I. *Книги, сборники и справочники*

1. Граф, Георг Энгельберт. Нефть. Нефтяной капитализм и нефтяная политика. Перев. с немецк. Л. Весова и Е. Гнедина. Москва, 1927, 79 стр. [См. гл. Концерн АПОК, стр. 53—56].
2. Делези. Нефть. Москва, 1923. [См. стр. 30, 1904, 105, 128].
3. Дэвенпорт, Е. Г. и Кук Сидней Р. Нефтяные тресты и англо-американские отношения. Перевод с англ. А. Ф. Сперанского со вступительной статьей Е. А. Адамова «Англо-американские отношения с нефтяной точки зрения". М., 1925, XXXI + 185 + XIII стр.
4. Завриев, Д. С. Персия наших дней. Экономические очерки. Тифлис, 1931. [См. стр. 42—46].
5. Карпов, Н. Экономика современной Персии.— Тифлис, 1928. [См. стр. 39—52].
6. Леспаньоль де ля Трамери, Пьер. Мировая борьба за нефть. Перев. с французск. Л. Тумермана под ред. и с предислов. П. Китайгородского. — М., изд. Военн. Вестн., 1925, XVI + 211 + 2 карты. [См. стр. 106—118].
7. Материалы по изучению Востока, вып. 2. (секретно). Изд. Мин. Иностр. Дел, Петр., 1915, 541 стр. [Путевые дневники генерального консула в Багдаде ст. сов. Орлова, объездившего турецко-персидскую границу летом 1913 г.: № 4. Заметка об английской концессии в Чия-Сурхе, стр. 180. Турецко-персидская граница. Донесения Российского императорского комиссара по персидско-турецкому разграничению надв. сов. В. Ф. Минорского в 1914 г. — № 11. Разграничение от Мендели до р. Эльвенда, стр. 326. — № 12. Разграничение Зохаба, стр. 337. — № 19. Territoires transférés и нефтяная компания, стр. 376. — Приложение V. Концессия, выданная персидским правительством английскому подданному Д'Арси на разработку нефти в 1901 г. [франц. текст], стр. 506. — Приложение XIII. Заключительный протокол о турецко-персидском разграничении, подписанный 4 ноября 1913 г. в Константинополе, стр. 528. — Annexe «B», стр. 531].
8. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг., серия III, том IV. М. — Л., Гос. Соц.-экон. изд. 1931 г. [См. документы №№ 10, 25, 75, 103, 146, 156, 231, 232, 327].
9. Минорский, В. Ф. [См. Материалы по изучению Востока, вып. 2].
10. Наступление английского империализма на Афганистан и Персию. Сборник. Ташкент, 1929. [См. раздел «Персия», заметку — Расширение экономической базы английского империализма, стр. 11—13].
11. Орлов, А. А. [См. Материалы по изучению Востока, вып. 2].
12. Осетров, В. Очерки экономического строя Персии. Колониальный Восток, социально-экономические очерки под ред. А. Султан-заде. М., 1924. — [См. гл.: Концессия южной нефти, стр. 99—111, Борьба за нефть в северной Персии, стр. 111—116].
13. Педж, Арнот. Мировая политика нефти. Перев. с английск. под редакцией и со статьей о «Стандарт-Ойль» С. К. Диканского. Предисловие Г. И. Ломова. — Москва, 1925, 84 стр. [См. стр. 41 — Англо-персидская компания].

14. Страны Востока, экономический справочник под редакц. С. К. Пастухова, А. Е. Ходорова и Д. И. Шморгонера с предисловием А. М. Лежава. М., Изд. Всесоюзн.-вост. торг. палаты 1929. [См. раздел «Персия», стр. 34—38].
15. Султан-заде, А. Железо, уголь, нефть и мировая борьба за них. Л., 1924, 151 стр.
16. Султан-заде, А. Персия. — М., 1924, [См. стр. 41—46].
17. Султанзаде, А. Экономическое развитие Персии и английский империализм. — М., 1930, [См. стр. 65—72].
18. Федоров, М. П. Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб., 1903. [См. гл. Персия, стр. 243].
19. Фишер, Луи. Империализм нефти. Международная борьба за нефть. М.-Л. 1927. [См. гл. VIII. В царстве персидского шаха, стр. 149].
20. Шульце, Э. Борьба за персидско-месопотамскую нефть. Перев. с немецк. Н. М. Качкачева под ред. Ф. Ротштейна. М., 1924, 95 стр.
21. л'Эспаньоль, Пьер. Мировая борьба за нефть. Перев. с французск. Г. Дашевского под ред. А. А. Сухова. Харьков, Гиз. Украины, 1924, 102 стр.
22. Эспаньоль де ля Трамери. [См. Леспаньоль].

23. Agreement with the Anglo-Persian Oil Company, Limited. [Navy Oil Fuel]. Presented to Parliament by command of his majesty.— London, 1914, 29 pp. + 2 maps.
24. Anstey, V. The Trade of the Indian Ocean. — (The University Geographical Series). London, 1929. [См. главу The Trade in Mineral Oil стр. 187—197].
25. Chautard, J. Les gisements de pétrole. «Encyclopédie Scientifique», Paris, 1922.
26. Cook, S. R. см. Davenport, E. G.
27. Cunningham Craig, E. H. Oil Finding. 1921.
28. Davenport, E. G. and Cook, S. R. Anglo-American Relations. London, Macmillan, 1923.
29. Delaisi, F. Le Pétrole. Paris, 1921.
30. Emmons, W. H. Geology of Petroleum. — New York, 1921. [См. стр. 547—8].
31. Fisher, L. L'impérialisme du pétrole. Paris, 1928.
32. Garfias, Valentin R. Petroleum Ressources of the World. — New-York, 1923.
33. Hardinge, A. A Diplomatist in the East. — London, 1928, 398 pp.
34. Hofman, Karl. Oelpolitik und angelsächsischer Imperialismus. Berlin, 1927, 446 стр. + 5 карт. [Турция, Мосульский район].
35. Litten, W. Von der «pénétration pacifique» zum «Protektorat». Urkunden und Tatsachen zur Geschichte der europäischen «pénétration pacifique» in Persien 1860—1919. Berlin und Leipzig, 1920. [См. стр. 69—84].
36. Macfarlane, J. M. Fishes the Source of Petroleum. 1923.
37. Mauris, E. Annuaire du Pétrole. Paris, 1927, [см. стр.. 18—24].
38. Millspaugh, A. C. The Financial and Economic Situation of Persia, 1926. New-York, 1926. [см. раздел 17 — Petroleum — стр. 12—14].
39. Redwood, B. A Treatise on Petroleum. 3 vol. 4th ed. 1926. [См. vol. I, pp. 51 ff и 208 ff].
40. Rohr, Anton. The Oil War. New-York, 1926.
41. Schultze. E. Der Kampf um die persisch-mesopotamischen Ölfelder. Das Wirtschaftsleben der Türkei, Berlin, 1918, Bd. II [Ss. 81—171].
42. Sykes, P. A History of Persia. Vol. II, second edition, London, 1921. [Pp. 440—442: Operations in the Vicinity of Ahwaz for the Protection of Pipe-line; pp. 534—536: The Anglo-Persian Oil Company].
43. The Oil and Petroleum Year Book. Compiled and published by Walter E. Skinner. London, 1928.
44. The Persian Oil Industry. Persia and London, Published by the Anglo-Persian Oil Co. 1927.
45. Thompson, A. B. Oil-field exploration and development. 1925.
46. Williamson, J. W. In a Persian Oil Field: a study in Scientific and Industrial Development. London, 1927, 189 pp.
47. Williamson, J. W. In a Persian Oil Field. A study in scientific and Industrial Development. Second revised and enlarged edition. London, 1930, 192 pp.
48. Zuber, R. Flisz i Nafta. Lwòw, 1918 [см. стр. 225].

49. رحیم زاده صفوی ایران اقتصادی جلد دوم طهران ۱۳۰۹. Стр. 145—146; персидский текст концессии стр. 269—276.
50. قانون اعطای امتیاز معادن نفط شمال به کمپانی استاندارد اویل امریکائی مصوبه ۳۰ عقرب ۱۳۰۰ شمسی مجموعه مصوبات مجلس شورای ملی در چهار دورهٔ تقنینیه (اول — دوم — سوم — چهارم) طهران стр. 677—678.
51. قانون شرایط اساسی امتیاز معادن نفط یکی از دو ولایت گیلان یا ماز ندران بکمپانی معتبری از اتباع داخله مصوب ۳۰ جوزا ۱۳۰۲ شمسی مجموعهٔ مصوبات مجلس شورای ملی در چهار دورهٔ نقنینیه (اول — دوم — سوم — چهارم) طهران стр. 698.
52. قانون شرایط اساسی امتیاز نفط شمال بیک کمپانی معتبر مستقل امریکائی (اتازونی) مصوبه ۲۳ جوزا ۱۳۰۲ شمسی مجموعهٔ مصوبات مجلس شورای ملی در چهار دورهٔ تقنینیه (اول — دوم — سوم — چهارم) طهران Стр. 683—698.
53. متمم راپورت مستشار مالیه راجع بمذاکراتی که بین ایشان از طرف دولت علیهٔ ایران و کمپانی نفط ایران و انگلیس بعمل آمده و تقدیم دولت علیه شده‌است طهران ۱۹۲۰ مطبعه «فاروس» [27 стр.]
54. محمد علی جمال زاده گنج شایگان یا اوضاع اقتصادی ایران برلن ۱۳۳۵ стр. 70—72.[1]

[1] Значительная часть этой главы заимствована из журнала «ایرا نشهر» 1914, июнь, № 3. Париж.

II. Журнальные и газетные статьи и заметки[1]

55. Абаданский инцидент. Обзор. — Бюллетень прессы Ср. Востока, 1928, № 3, стр. 65—67.
56. Англо-персидская нефтяная компания. — Бюллетень Прессы Ср. Востока, 1928, № 1, стр. 79—81. [Из доклада Дж. Кэдмана общему собранию акционеров Ко. 1927 г. 2. XI. из журн. «Нир Ист» № 860].
*57. Англо-персидский нефтяной конфликт. — Известия ЦИК, 1932, 2. XII. № 332 (4902).
58. Брике, С. Английский империализм в борьбе за персидскую нефть. — Плановое хозяйство, М., 1925, № 4.
*59. Верховский, Ю. Англо-персидский конфликт. — Вечерняя Красная газета, Ленинград, 21. XII 1932 № 295 (3270).
60. Вешаг, К. Борьба за Мосул. — Мировое хозяйство и мировая политика, 1926, № 1, стр. 120—135.
*61. Война королей нефти. Обзор иностранной печати. — Правда, 1933, 5. I. № 5 (5531).
62. Голубятников, Д. В. Нефтяные месторождения в северной Персии. — Нефтяное и сланцевое хозяйство, 1921, № 9—12, стр. 78—79. (Геологическая карта Азамского района).
63. Доля английского правительства в прибылях Англо-персидской нефтяной компании. — Бюллетень Прессы Ср. Востока, 1928 г., № 3, стр. 74.
64. Естественные богатства Персии. Семнанская нефть. — Бюллетень Прессы Ср. Востока, 1928, № 1, стр. 78—79; № 6—7, стр. 135.
*65. Завриев. Англо-персидский конфликт. — Заря Востока, Тифлис, 1932, 14. XII. № 288 (2797).
66. Концессия на северную нефть. — Вестник НКИД, 1922, № 4—5, стр. 216—218.
67. Концессия Хоштария. — Вестник НКИД, 1922, № 4—5, стр. 217—218.
68. Любимов, А. Л. Персидская нефтяная промышленность. — Нефтяное и сланцевое хозяйство, 1925, № 5, стр. 850—854.
*69. Мадьяр, Л. Борьба за персидскую нефть. — Лен. Правда, 1933, 6. I. № 6 (5384).
70. Маутнер, Б. Нефтяная политика в 1924 г. — Международная летопись, М., 1925, № 4—5.
71. Новая нефтяная скважина. — Бюллетень Прессы Ср. Востока, 1928, № 3, стр. 73.
72. Новые разработки Англо-персидской нефтяной компании. Бюллетень Прессы Ср. Востока, 1928, № 2, стр. 72.
73. Омега. Компания англо-персидской нефти. — Экономическ. Вестник Закавказья, 1926, № 1.
74. Пассек, Н. Нефть в Арабистане. — Сборник консульских донесений, СПб., 1909, вып. 1.
*75. Петрин, В. Борьба за персидскую нефть. — Лен. Правда, 1932. 3. XII.
76. Пресса разоблачает Ко. Ю. Н. — Бюллетень Прессы Ср. Востока, 1928, № 6—7, стр. 110—116.
77. Саккети, А. Борьба за нефть в Передней Азии. — Новый Восток, 1923, № 4.
78. Сенджаби. Компания южной нефти. — Новый Восток, 1928, № 20—21. [См. рецензию Б. Шумяцкого в журн. Революционный Восток, М., 1928, № 4—5, стр 423—24].
79. Сенджаби, М. Нефтяные месторождения [Персии]. — Торговля России с Востоком, 1928, № 1—2.
80. Султан-заде, А. Борьба за персидскую нефть. — Вестник НКИД, 1922, год IV, № 6, стр. 58—63.
81. Сэ, А. Эксплоатация нефти в Южной Персии. (Перев. В. Худадова). — Азербайджанск. нефтяное хозяйство, 1924, № 7—8 (31—32).
82. Худадов, В. Нефть в колониях и полуколониях. — Новый Восток, № 23—24, стр. 122—138. [Окончания статьи не последовало].
83. Червонный, А. В царстве нефти и крови (англичане за нефтяной работой в Персии). — Заря Востока, 1925, 15. X, № 1029.
84. Англо-персидская нефтяная компания. — Новое Время, СПб., 1914, 20. VI/3. VII, № 13746.
85. Нефтяной вопрос в Персии и русско-английские интересы. — Новое Время, СПб., 1914, 15 (28). VI, № 13741.
86. Англо-персидская нефть. — Новое Время, СПб., 1914, 7 (20). VI, № 13733.
87. 1. Приобретение Англией акций Англо-персидской нефтяной компании. 2. Новый фазис персидского вопроса. — Новое Время, СПб., 1914, 6 (19). VI, № 13732.

88. Agababoff, J. Les gisements pétrolifères de l'Asie Mineure, de la Perse et des régions limitrophes. — Revue Petrolifére, 1923, VIII, № 49, pp. 13—14.
89. —— Les gisements pétrolifères du Nord de la Perse. — Revue Pétrolifère, 1926, № 198, p. 23.
*90. Anglo-Persian Dispute. — The Times, 1932, Dec. 24, № 46325, p. 7.
*91. —— British Memorandum at Geneva. — The Times, 1932, Dec. 17, № 46319, p. 11.
*92. —— M. Benesh's conversations at Geneva. — The Times, 1933, Jan. 31, № 46306, p. 9.
*93 —— Possible Delay at Geneva. — The Times, 1932, Dec. 16, № 46318, p. 13.
*94. Anglo-Persian Oil Annulment of Concession. — The Times, 1932, Nov. 29, № 46303, p. 14.
*95. Anglo-Persian Oil Co., Ltd. British Government Dividends and Persian Royalties. — The Petroleum Times, 1932, Dec., 17, № 727, p. 612.
*96. —— Consideration of dividend deferred. — The Petroleum Times, 1932, Dec. 3, № 725, p. 564.
*97. Anglo-Persian Oil Company (South Africa) Ltd. — The Petroleum Times, 1932, Dec. 17, № 727, p. 606.
*98. Anglo-Persian Company's Case. — The Economist, 1932, Dec. 10, № 4659, p. 1095.
*99. Anglo-Persian Oil Concession. — The Times, 1932, Dec. 5, № 46308, p. 11.
*100. —— British views on Cancellation. Motives for Persian Action. — The Times, 1932, Nov. 30, № 46304, p. 12.

[1] Номера, отмеченные звездочкой, имеют отношение к конфликту между Англо-персидской компанией и персидским правительством, начавшемуся летом 1932 года.

*101. Anglo-Persian Rift Argued at Geneva. — The New York Times, 1933, Jan. 27, № 27397, p. 9.
*102. A. P. O. C. Dispute. British Case Submitted.— Times of Mesopotamia, 1933, Jan. 30, № 988.
*103. —— Position New Statement. Instructions to British Minister. — The Times of Mesopotamia, 1932, Dec. 7, № 946.
*104. Autour du conflit. — Correspondance d'Orient, 1933, Janv., № 421, p. 24.
105. Bedford, A. C. The World Oil Situation. — Amer. Q. Rev. For. Aff., 1923.
*106. Britain and Persia. — The Economist, 1932, Dec. 17, № 4660, pp. 1125—26.
*107. Britain and Persia. Memorandum to the League. — The Times, 1932, Dec. 20, № 46321, p. 11.
108. Burgart et Graetz. Quelques précisions sur pétroles de Mésopotamie. — La Technique Moderne, Paris, 1928, Mars.
109. Busk, H. G. and Mayo, H. T. Some notes on the geology of the Persian Oil fields. — Journal of the Institution of Petroleum Technologists, 1918, V, № 17, pp. 3—33.
110. Cadman, W. H. The Vapour Pressure of the Crude Oil of Maidan-i-Naphtun and of its Products. — Journal of the Institution of Petroleum Technologists, 1924, Dec., X, № 47, pp. 947—953.
111. —— The Origin of Hydrogen Sulphide in Persian natural Gas and a Method of Preparing Unsaturated Hydrocarbons. — Journal of the Institution of Petroleum Technologists, 1925, Oct., XI, № 52, pp. 487—489.
112. Chautard, J. Esquisse géologique des terrains pétrolifères de Mésopotamie. — Bulletin de la Société Française des Ingénieurs Coloniaux, 1926, № 88; 2-e trimestre, pp. 163—171.
*113. Comment in London on A. P. O. C. Dispute. — Persian Legation Issues Statement While British Note is Sent to Teheran. — Times of Mesopotamia, 1932, Dec. 12, № 950.
*114. Commons Discuss Oil Concession. What Persia has had from A. P. O. C. — Times of Mesopotamia, 1932, Dec. 15, № 953.
115. Cooper, A. R. C. A visit to the Anglo-Persian Oil fields. — Proceedings of the Céntral Asian Society, 1926, XIII, p. 205.
*116. Der Konflikt der Anglo-Persian Oil Co. — Erdöl und Teer, 1932, 25. Dez., H. 36, S. 568.
*117. Der Konflikt zwischen der Anglo-Persian und der persischen Regierung. — Erdöl und Teer, 1933, Jan., H. 1., Ss. 7—8.
118. Dewhurst, T. Petroleum Geology. — Journal of the Institution of Petroleum Technologists, 1924, July, X, № 44, pp. 395—431.
119. Dudley Stamp, L. The Connection between Commercial Oil Deposits and Major Structural Features with Special Reference to Asiatic Fields. — Journal of the Institution of Petroleum Technologists, 1928, Feb., XIV, pp. 28—63.
120. —— The Geology of the Oil Fields of Burma. — Bulletin of the American Association of Petroleum Geologists, 1927, June, XI, № 6, pp. 557—579.
121. Dunstan, A. E. The Crude Oil of Maïdan-i Naphtun. — Journal of the Institution of Petroleum Technologists, 1924, Feb., X, № 41, pp. 51—83.
*122. England und Persien. — Türkische Post. 1932, 28. XII. № 305.
*123. Entspannung im englisch-persischen Oelkonflikt. — Erdöl und Teer, 1933, Jan., H. 2, Ss. 24—25.
124. Filhol, J. Production mondiale du pétrole en 1926. — Annales de l'Office National des Combustibles Liquides, 1927, juin, № 2, pp. 433—4.
125. Filhol, J. Production mondiale du pétrole en 1927. — Annales de l'Office National des Combustibles Liquides, 1928, mars-avril, № 2, pp. 295—6.
126. Finch, J. W. The Status of Americans in Petroleum Developments of Europa and Asia. — Bulletin of the American Association of Petroleum Geologists, 1925, Oct., X, № 7, pp. 1089—1104.
*127. France and the Persian Affair. — The Petroleum Times, 1932, Dec. 10, № 727, p. 618.
128. Frech, F. Der Kriegschauplatz der türkisch—persichen Grenze und seine Erdölvorkommen.— Geographische Zeitschrift, 1915, XXI, Ss. 483—496.
*129. Goblet, J. — M. Les pays persans de l'huile. — Correspondance d'Orient, 1933, Janv., № 421, pp. 21—24.
*130. Good Will Towards Persia. The Anglo-Persian Oil Controversy. — The Times of Mesopotamia, 1933, Jan. 3, № 966.
*131. Great Britain and Persia. — The Near East and India, 1932, Dec. 8, № 1125, p. 985.
*132. Great Britain and Persia. Memorandum to the League. (Initialled agreement. Cancellation announced. Persian reply. «An international wrong»). — The Petroleum World, 1933, Jan., № 388, pp. 22—23.
133. Hadow, R. H. Report on the Trade and Industry of Persia, 1925. — London, 1925, pp. 14—15. (Department of Overseas Trade).
134. Herzfeld. E. The presence of Petroleum on the Turkish-Persian border. Translated from Petroleum (a Journal for the Petroleum Industry). Appeared in Geogr. Z. XXI, 9, Berlin-Vienna, 1916. [Название статьи на немецком языке не выяснено. Цит. по A. T. Wilson. A Bibliography of Persia, Oxford, 1930, стр. 76].
135. Hunter, C. M. The Oil fields of Persia. — Bulletin of the Amer. Inst. of Mining and metallurg. Engineers, 1920, № 158.
136. —— The Oil fields of Persia. — Transactions of the Amer Inst. of mining and metallurg. Engineers, 1921, LXV, pp. 8—15.
137. Kohler, F. Persiens Petroleumfelder und ihre Ausbeute. — Weltverkehr und Weltwirtschaft, 1914—15, IV, Ss. 136—138.
138. Landon, Parceval. Anglo-Persian Oil. Governement's Investment. — The Daily Telegraph, May 27, 1914.
139. —— Through Persian to a new oil field. The discovery of the fourth of the world's source of supply. — World's Work, 1909, XVIII, 12046.
*140. Le Conflit Anglo-Persan. La thèse persane. — Correspondance d'Orient, 1933, Janv., № 421, pp. 19—21.

141. L'exploration du pétrole et l'Anglo-Persian Oil Co. — L'Asie Fraçaise, nov.-dec., № 236.
142. Lingemann, E. R. Economic Conditions in Persia, 1930. London, 1930, pp. 30—31. (Department of Overseas Trade).
143. —— Report on the Finance and Commerce of Persia, 1925—1927. London, 1928, p. 22. (Department of Overseas Trade). [Данные о добыче нефти и размере отчислений персидскому правительству за 1913—1927 г.].
144. Macovei, G. Considérations sur les rapports entre le pétrole et les schistes bitumineux. — Annales des Mines de Roumanie, 1925, № 6.
145. Mayo, H. T. см. Busk, H. G.
146. Mercier, M. Les pétroles de l'Irak. — Revue Pétrolifère, 1928, juin № 274, pp. 817—830.
147. Millspaugh, A. C., Administrator General of Finances of Persia. Fifth Quarterly Report. 1 Djaddy 1302. December 23, 1923. Teheran, p. 26.
148. Mitchell, W. C. The thermo-dynamics of oil refining as bearing in the design of plants. Inaugural Meeting of the Persian Branch of the Institution of Petroleum Technologists, April 13. - Journal of the Institution of Petroleum Technologists, 1927, June, XIII, pp. 481—486.
*149. Moscow Interested in A. P. O. C. Dispute. Soviet Papers Delighted at Turn Which Affairs have Taken. — Times of Mesopotamia, 1932, Dec. № 951.
*150. Mouharrem Feyzi. Perse et Angleterre. — La République, 1933, 6. I, № 2736.
151. Naval Fuel. Anglo-Persian Company and the Admiralty. — The Times, May 26, 1914.
152. Naval Oil Agreement. Issue of Parliamentary Papers. Admiralty Explanation. Financial Times, May 26, 1914.
153. Naval Oil Scheme. Anglo-Persian Company's Resources. Admiralty Commission's Report. — The Times, May 28, 1914.
*154. Neues Abkommen der Anglo-Persian mit der persischen Regierung. — Erdöl und Teer, 1932, 5. Sept. H. 25, S. 594.
155. Nicolesco, C. P. Des roches bitumineuses et de leur gisements en France. — Revue Pétrolifère, 1925, août-octobre, № 138, pp. 9—11; № 139, pp. 15—18; № 140, pp. 33—34; № 142, pp. 9—11; № 143, pp. 15—16.
146. —— Tectonique des gisements pétrolifères. Théorie anticlinale. — Revue Pétrolifère, 1926, mars, № 162, pp. 9—15; № 163, pp. 10—14.
157. —— Provinces pétrolifères. Caractères pétrographiques, minéralogiques et paléontologiques— Revue Pétrolifère, 1926, septembre, № 185, pp. 9—10; № 186, pp. 7—8; № 187, pp. 9—12.
158. —— Migration des pétroles. — Revue Pétrolifère, 1927, février, № 205, pp. 9—13; № 206, pp. 9—15.
159. —— Les gisements pétrolifères de la Perse.— Préface par prof. D-r I.-P. Voitésti. Paris, 1928. 79 pp.[1]
160. Oil Fuel for Naval Purposes. Germany's Enterprise. British Agreement. — The Daily Telegraph, May 26, 1914.

[1] Отдельный оттиск из журнала «Revue Pétrolifère» 1928 г. На стр. 78—79 помещена библиография по данному вопросу.

*161. Oil Lease Breach is ascribed to Shah. — The New York Times, 1932, Dec. 16, № 27355, p. 11.
*162. Perse. La concession de l'Anglo-Persian Oil Co. — L'Économiste Européen, 1932, Déc., 23, № 2129, p. 413.
*163. Persia and A. P. O. C. Full Statement. Hint at Strong British Action. — Times of Mesopotamia, 1932, Dec. 9, № 948.
*164. Persia Appeals to the League. Declines to withdraw the Cancellation Notice. — Times of Mesopotamia, 1932, Dec. 16, № 954.
*165. Persia Firm on Oil Deal. — The New York Times, 1932, Dec. 5, № 27344, p. 6.
*166 Persia Holds Rebel Chief's Sons as Hostages; 30.000 Acclaim Concellation of Oil Lease. — The New York Times, 1932, Dec. 19, № 27358, p. 1.
*167. Persia Ratifies Oil Action. — The New York Times, 1932, Dec. 22, № 27361, p. 6.
*168. Persia Recalls Her London Envoy. — The New York Times, 1933, Jan. 8, № 27378, p. 21.
*169. Persia. The Annulment of the Anglo-Persian Concession and its Sequel. — The Petroleum World, 1933, Jan., № 388, p. 19.
*170. Persian Minister out; Backed British on Oil. — The New York Times, 1932, Dec. 27, № 27366, p. 8.
*171. Persian Oil. — The Economist, 1932, Dec., 24, № 4661, p. 1189; № 4658, pp. 1019—20.
*172. Persian Oil Dispute. Geneva Discussion. Adjournment till January. Recourse to League — The Times, 1932, Dec. 20, № 46321, p. 12.
*173. Persian Oil Dispute. To the Editor of the Times. (Letter from H. H. Stoker). — The Times, 1932, Dec. 16, № 46318, p. 15.
*174. Persian Oil Dispute viewed as political. — The New York Times, 1932, Dec. 18, № 27357, Sect. 2. (Financial News), p. 7 N, p. 12 N.
*175. Persian Oil Talks Halt.—The New York Times, 1933, Jan. 3, № 27373, p. 2.
*176. Persian Reply. No Change. Statement made by Company. — Times of Mesopotamia, 1932, Dec. 8, № 947.
*177. Persians Ratify Treaty. — The New York Times, 1932, Dec. 28, № 27367, p. 6.
*178. Persien. Die Kündigung der d'Arcy-Konzession. — Türkische Post, 1932, 14. XII. № 294.
*179. Persien kündigt die Oelkonzessionen der Anglo-Persian Oil Co. — Erdöl und Teer, 1932, 5. Dez., H 34, S. 536.
*180. Persische Regierung und Anglo-Persian. — Erdöl und Teer, 1932, 5. Okt., H. 28, S. 443.
181. Richardson, R. K. The Geology and oil measures of south-west Persia. — Journal of the Institution of Petroleum Texnologists, 1924, June, X, № 43, pp. 256-296.
*182 Rollin, H. Le Conflit Anglo-Persan. Des aspects politiques. — Correspondance d'Orient, 1933, Janv., № 421, pp. 13—19.
183. Saint-Yves, G. Les mers pétrolifères: mer sarmatique, mer persique. Revue Scientifique, 1927, pp. 524—532.

*184. Say Shah acted alone in Ending Oil Lease. — The New York Times, 1932, Dec. 17, № 27356, p. 12.

185. Schäfer, C. A. Die mesopotamisch-persiche Petroleumfrage. — Archiv für Wirtschaftsforschung im Orient, 1915, pp. 31—65.

186. Schweer, W. Die türkisch-persischen Erdölvorkommen. — Abhandlungen des Hamburger Kolonialinstituts, 1919, Bd. XL, 247 Ss.

187. Sellards, E. H. The Luling oil field in Caldwell County, Texas. — Bulletin of the American Association of Petroleum Geologists, 1924, VIII, № 6, pp. 775—788.

*188. Shah and His Advisers. — The Times, January 9, 1933, p. 11.

*189. Soviet Comment. Anglo-Persian Dispute.— The Times, 1932, Dec. 16, № 46318, p. 13.

190. Spieker, E. M. Petroleum in Persia and the Near Eest. — Eng. and. Min., 1920.

191. Steed, Wickham, A Great Adventure. The Romance of Persian Oil Industry as social Service. Extract from the Review of Reviews, dated June 15 th, 1928, 15 pp.

192. Sykes, P. M. South Persia and the Great War. Journal of the Royal Geogr. Society, 1921, vol. LVIII, № 2, pp. 101—119.[1]

*193. The Anglo-Persian Concession. [в отделе City Notes. Speculation in Sterling]. — The Times, 1932, Nov. 30, № 46304, p. 19.

*194. The Anglo-Persian Concession. Official Rejoicings. The Persian Case. — The Times, 1932, Dec. 1, № 46305, p. 11.

*195. The Anglo-Persian Dispute. Teheran Assurances to League. — The Times, 1932, Dec. 21, № 46322, p. 12.

*196. The Anglo-Persian Oil Co., Ltd. Temporary Annulement of Concessions by the Persian Goverment. — The Petroleum Times, 1932, Dec. 3, № 725, p. 567.

*197. The Anglo-Persian Oil Company. — The Economist, Dec. 3, 1932, № 4658, p. 1044. [Данные о прибылях компании за 1929—1931 гг.].

*198. The Anglo-Persian Oil Company and its concession. Statement by the directors. An illuminating survey.—The Petrolenm Times, 1932, Dec. 10, № 726, pp. 593—96.

*199. The Anglo-Persian Oil Company's Concession. Dispute before the Council of the League of Nations. Adjournement until next month. — The Petroleum Times, 1932, Dec. 24, № 728, p. 649.

*200. —— Reasons for Annulment. — The Petroleum Times, 1932, Dec. 17, № 727, p. 622.

*201. The Anglo-Persian Oil dispute. Matter to be referred to the Hague. — The Petroleum Times, 1932, Dec. 10, № 726, p. 578.

*202. The Departure of the Persian Delegation. — The Near East and India, 1933, Jan. 12, № 1130, p. 27.

203. The Great Anglo-Persian Oil Concern. — Bulletin of the Iran League, Bombay, Sept., 1928, vol. I, № 7, pp. 5—6.

*204. The League and the Oil Controversy. — The Near East and India, 1933, № 1132, Jan. 26, p. 61 [Notes of the Week].

[1] Беглое указание об обороне концессии во время империалистической войны.

205. «The Naft». APOC Magazine. [Периодический орган Англо-Персидск. Нефт. Ко.].

*206. The Persian Oil Controversy. — The Near East and India, 1932, Dec. 8, № 1125, p. 987; Dec. 22, № 1127. p. 1025; 1933, Jan. 5, № 1129, p. 1; Jan. 19, № 1131, p. 42; Jan. 26, № 1132, p. 69.

*207. The Persian Puzzle — The Petroleum, Times, 1932, Dec. 10, № 726, p. 577.

208. Viennot, P. Le gisement pétrolifère de Gabian. Revue Pétrolifère, 1928, février, № 255, pp. 137—146.

209. Williamson, J. W. The Persian Oil Industry.— The Times, Persian Art Number. London, Jan. 5, 1931.

210. Wilson, A. T. The Delta of the Shatt-al-Arab and Proposals for dredging the Bar. — Journal of the Royal Geogr. Soc., 1925, febr.

*211. Zur Kündigung der Anglo-Persian Konzessionen in Persien. — Erdöl und Teer, 1932, 15. Dez., H. 35, S. 550.

*212. اختلاف انکلیس وایران. — کوشش, 1933. 11. I, № 6 (2039); 24. I, № 15 (2048.)

*213. اختلاف بین شرکت نفط و دولت ایران. — اطلاعات, 1932, 27. XII, № 1792.

*214. اختلاف دولیتین ایران و انگلستان. — کوشش, 1933, 10. I, № 5 (2038).

*215. ازمطبوعات انگلستان. — در اطراف الغاء امتیاز نفت جنوب. — کوشش 1933, 3. I, № 286 (2032).

*216. الغاء امتیاز دارسی. — از مقالات وارده. — شفق‌سرخ, 1932, 7. XII, № 2230.

*217. الغای امتیاز شرکت انگلیس و ایران. — اطلاعات 1932, 27. XII, № 1792.

*218. الغاء امتیاز نفت در جامعه ملل. — نطق وزیر خارجه انگلیس — بیانات آقای داور. — کوشش, 1933, 30. I, № 19 (2042).

*219. الغاء امتیاز نامه دارسی. — متن مراسله وزارت مالیه بکمپانی نفت جنوب. — شفق سرخ, 1932, 29. XI, № 2223.

*220. الغای امتیازنامه دارسی — متن مراسله وزارت مالیه بکمپانی نفت جنوب. — ایران, 1932, 29. XI, № 3964.

*221. الغاء امتیازنامه دارسی. — ایران 1932, 24. XI, № 3961.

*222. امتیاز نفت جنوب. — کوشش, 1932, 21. XI, № 250.

*223. انتشارات مغرضانه. — نشریات بر خلاف واقع — کوشش, 1932, 23. XII, № 277 (2023).

*224. انتظار ملت. — الغاء امتیاز نامه دارسی. — شفق سرخ, 1932, 25. XI. № 2221.

225. اویسی. آیندهٔ نفت. — مجلهٔ آینده نمرهٔ ۱۴ مسلسل 1927, vol. II, № 2, pp. 145—151

۱۶,۱۵ ثمرهٔ مسلسل 1927, vol. II, № 3—4, pp. 265—270.

226. اویسی. آیندهٔ نفت. — مجلهٔ آینده ثمرهٔ ۱۴ مسلسل 1927, Mars, vol. 2, pp. 145—151.

227. اهمیت نفت درعالم — نقل از راپورت مشروح سفارت علیه ایران در واشینگتن.— مجلهٔ فلاحت و تجارت سال سوم طهران ۱۹۲۱ [1920—21], стр. 327—340.

*228. — ایران. — نفت جهازات انگلیس. کوشش, 1933, 13. I, № 8 (2041).

*229. ایران صلح در مورد مناقشه نفط را رد میکند. — اطلاعات, 1933, 7. I, № 1801.

*230. ایران میخواهد موضوع تمدیدرا بمجمع ملل عرضه دارد و مدعی است که بریتانیا برای اجبار او با عاده امتیاز نفت با عمال (فشار) مبادرت ورزیده است. — اطلاعات 1933, 9. I, № 1803.

*231. باز هم مطبوعات انگلستان — در اطراف الغاء امتیاز نفت. — کوشش, 1933, 1. I, № 284 (2030).

*232. تلگرافات تبریک. — شفق سرخ, 1932, 8. XII, № 2231.

*233. تلگرافات وارده — راجع بالغای امتیاز دارسی. — ایران, 1932, 7. XII, № 3971; 11. XII, № 3974; 12. XII, № 3975; 13. XII, № 3976; 19. XII, № 3980; 20. XII, № 3981; 21. XII, № 3982.

*234. تلگرافات واصله. — راجع بالغای امتیاز نامه دارسی. — ایران, 1932, 22. XII, № 3983; 26. XII, № 3985; 26. XII, № 3986; 27. XII, № 3987; 28. XII, № 3988; 29. XII, № 3989; 30. XII, № 3990; 1933, 1. I, № 3991; 3. I, № 3993.

*235. تلگرافات ولایات. — راجع به الغای قرارداد دارسی. — ایران, 1932, 5. XII, № 3969.

*236. جرائد انگلستان. III کوشش, 1933, 24. I, № 15. (2048).

*237. جواب کمپانی نفت بدولت. — مورخه ۸ آذر ۱۳۱۱. — شفق سرخ 1932, 4. XII, № 2227.

238. ح. ا. انگلوپرشن اویل کمپانی و جزئیات آن. — ستارهٔ سرخ, Wien, 1930, № 7—8, стр. 82—91.

*239. ح. شحره — الغای امتیاز دارسی. — ایران 1932, 30. XI, № 3965.

*240. حملات مطبوعات انگلستان. — کوشش 1933, 4. I, № 287 (2033).

*241. دراطراف الغاء امتیاز نفت. — عقیدهٔ جرائد انگلستان. — کوشش, 1932, 30. XII, № 283 (2029).

*242. در اطراف نفت. — مطبوعات انگلیس. — کوشش, 1933, 15. I, № 9 (2042).

*243. در بهارستان. — جلسه ۱۱۸ ۱۰ آذر — موافقت با الغاء امتیاز دارسی. — شفق‌سرخ, 1932, 2. XII, № 2226.

*244. درجامعه ملل. اختلاف انگلیس وایران— جواب دولت ایران. — کوشش, 1932, 22. XII, № 276 (2022).

*245. در جامعه ملل. — اختلاف ایران و انگلستان راجع بالغاء امتیاز نفت. — کوشش, 1932, 21. XII, № 275 (2021).

*246. در شورای جامعه ملل. — اظهارات‌وزیر خارجه انگلستان. — کوشش, 1933, 30 I, 19 (2042).

*247. در مجلس انگلستان. — سر جان کدمن مدیر کل شرکت نفت بایران خواهد رفت یا خیر؟ — کوشش, 1933, 18. I, № 11 (2044)

*248. دولت و کمپانی نفت. — ایران 1932, 29. VI, № 3837.

*249. راجع به الغاء امتیاز نفت. — متن مراسله کمپانی (مورخهٔ ۸ آذر ۱۳۱۱) مراسله وزارت مالیه نمره ۳۷۵۵۶ (مورخهٔ ۱۰ آذر ۱۳۱۱) ایران 1932, 4. XII, № 3968.

*250. راجع بامتیاز دارسی. — مهمترین اخبار خارجه. — ایران, 1932. 8. XII, № 3972.

*251. سوقات شاهانه. — ایران 1932, 16. XI, № 3954.

*252. سوقات شاهانه — الغای امتیازنامه دارسی. — ایران, 1932, 29. XI, № 3964.

*253. سهم دولت ایران. — ایران, 1932, 27. VI, № 3835.

*254. عمران خوزستان — تاثیر کمپانی نفت جنوب در عمران. — شفق سرخ 1922, 22. XI, № 2218.

*255. عملیات جامعه ملل در سال ۱۹۳۲ — بمناسبت رسیدگی جامعه ملل باختلاف نفت ایران وانگلیس. — کوشش, 1933, 23. I, № 14 (2047).

*256. غوغای مطبوعات لندن! — فلسفه های شیرین و زهر آلودا — کوشش, 1932, 27. XII, № 280 (2026).

*257. ق. ن. کارگران نفت جنوب انتحار میکنند. — ستارهٔ سرخ, Wien, 1930, № 7—8, стр. 73—81.

*258. لغو امتیاز نفت. — از مطبوعات امریکا. — کوشش, 1933, 8. I, № 3 (2036).

*259. ما و جراید انگلستان. — در اطراف الغاء امتیاز نفت. — کوشش, 1932, 26 XII, № 279 (2025).

*260. ما و شرق نزدیک. — راجع بالغاء امتیاز نفت جنوب. — کوشش, 1932, 25. XII, № 278 (2024).

*261. متن یادداشتهای متبادله.
1. — یاد داشت سفارت انگلیس مورخه ۸ دسامبر ۱۹۳۲ (۱۷ آذر ۱۳۱۱) نمره ۶۰۴
2. — یاد داشت جوابیه دولت ایران مورخه ۲۰ آذر ۱۳۱۱. — ایران 1932, 15. XII, № 3977.

*262. مذاکرات مجلس — جلسهٔ ۹۳ مورخه ۷ تیر ماه ۱۳۱۱ راجع بکمپانی نفت جنوب. — ایران, 1932, 29. VI. № 3837.

*263. مذاکرات مجلس — در اطراف امتیاز ملغی شده دارسی (جلسه ۱۲۰) — ایران 1932, 16. XII, № 3978.

*264. مراسله جوابیه وزارت مالیه نمره ۳۷۶۰۵۶ مورخه ۱۰ — ۹ — ۱۳۱۱ — شفق سرخ 1932, 4. XII, № 2227.

265. م. سنجابی. کمپانی نفت انگلیس وایران یا تکیه‌گاه قدرت نفتی بریتانیای کبیره. — ستارهٔ سرخ Wien, 1929, № 5—6, стр. 23—42.

*266. مصاحبه آقای فروغی با مخبر اتحادیه مطبوعات انگلستان در طهران. — کوشش 1933, 16. I, № 10 (2043).

*267. مصاحبه با آقای فروغی وزیر امور خارجه — ایران, 1932, 28. XII, № 3988.

*268. مطبوعات امریکا. — کوشش, 1933, 5. I, № 1 (2034).

*269. مطبوعات انگلستان و الغاء امتیاز نفت. — کوشش, 1932, 29. XII, № 282 (2028).

*270. مطبوعات انگلیسی والغای قرار داد دارسی. — ایران, 1932, 16. XII, № 3985; 26. XII, № 3986; 27. XII, № 3987.

*271. مقاله تایمز راجع بشرکت نفط ایران وانگلیس. — ایران 1932, 9. XII, № 3973.

*272. مناقشه ایران و انگلیس در جامعه ملل. — ایران, 1932, 21. XII, № 3982.

*273. نظریه مطبوعات امریکا — در اطراف الغاء امتیاز دارسی — کوشش, — 1933, 16. I. № 10 (2043).

*274. یاد داشت. — بجای اعتراض خوب است انصاف بدهید. — شفق سرخ, 1932, 8. XII, № 2231.

*275. یاد داشت بریتانیا بشورای ملل. — ایران 1932, 22. XII, № 3983.

*276. یاد داشت ۸ آذر — در اطراف امتیاز نفط جنوب. — شفق سرخ, 1932. 30. XI, № 2224.

*277. ی. م. — چرا امتیاز نامه دارسی را لغو نمیکنند. — شفق سرخ, 1932, 17. XI, № 2214.

Необследованные или частично обследованные периодические издания и справочники, в которых может оказаться материал, касающийся персидской нефти: Annuaire du Pétrole, Oil and Petroleum Manual, Stock Exchange Year Book, Economist, Financial News, Financial Times, Manchester Guardian Commercial, Nation, New Republic, Oil Engineering and Finance, Oil News, Petroleum Times, Statist, Stock Exchange Gazette, Oil Weekly, Oil Trade Journal.

РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ И АРХИВЫ

П. Е. Скачков

ИАКИНФ БИЧУРИН (1777—1853)

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

(К 80-летию смерти — 11 мая 1853 г.)

Из всех китаеведов, получивших исключительно практическое образование, несомненно заслуживает особого внимания фигура И. Бичурина. Его многочисленные работы, являясь завершением первого периода русского китаеведения, итог которому им был подведен вместе с тем открывают перспективы для начавшегося развития промышленного капитала в России.

Но Иакинф Бичурин был не только первым русским китаеведом, он был несомненно и одним из крупных представителей ученой интеллигенции первой половины девятнадцатого века. Ближайшее ознакомление с архивными и печатными материалами, касающимися И. Бичурина, изменяет наше привычное представление о нем, как об ученом монахе, замкнутом в своей келье. Перед нами выступает ясно выраженный облик общественника, переживающего современность так же остро, как и остальные крупные представители этой эпохи. Взгляды его на религию и ее обрядности, связь с декабристом Бестужевым и другие факты показывают, что в некоторых случаях он шел даже впереди своих современников.

Жизнь этого замечательного человека была полна самых необычных контрастов. Сын бедного дьячка, не имевшего даже фамилии, И. Бичурин, родившийся в 1777 году в глухом селе Бичурине Казанской губернии, проходит в 1785—1799 годах бурсацкую школу в Казанской семинарии и, благодаря покровительству главы казанской епархии Амвросия Подобедова, 24 лет становится во главе Иркутского монастыря и семинарии. Несмотря на неудачу на первых порах своей блестяще начатой карьеры (после обнаружения в 1803 году Н. И. Харламовой, жившей у него в келье под видом послушника), И. Бичурин, отбыв год наказания в тобольском монастыре, опять по представлению того же Амвросия Подобедова, в 1807 году назначается на ответственный пост начальника Пекинской духовной миссии (на смену отведенного гр. Головкиным «по неспособности» архимандрита Аполлоса).

17 сентября 1807 года И. Бичурин отправляется в Пекин и там проводит 14 лет, неся все время тяжелые обязанности по управлению своими непокорными подчиненными, когда даже такое наказание, как «содержание трои суток в цепи и в пустом месте без пищи», не могло дисциплинировать членов миссии.

В 1822 году И. Бичурин, смененный Петром Каменским, приезжает в Петербург и здесь ему предъявляются, подготовленные донесениями Каменского, обвинения по целому ряду пунктов. Главные пункты обвинения сводились к следующему: непосещение И. Бичуриным церкви в течение 12 лет; продажа казенного имущества; полное пренебрежение к миссионерским и монашеским обязанностям; плохой надзор за подчиненными и другие.

В результате судебного следствия, продолжавшегося целый год, И. Бичурин был сослан на вечное заключение в Валаамский монастырь, тогда как другие члены миссии отделались легко. Только смена царствования и заинтересованность Азиатского департамента в знающем китайский язык лице помогли ему выйти из монастырской тюрьмы, в которой он все же пробыл 3 года и 3 месяца (4 сентября 1823 г. — 1 ноября 1826 года).

В Петербурге И. Бичурин был поселен в Александро-Невской лавре и ему было назначено жалованье от Азиатского департамента в размере 1200 рублей и на учебные пособия 300 рублей в год. Со времени поселения в Лавру и начинается его наиболее плодотворная работа. После выхода первых его трудов: «Записки о Монголии» 1828 г., «Описания Тибета» 1828 г., «Описание Чжуньгарии» 1829 г., «Сань-Цзы Цзин» 1829 г., «Описание Пекина» 1829 г., «История первых четырех ханов» 1829 г. и ряда статей в журналах, И. Бичурин привлекает внимание петербурского общества и занимает достойное место в его литературных кругах.

Документально устанавливается связь его с Пушкиным, которому он дарит свое «Описание Тибета» с надписью «Милостивому гос-рю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апреля 26 1828. Переводчик Иакинф Бичурин» и «Сань-Цзы-Цзин» с надписью «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика».

Кроме Пушкина И. Бичурин был в постоянных общениях с В. Ф. Одоевским (у которого бывал на субботниках), А. М. Шегреном, А. А. Краевским, И. А. Крыловым, И. И. Панаевым, Никитенко и др. Через журнал «Московский телеграф» он был связан с московскими литераторами М. П. Погодиным, Н. И. Надеждиным, К. А. Неволиным, Юрием Венелиным, Н. С. Щукиным, С. П. Шевыревым и др.

От своих современников И. Бичурин всегда пользовался уважением, и имя его в современной литературе упоминалось как «наш знаменитый хинезист», «знаменитый наш ученый монах» и т. д.

Отношение Бичурина к званию монаха, поведение его как главы духовной миссии в Пекине, где он не ходил в церковь по несколько лет, и далее в Петербурге, когда он не выполнял обрядов, обязательных для каждого рядового жителя российской империи, рисуют нам облик вольнодумца, редкого для своей эпохи. Чувствуя себя постоянно связанным монашеским званием и платьем, шестидесятилетний И. Бичурин решает отвязаться от этих цепей. При поддержке барона Шиллинга он посылает (в 1831 году) прошение в Синод. Когда освобождение было благоприятно разрешено в Синоде и для окончательного утверждения нужна была резолюция Николая I, то последний «в 20 день сего мая высочайше повелеть соизволил: оставить на жительство попрежнему в Александро-Невской лавре не дозволяя оставлять монашество». Так отомстил Николай I за знакомство и дружбу И. Бичурина с декабристом Бестужевым.

Расцвет его плодотворной деятельности относится к 1829 году и к периоду 1839—44 годов. Далее здоровье его ухудшается, и он все более и более вынужден был уединяться в своей одинокой келье или жил в семье своей внучки Н. С. Моллер. Наступили для него тяжелые дни одиночества и заброшенности. Из обширного круга его знакомых ученых и литераторов к нему не приезжал никто. Утерявший все связи и с Азиатским департаментом (хотя он и числился там на службе до самой смерти), связи со всеми своими друзьями, И. Бичурин, чувствуя сильный упадок здоровья, в 1849 году пожертвовал почти всю свою библиотеку и рукописи в Казанскую духовную академию.

Умер И. Бичурин 11 мая 1853 года всеми забытый, в грязи и в голоде, среди ненавидящих его за вольнодумство монахов.

В отношении общей оценки И. Бичурина как китаеведа трудно не согласиться с Н. Веселовским в его биографическом очерке И. Бичурина:

«Клапрот прямо высказал, что о. Иакинф один сделал столько, сколько может сделать целое ученое общество... В полном смысле он положил у нас начало изучению Китайской империи... и проложил путь для работ другим синологам».

Несмотря на то, что личность И. Бичурина и как крупного китаеведа и как колоритного представителя эпохи первой половины XIX века, казалось, должна была бы привлечь внимание исследователей его жизни и трудов, мы до сих пор не имеем полной его биографии и оценки его, как китаеведа, между тем как архивный и печатный материал, который мог бы быть использован для этой работы, не мал.

Основной задачей этой работы является краткое описание архивных материалов в части, относящейся к биографии И. Бичурина, не опубликованных до сих пор.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

(в хронологической последовательности по архивным делам)

1802 г.[1]

I. Дело Синода № 219. 1802 года. На 22 листах. «По доношениям Вениамина епископа Иркутского, о произведении Керенского игумена Лаврентия в Вознесенский монастырь во архимандрита». Тут же «О произведении в оный Вознесенский монастырь во архимандрита Казанской академии грамматики учителя иеромонаха Иакинфа».

1. «Доношение Вениамина в назначении архимандрита в Иркутский вознесенский монастырь и начальником семинарии». 16 мая. (Рассмотрение Синодом донесения. Предложение Амвросия Подобедова назначить Иакинфа Бичурина. Краткие данные о его службе. Постановление Синода о назначении Иакинфа Бичурина).

2. Указ «О выдаче архимандриту Иакинфу прогонных на 4 лошади». 11 февраля. № 2534.

3. «Рапорт Вениамина Иркутского о прибытии И. Бичурина в Иркутск и вступлении в должность». 7 августа. № 94.

1803 г.

II. Дело Синода № 183. 1803 года. На 447 листах. «По предложению Синодального члена Амвросия митрополита Новгородского и кавалера о происшедшем в Иркутской семинарии беспорядке от семинаристов и о составлении (!) оказавшегося при сем случае предосудительного поступка архимандрита Иакинфа». (Об «обнаружении» в покоях отца архимандрита Н. И. Харламовой, жившей «скрытным образом» под видом послушника Андрея Иванова. Допросы судебного следствия — Иркутской консистории).

III. Дело Синода № 167. 1805—1823 года. На 587 листах. «О Пекинской миссии». (Дело касается отправления и работы миссии И. Бичурина. Назначение на должность начальником миссии архиепископа Мелхиседека, отказ его из-за болезни). Далее:

1. Назначение Аполлоса. Его послужной список. Л. 91.

2. Послужной список иеромонахов Серафима и Аркадия. Л. 95.

3. То же, причетника Василия Яфицкого и иеродиакона Нектария. Лл. 91—96.

---

[1] Жирным шрифтом показаны года, к которым относятся *документы*, поименованные ниже в данной рубрике. *Дела* приведены в хронологическом порядке их *начатия*, а так как они тянулись по несколько лет, то помянутые жирные цифры годов (даты документов) иногда повторяются.

4. Инструкция Аполлосу — оставшаяся действительной и для И. Бичурина. Лл. 106—119; 248—256.

1807 г.

5. «Лист Всероссийской империи из Правительствующего сената, Китайского государства в Трибунал иностранных дел». (О смене Софрония и новой миссии). Лл. 139—140.

6. Отвод Аполлоса гр. Головкиным. Л. 191.

7. Рапорт Амвросия архиепископа Тобольского о поведении И. Бичурина, находящегося на исправлении в Тобольском монастыре 5 января. Л. 193.

8. Указ Синода о разрешении священнослужения И. Бичурину. 11 февраля. Л. 194.

9. Предложение обер-прокурора Голицына — согласие Александра I и распоряжение его о назначении И. Бичурина начальником Пекинской миссии. 5 марта. Л. 209.

10. Указ Синода о смене Аполлоса и назначении И. Бичурина. 8 мая. Лл. 211 и 227.

11. «Лист Всероссийской империи из Правительствующего сената, Китайского государства в Трибунал иностранных дел». 7 мая Л. 228.

12. Рапорт — «определенного в Пекинскую духовную миссию архимандрита Иакинфа» о получении указа. 11 мая. Л. 232.

13. Рапорт «Вениамина епископа Иркутского» о прибытии И. Бичурина и передаче ему имущества миссии. 5 июля. № 75. Л. 237.

1808 г.

14. Рапорт И. Бичурина из Пекина о принятии от Софрония Сморжевского имущества миссии; доходах миссии со сдаваемых в аренду домов, принадлежащих миссии; финансовые соображения. 10 мая. № 6. Л. 290.

15. Рапорт И. Бичурина об отправлении из Кяхты и прибытии в Пекин. 10 мая, № 7. Л. 292.

16. Рапорт И. Бичурина с просьбой увеличения жалованья членам миссии, ввиду дороговизны жизни и необходимости поддерживать авторитет среди китайцев. 10 мая. Л. 294.

17. Рапорт И. Бичурина об отправлении с Софронием Сморжевским ветхого церковного имущества. 10 мая. № 2. Л. 300.

18. Рапорт Софрония Сморжевского — «как наилучшим образом проводить православие» в Китае. Л. 306—311.

19. Оглавление записки Софрония Сморжевского «О Манджуро-Китайском государстве» с указанием числа листов. Лл. 318—320.

20. Расписки И. Бичурина в принятии имущества и денег миссии. Лл. 321—323.

21. Рапорт И. Бичурина о необходимости присылки церковной утвари. 10 мая. Л. 329.

22. Рапорт Софрония Сморжевского о розыске документов в Пекинском архиве с приложением подлинной грамоты Леонтию Максимову. Лл. 333—336.

23. Рапорт И. Бичурина об отправлении обратно иеромонаха Нектария ввиду его пьянства. Занятия членов миссии. Жалоба на плохое поведение иеромонахов Аркадия и учеников Громова и Лавровского. Составление краткого катехизиса из католической книги. 30 июля. Л. 406.

24. Письмо И. Бичурина Вениамину епископу Иркутскому с просьбой отнестись сострадательно к иеромонаху Нектарию, отправленному обратно в Россию. Июля (?), Лл. 408—409, и другие документы, касающиеся попыток Синода, не увенчавшихся успехом, заменить учеников Громова и Лавровского (Лл. 437—439) и розысков присланного И. Бичуриным через Нектария экземпляра катехизиса и ведомости христиан (Лл. 454—469).

25. Копия с ведомости о числе христиан, албазинцев и китайцев, за 1810 год. (28 мужчин, 3 женщины). Л. 469.

26. Перевод Степана Липовцева с китайского языка экземпляра катехизиса, присланного И. Бичуриным «Православное учение. Напечатано старанием архимандрита Иакинфа». Лл. 483—502.

1814 г.

27. Рапорт И. Бичурина. (Расхищение и заклад церковных вещей иеромонахом Серафимом и Пальмовским. Плохое поведение Аркадия: дает под большие проценты китайцам деньги, упрямство и грубость. Непослушание Серафима). 30 апреля. Л. 548.

1816 г.

28. Донесение И. Бичурина. (Об истечении десятилетнего срока пребывания миссии в Пекине. Занятия учеников. Соображения о необходимости более тщательного подбора членов миссии. Необходимость преобразования работы миссии. Оценка словарей Липовцева и Владыкина. Организация изучения китайского языка и Китая в миссии. Просьба оставить его еще на десятилетие для окончания работ и обучения новых членов миссии). 18 ноября Л. 570—7.

1821 г.

29. Рапорт И. Бичурина из Иркутска о возвращении миссии в Кяхту и в Иркутск и отправлении в Петербург. 10 ноября. № 14. Л. 582.

1808 г.

IV. Дело Синода № 152. 1809 года. «По рапорту Пекинского архимандрита Иакинфа о встретившихся препятствиях при переводе им некоторых мест из литургии».

1. Рапорт И. Бичурина. Занятия членов миссии и учеников. Затруднения при переводе терминов. 6 октября 1808 г. № 15.

1809 г.

2. Указ Синода о посылке И. Бичурину «Зерцала грекороссийского исповедания» Дмитрия Ростовского. 15 марта.

3. Рапорт И. Бичурина. Получение книги («Зерцало»). Ремонт церкви и помещения. Занятия членов миссии китайским и маньчжурским языками. 5 октября № 19. Л.

V. Дело Синода № 877. 1818 года. «О Пекинской миссии». Начато августа 1818 года. Окончено июль 1833 г. (Предложение Синоду графа Нессельроде об избрании нового начальника миссии. Выбор членов миссии. Назначение Ф. Штейна. Проект инструкции. Предложение П. Каменскому ехать во главе миссии. Отказ его. Согласие после уговоров и наград. Штат новой миссии. Послужной список П. Каменского. Пострижение и производство П. Каменского в архимандриты. Снабжение миссии книгами. Рескрипт Александра о награждении П. Каменского. Выбор студентов. Послужные списки членов миссии. Рапорт П. Каменского о приезде в Кяхту).

1821 г.

1. Рапорт П. Каменского о прибытии миссии в Пекин и о нехватающих вещах при приеме имущества. 4 мая. Л. 109.

2. Реестр вещам, неоказавшимся в наличности при сдаче, с отметками И. Бичурина. Подписан им же. Лл. 110—111.

3. Список крещеных албазинцев и китайцев. Л. 112.

4. «Опись Российским церквам (в Пекине находящихся)» и всего имущества миссии на 23 листах. Лл. 113—138.

5. Донесение П. Каменского и примечания к нему. Характеристика И. Бичурина. Комплот членов миссии и их характеристика. Переход Израиля на сторону И. Бичурина. Кража Израилем ценных бумаг, касающихся миссии И. Бичурина. Работа членов миссии. О Е. Ф. Тимковском. Неправильность в крещении китайцев. 14 мая. Лл. 147—154.

1813 г.

6. Отношение Сибирского генерал-губернатора с копией доноса учеником на И. Бичурина. На 14 листах. 25 апреля. № 733. Лл. 157—170.

7. Секретное отношение Нессельроде И. П. Пестелю. (Сомнение в правильности доноса). 18 мая. № 67. Л. 173.

8. Справка канцелярии Синода о членах Пекинской миссии. (Краткие сведения о службе И. Бичурина с перечислением его должностей. То же об остальных членах миссии (без числа)). Лл. 181—185.

1822 г.

9. Копия постановления Синода на донесение П. Каменского. (Поручение митрополиту Серафиму произвести расследование об И. Бичурине и остальных членах миссии). 1 февраля. Лл. 186—189.

1823 г.

10. Рапорт митрополита Серафима о произведенном расследовании. 29 января. Лл. 257—279. (Как было приступлено к расследованию. Принятые меры изоляции. Допросы И. Бичурина и остальных. Просмотр бумаг. Обнаруженное следствием. Пункты обвинения. Предлагаемое наказание).

11. Определение Синода по следственному делу миссии. 19 февраля № 56. Лл. 243—268. (Виновность И. Бичурина. Проступки. Определение наказания).

12. Отношение кн. Голицына Синоду о резолюции Александра о наказании И. Бичурина. 20 августа. № 2487. Л. 29.

13. Рапорт Серафима об исполнении указа. 17 сентября. Лл. 273—274.

(Далее о десятой миссии П. Каменского).

1822 г.

VI. Дело С. Петербургской духовной консистории № 156. 1822 года. На 682 листах. «О Пекинских миссионерах, возвратившихся в Россию».

1. Подлинники писем П. Каменского, копии определений Синода, донесения П. Каменского, и др. касающиеся проступков миссии.

2. Копия с определения Консистории на 4 листах.

3. Вопросные пункты и ответы И. Бичурина на 42 листах.

4. Ответы Серафима на 34 листах.

5. Допросы других членов миссии и других лиц на 87 листах.

6. Бумаги, найденные в кельях И. Бичурина, Серафима и Аркадия на 4 листах.

7. Третий и последний ответ И. Бичурина на 4 листах.

8. Книга исходящих бумаг со вступления настоящей миссии. Лл. 236—255 (1805—1806 гг.). Л. 255. (1812 г.)

9. Записи Серафима о дороге в Иркутск. Лл. 251—266.

10. Описание миссии И. Бичурина (составлена Серафимом). Лл. 318—320.

11. Отрывки И. Бичурина для составления ответов по пунктам обвинения на 4 листах.

12. Путевые журналы китайских посольств на 136 листах. (Рукопись И. Бичурина).

13. Фактура книг И. Бичурина на 3 листах.

1822 г.

VII. Дело С. Петербургской духовной консистории № 354. 1822 года. На 3 листах. «По репорту наместника здешней лавры архимандрита Товия о рассмотрении письма иркутского преосвященного Михаила и просьб от бывшего иеродиакона Израиля на архимандрита пекинской миссии Иакинфа касательно должных сим архимандритом ему Израилю 500 рублей».

1. Рапорт Товия о взятой И. Бичуриным у Израиля шубе и неуплате денег. (И. Бичурин, ссылаясь на то, что денег в настоящее время у него нет, предлагает возвратить шубу).

1831 г.

VIII. Дело Синода № 837. 1831 года. На 14 листах. «О монахе Иакинфе, касательно снятия с него сана».

1. Прошение И. Бичурина о снятии с него сана. Троицкосавск. 29 августа. Л. 1.

2. Предложение обер-прокурора Синоду о ходатайстве Министерства иностранных дел о снятии сана с И. Бичурина. 31 октября. № 2909. Лл. 2—3.

3. Справка Духовной консистории об И. Бичурине. Краткие сведения о его службе (без числа) Лл. 5—6.

4. Выписка из журнала о слушании прошения. Предписание митрополиту Серафиму сделать И. Бичурину увещевание. 1 марта. Л. 7.

1832 г.

5. Рапорт Серафима Синоду об отказе И. Бичурина от намерения снять сан. 26 августа № 71. Л. 10.

6. Указ Синода о рассмотрении дела. Постановление ввиду ходатайства Министерства иностранных дел снять с И. Бичурина сан и послать на утверждение Николаю I. 31 мая. Лл. 11 и 12.

7. Предложение обер-прокурора Мещерского Синоду о резолюции Николая «не дозволять оставлять монашество». Л. 11.

1838 г.

IX. Дело Синода № 1454. 1838 года на 1 листе. «Об объявлении монаху Иакинфу за перевод с японского языка книги «Описание монет Китая» — высочайшего благоволения». (Точное название переведенной книги не указано).

1840 г.

X. Дело Синода № 379. 1840 года. На 2 листах. «Об увольнении монаха Иакинфа на три месяца в отпуск в города Москву, Воронеж и Киев для поправления здоровья и поклонения св. угодникам». (Разрешение было дано).

1849 г.

XI. Дело Синода по Казанской епархии № 665, 1849 года. На 7 листах. «О пожертвовании монахом Иакинфом в пользу Казанской академии 168 разного названия книг, карт и рукописей». (Список рукописей и книг).

1853 г.

XII. Дело Александро-Невской лавры. № 77. 1853 года. «О пожертвовании проживающим в Лавре монахом Иакинфом в пользу Лаврской братии билета сохранной казны в 300 рублей серебром». (Интересно только для установления имени матери И. Бичурина).

1853 г.

XIII. Дело Александро-Невской лавры. № 98. 1853 г. «О смерти находившегося на жительстве в Лавре монаха Иакинфа, бывшего начальника Пекинской духовной миссии»

1. Рапорт благочинного Александра о смерти И. Бичурина. 11 мая. № 27.

2. Доклад канцелярии Лавры Синоду о смерти. 18 мая. № 820.

3. Извещение канцелярии Лавры в Азиатский департамент о смерти и дне похорон. 12 мая. № 901.

4. Отношение Министерства иностранных дел в канцелярию Лавры с препровождением жалованья И. Бичурина с 1 по 11 мая. № 1732.

5. Отношение Академии Наук о возвращении взятых И. Бичуриным книг. 26 июля № 1510.

6. Донесение эконома Лавры об описи имущества И. Бичурина и израсходовании денег на похороны.

7. Предписание эконому Лавры из канцелярии о распределении вещей между монахами, продаже ценных вещей и направлении книг и рукописей в Лаврскую библиотеку, 24 сентября № 1851.

1864 г.

8. Прошение Дмитрия Феникса о выдаче ему вещей, оставшихся после И. Бичурина, как родному дяде. 13 февраля. № 336.

9. Ответ Лавры о состоявшемся распределении имущества среди монахов. 12 марта № 315.

Отдельно нужно привести, найденные мною письма И. Бичурина, публикуемые здесь впервые. Писем И. Бичурина сохранилось немного, поэтому даже за небольшими двумя записками мы должны признать особенную ценность.

Как та, так и другая записка даты не имеют, приблизительной их датировкой можно считать 1840—1841 года, годы наибольшей близости И. Бичурина к А. А. Краевскому и В. Ф. Одоевскому.

(1.) Андрею Александровичу Краевскому

«В прошлый раз мне нужно было поговорить с вами о том, какие еще статьи нужны, чтобы из всех статей, напечатанных в журнале, впоследствии составить нечто целое и напечатать особо. Вы напротив назначали мне статьи такие, которые в отношении к цели моей хотя и хороши, но недостаточны к составлению особливой книги, а без сей цели я скучаю работой, хотя имею большой запас материалов. Чрез несколько дней нарочно зайду к вам. Сыщите описание Чжуньгари мне оно нужно для справки».

Иакинф.

(2.) [В. Ф. Одоевскому]

«Сегодня я приступил к изготовлению для вашего будущего журнала любопытных статей касательно Китая с присоединенными к нему странами. Оне, т. е. статьи займут 50 листов мелкого письма. В субботу намереваюсь принести к вам половину из них совершенно отделанную но еще не переписанную на бело».

При ознакомлении с архивными материалами выяснилось, что после смерти И. Бичурина, все оставшиеся его рукописи и книги были переданы в библиотеку Александро-Невской лавры. После долгих розысков все рукописи и остальные материалы были обнаружены в Рукописном отделении Ленинградской Государственной публичной библиотеки, куда они попали лишь в феврале месяце 1929 г.

Не касаясь рукописей, необходимо указать на некоторые материалы, представляющие исключительную ценность для биографии И. Бичурина, найденные среди этих материалов:

1. «О. И. Бичурин. Приходо-расходный журнал. Некоторые письма к нему и другие бумаги». Крайне ценная для биографии И. Бичурина папка. Собрана была, очевидно, после смерти его в библиотеке Александро-Невской лавры. Содержит следующие заметки и письма: «Эдикт Каян-Луна 1875 г.» на французском языке, «Чертеж парата....», «Выписка из книги

бытия . . . .», «Замечание к месяцеслову на 1845 год о китайских мерах», карта к «Истории Тибета и Хухунора», извещение Русского географического общества, бессвязное письмо с надписью И. Бичурина: «Юнь директор русского училища в Пекине», письмо Татьяны Ястребовой, перевод китайского стихотворения. Счета на продукты, адреса разных лиц со вложенными от них письмами, приходо-расходная книга с указанием всех расходов по изданию книг И. Бичурина и его личных расходов.

2. Папка с вклеенными газетами, заметками и письмами. («Северная Пчела», № 1255; записка о династиях в Китае; «Северная Пчела», 1833, № 131; некролог А. А. Дельвига; заметки по китайской истории, адреса разных лиц).

Архивные материалы отнюдь не исчерпывают всех данных, необходимых для полной биографии И. Бичурина. Опубликованные уже письма И. Бичурина, биографические очерки (весьма неполные), воспоминания об И. Бичурине, некрологи, критические обзоры его трудов, рецензии и наконец большое рукописное наследство и печатные произведения, все это должно лечь в основу будущей биографии И. Бичурина.

Май, 1929.

РЕЦЕНЗИИ

Рабочая книга по узбекскому языку. Под общей редакцией Киссена, И. А. и Ушарова, К. А. Ташкент, Узгиз, 1932 302 стр.

Настоящая книга, являющаяся результатом коллективного труда и предназначенная для курсов по изучению узбекского языка, организуемых при госучреждениях и предприятиях УзССР, составлена по хорошо продуманному плану, заключает в себе весьма целесообразно подобранные языковые материалы и достаточное количество в общем верно и удобопонятно изложенных грамматических правил и снабжена, помимо списков слов при отдельных параграфах, алфавитным узбекско-русским словарем, а также подробным оглавлением.

Авторский коллектив книги обнаружил вполне серьезное отношение к принятой им на себя ответственной задаче, большую методическую опытность и солидное практическое знание узбекского языка.

Как учебник, рассчитанный на первоначальное изучение узбекского языка не узбеками, служащими различных учреждений УзССР, книга должна быть признана ценным достижением советских языковедов Узбекистана, вполне заслуженно одобренным и рекомендованным ГУС'ом Наркомпроса УзССР.

Получив предложение дать свой отзыв о рабочей книге по узбекскому языку, я считаю не лишним сопроводить определенно положительную его оценку некоторыми критическими замечаниями, имеющими целью внести ряд дальнейших улучшений в этот весьма полезный труд, который, по моим сведениям, уже полностью разошелся и поэтому должен в недалеком будущем выйти вторым изданием.

1. Соглашаясь с тем, что очень затруднительно связать общей идеей тексты первого отдела, вследствие крайне ограниченных на первых порах лексических и грамматических возможностей (стр. 5), я считаю, что при втором издании все же следует попытаться внести некоторое объединение по содержанию текстов и первого отдела, напр., придав им характер текстов по современному быту, городскому и сельскому.

2. Безусловно необходимо наряду с алфавитным узбеко-русским словарем приложить к учебнику и русско-узбекский словарь для облегчения упражнений в переводе с русского языка на узбекский, которые должны при изучении узбекского языка иметь не меньшее значение, чем переводы с узбекского на русский. Возражение против русско-узбекского словаря, связанное с неудобством увеличения объема книги, легко устранимо. Пользоваться узбеко-русским словарем, помещенным в конце первого издания, и теперь неудобно, ибо приходится постоянно трепать книгу, перебрасываясь от страницы текста к странице словаря, а потому при втором издании было бы весьма практично разделить книгу на два выпуска более удобного объема и во втором выпуске дать не один, а два словарика: узбеко-русский и русско-узбекский.

3. Характеристика неизменяемости в звуковом отношении основ слова (стр. 11) должна быть несколько ограничена, поскольку в самом же учебнике

учащийся находит такие случаи, как bujruqьmьz при основе bujruq (q вместо q) и тому подобные.

4. На той же странице к характеристике приставок следовало бы прибавить в виде примечания оговорку об особенностях персидских словообразовательных основ и приставок, не подчиняющихся правилам сингармонизма: tekinxor (стр. 224), или присоединяемых не к концу, а к началу слова: natoqru (стр. 225).

5. Отражая общий недостаток существующих практических грамматик узбекского языка, рабочая книга наименее удачно справилась с вопросом о прилагательных. В узбекском языке нет столь резкого разграничения имен на существительные и прилагательные, как в русском языке, и на это обстоятельство необходимо обратить внимание учащегося в первых же параграфах. Словарь, напр., совершенно правильно отмечает, что слов taş значит и камень и каменный (стр. 293), слово temir — и железо и железный (там же), слово qaoqaz — и бумага и бумажный (стр. 287), слово baş — и голова и главный (стр. 266). Эти факты позволяют дать соответствующее грамматическое правило в более широкой постановке, чем на стр. 81, и значительно ранее, чем § 25. Правило, приведенное в § 25, даже без наших добавлений, следовало бы отнести к § 11, где имеется пример rajon şorasь — районный совет (стр. 49), упоминаемый впрочем еще ранее (стр. 42), слова же taş, temir и им подобные в значении прилагательных могли бы быть включены в тексты, начиная с §§ 3—4, ибо их употребление не осложняется присоединением приставок — ь|i-sь|si к определяемому и ничем не отличается от употребления таких слов, как aq — белый (§ 1).

Рабочая книга упоминает впервые о прилагательных в § 13 (стр. 53), но данное здесь объяснение словам, образованным с помощью приставки lь, li, может повести к недоразумениям. Так, в списке слов § 13 находим выражение fьrqa jəçəjkəsi — партийная ячейка, коим подтверждается, что слово fьrqa значит и партия и партийный, а далее (стр. 54) дается образование fьrqalь — партийный без объяснения разницы значений: fьrqa — партийный и fьrqalь — партийный, которая в действительности весьма существенна, ибо во втором случае, в отличие от первого, партийный значит партиец, как taşkəntli — значит ташкентский в смысле ташкентец и atlь значит конный в смысле всадник.

6. Числительные с приставкою av|əv имеют значение не числительных собирательных, а числительных самостоятельных, что с достаточной убедительностью доказывается тем, что приставка av|əv может присоединиться, хотя это в § 17 (стр. 62—63) не упомянуто, и к названию единицы: birev — «один, некто», каковое образование никак не может иметь значения собирательности. Числительные на av|əv употребляются самостоятельно, а не в качестве определения к другому слову, чем и оправдывается указываемое мною их настоящее наименование.

7. Форма seniki, приведенная без объяснения, рядом с формою seniŋ в § 15 (стр. 58), объяснена в § 21 (стр. 72), где следует дополнить характеристику образования на nьqь|niki, как образование самостоятельных притяжательных местоимений и имен, так как подобные формы употребляются исключительно самостоятельно, а не только «могут употребляться самостоятельно», судя по толкованию авторов.

8. Хотя формы icidə, aldьda § 29 (стр. 89) правильно истолкованы, как «в его внутренности», «на его переду»,

но отнесение их к послелогам ввиду якобы утраты ими своего прежнего смысла правильным признано быть не может, так как в действительности слова эти своего прежнего смысла не потеряли, и icidə не значит просто «внутри», a aldьda — просто «впереди», а значат: «внутри него», «перед ним», что явствует из таких, приведенных в словаре, аналогичных выражений, как arqamdan — «вслед за мною arqaŋdan — вслед за тобою (стр. 265) или jaпьmda — при мне, jaпьŋda — при тебе (стр. 276). От настоящих послелогов bilən, учуn — таких образований произвести нельзя.

9. В словаре (стр. 266) очень хорошо отмечены две формы: barojan sajьn и barojan sarь — «с течением времени», из коих каждая пользуется большой распространенностью в разных частях Узбекистана, и поэтому нехорошо, что в § 88 (стр. 195) в грамматической части приведен один только послелог sarь, второй — sajьn в том же значении не упомянут.

10. Последнее мое замечание относится не столько к авторам рабочей книги, сколько вообще к участникам создания современного литературного узбекского языка. Общеизвестно, что узбекская интеллигенция джадидского периода ввела в практику узбекского языка ряд слов и выражений из языка анатолийско-турецкого (бывшего османского), причем некоторые из этих слов являются совершенно излишними, так как имеются узбекские слова с тем же значением, и кроме того эти турецкие слова часто являются непонятными широким узбекским массам. Мне представляется, напр., что помещенное на первой же строке отдела четвертого (стр. 237, § 109) турецкое слово byjyk принадлежит к числу лишних слов, и для узбекских масс необычных, между тем как в значении «великий» у узбеков существует и в словаре к рабочей книге дано (стр. 296) слово uluɣ, которым следовало бы довольствоваться и авторам § 109. В учебную книгу и в приложенный к ней словарь вошел ряд подобных турецких слов и выражений.

При втором издании рабочей книги нужно обратить внимание на язык текстов и с этой стороны, чтобы не отягощать памяти учащихся лишними словами и выражениями, не ставшими общим достоянием современного литературного узбекского языка, предназначаемого для широких трудящихся масс УзССР.

А. Самойлович.

Терминологический словарь. Терминологическая комиссия НМС НКП. Кзыл-Орда, 1931, II + 119 стр.

Настоящий словарь, изданный в количестве 5000 экз., был к концу 1932 г., когда я посетил столицу Казакстана Алма-ата, библиографической редкостью. В интересах истории развития терминологии на различных языках Союза и в частности на казакском языке, я даю об этом словаре краткую заметку.

Терминологическая комиссия Научно-методического совета Казакского Наркомпроса отожествила понятие «термин» с понятием «иностранное слово», и составленный ею словарь начинается словами «абажур», «абаз», за которыми несколько ниже следует «абрикос». Как отмечено в предисловии, в словарь включено более 8000 иностранных слов.

Словарь отразил на своих материалах господствовавшую тогда тенденцию языкового строительства в Казакстане избегать освоения казакским языком иностранных слов, находить или изобретать для иностранных слов соответствующие

казакские слова. Комиссия в предисловии признает, что предлагаемые ею в качестве казакских «терминов» переводы иностранных слов имеют немало недостатков, в том числе, с одной стороны, обозначение одного иностранного слова несколькими параллельно употребляемыми словами, а, с другой, — передача одним казакским (или «мнимо-казакским», прибавим от себя) словом нескольких иностранных разнозначащих слов.

Как указывал в отношении русского языка В. И. Ленин, необходимо бороться с проникновением в родной язык излишних, ненужных, неуместных иностранных слов, создающих вредный разрыв между литературным языком и языком трудящихся масс. В этих пределах позицию Терминологической комиссии следует признать правильной. Но комиссия явно и резко выходила за указанные пределы и проявляла пуризм в таких крайних размерах, которые препятствуют естественному развитию казакского языка и искусственно задерживают его на уровне, безусловно не соответствующем современным социально-экономическим и культурным условиям жизни Казакстана.

Приведем ряд примеров крайностей, допущенных комиссией в ее терминологической работе по линии охраны чистоты казакского языка.

1. Среди ряда слов и выражений для обозначения «орган» и производных от него слов «орган пищеварения» удостоился специального обозначения, едва ли уступающего по своему качеству «мокроступам» и «шаропихиям» блаженной памяти российского «патриота» Шишкова: as qazan «пищевой котел» (стр. 78).

2. Соответственно русскому выражению «пуп земли» и в казакском языке в значении «центр» употребляется слово «kindik» (пупок). Терминологическая комиссия предлагает обозначать «центр» словом «ortalьq» (середина), сохраняя это значение за словом «пупок» только в скобках, т. е. на втором месте (стр. 112), но зато комиссия предлагает то же слово «пупок» или (в скобках) более сложное образование «сопупник, родственник» (kindiktes) в значении «концентр» (стр. 50) и «концентрический».

3. В условиях преобладания скотоводческого хозяйства и в частности овцеводства нельзя не признать естественным, что у кочевников казаков слова «serke» (козленок) и «kөsem» (передовой баран) обозначали одновременно и «предводитель, глава общества» (словарь Радлова, II, 1295).

Комиссия признала уместным предложить на первом месте «козленка» и на втором (в скобках) «передового барана» в значении «лидер», а в скобках «вождь» (стр. 56), хотя в казакском языке имеется несравненно более подходящее слово «basşь» — «вожак» от слова «bas» — «голова» (Радлов, IV, 1539).

Едва ли могут послужить истинному обогащению казакского языка применительно к требованиям современности такие предложения комиссии, как «песнь о рабстве» (qulьlьq çьrь) вместо «мистерия» (стр. 63), «сухая мудрость» (qurƣaq danalьq) вместо «метафизика» (стр. 62), «сухое воображение» qurƣaq qьjal) вместо «фантазия» (стр. 109, правда, в скобках), или «воображение соединенное с надеждой» (ymitti qьjal) вместо «утопия» (стр. 108), или «короткое исследование» (qьsqa sьn) вместо «рецензия» (стр. 96).

К числу более или менее удачных переводов иностранных слов можно отнести: kөp qudajьlьq — политеизм (стр. 68), ijgicildik — оптимизм (стр. 78), azatcьl — либерал (стр. 56).

В некоторых случаях неудачный перевод можно объяснить недостаточным знанием русского языка или недостаточным пониманием переводимого слова и выражения. Так, «прикладная наука» переведена чрез «astar qьlm» (стр. 90), но «astar» значит «подкладка» (одежды), а «крепостное право» переведено чрез «qamaldьq erik» (стр. 52), но «qamal» значит «военная крепость»; слово «мануфактура» переведено чрез «kezdeme», что значит «то, что измеряется аршином», т. е. истолковано только одно из значений переводимого слова.

Мне уже приходилось в других местах отмечать, что в ряде тюркских языков в настоящее время наблюдается стихийное возникновение грамматической категории прилагательных в значительной мере под влиянием других языков, с которых производятся многочисленные переводы на тюркские языки. Нередко при этом прилагательные образуются неправильно. Так, Термином Казакского Наркомпроса предложил в значении «крайний член» (стр. 52)—«cekti myce», т. е. «член, имеющий границу, предел», а не «член, стоящий на краю», как следовало бы перевести.

Одним из особенно ярких примеров на неудачное использование одного и того же казакского слова для обозначения совершенно различных терминов является слово «çurtcьldьq», которое должно одновременно обозначать и «народничество» (стр. 68) и «публицистику». (стр. 93). Как же сказать «народническая публицистика»?

Необходимо оговориться, что Термином предложил ввести в казакский язык, несмотря на свой пуризм, значительное количество иностранных слов, как аберрация, абонемент, абонент, абсолютизм, аванпост, авария и т. д., даже мускул (стр. 66), причем однако и здесь не обошлось без курьезов: русское слово «повесть» переведено чрез «roman» (стр. 85).

Со времени издания Терминологического словаря работа по терминологии в Казакстане продолжается, и условия для надлежащего выполнения этой весьма трудной работы продолжают улучшаться по мере роста национальных научных и в том числе лингвистических сил. Несомненно, что новое издание словаря будет свободно от всех недостатков, о которых говорится и в предисловии к словарю и в нашей рецензии на него.

А. Самойлович.

Турецко-русский словарь. Составил Д. А. Магазаник. При участии А. Б. Абдурахманова и И. В. Левина. Под редакцией проф. В. А. Гордлевского. Москва, ОГИЗ РСФСР, 1931, столбцов 1176, цена 6 р.

Институту Востоковедения имени Н. Н. Нариманова и Государственному издательству «Советская энциклопедия» принадлежит крупная заслуга перед советским востоковедением, выразившаяся в издании турецко-русского словаря в 40 000 слов, который по положительным своим качествам несравнимо превосходит все немногочисленные ранее выходившие на русском языке словари турецкого языка и стоит не ниже соответствующих зарубежных изданий. Выход в свет этого словаря должен быть признан выдающимся событием в истории русской и советской туркологии.

Составляя первый выпуск серии восточных словарей, как части иностранных словарей, издаваемых под общей редакцией О. Ю. Шмидта «Советской энциклопедией», технически прекрасно оформленный русско-турецкий словарь заключает в себе слова разговорной речи, научные,

политические, технические, военные и художественной литературы.

Являясь результатом начатой в 1927 г. коллективной работы в стенах Московского института востоковедения его питомцев с участием и туркологов, прошедших ленинградские вузы (Левин, Лисовский, Михайлов), словарь, как явствует из предисловия, «предназначается для чтения новейшей турецкой литературы» и составлен почти исключительно по текстам, а затем проверен и дополнен по новейшим словарям, изданным в Турции. Список использованных словарей дан после предисловия (в нем упомянуты и некоторые старые словари, включая словарь Будагова). Турецкие слова даны в современном правописании на основе латинского алфавита, принятого турками в 1928 г. Для облегчения пользования словарем проф. Гордлевский предпослал ему перечень словообразовательных приставок. В конце словаря даны: список вилайетов в Турции и список наиболее принятых в Турции сокращений вроде А. А. — Анатолийское телеграфное агентство.

В словарь вошли и некоторые элементы турецких диалектов, арго и детского языка. Заимствования из других языков оговорены. При каждом слове дается ряд наиболее употребительных, а иногда и редко употребительных его значений, а также в случае необходимости приводятся различные выражения.

В предисловии не указано, каким принципом руководились составители словаря при распределении по нумерам различных значений слова. Мне думается, что было бы целесообразно, поскольку словарь предназначается прежде всего для практических целей, выдвигать вперед наиболее употребительные в современном языке значения, значения же менее употребительные или устаревшие давать на втором и третьем местах, но составители, повидимому, такого принципа, весьма облегчающего пользование словарем, не придерживались. Я бы, например, при слове fennî (столб. 311) на первом месте поставил значение «технический», а не «научный» (ср. ilmî), при слове kanaat (столб. 527) значение «мнение, убеждение», а при слове meslek (столб. 697) — «занятие, профессия» (ср. meslekî). Значениям, приведенным при слове meslektaş, в связи с этим, необходимо, по моему, предпослать значение «товарищ по профессии», в словаре отсутствующее.

Как отмечено в предисловии, словарь «конечно, неполон», но он все же достаточен для чтения текстов, свободных от узко-специальных терминов. Чтобы точнее определить степень его полноты, надо сказать, что не всякая статья современной турецкой газеты может быть с помощью этого словаря полностью прочитана.

Как показали мои прошлогодние занятия по турецкой газете с аспирантами Ленинградского восточного института им. Енукидзе, дополнения к словарю накапливаются в значительном количестве. Для дополнений и исправлений предназначен особый листок в конце словаря. Следовало бы организовать дело так, чтобы эти дополнения и исправления действительно стекались к составителям словаря для подготовки нового расширенного и улучшенного издания. Первое—вышло в количестве 10 000 экземпляров и следовательно в близком будущем разойдется, если уже не разошлось.

Как отчасти отмечено в предисловии, турецкий литературный язык в настоящее время довольно быстро развивается и изменяется, а в связи с этим и турецко-русский словарь, вышедший

в 1931 г. с каждым годом стареет и все более нуждается в новых и новых дополнениях и исправлениях. И довольно скоро безусловно потребуется новое издание, которое, мы уверены, отразит на себе результаты плодотворной работы еще более крупного коллектива советских туркологов, продолжающего успешно расти и количественно и качественно в различных центрах нашего Союза.

А. Самойлович.

Б. Лапин и З. Хацревин. Сталинабадский Архив. Рассказы и документы о советском Таджикистане. Москва, «Федерация», 1932, 147 стр.

Литература общего характера о Таджикистане невелика,[1] между тем эта страна чрезвычайно интересная, и необыкновенные быстрые темпы строительства «Седьмой Союзной» еще увеличивают этот интерес.

Книга молодых писателей Лапина и Хацревина задумана и выполнена очень оригинально, на основании хорошего личного знакомства с кишлаками и городами и их населением. Авторы в предисловии «Читателю» говорят: «Эта книга — рассказ о Таджикистане в стихах, повестях, письмах, дневниках, газетных выдержках, рисунках и песнях», я прибавил бы еще «и в беседах».

Благодаря такой постановке перед вами проходит весь современный Таджикистан, но притом всегда на фоне старого: книга молодых писателей — книга противопоставлений. Очень удачно оформленная книга имеет, однако, именно в этом отношении один крупный недостаток; в ней нет оглавления, которое при большом количестве затронутых вопросов и приведенных памятников литературы весьма необходимо. Приведу здесь отсутствующие в книге оглавления: Читателю. 3. Горные песни. 5. 1. Запевка.[1] 2. Кем бы я хотел стать. 11. 3. Поимка Абдулла-хана (локайского курбаши), бандитского главаря 13. 4. Песня горца. 16. 5. Приглашение. 18. 6. Бухарцы в Афганистане 20. 7. Вождь говорит. 22. 8. Песня о Яр-Султан-Азим-Джане. 24. 9. Шоири Худжанд «Я не могу дышать свободней и жарче». 26. 10. Трудовая песня о рождении железного серпа. 27. 11. Рубайи. 29. 12. Песня о влюбленном соловье. 33. 13. История моего сердца. 32. 14. Революционные похороны в Сталинабаде. 34. 15. Предсказателю. 37. Художник из Кишлака. 39. О нас и о наших соседях. Письмо в 15 рисунках. 40. За чтением газет. 55. Просмотр таджикской газеты. 57. И вот что мы найдем, просматривая журнал «Путеводитель Знания» 61: Рассказ К. Садри «Сунбуль». 62. Материалы для истории колхоза «Ройнау». 67. Завещание Ашура. 70. Колхозная хлопкоуборочная. 76. Литературный вечер в таджикском техникуме. 78. Пайрау Сулямойни: От незаметного и скромного таджика советских гор — тебе, английская империя. 80. Пайрау Суляймони: Два похода. 82. Школьная песня (сочинена Захни). 84. Лахути; Английская колония в Африке. 86. Лахути: О классах, о страсти и о борьбе. 89. Сухайли. Народ увидел цветущую страну. 91.

[1] Из книг последних лет, которые еще не устарели, можно указать только на следующие три: Таджикистан. Сборник статей с картой. Ташкент, 1925. (Изд. Об. Таджикистана и иранских народностей за его пределами). Ценное издание. — Абду Рахим Ходжибаев. Таджикистан. Краткий политико-экономический очерк Таджикской ССР. Москва, 1929. Прекрасный общий очерк. — Мумий Ходжаев. Социалистическое строительство у ворот Индостана. 1932, изд. «Советская Азия» (Москва).

[1] Говорит о постройке Дюшамбинской (в Сталинабаде) жел. дороги.

Сухайли. Годовщина моей страны. 93. Айни. Красный обоз. 94. Заметка о стихах, исполнявшихся на литературном вечере. 96. Таджикский плакат. 98. Зарпуш (о школьном учителе). 101. Отрывки из дневника Султановой. 104. Касыда о глупости. 109. Касыда о глупости или как мы узнаем врагов советского Таджикистана. 112. Красная Чайхана, бытовая зарисовка (автор Б. Азизи). 114. Записка землемера Дадабая Шафрифбаева. 118. Вахш или ночь в рабате (почт. станция) 121. Колхозник, вахшский рабочий и заврабата. 124. Хаджи Курбанов и узбек Игамберды. 124. Игамберды и гидротехник Ганиев. 129. Мо-ши-рин, студентка Кутва и Ашурмахмад, механик. 130. Заврабата. 131. Первые повести. 132. Айни. На смерть моего брата Хаджи Сироджеддина, казненного бухарским эмиром в месяцы реакции, наступившей после Колесовского набега на Бухару. 134. Садр эддин Айни: Одина иоки сергузашт-и-дихкон и камбагаль. Одина или похождения бедняка-крестьянина. Отрывки. Детство Одины. 136. Любовь Одины. 137. Одина на заводе. 139. Возвращение Одины. 140. Октябрь. 143. Послесловие. 147.

Это оглавление показывает все разнообразие содержания книги и уменье авторов подойти близко к жизни таджиков. Выявляет она также и темп жизни страны, совершенно исключительный. Нам пришлось в Сталинабаде проходить мимо одного дома и мы справились, когда он построен, последовал ответ: «о, это старый дом, он построен еще в прошлом году».

Книга вероятно выйдет на таджикском языке, так же, как уже вышла книга Лапина о Памире.[1] И тогда наверное авторы в ней многое изменят, чтобы сделать ее злободневной, так как в 1933 г. в Таджикистане уже многое, что было новым в 1932 г., станет старым.

Мне хотелось бы указать здесь на то, что «Сталинабадский архив», написанный для широкого круга читателей, несомненно прочтется с пользою и специалистами. Можно пожелать, чтобы у нас появилось побольше таких книг по всем нашим республикам.

(14 XII 1932 г.) *Сергей Ольденбург.*

[1] Boris Lapin. Hikojathoji Pomir. Az boloobi Panç ba boloobi Hind. Tarcimaji M. Iusifş. Istalinobod, 1931. Samarqand.

Торговая инспекция на востоке халифата и в арабской Испании. Un manuel hispanique de Hisba. Traité d'Abū ʿAbd Allāh Muhammad b. Abī Muhammad as-Sakatī de Malaga sur la surveillance des corporations et de la répression des fraudes en Espagne musulmane. Texte arabe publié avec une introduction, des notes linguistiques, un glossaire et une traduction française par G.-S. Colin et E. Lévi-Provençal. I. Texte arabe, introduction, notes linguistiques et glossaire. Paris 1931. 8° XIII + 73 + vf (Publication de l'Institut des Hautes Etudes Marocaines).

В эпоху расцвета халифата, в связи с усложнением социально-экономических отношений возникает ряд учреждений и функций, которых не существовало в период «правоверных халифов» и даже в «арабском государстве» омейядов. К числу таких принадлежит между прочим инспекция торговли и нравов «хысба», во главе которой стоит «мухтасиб».

Ранняя история этого учреждения остается неясной. Мусульманская каноническая традиция возводит его к чисто-религиозным предписаниям «побуждения к принятому (в законе) и удерживания от неодобряемого»[1] — одной из основных

[1] Формулировка основана на выражениях Корана 3,100.

обязанностей, вменяемых халифу, уполномоченным которого в определенной сфере и является мухтасиб. Самый термин в связи с этим толкуется как иҳтисāб ал-уджра — приобретение (или снискивание) награды (загробной). Едва ли, однако, исходным нунктом, вызвавшим установление ҳысбы, являются чисто-религиозные предписания. Самый термин в основе своей имеет конкретное значение «счет, вычисление» и указывает на контрольные функции заведывавшего ҳысбой, главным образом, в области рыночно-торговых операций. С ними легко и естественно связывались некоторые моменты наблюдения за нравами вообще (контроль над продажей вина и пьющими, торговля рабами и отношение к ним хозяев и т. д.). В этой функции инспектора нравов мухтасиб стал не менее популярной фигурой всей позднейшей мусульманской литературы, чем инспектора рынков, мер и весов. Должность терминологически была связана с учетом и контролем, как видно и потому, что иногда мухтасибам вменялась в обязанность запись актов рождения, смерти, наследования и пр.[1]

При таком широком охвате понятно, какую крупную роль играл мухтасиб в эпоху арабского средневековья, особенно в больших городах. Изучение его деятельности в историческом развитии является необходимой задачей для всех, кто желает ознакомиться с социально-экономическим строением халифата. Исчерпывающих исследований по этой теме нет, и можно указать только немного работ, сохраняющих известное значение и теперь. Первым этапом специального изучения приходится считать широко задуманную монографию W. Behrnauer'а;[1] она не только ввела в обиход один из основных, до того времени неизвестных источников, сообщив из него очень значительные выдержки, но пыталась осветить все многообразные стороны ҳысбы на мусульманском востоке в их различных комбинациях в разные периоды. Многое в этой работе устарело, многое может быть без труда дополнено, но она и до сих пор не заменена другой, которая ставила бы вопрос так же широко. Полезной является арабская статья Л. Шейхō,[2] вызванная открытием нового источника, которому она уделяет основное внимание, но суммирует и данные, известные по другим материалам. Меньшее значение имеет соответствующий отдел в «Истории арабов» Cl. Huart,[3] равно как и упомянутая статья E. Zambaur в «Энциклопедии ислама», которая при своей краткости отнюдь не может считаться исчерпывающей формулировкой,[4] хотя и содержит некоторые интересные и ранее не высказывавшиеся соображения.[5] В известных отношениях любопытна сводка, которую дал М. Курд ʿАлӣ в большой работе по истории Сирии,[6] но она отражает преимущественно традиционную точку зрения. Не представляет значительного движения вперед отдел, посвященный функциям мухтасиба в новейшей работе Reuben Levy под заманчивым названием.[7]

---

1 На это обратил внимание E. Zambaur в статье Hisba в Enz. d. Isl. II, 337.

---

1 Institution de police chez les arabes, les persans et les turcs (J. A. c. 5, т. XV, 1860, 461—508, XVI, 1860, 114—190, 347—392, XVII, 1861, 5—76).

2 Ал-Машриқ, X, 1907, 961—968, 1079—1086, XI, 1908, 580—594.

3 Histoire des Arabes, I, Paris 1912, 363—366.

4 То же надо сказать о нескольких строках в полезной вообще книжке Gaudefroy-Demombynes, Les institutions musulmanes, Paris 1921, 159.

5 Несколько дополняет ее статья R. Levy «Muhtasib», появившаяся в той же Enz. d. Isl. III, (1933), 758—759.

6 كتاب خطط الشام, V, Дамаск 1927, 136—144.

7 An Introduction to the Sociology of Islam, I, London, 1931, 367—372, ср. II, 1933, 111—112.

Некоторая неполнота этих монографий в значительной мере объясняется тем, что далеко еще не все материалы по ḫысбе приведены в известность; наоборот они продолжают открываться и именно в последнее время обнаруживаются едва ли не наиболее интересные источники.[1]

Если исследование основывать исключительно на одних юридических трактатах, где освещаются права и обязанности муḫтасиба, оно по необходимости окажется односторонним. Число таких трактатов безгранично, в каждом из них уделяется внимание и ḫысбе, но все они, как и в прочих аналогичных темах, очень часто отражают не столько жизнь, сколько отвлеченную теорию, построение того идеального государства, которое создавалось как своеобразная утопия юристами-богословами, но никогда не существовало на практике.[2] Значительный корректив здесь необходим, и прежде всего его вносят историки, упоминающие о ḫысбе по отдельным конкретным поводам. Данные таких авторов как Ибн Ḫалдӯн или ал-Макрӣзӣ вносят много света, особенно тогда, когда они исходят из реальных фактов, а не теоретических построений. Известное неудобство этого материала в том, что он слишком разбросан и фрагментарен; использование его требует кропотливых разысканий, не всегда вознаграждаемых положительными результатами.

По счастию именно для ḫысбы мы располагаем крайне важными источниками совершенно особого рода — трактатами практического характера, представляющими или руководства для тех, кому приходится нести эти обязанности или записки-воспоминания тех, кто их выполнял, о своей деятельности. При скудости арабской письменности памятниками такого рода их значение еще более повышается; разнообразие содержания доставляет исключительный по ценности материал вообще для внутренней истории халифата. Число этих памятников к сожалению незначительно и ни один из них не издан и не исследован полностью.

Наиболее популярным является трактат ʿАбдарраḫмāна ибн Наṣра, писателя эпохи Саладина (ум. 1193), хотя ни его имя, ни название труда не могут считаться окончательно установленными. Повидимому, автора надо идентифицировать с составителем «княжьего зерцала», хорошо известного в ту же эпоху.[1] Путаница с его именем и названием сочинения[2] была настолько сильна, что в известном библиографическом своде Ḫāджжӣ Ḫалӣфы оно оказалось разбитым на два различных.[3] О популярности его на Востоке говорит сравнительно большое количество дошедших до нас рукописей, которые известны в Вене, Лейпциге, Готе и Каире;[4]

---

[1] Преимущественно на реферируемом памятнике основан соответствующий отдел в ценной книге E. Lévi Provençal, L'Espagne musulmane au X siècle, Paris 1932, 185—193.

[2] Для характеристики достаточен любой курс мусульманского права, см., напр., Фан ден Берг, Основные начала мусульманского права, СПб., 1882, 180. В данном случае наиболее важен соответствующий отдел ал-Мāвердӣ, ум. 1058 г. (по изданию M. Enger'a, 1853 г., гл. XX), который анализировал H. Amedroz. The Ḥisba Jurisdiction in the Aḥkām Sulṭāniyya of Mawardī, JRAS, 1916, 287—314. Образцом теоретико-юридических построений ḫысбы может служить трактат Ибн Теймии, ум. 1328 г. الحسبة في الاسلام, неоднократно издававшийся на Востоке, напр., в Каире в 1318 и 1323 гг.

[1] О нем я писал в ДАН-В, 1925, 70—71. Предположение о тождестве их было высказано еще E. Wiedemann'ом, Beiträge zur Geschichte der Naturwissenschaften, XL, Erlangen 1914, 173—4, и XLVIII, 1916, 43, и в последнее время G. Sarton'ом, Introduction to the History of Science, II, Washington 1931, 463.

[2] Обыкновенно оно называется نهاية الرتبة في طلب الحسبة.

[3] Изд. Flügel'я VI, 400—401 № 14082—3.

[4] Перечень их у Шейḫō, 963—964, Wiedemann'a, op. cit. XL, 174 и Colin-Lévi, VII (в примечании 2 вместо الغربة чит. الرغبة).

в арабской письменности трактат не прошел бесследно, а оказал сильное влияние на последующие произведения в этой области. И в Европе он явился первым (и единственным), с которым познакомилась наука, благодаря обстоятельной французской передаче Behrnauer'а.[1] Наличие такого всем доступного изложения избавляет от необходимости говорить подробно о его содержании. Оно представляет типичное руководство для мухтасиба, разделенное на 40 глав и направленное преимущественно на установление приемов проверки правильности мер и весов, в особенности же доброкачественности или фальсификации продуктов и товаров, поступающих на рынок. О том, насколько много ценного материала по самым разнообразным областям хозяйственно-экономической жизни дает трактат, можно судить по монографическому исследованию фальсификации аптекарских товаров, произведенному E. Wiedemann'ом.[2]

В близкой связи и под непосредственным влиянием трактата ʿАбдаррахмāна находится произведение автора XIII—XIV века Мухаммеда ибн Ахмеда ибн Бассāма под тем же названием. К сожалению о самом авторе сведений так же мало, как о первом; сочинение его стало известно благодаря Шейхō, который опубликовал довольно значительные извлечения из него на основании рукописи частной коллекции С. Шхāде в Бейруте;[3] в настоящее время известно еще несколько рукописей на Востоке,[4] из которых одна находится в Алеппо.[1] Самый трактат, как можно судить по тексту, многое заимствует непосредственно от ʿАбдаррахмāна, но многое уточняет и детализирует. В связи с большей дифференциацией объектов торгового контроля глав в нем уже 114. Значение его, как показывает упомянутое исследование Wiedemann'а, так же велико.[2]

К сожалению, двумя этими трактатами исчерпываются специальные сочинения по хысбе, которые доступны в более или менее значительных извлечениях; два других известны только по названию, хотя рукописи их открыты давно. Первое принадлежит Мухаммеду ал-Курашӣ[3] и благодаря наличию оксфордской рукописи упоминалось почти всеми исследователями, занимавшимися хысбой.[4] Можно попутно отметить, что еще в 70-х годах ею интересовался бар. В. Р. Розен, но его выписки, сделанные во время пребывания в Англии, остались в неопубликованных материалах.[5] Кроме оксфордской рукописи известна еще каирская в коллекции Ахмеда Зекӣ,[6] но о самом сочинении, состоящем из 70 глав, приходится судить только на основании этих скудных упоминаний. Еще меньше известно о работе ʿОмара ибн Мухаммеда ибн ʿАвада в 64 главах,[7] рукопись которой в Каире в коллекции Ахмеда Теймӯра недавно упомянута М. Курд ʿАлӣ.[8] Насколько можно судить по крат-

---

[1] JA XV, 463; XVI, 347—392; XVII, 5—76.
[2] Beiträge XL, 1914, 173—174, 201—206.
[3] Ал-Машрик, X, 1907, 961—968, 1079—1086; XI, 1908, 580—594. Копия с основной рукописи находится в библиотеке Университета св. Иосифа в Бейруте (L. Cheikho, Catalogue raisonné des manuscrits de la Bibliothèque Orientale, III, Beyrouth, 1923, 157 № 250).
[4] М. Курд ʿАлӣ в журнале ал-Муктабас, III, 1908, 537 и 609.

[1] Idem в RAA XII, 1932, 157.
[2] Beiträge, XL, 174—206. Ср. еще Colin-Lévi, VII—VIII и Sarton, II, 463.
[3] Название сочинения معالم القربة فى احكام الحسبة.
[4] Behrnauer, XV, 463; Шейхō, X, 964; Wiedemann, XL, 173; Colin-Lévi, VII.
[5] См. Опись бумаг барона В. Р. Розена, поступивших в Азиатский музей Академии Наук, ИАН, 1918, 1336 № 47.
[6] М. Курд ʿАлӣ в RAA, XII, 1932, 57.
[7] Название ее نصاب الاحتساب.
[8] RAA, XII, 57.

кой характеристике библиографа Х̱āджжӣ Х̱алӣфы,[1] оно представляет типичный трактат о х̣ысбе. Сочинение было, повидимому, особенно популярно в Средней Азии, так как в Азиатском музее Академии Наук сохранились две поздних рукописи, происходящих из Бухары;[2] одна имеется в библиотеке Университета.[3]

Из других памятников арабской письменности, не предназначенных в качестве руководств мух̣тасибу, следует выделить два, которые своим материалом очень часто переплетаются с тем, что объединяется в перечисленных трудах. Один из них — это «Выборки по открытию тайн и раскрытию покровов», составленный ал-Джаубарӣ ок. 1222 г.[4] В нем автор разъясняет «хитрости менял, шарлатанов и алхимиков, знатоков алхимии, у которых более трехсот способов одурачивать народ». Сочинение, разделенное на 30 глав, важно не только для истории мусульманской алхимии и технологии, но и для изучения самых разнообразных сторон мусульманских обычаев и суеверий. Благодаря его популярности, большому количеству рукописей и восточных изданий работа ал-Джаубарӣ хорошо известна в Европе еще со времени Steinschneider'а и De Goeje;[5] большие извлечения из нее дал Шейх̮ō[6]

[1] Изд. Flügel'я, VI, 345 № 13795.

[2] Ms. Or. C 235—946 г. и B 413—1225 г. Автор его называется здесь не الشامى как у Х̣ Х̮, а السنامى (у М. Курд ʿАлӣ под вопросом النسامى); нумерация глав в одной рукописи идет только до 50.

[3] Ms. or. 260. Она поступила из Казани, автор называется здесь الدمشقى

[4] Основную литературу о нем см. C. Brockelmann в Enz. d. Isl. I, 1071; Wiedemann, Beiträge XL, 1914, 172 прим. 1; Sarton II, 635. Краткие упоминания о нем имеются и в работах по х̣ысбе Behrnauer, JA, XV, 464—465; Шейх̮ō, X, 964—965; Colin-Lévi, VII; М. Курд ʿАлӣ RAĀ, XII, 58.

[5] См. ZDMG, XIX, 1865, 562 сл. XX, 1866, 485 сл.

[6] Ал-Машрик, XII, 1909.

и ряд отдельных вопросов обработал Wiedemann.[1] О разнообразии затрагиваемых здесь сюжетов можно судить по названиям некоторых из статей последнего: о весах у арабов, об алхимии, об изготовлении золота, о фальсификации жемчуга, о цвете животных и людей, о шарлатанах у мусульман и т. д.

Второе произведение, которое полезно для аналогичных разысканий составлено экономистом Джаʿфаром ибн ʿАлӣ ад-Димешк̣ӣ около 1175 г. под названием, хорошо определяющим его содержание и подход, «Указание на прекрасные стороны торговли, познание хороших и плохих товаров и фальсификации их обманщиками».[2] Работа имеет дело не только с различными продуктами и их подделкой, равно как с теорией и практикой торговли, но и с экономическими вопросами общего порядка. Автор рассматривает такие темы, как существо капитала, разные категории собственности, возникновение и происхождение денег, сохранение товаров, определение цены и т. д. Такое же внимание, как в трактатах по х̣ысбе, уделяется различным производствам, ремеслам и цехам. Благодаря наличию каирского издания, этот трактат привлек внимание европейских исследователей и вызвал ряд работ.[3] Не вошел еще в обиход науки приписываемый известному ал-Джāх̣изу (ум. 869 г.) трактат о торговле, который недавно издан по тунисской рукописи Х̣. Х̣. ʿАбд ал-Ваххāбом.[4]

[1] Перечень их см. Sarton и Wiedemann, l. cit.

[2] Основная литература указана у Sarton, op. cit. II, 462—463.

[3] Помимо отмеченных у Sarton'а заслуживает еще серьезного внимания статья W. Heffening'а о торговле в мусульманском мире Tidjāra в Enz. d. Isl, IV, 1930, 808—813, где специально освещается трактат ад-Димешк̣ӣ (стр. 812).

[4] RAA, XII, 1932, 321—355. Арабское название его التبصّر بالتجارة.

Если подвести итог всем перечисленным трактатам, которые имеют отношение к торговой инспекции, нетрудно видеть, что их объединяют два обстоятельства — все они относятся к XII—XIII веку и все они возникли в восточной части халифата. Из Испании и северной Африки у нас до сих пор не было ни одного аналогичного памятника, хотя было очевидно, что учреждение х̣ысбы играло там не меньшую роль, чем на Востоке. Об этом ясно говорил испанский термин almotacén — инспектор мер и весов, который отчетливо сохранял свой арабский прообраз ал-мух̣тасиб.[1]

Только в прошлом году стал известен первый памятник из этой области, открытый и изданный французскими учеными в Марокко и ведущий свое начало из арабской Испании XI—XII века. Большой заслугой ученых является то, что ими сейчас же было дано критическое издание со всем необходимым вспомогательным аппаратом в образцовом виде; для работы всех интересующихся какими-нибудь вопросами, связанными с обширной областью функций мух̣тасиба, заложена прочная база.

Сочинение было обнаружено в одной дефектной рукописи в частной библиотеке города Сале и полной — в Рабате (стр. VIII—IX). Последняя помогла установить, что автором сочинения является Мух̣аммед ибн Абӯ Мух̣аммед[2] ас-Сак̣ат̣ӣ, бывший как выясняется из его сочинения мух̣тасибом в Малаге в XI—XII веке (стр. IX). Никаких других сведений о нем не удалось обнаружить. Трактат был написан уже в то время, когда автор не состоял больше мух̣тасибом по настоянию его друзей, которые просили составить руководство, чтобы изучить «историю обманщиков среди купцов и ремесленников, работающих на рынке, их надувательства при взвешивании и отмеривании, средства, которые они применяют, чтобы обесценивать товары, хитрости, к которым они прибегают в своих действиях» — словом все то, что говорит о систематическом почти нарушении правил х̣ысбы и частой неспособности властей разобраться в уловках торговцев и ремесленников (IX).

Сочинение распадается на восемь глав с общим введением о причинах, вызвавших составление трактата (١—٣); первая глава посвящена общим соображениям о роли х̣ысбы в первые века ислама (٣—١١), конечно в традиционном освещении; вторая и третья — мерам, весам и весовщикам (١١—٢٠); четвертая — мельникам, пекарям и булочникам (٢٠—٣٢); пятая — резникам, мясникам, рыбникам и содержателям харчевен (٣٢—٤١); шестая — дрогистам и аптекарям (٤١—٤٧); седьмая — работорговцам и комиссионерам (٤٧—٦٢); восьмая — ремесленникам и ремеслам (٦٢—٦٩). Вся жизнь мусульманского города проходит здесь перед глазами читателя, при том проходит не в схематичном ученом трактате, а в живой картине с рядом непосредственных выхваченных из конкретной обстановки деталей. Французский перевод, который составит второй том работы (I, X), позволит познакомиться во всех деталях с этим памятником и лицам, не знающим арабского языка.

Памятник не прошел бесследно в арабской Испании. Издателям удалось установить, что марокканский полигистор XVII в. ʻАбдаррах̣ма̄н ал-Фа̄сӣ отдел о х̣ысбе в своей стихотворной энциклопедии основал почти исключительно на

---

[1] Ср. A. González Palencia, Historia de la España musulmana², Barcelona 1929, 198—199.

[2] На странице IX издатели называют его Ибн Абу Ах̣медом, но факсимиле табл. I, равно как арабский текст и заглавие книги дают правильную форму.

трактате ас-Саḳаṭӣ (X—XII). Следы его влияния заметны и на другом авторе приблизительно той же эпохи (XII—XIII). Несомненно, что и в Испании в литературной истории трактатов о ḫысбе существовала такая же традиция, как на Востоке, но только из испанской традиции пока нам стало известно лишь одно звено.

Работа Colin и Lévi-Provençal открывает несомненно новую эпоху в изучении ḫысбы и может служить образцом критического издания. Ими составлено обстоятельное введение (I—XIII), в котором сообщены сведения о ḫысбе в исламе (I—VI), о главнейших трактатах в этой области (VI—VIII),[1] о рукописях сочинения ас-Саḳаṭӣ (VIII—X), о заимствованиях из его трактата (X—XIII). Совершенно правильно они учли, что памятник, во многом отражающий испано-арабский диалект, представляет особые трудности для понимания. В связи с этим составлен специальный грамматический очерк (1—9), содержащий замечания по фонетике (1—4), морфологии (4—5), синтаксису (5—9) и составу вокабулярия (9). Особые терминологические трудности вызвали необходимость специального глоссария (11—72), который можно считать составленным образцово. О количестве заключенного в нем материала легко судить уже потому, что он занимает немногим меньше места, чем весь арабский текст. Не надо добавлять, что работа сопровождается оглавлением (73 и ٧٢) и указателем собственных имен (٧٣). Четыре таблицы снимков с рукописей позволяют наглядно судить о тех трудностях, которые приходилось преодолевать издателям при дешифровке текста.

Благодаря новой работе историки, экономисты и социологи, специально занимающиеся арабским миром, получают возможность привлечь к исследованию первоклассный материал, на который до сих пор не обращалось серьезного внимания. Роль «ḫысбы» на мусульманском Востоке очень долго сохраняла свое значение и нам полезно помнить, что еще под 1510 годом в переписке Москвы и Крыма упоминается «мустасип азовский»[1]

Л. Июнь 1932.

И. Крачковский.

---

[1] Некоторые дополнения к этим главам даны мною в начале статьи.

[1] В. Е. Сыроечковский. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века, ИОН, 1932, 196.

Датский перевод „Тысяча и одной ночи“. Tusind og en Nat oversat fra arabisk af J. Östrup illustreret af Gudmund Hentze I—VI. Baltisk Forlag. Malmö — København — Berlin. 1927—1928. 8° maj. стр. 396 + 400 + 400 + 400 + 400 + 408 + illustrat.

История переводов «1001 ночи» еще не написана; между тем она представляет очень любопытную страницу не только литературной, но и культурной жизни европейских стран. Каждая эпоха оставляла здесь свой след и налагала определенный отпечаток: если не всякий перевод вносил что-либо новое в понимание самого произведения, то он всегда был характерен для литературных и научных взглядов своего времени. Двадцатые годы нашего столетия открывают, повидимому, новый период. До этого времени последним словом науки (и переводческого искусства) в данной области считались переводы литературно-эстетствующего типа, как Payne и Mardrus (к которым отчасти может быть отнесен и Burton, другой стороной примыкающей к «этнографическому» типу переводов, одним из

лучших образцов которых остается старый Lane). Теперь мы замечаем новое явление: к переводам «1001 ночи» приступают арабисты-филологи, для которых это произведение являлось предметом специального изучения, а не очередной рядовой работой, как бывало и раньше (Weil, Henning). Пионером нового направления мы можем считать E. Littmann'a, известного семитолога и арабиста, одинаково близкого к диалектологии и фольклору Переднего Востока, который в 1921 г. стал выпускать свой шеститомный законченный в 1928 г. перевод. Для серьезного изучения «1001 ночи» и работы над ней этот перевод и является теперь основным авторитетом. К тому же направлению литературно-филологического перевода мы можем отнести и русскую работу М. А. Салье, который подготовлял себя к трудной задаче серьезным научным изучением памятника и дал уже несколько монографий по различным вопросам, связанным с его литературной историей.[1] Перевод М. А. Салье стал появляться в печати с 1929 г., уже после того, как в Европе был издан датский перевод J. Östrup'a, который можно было бы считать вторым после Littmann'a образцом нового течения в истории переводов «1001 ночи», основываясь на имени автора. К сожалению, перевод до последнего времени оставался недоступным рецензенту; он представляет однако настолько крупное событие в интересующей нас области, что и теперь не поздно познакомить с ним читателей.

[1] «Ленинградская рукопись „Тысяча и одной ночи"» (Изв. Акад. Наук СССР, 1928, 185—196), «Материалы для датировки сказки об Алā ад-дӣне Абӯ-ш-Шāмāте» (ibid., 299—310). Совершенную новость для науки представляют опубликованные им отрывки «1001 ночи» в еврейской транскрипции, которые до сих пор не были знакомы специалистам «Неизвестный вариант сказки о рыбаке и духе» (ЗКВ, V, 1930, 405—428).

Перевод вышел в 1927—1928 гг., одновременно в двух изданиях — оригинальном датском и шведском в переводе с датского T. Wennström.[1] Оба издания сопровождаются одинаковыми иллюстрациями датского художника G. Hentze. Для скандинавских литератур, до сих пор как и русская, не обладавших переводом с подлинника, выход в свет работы Östrup'a представлял событие первостепенной важности и был встречен соответствующими отзывами прессы. Имя переводчика позволяло надеяться, что его труд будет таким же событием вообще для всех интересующихся «1001 ночью». Надо помнить, что Östrup является крупнейшим специалистом по «1001 ночи»; одна из первых его работ в начале 90-х годов составила целую эпоху в этой области[2] и до настоящего времени остается основным руководящим трудом по ее истории.[3] Еще до этой книги им был выпущен перевод сказки об ʿАладдине из «1001 ночи»;[4] вероятно с того же времени был начат и систематический перевод, продолжавшийся в течение долгих лет параллельно с научной работой и законченный, судя по дате в конце предисловия (I, 26), в январе 1924 г. в Каире.

Это предисловие, предваряющее первый том (стр. 7—26), об истории перевода говорит очень мало, но положенным в основу принципам уделяет большое внимание и с этой точки зрения представляет общий интерес, как мнение крупного знатока «1001 ночи». С са-

[1] Последний мне известен только по рецензии K. Zetterstéen'a в журнале «Le Monde Oriental» XXII, 1928, 527—528.

[2] Studier over Tusind og en Nat af J. Østrup (København, 1891).

[3] В 1904 г. вышел русский перевод этой работы Т. Ланге с дополнениями А. Крымского (Москва), в 1925 г.—немецкий с дополнениями O. Rescher'a (Stuttgart).

[4] В сборнике его переводов «Arabiske Sange og Eventyr efterlignede af. J. Østrup». København, 1889, стр. 74—175.

мого начала выясняется, что задача, которую ставил себе Östrup, сильно отличалась от той, которой удовлетворяет перевод Littmann'а или Салье: последние дают не только книгу, которую можно читать, но и авторитетный текст, основываясь на котором не-арабист может работать над «1001 ночью» с достаточной уверенностью; у Östrup'а эта задача совершенно отпадает. Первый датский перевод с подлинника (стр. 21, 25), по его мнению, должен быть прежде всего Folkebog или folkelig Bog (18—19, 21, 24) — «народной» или «популярной книгой», книгой для широких масс читателей. Этим углом зрения и объясняется основной подход переводчика. Принципиально он считает нужным, однако, относиться к тексту с известной бережностью. «За исключением мест, где европейский вкус ставит более узкие рамки, чем восточный, текст передан с возможной точностью. Задача переводчика... представить арабский текст так, чтобы он чувствовался непринужденным и благозвучным на другом языке. Во всякое время обязанность переводчика выражаться так, как поступил бы автор оригинала, если бы он пользовался языком переводчика. Чем дальше язык оригинала лежит от переводчика, тем больше ему должно быть свободы» (21). Если последний пункт может вызвать и несколько иное отношение при известной субъективности, то стремление к возможной точности представляется несомненно желательным. При дальнейшем ознакомлении, однако, оказывается, что переводчик понимает эту точность едва ли так определенно, как говорит о ней в данном месте.

С его отношением к «скользким» местам еще сравнительно легко согласиться. Он прав, когда говорит, что «что̀ можно сказать» на Востоке понимается иначе, чем у нас. Много специфических мест возникло в угоду среде, иногда элегантных и выразительных, иногда грубых, как в рассказе о носильщике и трех дамах. Некоторые переводчики сохраняли буквальность таких мест, нередко даже усиливая их (как Mardrus и Burton). Конечно, в переводе, рассчитанном на то, чтобы стать «народной книгой», надо от этого отказаться, тем более, что только отдельные места, как в упомянутом рассказе, имеют какое-нибудь значение для хода действия (стр. 18—19).

Значительно труднее согласиться с отношением Östrup'а к стихам «1001 ночи», причем и здесь его принципиальная установка несколько отличается от того, как это проведено на практике. Связь стихов с основным текстом характеризуется им совершенно правильно (стр. 19). Обилие стихов в «1001 ночи» хорошо известно. Очень часто они расходятся в различных редакциях и почти никогда не содержат ничего для развития рассказа: это только поэтические паузы в прозаическом повествовании. Состояние текста во многих местах вызывает большие трудности языкового характера и неудивительно, что основная масса переводчиков опускает эти стихи. Однако, никак нельзя забывать, что они составляют характерную органическую часть «1001 ночи»; правильное представление об оригинале может быть только тогда, когда хотя бы бо̀льшая часть стихов была включена в перевод, несмотря на их различное достоинство. Последнюю мысль Östrup подчеркивает еще раз, говоря (стр. 22), что ни один перевод не может считаться полным, если он не обращает должного внимания на включенные в текст арабские стихи. На практике, однако, высказанные здесь принципы в значительной мере нарушаются чисто

субъективным подходом, который очень хорошо характеризуется его собственными словами здесь же (стр. 22): «Когда одна и та же мысль выражается в двух или нескольких непосредственно следующих одна за другой поэтических цитатах, что бывает особенно часто, я выбирал ту, которая казалась мне более красивым и удачным выражением этой мысли. В некоторых случаях я предпочитал делать пропуски, когда стихи были плоски и неудачны или когда связь между цитатой и окружающим текстом слишком случайна. В известных местах я сокращал стихи, которые для европейского вкуса могут показаться растянутыми». При таком «несколько более свободном обращении с текстом в стихах» (стр. 23) трудно согласиться с переводчиком, когда он выражает здесь же надежду на то, что «сравнение перевода с оригиналом покажет, что последний настолько близок к первому, насколько возможно, когда текст должен быть переработан в рифмованные стихи на чужом языке.» Нельзя отрицать, что литературное искусство Östrup'а создает легко звучащие податски стихи, но это скорее именно переработка, иногда вариация на арабскую тему, чем перевод. У критика здесь оружие отнято: при сличении с текстом нет никогда уверенности, чтó представляет собой расхождение — результат иного понимания арабиста или переработку в связи с приведенными субъективными соображениями.

Такой же субъективный подход применяет Östrup и к содержанию «1001 ночи», основываясь на принципиально справедливых выводах, но пользуясь ими слишком диктаторски. Он совершенно справедливо констатирует (стр. 16), что в различных рукописях и изданиях «1001 ночи» содержание неодинаково; в разных редакциях легко установить наличие выпусков и вставок. Распределение по ночам тоже не везде одинаково: объем первых ночей всегда значительно больше, чем последних. Так как содержание по существу не зависит от этих внешних разделений, то он счел возможным не сохранять в переводе указания ночей, удержав только традиционные вступления и заключения сказок, чтобы оттенить основную рамку. В последней системе нельзя не усмотреть известной непоследовательности, но существенной роли она, пожалуй, еще не играет. Опаснее другое выставляемое им по отношению к тексту положение (стр. 23): «Когда связь слишком натянута и непонятна, искусство переводчика должно облегчить понимание, внося часть необходимых уяснений в самый перевод». Можно надеяться, что знания и такт Östrup'а не позволили ему пойти слишком далеко в применении этого пункта, но для среднего переводчика он явился бы несомненно опасным. Так же рискованно и то, что он не считал себя обязанным сохранять порядок сказок по положенному им в основу изданию, а «для большего разнообразия» допустил ряд перестановок (стр. 24). В этом он разошелся с большинством авторитетных переводчиков, и едва ли истина на его стороне.

Расходится он с ними и в издании, положенном в основу перевода. Как известно, большое разнообразие существующих печатных редакций «1001 ночи» заставляет переводчиков придерживаться обыкновенно какой-либо одной, дополняя ее в том или ином виде на основании других. Чаще других здесь привлекаются либо калькуттское издание Macnaghten'а, либо первое булакское; Östrup положил в основу четырехтомное египетское издание 1890 г. (стр. 21). Признавая его «далеко не безупречным», он тем не менее находит, что «благодаря ровному стилю

и непритязательному языку издание является хорошей основой для перевода, который должен быть популярной книгой». Едва ли последнее соображение покажется особенно убедительным для тех, кто знаком с «1001 ночью» в различных редакциях, тем более, что еще около 1908 г. сам же Östrup находил, что «самым лучшим изданием арабского текста все еще остается двухтомное булакское 1251 г.».[1] Не хотелось бы предполагать, что издание 1890 года явилось в основе перевода Östrup'а только потому, что оно было последним по времени, когда он готовил свою эпохальную работу по «1001 ночи», опубликованную в 1891 г. Отношение его и к этому изданию достаточно диктаторское, как мы видели: он не считал нужным сохранять принятый там порядок сказок, а кроме того во многих случаях «объединял и дополнял текст по изданиям Булака и Бейрута» (стр. 21). Степень использования всех этих источников в предисловии не характеризуется с достаточной ясностью; Östrup говорит только (стр. 22), что им исключен рыцарский роман об ʿОмаре ибн ан-Нуʿмане, как не входивший первоначально в состав сборника, варианты и обработки предшествующих рассказов, равно как мелкие незначительные анекдоты. В противоположность этому присоединены сказка об ʿАладдине и чудесной лампе, согласно тексту, открытому в 1887 г. Zotenberg'ом; «пара других сказок, которые отсутствуют в каирских изданиях, но приобрели европейскую известность, взяты из Burton'а». Непосредственное изучение перевода несколько уточняет эту картину, но, с другой стороны, опять открывает противоречия в приемах Östrup'а. Из «вариантов предшествующих рассказов» один (ʿАбдаллах ибн Фадл и его братья) фигурирует уже в первом томе (стр. 229 сл.), «так как он великолепно рассказан и тем более, что находится в большинстве изданий». Несмотря на исключение романа об Омаре, из него взята вставная сказка о Тадж ал-мулюке (5, стр. 68 сл.). По тексту, изданному Zotenberg'ом, как указано, переведена сказка об ʿАладдине (3, стр. 228 сл.); по переводу Burton'а, повидимому, три сказки — Ахмед и Пери Бану (4, стр. 242 сл.), Али Баба (4, стр. 314 сл.) и Али Ходжа (4, стр. 354 сл.). Характерно замечание переводчика о том, что арабский текст сказки об Али Баба был ему недоступен (4, стр. 314 прим.): он издан в 1910 г. Macdonald'ом в Журнале Лондонского азиатского общества (стр. 327—386), и использование его для ученого Западной Европы не представляет никаких трудностей. На основании бейрутского издания дан перевод повести о Хикаре (5, стр. 369 сл.) К сожалению, относительно некоторых сказок источник не указывается, как, например «Харун ар-Рашид и три человека» (5, стр. 7 сл., говорится только, что ее нет в каирском издании), «Спящий бодрствующий» (5, стр. 303 сл., упоминается, что она есть в бреславльском и бейрутском издании). Совершенно непонятным кажется включение сказки об одураченном воре (6, стр. 303 сл.), взятой из сборника современных записей месопотамского фольклора Weissbach'а, «как образец более современного искусства рассказчика». При такой пестроте состава трудно надеяться, что перевод Östrup'а даст действительное представление об одной из действительно существующих редакций «1001 ночи»; строго говоря, он представляет новую версию этого мирового произведения, составленную на основании достаточно субъективных соображений.

---

[1] Enzyklopaedie des Islam, I, 269.

На примечания к переводу Östrup сознательно скуп и сам признает, что их легко было бы увеличить (стр. 24). Но перевод должен служить народной книгой «с хорошей и точной передачей арабских сказок, а не культурно-историческим очерком с текстом „1001 ночи“ в основе». В связи с этим он ограничивается только теми примечаниями, которые необходимы для понимания текста, воздерживаясь от толкования деталей, в частности специфических арабских кушаний (стр. 24—25).

В заключении предисловия переводчик еще раз подчеркивает свою принципиальную постановку. Главным в переводе «1001 ночи», по его мнению, является не арабский местный колорит, а ее общечеловеческое значение. В виду надо иметь не ориенталиста или фольклориста, который ищет отражения культуры определенного периода; обычный читатель, главным образом и прежде всего, ищет развлечения и забвения в плодах горячей и веселой фантазии; потребности такого читателя и должны быть учтены по преимуществу. Конечно, добавляет он, первый перевод на датский с арабского подлинника не должен быть только книгой для развлечения в худшем смысле слова, но должен стремиться пробудить интерес к пониманию Востока, который в наши дни модернизируется и постепенно все более сближается с Европой, однако, сохраняет еще многое из примитивных форм жизни более древних периодов.

Несомненно, что цели, поставленной себе, Östrup достиг вполне; понятен и тот восторженный прием, который встретил его перевод в скандинавских странах. Он дал очень хорошую книгу для чтения датской публики, но самое имя его, как знавольно и исследователя «1001 ночи», нетока заставляло мечтать о большем: думалось, что мы получим не только книгу для занимательного чтения, но и авторитетный перевод, который для всех интересующихся «1001 ночью» не-арабистов заменит подлинник. Этого не случилось, и такую роль очевидно, попрежнему будет играть перевод Littmann'а.

Первая часть предисловия (стр. 7—20) посвящена общей характеристике и истории «1001 ночи»; в ней Östrup ограничивается главным образом передачей в общедоступной форме тех выводов, к которым он пришел в своем известном исследовании и статье в Энциклопедии ислама (I, 265—269), мало добавляя к ним нового.

На самом переводе после сказанного едва ли есть необходимость останавливаться. Несомненно, что имя Östrup'а, одинаково авторитетное в области арабистики и датской литературы, служит достаточной гарантией того, что ему удалось преодолеть все трудности, связанные с пониманием и передачей арабского текста. Сличение же его перевода с оригиналом, при характеризованной выше его системе, едва ли представляется целесообразным.

Внешнее оформление издания великолепно. Хороший, хотя и не ближне-восточного стиля переплет, приятная печать и бумага — как всегда на высоте скандинавских издательств. Иллюстрации принадлежат датскому художнику Gudmund'у Hentze и распадаются на три категории: таблицы на отдельных листах в красках (по 8 на том), черные иллюстрации в тексте (от 40 до 60 на книгу) и черные заставки в верху каждой страницы (около 15 повторяющихся вариантов). Последние довольно ординарны, выдержаны скорее в европейском стиле и не представляют ничего оригинального в смысле иллюстрации восточного произведения. То же надо сказать о полихромных таблицах, которые напоминают образцы обычного европейского условного экзотизма, очень часто

применяемого к иллюстрированию переводов «1001 ночи» (как, например, при многочисленных изданиях немецкого перевода Weil'я). Значительно выше стоят черные иллюстрации к тексту; они сохраняют обыкновенно одинаковые приемы; некоторые из них проникнуты легким юмором и носят характер изящного шаржа. Среди них нетрудно найти великолепные в своем роде образцы. Эта сторона издания еще более повышает достоинство книги, предназначенной переводчиком для занимательного чтения широкой публики.

Л. Декабрь 1930 — июнь 1932 г.

И. Крачковский.

К истории книгопечатания и журналистики в современном Египте (Bockwitz, Dr. Hans H. Vom Frühdruck in Ägypten zur ägyptischen Staatsdruckerei. Archiv für Buchgewerbe und Gebrauchsgraphik, Heft 7, 1932).

Автор цитированной статьи справедливо обращает внимание читателя на тот факт, что в то время, как Турция стала вводить у себя книгопечатание уже на заре XVII в., подвластный ей (с нач. XVI до середины XIX в.) Египет впервые применил на своей территории изобретение Гутенберга лишь во время наполеоновской экспедиции 1798 — 1801 гг. Отправляясь в эту экспедицию, Наполеон снабдил свой громадный, не только военный, но и научный и технический штаб также и типографским оборудованием, взятым главным образом у парижской Imprimerie Nationale и включавшим в себя шрифты французский, греческий и арабский. Историки встречаются с именами двух деятелей, стоявших во главе печатно-издательского дела французской армии, причем каждому из них одновременно приписывается честь печатания как знаменитого первого наполеоновского приказа (еще на борту адмиральского корабля «Orient»), так и двух главных французских изданий в Египте эпохи оккупации — органа официальной информации «Courrier de l'Egypte» и научно-литературного журнала «La Décade Egyptienne», служившего органом учрежденного Наполеоном Institut d'Egypte и помещавшего на своих страницах труды научного состава экспедиции. Это были известный французский арабист J. J. Marcel и некий J. E. Marc Aurel, о котором есть сведение, что до египетской кампании он был военным типографом в Тулоне. В виду помянутой неясности создана даже гипотеза, будто оба имени относятся к одному лицу J. J. Marcel'ю, который, по моде того времени, присоединил к своей исконной фамилии знаменитое античное имя, именуясь, однако, в официальных списках лишь первым, французским. Проявляя излишнее увлечение этим второстепенным вопросом, Dr. Bockwitz весьма подробно разбирает его (гл. обр. на основании работ каирского ученого Albert Geiss'a, напечат. в Bull. offic. des maîtres imprimeurs de France и в Bull. de l'Institut Egyptien, 1907) и приходит к выводу, что мы должны считаться с двумя лицами, из которых Marc Aurel, ранее другого покинувший Египет, устроил в Каире свою частную типографию, слившуюся после его отъезда с каирской правительственной Imprimerie Nationale, находившейся (как и другая казенная типография — Imprimerie orientale et française, в Александрии) под управлением J. J. Marcel'я.

В беспокойные дни и годы беспрерывных военных действий французы-оккупанты ограничились выпуском не очень многочисленных официальных изданий, но и среди них имеются такие

интересные для социолога, историка и языковеда, как упомянутый журнал «La Décade Egyptienne» и две работы J. J. Marcel'я: «Alphabet arabe, turk et persan à l'usage de l'Imprimerie orientale et française» (1798, Александрия) и «Grammaire arabe vulgaire à l'usage des français et des arabes» (начата печатанием в Каире, в 1801 г., но не окончена вследствие отбытия французской армии из Египта). Снимки с первых двух работ приводятся в статье Боквица. Следует пожалеть, что последний не останавливается на вопросе о влиянии, какое имели эти и подобные им издания рассматриваемой эпохи на развитие собственно египетской национальной культуры. А между тем, как отмечает сам автор статьи, в номере «Courrier d'Egypte» от 13 II 1801 содержатся прямые указания на чрезвычайно сильное впечатление, произведенное на верхний слой египетского общества самым фактом появления книг, напечатанных в Египте.

Ждет исследователя также вопрос об арабской газете «Tanbyeh» (L'avertissement), выпуском которой распорядился последний из командующих французской египетской армией (после Клебера) ген. Мену. До нас не дошло ни одного экземпляра этого издания, а между тем для него имелись благоприятные предпосылки — Мену принял магометанство и женился на турецкой принцессе.

Понадобилось 20 с лишним лет, чтобы книгопечатание возродилось в Египте, на этот раз уже при помощи собственной «Национальной типографии», учрежденной Моххамедом-Али в Каире в 1822 г. С 60-х годов в типографии были введены паровые машины, а затем, постепенно технически совершенствуясь, она встала вполне на уровень современных требований. В 1931 г. она обслуживалась 1000 рабочих и служащих и исполнила 14000 заказов, использовав 2500 т бумаги. Но, хотя издание книг в Египте, благодаря главным образом этой типографии, получило за сто лет значительное развитие, газетно-журнальная продукция долго влачила жалкое существование. До 1865 г. вообще издавался лишь правительственный официальный вестник (осн. в 1828 г.), первый номер которого вышел на турецком и арабском языках (в статье — снимок). Только в 1858—1859 г. издавалась еще газета на итальянском языке «Il Progresso». В 1873 г. стало выходить дополнительное французское издание помянутого официального органа (под названием «Le Moniteur Egyptien»), а в 1883 г. газета была преобразована в одно издание на арабском и французском языках, под названием «Journal Officiel». Новейшая статистика египетской периодики такова: с 1909 г. по 1914 г. выходило всего 312 период. изданий; в 1919 — 352, в 1922 — 476 и в 1928 — 1080. Главная доля принадлежит арабским газетам и журналам (в том числе 50 литературных, 60 иллюстрированных). Из изданий на иностранных языках на первом месте стоят французские (58), затем греческие — 15, только на третьем месте — английские (11), потом итальянские (6) и немецкие (2).

Автор статьи с похвалою останавливается на некоторых улучшениях, введенных в последнее время в область арабского шрифта. Так, он с удовлетворением отмечает исключительную «каллиграфическую элегантность» и ясность шрифтов Национальной типографии, над рисунком которых работала специальная комиссия каллиграфов. Более существенным мы можем признать то, что современная египетская касса арабского шрифта содержит уже только 460 литер вместо прежних 900 — обстоятельство,

немаловажное для облегчения развития грамотности и письменности среди масс. Наконец, автор сообщает о «радостном принятии» еще одного недавнего (1929 г.) нововведения — включения в арабский алфавит прописных букв (пышно названных, в некотором соответствии с их рисунком, «Lettres de la Couronne»), также разработанных специальной каллиграфической комиссией. В статье дано изображение этих букв. Ни о каких проектах латинизации арабской письменности — в статье нет ни звука. Очевидно, их нет.

Таковы основные части фактического содержания рецензируемой статьи. Никаких соображений и выводов социологического порядка мы в ней не найдем. А между тем даже приведенные краткие сведения дают ценные указания на богатый материал для суждения о классовых взамоотношениях внутри Египта в области специально-культурной деятельности, о подробностях империалистической политики за 100 слишком лет со стороны западно-европейских правительств и Турции, о соотношении их сил между собою и т. д. С этой точки зрения мы и считаем полезным отметить на столбцах «Библиографии Востока» рассмотренную статью, как некоторую канву для наметки эмпирического содержания еще не написанной научной истории книгопечатания и журналистики современного Египта, интереснейшего объекта разнообразных «колониальных» воздействий буржуазных стран. Само собой разумеется, что такой историей нельзя считать выпущенную для Кельнской выставки 1927 г. брошюру «Die Presse in Ägypten» (на 4-х яз.), как чрезвычайно трудно ожидать широкого и правильного научно-марксистского подхода к материалу со стороны составителей проектируемой в Германии к выпуску в 1940 г. всеобщей истории книгопечатания, долженствующей охватить и соответствующую область культурной жизни Египта.

Л. Федоров.

Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe. Tome Premier publié... sous la direction de Et. Combe, J. Sauvaget et G. Wiet. (Publications de l'Institut Français d'Archéologie Orientale). Le Caire, 1931, XII+312 стр.

Многие стороны изучения мусульманского Востока теснейшим образом связаны с эпиграфикой. В одинаковой мере с письменными источниками она дает твердую базу для лингвиста, историка, археолога, искусствоведа, для знакомства с бытом и экономикой стран ислама, раскинутых на громадном протяжении от Атлантического до Великого океана. Издания эпиграфических материалов не всегда доступны; часть их разбросана в специальных археологических трудах и в периодических сериях на различных языках. Одни надписи продолжают оставаться в своей стране, другие разошлись по музеям и коллекциям всего мира. Вместе с тем идет непрерывное выявление новых датированных или датируемых текстов. При этих условиях задачи исследователя очень сложны, и полный охват всего материала почти невозможен.

Такое положение привело к идее издать хронологический список арабской эпиграфики. Инициаторы этой работы, G. Wiet и Et. Combe, к 1928 г. располагали копиями свыше 3000 надписей. С целью пополнения возможных пропусков они обратились к ряду известных арабистов и эпиграфистов с предложением принять участие в этом предприятии. На призыв откликнулись около 15 ученых. Для начала был разослан предположительный список четырехсот надписей

первого тома с просьбой заполнить лакуны и внести дополнения. Судя по полученному проекту, том должен был выйти в изданиях Египетского королевского географического общества (Société Royale de Géographie d'Égypte), но в дальнейшем произошли изменения, и он издан в 1931 г. Французским институтом восточной археологии (Institut Français d'Archéologie Orientale) в Каире.

Как и все труды этого института, том I блестяще отпечатан на хорошей бумаге, прекрасным арабским и латинским шрифтом и посвящен памяти гениального эпиграфиста Max van Berchem'a. Он состоит из краткого предисловия (стр. I—V), библиографического указателя (стр. VII—XII), списка надписей № 1—400 (стр. 1—310), дополнений и поправок (стр. 311—312).

В предисловии изложен план этой грандиозной работы и основные принципы издания. Пока намечены шестнадцать томов, по 400 надписей в каждом, куда должны войти тексты до 1250 г. хиджры. В момент выпуска I тома рукопись тома II была сдана в печать, содержание тома III окончательно установлено. По плану в издание совершенно не входят монеты, стеклянные разновесы, папирусы, подписи на рукописях, недатированные надписи на керамических черепках и оружии. Сначала выбор надгробий был строго ограничен; привлекались только важные в историческом и палеографическом отношении. В дальнейшем рамки были расширены и в список вошли все надгробия в музеях и частных коллекциях Европы, все уже отмеченные и опубликованные. Для Египта, особенно для Арабского музея в Каире, где их исчисляют тысячами,[1] некоторый отбор был все же необходим; из них включены не менее одной стелы для года, первый и последний пример в хронологическом порядке для нисбы, формулы, коранической цитаты. В датировках подробные даты предшествуют общим, надписи не датированные, но датируемые на основании исследований — в конце приписываемого им года или в последний год данного правления. Для каждого года принята известная географическая последовательность стран, с запада на восток.

Подбор сведений к текстам расположен в следующем порядке. Указаны сжато материал (порода камня, дерево, ткань и т. д.), размеры, число строк, тип шрифта и его размер, место хранения надписи (если она не in situ), инвентарный номер. Библиография разделена на три рубрики: издание текста (или его перевод), воспроизведение и ссылки, полезные для комментария. Тексты даны обычно в арабском оригинале и во французском переводе; для коранических цитат указаны сура и стих. Арабский текст не дается там, где оригинальная надпись или ее копия не сохранились, и она известна только в европейской транскрипции (например, № 4, 7, 11 bis, 19, 126 и др.) Точно так же, некоторые данные отсутствуют, если текст известен только из арабских литературных источников (см., например, № 4, 5, 37, 43).

Первый том начинается с четырех протоарабских надписей. Расширение первоначальной программы и международное сотрудничество заметны сразу. Прежде всего это видно по датам. Четыреста номеров пробного списка включали 397 текстов, датированных от 29 до 507 г. хиджры. В печатном виде I том содержит надписи с 22 по 243 г. х., числом не менее 400, так как ряд из них двойные (№ 4 bis, 11 bis и т. д.), т. е. значительно превышает

[1] См. В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Акад. Наук СССР (Тр. Муз. палеогр., т. III), Л., 1929, стр. 1.

85 номеров пробного списка. В смысле состава наибольший процент дополнений дали, конечно, надгробия Египта. Например, к периоду до 201 г. х. прибавилось всего около 70 новых надписей; из них 35 египетских надгробий, 10 надгробий сообщено сотрудниками из других стран, 12 новых строительных текстов и 9 надписей прочих категорий. Если принять во внимание, что арабских надписей первого века хиджры известно так мало, что лакуны простираются на одно и даже несколько десятилетий (в списке от № 6 до № 7 скачок в 34 года!), то каждое новое приобретение особенно важно. Для выявления ранних надгробий особенно ценны труды Хасана Хавари, помощника хранителя Арабского музея в Каире. До последнего времени самыми старыми считались надгробия конца II в. х. В 1930 г. Хасан Хавари издал надгробие 31 г. х. (№ 6),[1] которое и является пока древнейшим памятником этого рода (предшествующее по дате надгробие 29 г. х. с Кипра, № 5, известно только из письменных источников). Открытое им следующее надгробие 71 г. х.[2] уже не могло войти в I том хронологического списка.

Большая систематичность издания и строгая продуманность плана чувствуется во всем и дает ощутительные результаты. Для пользования списком очень удобно обозначение года в квадратных скобках в верху каждой страницы. Несомненно, со временем будут изданы и все необходимые указатели и дополнения. Из них были бы особенно важны предметный, терминологический, собственных и географических имен. Что касается библиографии, желательно достичь в дальнейшем большей полноты, как в общем списке цитуемых изданий (Index bibliographique, VII—XII), так и в библиографии к отдельным текстам. Кроме упомянутых выше дополнений к № 6, можно назвать для примера и другие. Так, отмеченная при № 5 работа Fagnan, Extraits relatifs au Magreb в индексе не значится; к № 319 необходимо добавить первое сообщение о надгробии 232 г. х. Chr. Fraehn'a.[1] Из мелких дополнений и поправок, неизбежных в такой сложной работе, укажем еще неправильную транскрипцию цифры дней в № 255 как по арабскому, так и по европейскому счислению.[2] Текст № 122, стр. 98, для которого на рабочей карточке оказалось пропущенным имя арабского автора, цитирован по географу Йакуту.[3]

Кроме общего научного значения, хронологический список арабских надписей имеет для нас еще специальный интерес. Уже в первый том вошел ряд текстов, находящихся на нашей территории или в наших собраниях. Сюда принадлежат: № 43, 158 г. х., из Азербайджана; № 90, 195 г. х., из Дербенда; надгробия №№ 229, 265, 310, 319, 326, 383, 395. Включением в общий порядок выгодно оттеняется их значение и облегчается дальнейшая работа над ними. Строитель-

[1] Первое упоминание этого надгробия напечатано в египетской газете ал-Ахрам от 9 апреля 1929 г.; на него ссылается Израиль Вольфензон в своей книге Та̄рӣх ал-луга̄т ас-са̄миййа (История семитических языков), вышедшей в Каире в 1929 г. (по-арабски) и дает на стр. 202—203 как полный арабский текст, так и изображение надгробия. Кроме приведенной к № 6 статьи Х. Хавари в JRAS, Apr. 1930, 321—333, дальнейшие упоминания можно указать еще в арабском журнале Лугат ал-ʿараб, Багдад т. VII, № 8, август 1929 г., 611—612 и в арабском египетском журнале ал-Хиляль, VIII, 1930, которые по содержанию отличаются от статьи в JRAS.

[2] Hassan Mohammed el-Hawary. The Second Oldest Islamic Monument Known, dated A. H. 71 (A. D. 691). From the time of Omayyad Calif ʿAbd-el-Malik ibn Marwān. JRAS, April 1932, 289—293, с 1 табл.; он же. Ta̱nī aṯar fī-al-ʿālam al-islāmī. Ал-Хиляль, апр. 1932, 706—765, с 1 рис. и таблицей алфавита.

[1] См. точную ссылку у В. А. Крачковской, op. cit., стр. 2, прим. 1.

[2] Чит. стр. 204 не 2, а 12 shawwal-17 septembre.

[3] Изд. F. Wüstenfeld, IV, 467.

ный текст № 43 на казначействе ('alā bajti mālin) в Азербайджане извлечен Guest'ом у географа Джахшияри, который в своем сочинении[1] привел рядом еще две строительные надписи (№ 37) в портах Тира и Акки в Палестине ('alā mīnā ṣūri[2] wa mīnā 'akkā). Любопытно, что исполнителем работ в Палестинских портах в 132 г. х. при омайядском халифе Мерване II и в Азербайджане, в правление аббасидского халифа Мансура названо одно и то же лицо, Зияд ибн Аби-л-Вард.

Из сказанного ясно виден масштаб и высокие достоинства этой незаменимой работы. Можно пожелать продолжения так удачно начатого научного предприятия.

В. Крачковская.

Wiet, Gaston. Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum. Première Partie. Égypte. Tome deuxième. Premier fascicule. Le Caire 1929. 4° maj. 1—128. Deuxième fascicule. Le Caire 1930. 4° maj. 129—283+IV pl. (= Mémoires publiés par les Membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. Tome LII).

В 1903 г. M. van Berchem положил начало сводному изданию арабских надписей и выпустил обширный I том, посвященый Египту, под названием «Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum. Première Partie. Égypte» (в серии «Mémoires publiés par les Membres de la Mission Archéologique Française», t. XIX). Совершенно исключительные достоинства этого труда общеизвестны и к нему неизбежно обратится всякий, кто так или иначе соприкоснется с эпиграфикой и палеографией, не говоря об истории, археологии и культуре мусульманского Египта. За этим томом последовали в различные сроки в серии «Mémoires publiés par les Membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire» (сокращенно MIFAO) другие части Corpus'а: надписи северной Сирии, часть II (Deuxième Partie. Syrie du Nord. MIFAO, t. XXV.), подготовленные M. Sobernheim'ом в 1909 г., надписи Малой Азии, часть III (Troisième Partie. Asie Mineure. MIFAO, t. XXIX) в сотрудничестве с Halil Edhem в 1910—1917 г., наконец южная Сирия (Deuxième Partie. Syrie du Sud) в трех томах, посвященных Иерусалиму (Jérusalem «Ville» 1922 г., Jérusalem «Haram» 1925—1927 г. и 120 таблиц 1920 г. MIFAO, t. XLIII—XLV).

Колоссальный этот труд, прерванный смертью гениального ученого (7 III 1921 г.), не пропал, и материалы его используются. В 1929 г. Gaston Wiet, повидимому один из учеников M. van Berchem'а и нынешний директор Арабского музея в Каире, издал начало II тома I части (Première Partie. Égypte. Tome Deuxième. Premier fascicule.) Он служит продолжением первого, как видно по нумерации (первый том окончен n° 545, второй начат с n° 546), и построен по его плану и системе, т. е. обзор расположен в хронологическом порядке памятников, но в пределах одного архитектурного сооружения захватывает последовательно надписи всех исторических эпох, относящихся к нему. Здесь проходят древнейшие постройки Старого Каира, начиная с мечети 'Амра и кончая мечетью Ḫākима. Одновременно второй том служит и дополнением к первому. Действи-

---

[1] Издано факсимиле H. v. Mžik. Das Kitāb al-wuzarā' wa-l-kuttāb des Abū 'Abdallāh Muḥammad ibn 'Abdūs al-Ǧahšijārī (Bibliothek Arabischer Historiker und Geographen, Bd. I, 1926, Leipzig.)

[2] В заголовке текста № 37 хронологического списка, вместо Тира ошибочно назван Сидон, который по-арабски называется Ṣajdā; в тексте чит. jad без конечного *ūā*, согласно с арабским оригиналом.

тельно, M. van Berchem включил в первый том и Нилометр, и три старейших мечети Каира, но он обрабатывал преимущественно исторические монументальные надписи, отчасти памятники прикладного искусства; G. Wiet добавил заметки M. van Berchem'а, относящиеся к изучаемым памятникам и извлек очень важные эпиграфические материалы из арабских письменных источников, как, например, у Эвтихия (939 г.), ал-Кинди (961 г.), Ибн Дукмāка (1350—1406 г.), ал-Калкашанди (1418 г.), ал-Макрӣзӣ (XV в.), ас-Суйӯтӣ (1505 г.) и др. Благодаря этому самый круг памятников у G. Wiet шире, чем у M. van Berchem'а, хотя многие из них и не сохранились до наших дней. Работа была чрезвычайно кропотлива, потребовала очень долгих самостоятельных исторических изысканий, но принесла реальную пользу. Если в первом томе число страниц, относящихся к надписям Нилометра и трех старейших мечетей равно 54, то здесь им уделено, по крайней мере, вдвое большее место. Обнаружились очень интересные сведения, например, о существовавшей в мечети ʻАмра длинной надписи 92 г. х., правителя Курры ибн Шарӣка, который хорошо известен из папирусов того времени.

Конечно, легко возникает вопрос, насколько можно полагаться на точность передачи у сравнительно поздних арабских авторов. Лучшим ответом на это служит следующий пример. В первом томе M. van Berchem издал один фрагмент куфической надписи фатимидского периода под n°48 исключительно ради красоты шрифта (т. I, стр. 79, табл. XVIII, n° 3.) В сильно поврежденном тексте сохранилось имя Джаʻфара ибн ал-Фадла ибн Джаʻфара. Эта надпись как при издании, так и сейчас находится на стене дома в квартале Ṣalîbah, близ мечети Ибн Ṭӯлӯн, по улице, которая на французском плане носит название улицы «Колодца ласточек» (ʻAṭfat Bīʼr el-Waṭāwīṭ). G. Wiet отыскал у ал-Макрӣзӣ копию вакуфной надписи об основании колодца для питания 7 цистерн (el-sabʻ siqâyât) везиром ихшидидов Ибн ал-Фурāтом (n° 570). Сличение этого текста с фрагментированной надписью n°48 показало их тожество: все наличные части находятся на таких же местах и с одинаковой орфографией у ал-Макрӣзӣ. Таким образом, одновременно установлены древнейший из известных вакуфных актов Египта 355/966 г. и эпиграфический текст, старейший после строительной надписи мечети Ибн Ṭӯлӯн (265 г.), очень ценный и для топографии северной части Старого Каира.

Устанавливая биографию именитого основателя колодца, который получил уже после султанов-мамлюков современное название Bīʼr el-Waṭāwīṭ, зафиксированное также и в названии улички, G. Wiet тщательно проработал генеалогию Фурāтидов. Предок их al-Furāt происходил из окрестностей Багдада; его потомки занимали посты везиров и другие высокие административные должности. На стр. 95 в примечании 1 G. Wiet говорит, что его таблица полнее, чем у Ibn Saʻīd'а и возражает против некоторых дополнений к ней Tallqvist'а. Заметим попутно, что генеалогия Фурāтидов у G. Wiet сильно отличается от списка 12 банӯ-л-Фурāт у E. Zambaur'а,[1] где подробнее установлены потомки везира Абу-л-Фадл Джаʻфара, основателя колодца. Работа E. Zambaur'а вышла двумя годами ранее труда G. Wiet, но очевидно в ту пору, когда печатание II тома первой части CIA было уже начато, так как известно о длительной подготовке издания. Этим

[1] Manuel de Généalogie et de Chronologie pour l'Histoire de l'islam. Hanovre, 1927, 12.

надо объяснить отсутствие соответствующей ссылки на стр. 95, хотя в отделе дополнений на стр. 234 G. Wiet высказывает опасение, что некоторые лица в списке E. Zambaur'a не принадлежат к тому же семейству, но не мотивирует его.

Второй выпуск второго тома вышел в 1930 г. Он занят продолжением эпиграфики фатимидов по 552 г. х. включительно (стр. 129—222). Далее помещены дополнения и исправления к обоим выпускам II тома (стр. 223—239), подробные указатели (общий стр. 241—279, коранических цитат стр. 280 и хронологический стр. 280—283) и таблицы I—IV. Центральный интерес второго выпуска представляет биография и тщательная обработка надписей знаменитого фатимидского везира Бадра ал-Джамāлӣ в связи с текстами его сына и преемника Афдаля Шāханшāха. Кроме сводки всего опубликованного материала и литературы, изучена вся сложная титулатура фатимидских везиров. Отметим, что автору осталась неизвестной неопубликованная надпись Бадра ал-Джамāлӣ 486 г. х., находящаяся в Ленинграде.[1]

Сведения о постройках везира Ма'мӯна (Souvenirs épigraphiques du vizir Ma'mūn, стр. 165 сл., Constructions du vizir Ma'mūn, стр. 182 сл.) дают чрезвычайно интересный и разносторонний материал для топографии Старого Каира, быта и экономики страны. Здесь проходят, например, павильон арсенала, история арсеналов в Египте с 54 г. х. и организация флота при Ма'мӯне (стр. 167 сл.), список придворных и народных праздников при халифе Āмире (стр. 175—179), статьи государственного бюджета (стр. 179—181), организация первого монетного двора (стр. 183) и пр. Обширные экскурсы посвящены женской титулатуре (стр. 199—206) и титулам на dhū с последующим существительным в двойственном числе (стр. 209—211). Большей полноты в этой части работы можно было бы достичь привлечением монографии К. А. Иностранцева «Торжественный выезд фатимидских халифов»,[1] в особенности к стр. 177 — о новогоднем празднике. В своем исследовании К. А. Иностранцев не упоминает историка Джамāл ал-мульк Мӯсā ибн ал-Ма'мӯна, которого G. Wiet возводит на степень первоисточника,[2] но широко использовал сочинение Ибн Тагриберди an-Nuğūm az-zāhira, не упомянутое в данном случае у G. Wiet. Работа К. А. Иностранцева была бы полезна и в ряде других мест, например, к стр. 149, 3 — о названиях полков Джуӯшийя и Афдалийя,[3] к стр. 178, 3 — о праздновании дня открытия Нильского канала, но в особенности она важна тем, что в ней впервые поставлен вопрос о времени составления новогоднего церемониала.[4]

Дополнения и исправления расположены в порядке страниц и строк тома; они касаются не только обычных опечаток и мелких поправок, но значительно расширяют библиографию и самый материал. Так, например, к странице 134, прим. 1, дана новая надпись Бадра ал-Джамāлӣ на обрывке ткани, к странице 134, прим. 2 — надпись на белом полотне ал-Афдаля Шāханшāха и опубликован текст его надписи 491 г. с башни Сидона. В дополнении к странице 167 (стр. 239) по поводу истории арсеналов было бы желательно, не огра-

[1] Издание ее подготовлено к печати весной 1931 г. В. А. Крачковской и принято для напечатания в Сообщениях Палестинского общества.

[1] ЗВО, т. XVII, 1906. Ее упомянул W. Björkmann. Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im islamischen Ägypten. Hamburg, 1928, 98.

[2] G. Wiet, op. cit., 176, 3.

[3] К. А. Иностранцев, op. cit. 18, 31.

[4] Ibid., 18.

ничиваясь простой ссылкой на работу H. Lammens, Un gouverneur omaiyade d'Égypte, B. I. E., 1908, p. 108,[1] остановиться подробнее на деятельности Курры ибн Шарика, как организатора египетского флота, используя при этом также папирусы у P. Jernstedt, Die Kome-Aphrodito-Papyri der Sammlung Lichačov,[2] № 5 — о приготовлениях к морской экспедиции, № 6 — об обучении мальчиков кораблестроению, № 9 — о поставке гвоздей для кораблестроения.

Труд G. Wiet'a, выполненный с громадным знанием и акрибией, показывает, как быстро расширяется накопление материалов этого рода и дает надежду на выяснение многих сторон в истории мусульманского Египта.

В. Крачковская.

Reuther, Oscar. Die Ausgrabungen der Deutschen Ktesiphon-Expedition im Winter 1928—29. Staatliche Museen in Berlin. Islamische Kunstabteilung. Без даты. 8°. 38 стр. + 19 рисунков и планов.

Германская археология, неоднократно дарившая науке ценные открытия, порадовала известием о новом начинании по изучению Ирана. Летом 1927 г. Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft выработала план раскопок на развалинах Селевкии и Ктесифона. Ряд предварительных работ в этой области был выполнен сравнительно недавно двумя германскими учеными. Herzfeld обследовал остатки дворца Хосроя и окружающую местность по обоим берегам Тигра. Streck пытался установить топографию обоих городов по античным и средневековым арабским источникам. Осенью 1928 г. была отправлена экспедиция на средства Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft и Deutsche Orientgesellschaft под руководством Oscar Reuther. Она проработала 4 месяца с 28 X по 5 III 1929 г., имея в составе высококвалифицированных археологов, архитекторов и историков искусства различных специальностей. Ход и результаты работ изложены руководителем в предварительном сообщении. Оно сравнительно невелико по объему, но чрезвычайно важно по содержанию, с которым вкратце мы здесь и познакомим читателей.

Местоположение Ктесифона искали раньше вблизи развалин дворца, на левом берегу Тигра. В этом районе еще Herzfeld обратил особое внимание на обширный прямоугольник к северу от дворца (Selman Pak = Asfanabr). На стр. 2—3 описана эта местность, усеянная руинами в виде холмов. Западнее дворца и Selman Pak лежит дугообразный вал Tuweibe.

По показаниям источников, развалины греческого города Селевкии лежали на противоположном, правом берегу Тигра. Это место выделяется особенно по остаткам стены (стр. 3—4), которые известны были отчасти и ранее (Rich); в настоящее время они видны на большом пространстве и составляют около $^{2}/_{3}$ круга, в южной части смытого водами. Внутри стен возвышается среди равнины холм Dscha'aret el-baruda (= Pulvermühlenhügel) и к западу от него остаток кирпичного здания Qasr bint el-qadi. Еще западнее лежит Tell 'Umeir, который был отделен от стен непроходимым болотом. Здесь идут с 1927 г. раскопки Michigan-University, в поисках греческого города Opis (Akschak = Upi).

Произведенная после изысканий Herzfeld'a осушка болота послужила значительным преимуществом при работах

---

[1] Эта статья H. Lammens перепечатана в сборнике его статей под заглавием «Études sur le siècle des omayyades». Beyrouth, 305—323.

[2] Издание литографировано в серии Papyri russischer und georgischer Sammlungen herausgegeben von Gregor Zereteli. IV, Tiflis, 1927.

германской экспедиции. Характер ложа и его краев привели экспедицию еще в октябре к заключению, что болото есть не что иное, как старое русло Тигра, а огромное прямоугольное городище в несколько квадратных километров к югу от Tell ʿUmeir по типу поверхностной керамики и протяжению — развалины Селевкии (стр. 4). Топографическая съемка участника экспедиции Bachmann (рис. 1) ясно показала отклонение Тигра. Отойдя от старого русла к востоку, он прорезал Ктесифон, отделив западную часть города (Madîna al-atiqa источников), принимавшуюся ранее за Селевкию.

Определенное экспедицией положение Селевкии подтвердилось и воздушной съемкой Royal Air Force в Багдаде (стр. 5,1). От раскопок этого городища экспедиции пришлось отказаться, так как оно, хотя и с другими предпосылками, было предоставлено для работ Мичиганской экспедиции. Деятельность германской экспедиции сосредоточилась в районе Ктесифона. Автор последовательно излагает ход пробных раскопок, начиная с городской стены (стр. 6—9), которая обрисовалась в виде овала до 3300 м диаметром, с многочисленными башнями. Положение ворот и моста, соединявшего Ктесифон с Селевкией, по недостатку времени не могло быть установлено.

Внутри города найден парфянский некрополь со сводчатыми усыпальницами и обширным погребальным инвентарем (рис. 4) типа парфянского периода в Вавилоне.

В районе el-Baruda на слое сасанидского города обнаружены глубокие наслоения мусульманского периода, с раннего времени до монгольского нашествия XIII в. Кирпичное здание Qasr bint el-qadi было обследовано Wachtsmuth и Heidenreich (стр. 11—15).

Выяснено, что это остатки сасанидской постройки, прямоугольный план которой (рис. 5) определен ясно и сходен с планами месопотамских церквей. Приблизительная датировка возможна по черепку с сирийской надписью религиозного содержания, найденному под полом, и по типу разбитой статуи мужчины из расписного штука (рис. 6), которую по трактовке одежды и историческим данным исследователи относят к VI в.

Сопоставление фасада Так-и Кисра на снимках 1888 г. и 1928 г. (рис. 7—8) ясно показывает читателю ужасные разрушения дворца, возведение которого по новейшим изысканиям (Wachtsmuth) окончательно приписано Хосрою I. Благодаря работам O. Reuther (стр. 15 сл.) внесены существенные изменения в прежний план дворца (Dieulafoy, Herzfeld), который представляет собою грандиозный комплекс построек (рис. 9—10). Весьма важное значение имеет «южное» сооружение (Südbau) на «Холме гиен», с оригинальным прямоугольным планом (рис. 13 a — b). Здесь найдены штукатурные украшения фасада, части рельефа с фигурами животных, мужская голова, характерные пучки сасанидских локонов и пр. O. Reuther предполагает (стр. 30), что рельеф изображал царскую охоту, а террасообразное здание (стр. 28 сл.) служило ареной для спорта или придворной охоты.

В восточной части города E. Kühnel раскопал раннемусульманские жилые постройки типа вилл (стр. 34). Здесь обнаружена богатая и разнообразная штукатурная орнаментика (рис. 19). Наконец, в юго-восточной части обследовались стены так называемого Bustan el-Kisra.

Несмотря на недолгий срок и предварительный характер работ, экспедиции удалось сделать чрезвычайно много как по выяснению топографии обоих городов,

так и по характеристике отдельных зданий. Иранистика и история материальной культуры сасанидского периода обогатились ценнейшим материалом, который сквозит из каждой строчки статьи O. Reuther. Приветствуя блестящий успех экспедиции, можно с нетерпением ожидать подробного опубликования материалов первой археологической кампании, возлагая большие надежды на дальнейшие работы германской экспедиции в Ктесифоне.[1] *В. Крачковская.*

Сборник консульских докладов (Южная Персия). Издание Народного комиссариата по иностранным делам. Москва, 1932 г., 88 стр.

Названный сборник открывает собою предположенную к изданию серию докладов советских консульских представителей заграницей. Народный комиссариат по иностранным делам, предпринимая издание сборника, стремится удовлетворить этим потребность в первую очередь самих консульских работников, а затем и заграничных представителей советских хозяйственных организаций в материалах справочного характера, необходимых им для общей ориентировки в повседневной работе. Наряду с этой, чисто практической задачей, издание сборника, содержа в себе в систематизированном виде ряд конкретных данных, должно также явиться полезным учебным пособием для подготавливаемых кадров будущих работников соответствующих специальностей и одновременно снабжать и научно-исследовательские институты материалами для дальнейшей научной обработки.

[1] За истекшее с 1930 г. время это пожелание осуществилось, с изменениями в общих условиях экспедиции и ее личном составе. Отчету второй кампании мы предполагаем посвятить в ближайшее время отдельную рецензию.

Несомненно, подобного рода начинание можно только приветствовать, учитывая ту насущную потребность, которую испытывают в настоящее время не только перечисленные выше категории лиц и учреждений, но и широкие круги советской общественности. В особенности же нужно подчеркнуть потребность в подобного рода материалах наших востоковедных учебных и научно-исследовательских заведений и учреждений. Фактические данные из области социальных отношений и экономики колониальных и полуколониальных стран современного Востока подчас столь скудно отражены в советской литературе, что представить себе в полном объеме развитие социально-экономических процессов в этих странах становится делом не только весьма затруднительным, но и нередко приводящим к ложным выводам. Достаточно, напр. указать на минувшую дискуссию по проблемам современной Персии. Схематизм, упрощение, неправильные положения и выводы в высказываниях отдельных товарищей, ограничение себя кругом теоретических умозаключений без подкрепления таковых конкретным фактическим материалом в большой мере вытекали именно из-за отсутствия или ограниченности этих материалов.

Сборник консульских докладов, нося характер справочника, тем самым определяет и круг предъявляемых к такого вида изданиям требований. Последние можно вкратце свести к следующим: 1) точность, достоверность и новизна материала, 2) сжатость и отчетливость его изложения, 3) научность материала, т. е. опубликование только критически взвешенных и оцененных данных, 4) известный методологический подход в систематизации материалов, исключающий узкое делячество и дающий возможность научного обобщения и 5) единство формы

изложения материалов, облегчающее сравнение между отдельными странами или отдельными областями внутри одной страны.

К сожалению, рецензируемый сборник далеко не полностью отвечает этим требованиям. Он содержит в себе небольшую заметку редакционной коллегии, краткий словарь встречающихся в тексте персидских слов и очерки провинций Сеистана, Кермана, Фарса, Исфагана и Хузистана, причем Керманская провинция не описана полностью, а только три ее булюка (уезда): Рафсинджан, Бардсир и Кухбенан. В принципе такое детальное описание частей отдельных провинций нужно признать весьма желательным, как могущее дать исключительный по ценности материал. Это один из немногих опытов, встречающихся в русской литературе по Персии, однако, надо сказать, опыт мало удачный, так как автор или авторы этих трех очерков подошли к разрешению своей задачи с тем же масштабом, что и при описании целой области, в то время как, показывая лишь отдельные части целого, нужно было демонстрировать их в гораздо более крупном плане.

Помещенные в сборнике очерки датированы: Керман — 1925 годом, а Фарс, Исфаган и Хузистан — 1927 годом. Очерк Сеистана даты не имеет, но, судя по тому, что наиболее поздняя дата, упоминаемая в нем, — 1928 год, можно предположить, что очерк относится именно к этому году. Таким образом, весь собранный в этом сборнике материал к моменту его издания насчитывает в общем 6—8-летнюю давность, т. е. целиком относится к периоду до мирового экономического кризиса, а потому по целому ряду вопросов лишь в слабой степени отражает истинное положение вещей в Персии 1932 года. Правда, редакционная коллегия сборника во вступительной своей заметке оговаривает это обстоятельство необходимостью изучения отдельных этапов развития стран Востока. Дальнейшее издание сборников с «хронологической последовательностью публикуемых материалов» должно явиться продолжением рецензируемого и таким образом предоставить возможность следить и за динамическим процессом социально-экономического развития Персии. Таким образом, первый сборник является как бы исходной точкой, от которой будет прочерчиваться кривая общественного развития страны. По замыслу это в общем правильно, но тогда, нам кажется, первый сборник нельзя было ограничивать столь узкими издательскими рамками, как это имело место. Более рационально было бы значительно расширить объем материалов этого сборника. Чем полнее было бы исходные данные, тем меньше пришлось бы добавлять к ним впоследствии, тем легче было бы представить себе действительное положение современной Персии. Как справочник практического работника, как учебное пособие и как собрание научных материалов, сборник только бы выиграл, при условии, разумеется, что последующие материалы будут опубликовываться без больших опозданий.

Комплекс вопросов, нашедших отражение в отдельных очерках сборника далеко не одинаков. Этим нарушается единство плана изложения, а следовательно чрезвычайно затрудняется и сравнение отдельных районов или областей между собой и почти исключается возможность использования материалов для обобщений в итоге исследовательской работы по различным проблемам современной Персии.

В одном, например, очерке (Сеистан) дано физико-географическое и топографическое описание области, в дру-

гих (три булюка Кермана) проявлен интерес только к флоре, фауне и ископаемым, а в остальных физическая география не представлена вовсе. В одних очерках (Фарс, Исфаган) довольно подробно излагаются аграрные отношения, в других этот раздел отсутствует совершенно (Хузистан) или его касаются лишь как бы вскользь (Сеистан, Керман). Одни концентрируют внимание на населении области, его национальном и классовом составе (Фарс, Исфаган), другие главное внимание обращают почти исключительно на экспорт товаров и смежные с ним вопросы (Хузистан). Некоторые составители приводят интересные и полезные сведения о налогах (Фарс, Исфаган), другие этот вопрос игнорируют полностью. Некоторые совершают исторические экскурсы, другие нет и т. д. и т. п. За эту пестроту в схеме описания отдельных областей несет ответственность в первую очередь редакционная коллегия, повидимому не выработавшая для этой цели единообразного плана. К сожалению, как видно будет ниже, это не единственный промах редколлегии.

В общем сборник обнимает следующий основной цикл вопросов: сельское хозяйство, промышленность, население и классовые отношения в деревне и городе, транспорт, торговля и т. п., иначе говоря, главнейшие вопросы социально-экономической структуры страны.

В особенности нужно подчеркнуть наличие в сборнике материалов, относящихся к социальным отношениям населения страны. Стремление показать общественные отношения в стране в марксистском освещении составляет безусловно наибольшую заслугу сборника, в этом его основная ценность.

Перейдем теперь непосредственно к помещенным в сборнике очеркам. Рамки настоящей рецензии не дают возможности остановиться одинаково подробно на всех них. Мы ограничимся поэтому более детальным разбором первого очерка Сеистана, являющегося вместе с очерком Хузистана наиболее слабым и не отвечающего тем требованиям, которые, как указывалось выше, следует предъявлять к справочному изданию.

Очерк Сеистана состоит из следующих разделов: 1) география и топография, 2) орошение, 3) возвышенности, 4) климат, 5) растительный и животный мир, 6) население, 7) земледелие, 8) скотоводство, 9) аграрный вопрос, 10) охота, промыслы и ремесла, 11) пути сообщения и 12) административное деление. Можно конечно, возражать против подобного деления или выразить недоумение по поводу целесообразности, например, третьего раздела при наличии первого или содержания десятого раздела, где почему-то охота не является промыслом, а о других промыслах, в сущности говоря, ничего не упоминается, ибо ни тканье ковров, ни выделка гончарных изделий не суть промыслы. Но это в данном случае не главное. Материалы, на основании которых составлен очерк Сеистана, грешат большей частью против пунктов 1 и 3 наших требований, а именно точности, достоверности и научности.

Сеистан — одна из глухих персидских провинций, но в то же время политически чрезвычайно важной, будучи расположенной на юго-востоке Персии, на границе с Афганистаном. Роль этой плодородной области неоднократно отмечалась в истории как «врата в Индию» со стороны Персии, которые служили предметом войн и политических споров. Это историческое значение область не потеряла и до сих пор,

а между тем она продолжает оставаться почти неизученной ни в географическом, ни в геологическом, ни в хозяйственном, ни в социальном отношениях. Правда, очень много в изучении Сеистана сделали англичане, оценившие в полной мере стратегическое и политическое значение области, но их работы могут служить для нас только материалом.

Разбираемый нами очерк вносит мало нового в уже опубликованный материал, являясь главным образом компиляцией известных сведений, часто не проверенных или сомнительных.

Начать с того, что административные границы персидского Сеистана, как и в большинстве печатных работ, остаются и в данном очерке совершенно неясными. Не совсем понятно, почему эта часть Сеистана названа северо-западной (стр. 7), а афганская следовательно юго-восточной, в то время как к афганскому Сеистану следует отнести и район Лаш — Джувейн на нижнем течении р. Фарахруд, километрах в 50 от устья, и тогда персидский Сеистан окажется почти строго западной частью Сеистана в его географических границах.

Утверждение, что нагорная часть Сеистана, составляющая афганскую территорию, расположена на правом и левом берегу реки Гильменда, с главным городом Чекансур (а не Чесанхур, как в очерке), острым треугольником врезается в Персию (стр. 7) очевидно основано на недоразумении.

Река Гильменд ниже селения Кухек, как известно, составляет афгано-персидскую границу, тянущуюся дальше в том же северном направлении до южного края Нейзара. Город же Чекансур расположен к северо-востоку от Кухек. Таким образом, никакого клина, врезающегося в персидскую территорию, здесь нет. Его можно было бы пожалуй усмотреть значительно южнее в районе низины Зиррэ.

Несколько сомнительными являются и величины площадей персидского и афганского Сеистана — 3847 англ. кв. миль и 3159 англ. кв. миль (стр. 7), ибо при взгляде на карту афганская часть кажется значительно больше персидской.

Из описания орошения (стр. 7) можно вынести впечатление, что в половодье вода, заполняя весь бассейн Хамуна, обычно через проток Шилэ изливается далее в Гоуд-и Зиррэ. Это однако чрезвычайно редкое явление, не происходившее на памяти современного туземного населения.[1] В годы особенно большого половодья вода, выходя из Хамуна, заполняет только самый проток Шилэ, обычно являющийся совершенно сухим и покрытым толстым слоем соли[2], не достигая Гоуд-и Зиррэ. Точно так же не совсем правильно было бы назвать район Мияи Кянги, расположенный в дельте р. Гильменда, лесным районом (стр. 19), так как этот термин заключает в себе совершенно определенное понятие, в то время как по физико-географическим условиям в указанной местности исключены какие бы то ни было лесные пространства. Надо полагать, что речь в данном случае идет не о лесе, как обычно его представляют, а о зарослях древовидного гребенчука, густо покрывающего названный район.[3]

Перейдем к населению. Количество селений, разбросанных на территории персидского Сеистана, определяется, по данным персидского финансового ведомства в 168 (стр. 12). Эти данные, учитывая несовершенство статистического аппарата в Персии, вряд ли можно при-

[1] G. Curzon. Persia and the Persian question, London, 1892, vol I, p. 226.

[2] А. Миллер. Очерк Сеистана. Сборн. матер. по Азии, вып. LXXVII, СПб., 1904, стр. 126.

[3] Миллер, о. с., стр. 129.

знать достоверными, и автор очерка тут же делает оговорку, что «по другим же сведениям число населенных пунктов свыше 260». Действительно, в уже упомянутой работе Миллера[1] количество селений, о которых удалось собрать сведения, достигает 265, но при этом высказывается предположение, что на самом деле число их должно превышать 300. Тэт, произведший одно из лучших и обстоятельных исследований Сеистана, подтверждает это предположение, устанавливая на персидской территории Сеистана 386 селений.[2] Если эта последняя цифра и может показаться несколько преувеличенной, то во всяком случае более или менее точное число селений персидского Сеистана нужно искать в пределах 300—380, не полагаясь на персидские официальные данные. Общую численность населения, определенную в очерке в 81 020 чел. (стр. 19), следует признать близкой к действительности. Тэт, не устанавливая подушного количества населения, указывает только число семей, достигающее у него 21 395.[3] Принимая средний состав семьи по его же данным в 3—4 чел.,[4] мы получаем общее количество населения приблизительно в 74 882 чел. Английские довоенные Consular Reports повышают эту цифру до 100 000, очевидно принимая во внимание еще и кочевников, находящихся в процессе миграции то в пределах области, то вне ее.

При всей достоверности общего количества населения, указанного в очерке, нельзя однако не упомянуть о крупном недосмотре или небрежности, допущенных либо составителем, либо редактором. Если подсчитать количество населения по цифрам, приведенным по округам, то в итоге получится не 81 020 чел., а только 67 020.[1] В данных о населении по округам допущена, следовательно, ошибка в 14 000 чел. т. е. на 17% Иначе говоря, все данные по округам ставятся под сомнение. Кроме того, в статистике населения на стр. 13 указывается для оседлой его части совершенно другая цифра, а именно 128 950 чел. Почему такое несоответствие, остается непонятным. Там же (стр. 14) сверх оседлого населения насчитывается еще 24 890 кочевников, что повышает общее количество населения до 153 840 чел. И эта цифра вызывает недоверие, если принять во внимание сказанное выше. В статистике населения автор очерка совершенно непонятно, почему на первое место ставит религиозный признак. Прежде всего он делит всех жителей на шиитов и суннитов, насчитывая в общей сложности 92 племени,[2] а затем уже приступает к подразделению племен внутри религиозных групп по хозяйственным признакам. Эти хозяйственные признаки, применяемые автором при делении племен, своеобразны, необычны и часто непонятны. Трудно представить себе племя «торгующих» племя «кочевников-земледельцев» или племя «кочевников-огородников» (это в Сеистане, где земледелие возможно только в условиях искусственного орошения!), или племя «ремесленников», как «отголосок чисто феодальных отношений». Что это должно означать, составляет секрет автора, и утверждение, что из таблиц «можно увидеть постепенный переход племени от кочевого быта

---

[1] Ibid., стр. 135.
[2] Tate. Seistan, прилож. к IV части, 1912.
[3] Ibid., прилож к IV части, 1912.
[4] Ibid., I—III, 162.

[1] Последняя цифра близка к указываемой в цитованной статье Миллера (стр. 134).
[2] Это число тоже поражает своей величиной. По всей вероятности автор смешивает понятие «племя» с понятием «колено» или возможно даже с понятием «род».

к оседлому» остается целиком на его совести.

Область аграрных отношений в Персии представляется для нас сейчас наиболее интересной. Интересной потому, что в ней могут быть найдены все типы социально-экономических отношений, начиная от пережитков родового строя кочевых племен, разложения сельской общины оседлого населения до первичных стадий капитализма. Преобладание того или иного типа земельных отношений в каком-либо районе обусловит и всю его экономическую структуру и прольет свет на движущие силы его развития. Вот почему раздел аграрных отношений имеет в очерке района или области кардинальное значение и требует от автора к себе самого внимательного отношения. Сеистан — это как раз такая область, где сейчас можно встретить обилие переходных форм, фиксация которых приобретает большую научную ценность. К сожалению, по материалам очерка Сеистана представить себе ясно картину аграрных отношений в этой области нельзя, отчасти потому, что они во многом расходятся с другими источниками, отчасти потому, что они уже слишком отрывочны.

Взять хотя бы термин «пагау». Нигде в Персии кроме Сеистана он теперь, насколько известно, не встречается. Автор очерка в этом термине видит известную земельную меру. «Пагау», пишет он, «есть количество земли, которое могут обработать, вспахать, сравнять и засеять пять крестьян в продолжение 30 дней с парой быков» (стр. 15). На самом же деле пагау не мера земли, а определенная организация сельского населения.

Тэт в своем труде так определяет значение этого термина: «Земледельческая община деревни организуется в товарищеские группы с целью обработки земли. Эти группы носят название pāgo.[1] Число последних устанавливается в зависимости от количества земли, которое кядхуда решает обработать. Число pāgo в каждом округе и в целой области изменяется из года в год».[2] Pāgo, по его словам, бывают двух родов — ghami и tahvil (в обоих случаях очевидно долгое ī). Первые обязаны работать по назначению на любой земле, где бы она ни находилась. Вторые, работающие на кядхуду, обычно находятся в более благоприятных условиях в смысле качества почвы и содержатся неподалеку от своей деревни, выполняя барщину, работая в садах, маковых плантациях или в усадьбе кядхуды. Ghami же обыкновенно используются для тяжелых общественных работ по сооружению и поддержанию в исправном виде оросительных каналов и плотин, а также для работ в губернаторской резиденции. Величина pāgo ghami установлена в шесть человек. Pāgo tahvil варьирует от шести до десяти человек, но большая часть их состоит из семи человек. Все расходы и доходы pāgo делятся поровну между его членами. В афганской части Сеистана члены каждого товарищества выставляют отдельного человека для выполнения трудовой повинности в деревне. Этот человек, неотлучно там находясь, не участвует в полевых работах pāgo и носит название mard-i murda, т. е. «мертвый человек». Остальные участники pāgo таким образом в состоянии без отрыва заниматься земледельческими работами.

Тэт, совершенно правильно отождествляя термин pāgo, pagau, pagan с латинским pagus, склонен видеть в нем земледельческие общины, занимавшие

[1] Всюду сохранена транскрипция Тэта.
[2] Tate, o. c., IV, 225.

в прошлом земли в известном удалении от родного городского округа, центра цивилизованной жизни, подобно тому, как еще и теперь в отдаленном округе Миян Кянги проживают на обрабатываемых землях pāgo, принадлежащих к округам Шахристана, наиболее цивилизованным и культурным в Сеистане.[1] Сопоставляя этот термин далее с готск. 'gavi' древнесакс. и фризск. 'gā, gō', немецк. 'Gau' или индийск. 'گاوں', можно притти к заключению, что мы в данном случае в лице pāgo имеем дело с остатками разложившейся земледельческой общины, т. е. определенным типом социальных отношений, а не с земельной мерой.

То же самое с определением термина кяльган или, по Тэту, kalgir. Автор очерка опять-таки видит в нем «количество земли, которое в течение 10 дней обрабатывается пятью крестьянами при паре быков» и являющееся необложенным налогом владением феодала-хана. (стр. 17). Тэт дает другое определение, называя kalgir'ами «дарственные земли, свободные от налога. Считается, что в Сеистане площадь таких дарственных земель равна площади, которую могли бы обработать 100 pāgo, причем 3—4 kalgir'а рассматриваются как эквивалент площади, которую мог бы обработать один pāgo. Земли эти находятся в распоряжении своих владельцев и управляются и обрабатываются их домочадцами. Как правило земли жалуются муллам и муджтахидам, но могут быть пожалованы и другим лицам за усердную службу».[2] Очевидно, что здесь мы имеем дело не с земельной мерой, а с формой землевладения.

Земли Сеистана и по персидским и по европейским источникам составляли собственность государства, так называемые xāliṣajat, через губернатора области сдавались в аренду различным лицам, преимущественно выходцам из местных ханских родов. Эти крупные арендаторы, передававшие земли в свою очередь в субаренду, носили и видимо носят здесь название «кядхуда».[1] Существование помещика-арендатора подтверждает и автор очерка Сеистана. Непонятным остается только количественное определение земельной буржуазии. Почему именно нужно принимать каждый род ханов в Сеистане по 20 чел. и почему они в общей сложности составят 1960 чел. (стр 13), без соответствующей аргументации кажется совсем не убедительным.

Сопоставляя нынешнее состояние с прошлым, автор замечает, что «Сеистан, как гласят предания, был когда-то цветущим краем» (стр. 9). Весьма рискованно и вовсе ненаучно было бы ссылаться в даннном случае только на одни предания, а гораздо правильнее было бы обратиться к историческим литературным памятникам или памятникам материальной культуры на месте. Правда, из истории культурной жизни Сеистана до нас дошло немного сведений, но и они до известной степени проливают свет на его прошлое. Арабский географ-путешественник Истахри (IX в.) рисует нам Сеистан эпохи саффаридов как край многолюдных городов с изобилием оросительных сооружений и очень богатый.[2] Примерно такое же впечатление получается от свидетельства другого арабского географа Ибн-Рустэ (X в.). Конечно, нельзя полностью игнорировать и предания. Они во многом могут послужить в ка-

---

[1] Tate, o. c., I—III, 162; IV, 325.

[2] Ibid., IV, 322.

[1] Tate, o. c., IV, 326. Как известно, термин кядхуда в остальной Персии означает просто сельского старшину.

[2] Цит. по Curzon'у, o. c., I, 228, 229.

честве контрольного материала. Но навряд ли в Сеистане сейчас можно вообще встретить местных уроженцев носителей преданий. По имеющимся сведениям еще лет 25—30 тому назад такие лица или совершенно не были найдены,[1] или число их не превышало двух уже глубоких стариков, более или менее осведомленных в истории края.[2]

Целый ряд более мелких, но сильно понижающих ценность издания недостатков нужно отнести на счет редакторов сборника. Сюда относится наличие такого противоречия как выраженное на стр. 8 сомнение в характеристике Сеистана как «страны пшеницы», а на стр. 15 подтверждение, что область «поистине является страной пшеницы и ячменя». Или утверждение, что «растительный и животный мир Сеистана, несмотря на тропическую широту, весьма беден» (стр. 11). Как известно, растительный и животный мир относятся к азональным географическим факторам, а вся Персия расположена в северном умеренном поясе.

Массу неудобств при работе со справочником создает разнообразие приводимых мер. То исчисление ведется в английских милях, то в километрах, то в фарсахах, то в саженях и т. п. Температура, напр., для разных времен года указывается то по Фаренгейту, то по Реомюру. Вес — то в метрической системе, то в персидской. Все это мелочи, но мелочи, вызывающие досадные помехи, которые приходится с потерею времени устранять.

Как общий недостаток всех очерков следует упомянуть отсутствие географических карт, хотя бы схематических, облегчающих пользование материалами, и отсутствие указаний на источники, когда материал не является результатом собственного опыта или наблюдения авторов, без чего невозможен критический подход к ним.

Неудовлетворительно обстоит дело и с редактированием и объяснением встречающихся в тексте персидских слов. Слово нейзар, напр., объясняется таким образом (стр. 7): «ней — камыш, зар — пространство, расположенное между ними (низинами), в то время, как zār только суффикс, обозначающий место, чем-либо изобилующее, т. е. нейзар — пространство, поросшее камышом, тростниковые заросли. В другом месте (стр. 17) дается следующая этимология слова сардар: сар — голова, дар — двери, а вместе — 'хозяин дома', 'хозяин владения'. Между тем sar означает также край, начало, и dār вовсе не дверь, а основа глагола dāštan = иметь, держать. Отсюда sardār 'держащий начало', т. е. 'начальник', 'предводитель', 'вождь'. Последнее гораздо вернее объяснило бы в данном случае социальное происхождение и облик сеистанского помещика-арендатора. То же самое и в словаре. Адлие не светский суд, а ведомство юстиции. Редакционной коллегии не мешало бы подумать и над унификацией транскрипции персидских слов, в особенности собственных имен и географических названий, включив для этой цели в состав коллегии языковеда, так как транскрипция до сих пор остается слабым местом в советской востоковедной литературе, посвященной социально-экономическим вопросам.

Рамки настоящей рецензии, как сказано выше, не позволяют также подробно остановиться на разборе остальных очерков сборника, тоже не лишенных многочисленных недостатков. Нельзя обойти молчанием, напр., несколько наивное описание минеральных

[1] Миллер, о. с., стр. 127.
[2] Tate, o. c., I—III, 178, 179.

богатств Кермана (Рафсинджана) на стр. 22. Цитируем дословно: «а) Гора Мур Сияне. Сверху донизу идет саженью в диаметре синяя блестящая жила какого-то (разрядка всюду наша) минерала. Население производило с рудой такие опыты: руду клали на огонь, из руды выплавлялись шарики, которые с треском выскакивали на высоту 5—7 аршин. Жила эта была открыта недавно при рытье канала. В полверсте от этого места, в той же горе, есть несколько источников с водой зеленого цвета. Летом количество воды в источниках уменьшается, и вода делается плотнее, доходя до консистенции кислого молока. Окрестное население выпаривает на солнце эту воду и собирает порошок, которым с успехом лечит овец от червивых ран. Несколько лет назад некий керманец добыл из горы около пуда меди. В горе есть следы древних (?) шахт.

«2) В Джафер Абад, в 2 верстах от Париза—имеется колодец, который несколько лет назад был обследован каким-то англичанином, взявшим из колодца какие-то образцы».

Разумеется, такое описание минеральных богатств не имеет ничего общего с научным описанием и не годится ни в качестве справочного, ни учебного, ни научного материала.

При описании населения называются, (стр. 23) племена «хорасани», «араб», «сеистани» и др. Совершенно очевидно, что это не собственные названия племен, а названия, отличающие эти пришедшие в Керман в более поздние времена этнические группы от коренного населения края, а термином «сеистани» называет себя коренное население Сеистана в отличие от пришлого элемента.[1]

[1] В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 47.

Не обошлось в этом очерке и без редакционных недосмотров. На стр. 36 читаем «крестьянских владений—хорда малик—нет совершенно» (в Бардсире, примеч. наше), а на стр. 37 говорится «мельница принадлежит 8 „хурдамаликам“—мелким крестьянам...» и т. д. Вновь ставится под сомнение достоверность материала, а следовательно снижается и ценность самого сборника. Этим не исчерпываются, конечно, все недостатки очерка Кермана.

Значительно, лучше, полнее и обдуманнее составлены очерки Фарса и Исфагана, хотя и в них ряд моментов может вызвать возражение или сомнение. Об очерке Хузистана, собственно говоря, нельзя выразить какого-либо мнения, так как назвать его очерком было бы неправильно, ибо он затрагивает лишь несколько вопросов, касающихся главным образом торговли и совершенно не характеризующих этой страны.

В заключение рецензии сборника нам хотелось бы обмолвиться еще несколькими словами о принципе систематизации собранных в нем материалов. Сборник охватывает период времени в основном с 1925 по 1927 год, т. е. период, который для стран Востока нашел свою характеристику в тезисах VI Конгресса Коминтерна. Эта характеристика безусловно распространяется и на Персию того времени, а между тем, просмотрев сборник, у читателя вовсе такой вывод не напрашивается. Это происходит, на наш взгляд, оттого, что в систематизации материалов не было проявлено никакой целеустремленности. Это, разумеется, крупная ошибка. Давая очерк страны за определенный период времени, необходимо в первую очередь подчеркнуть те моменты, которые играют решающую роль в характеристике страны данного периода.

Будем надеяться, что редакция сборника в будущем учтет сделанные выше замечания, и последующие выпуски сборника появятся в свет в полном соответствии с теми задачами, которые перед ним поставлены. Повторяем, что идея сборников совершенно правильная, и сборники, надлежащим образом составленные, являются ценнейшим материалом и для науки и для практики.

А. Арендс.

Lenz, Wolfgang. Auf dem Dach der Welt. Mit Phonograph und Kamera bei vergessenen Völkern des Pamir. Deutsche Buch-Gemeinschaft. Berlin, 1931, SS. 353. С карт. и фотогр.

Связанная с советско-германской памирской экспедицией 1928 г. научно-популярная литература обогатилась еще одним интересным произведением. В. Ленц, автор рассматриваемой книги, был командирован в состав экспедиции от Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft, поставившей перед ним широкую задачу получения возможно большего количества языкового и этнографического материала, связанного с таджикским культурным миром, как, в первую очередь, горным — Памир, так и равнинным — Фергана.

Напечатанные Ленцом по возвращении предварительные отчеты,[1] весьма краткие и чисто информационного характера, дают представление о добытых этнографических и, главное, языковых богатствах. «Auf dem Dach der Welt» является таким образом четвертой по счету и, очевидно, последней работой, предшествующей основному, еще не появившемуся научному труду, основанному на результатах экспедиции.[1]

Как и напечатанный в «Deutsche Forschung» отчет, книга «Auf dem Dach der Welt» носит чисто популярный характер, и план, изложение, материал целиком направлены на удовлетворение интересов широкого неподготовленного читателя.

Вся внешняя сторона путешествия, подробный маршрут, события, личные впечатления, одним словом, все то, что не вошло в предварительные отчеты в силу их краткости, что не войдет в полный научный отчет в силу его специальности, изложено автором в порядке записи день за днем по мере продвижения экспедиции. Эта подробность и последовательность выделяют многие ценные детали технического характера, так сказать, из области методологии экспедиций.

Популярный характер книги вполне определяет материал. Быт и специальные условия жизни таджиков описаны с большой точностью. Автор, очевидно, предполагает в другом месте систематизировать и осветить исторически весь приводимый в порядке хронологическом (по мере встречи в пути) этнографический материал (в частности, не безинтересный вопрос о соединении доисламских традиций и верований с исламом); пока читатель довольствуется красочными и подробными описаниями. Стилистически изложению, повсюду очень литературному и не без блеска, придан по временам несколько фельетонный оттенок. В отношениях автора к окружавшим его

---

[1] 1) Alai-Pamir Expedition, 1928. Vorläufige Berichte der deutschen Teilnehmer. «Deutsche Forschung», Heft 10. Notgemeinsch. d. deutsch. Wiss., Berlin, 1929, SS. 147—168. Bericht über sprachw. u. ethnogr. Arbeiten der Exped. Auszug daraus in «Forschungen u. Fortschritte». 5. 177. Berlin, Mai, 1929. 2) ZDMG, NF, Band 9, Heft 3—4, S+102+SS. 1930.

[1] К моменту напечатания этой рецензии стало известно, что такой труд появился в печати, но автору рецензии он до настоящего времени доступен не был.

таджикам можно иногда усмотреть может быть некоторую недооценку этого народа, правда, отсталого, но стоящего на пороге новой цивилизации и имеющего за собой длительную культурную традицию.

Необходимо с удовлетворением отметить, что упрощенная популярная трактовка нигде не сочетается с ненаучностью или недостоверностью. Может быть было бы уместно ввести лишь одно небольшое уточнение. Так, давая краткое культурно-историческое описание Памиров (стр. 20) автор указывает, что, в противоположность горным таджикам, «sprechen die Tadschiken der Ebene heute sämtlich neupersisch». Таким образом, таджикский язык равнины, как литературный, так и разговорный, не разделен от лексически, морфологически и главное фонетически отличного, но конечно, к группе «neupersisch» принадлежащего языка, как литературный и разговорный тегеранский. Было бы лучше, если бы автор провел и в этом месте соответствующую диференциацию, применяя употребленный им ранее[1] термин «das Tadschikpersische» для самостоятельной единицы таджикского языка со всеми его диалектами, в отличие от других самостоятельных единиц этой же группы «neupersisch», как напр. тегеранский, кабульский[2] говоры и т. д., противопоставляя их всей группой «neupersisch» памирским диалектам. Отсутствие в даннном случае общеизвестной диференциации, создавая неправильное мнение о тождестве языка «Dākhunde» с языком «Khūnbehā-i-Irān», может ввести неподготовленного читателя в заблуждение.

[1] Упомянутый отчет в ZDMG, S. 42, «Deutsche Forschung», S. 5; также в журнале «Forschungen u. Fortschritte» читаем: «...Tadschiken der Ebene... sprechen heute Persisch, aber nicht wie bisher angenommen ein wenig abgewandtes Schriftpersisch, sondern verschiedene selbstständige Tadschikdialekte».

[2] См. Bogdanow «The Cabuli Persian». Journal of the As. Soc. of Bengal, 1931.

Весьма интересным следует считать привлечение В. Ленцом материала детских песен, которым он справедливо придает большое значение в сохранении старого стихотворного материала, погибающего под влиянием персидской и турецкой поэзии (стр. 85).

Экспедиция была снабжена усовершенствованной аппаратурой для звуковой записи: сложным фонографом, приводимым в движение от часового механизма и аналогичным прибором облегченной конструкции; однако, условия передвижения свели работу в основном к обычной записи от руки.

Некоторые специфические моменты жизни таджиков были засняты на кинопленку, прекрасно дополняя в таком виде большую коллекцию вывезенных автором предметов материальной культуры (утварь, музыкальные инструменты и проч.).

Книга снабжена отличными снимками, хорошо иллюстрирующими текст.

А. Н. Болдырев.

Naficy, Saïd. Dictionnaire français-persan, contenant tous les mots usuels, familiers et populaires, tous les termes scientifiques et toutes les locutions et proverbes de la langue française ancienne et moderne, traduits en persan littéraire et vulgaire. T. I, A—K, Téhéran, 1930; t. II, L—Z, Téhéran 1931

Haïm, S. New English-Persian dictionary complete and modern by —. First volume, A—K, Téhéran 1929; second volume L—Z, Téhéran, 1931.

1. За последние годы персидская лексикография обогатилась рядом новых словарей. В 1925 г. издательство Béroukhim в Тегеране издало небольшой карманный французско-персидский словарь, составленный Isaak Béroukhim'ом. Словарь, в силу своей краткости,

не мог удовлетворять серьезным требованиям и получил распространение главным образом среди персидской учащейся молодежи. В 1929 году словарь вышел четвертым, значительно дополненным изданием. В 1928 г. в издательстве «Khajam» вышел англо-персидский словарь, составленный H. Zahedi Schalfrouch'ом. Словарь составлен добросовестно, но страдает полным отсутствием фразеологического материала. Наконец, в 1928 г. издательство Béroukhim приступило к изданию серии больших словарей, в которую предполагалось включить французско-персидский, англо-персидский, русско-персидский и немецко-персидский словари. За время с 1929 г. вышли из печати два больших двухтомных словаря — французско-персидский словарь Saïd'a Naficy и англо-персидский словарь S. Haïm'a.

Значительное усиление работы в области лексикографии в Персии и выпуск сравнительно большого количества новых словарей явились результатом усилившегося европейского экономического влияния. Расширение экономических связей с Европой и Америкой, участие Персии на международных выставках, постройка железной дороги, работа иностранных специалистов — все это не могло не повысить интереса к изучению западноевропейских языков.

В частности, большое значение для распространения в Персии иностранных языков имела многолетняя работа бельгийцев в персидских таможнях и ведение в последних переписки и отчетности параллельно на двух языках, деятельность американской финансовой миссии и связанный с этим частичный переход делопроизводства в учреждениях министерства финансов на английский язык, работа германо-американского консорциума по постройке трансперсидской железной дороги, наконец, работа приглашенных в 1927 г. германских финансовых специалистов и целого ряда других иностранных специалистов в различных отраслях персидского хозяйства. Значительным фактором в деле распространения французского языка было преподавание некоторых предметов в тегеранских высших школах (دار الفنون и مدرسهٔ علوم سیاسی) приглашенными из Франции преподавателями и практикуемая за последние годы периодическая отправка персидских учащихся за границу для получения специального образования.

В области словарной работы, отдельно следует остановиться на сделанной в 1927 г. молодыми персидскими учеными попытке создания полного словаря персидского языка. Отсутствие такого словаря давно уже остро ощущалось в литературных и научных кругах Персии. Существующие фэрхэнги значительно устарели, не охватывали всех областей языковой культуры и фиксировали, главным образом, слова литературного языка, оставляя совершенно неиспользованным ценнейший лексический материал, заключавшийся в живой речи.

Инициаторами создания словаря были несколько персидских ученых, собиравшихся у директора музыкальной школы полковника Али Наги Хана Вазири. К работе предполагалось привлечь также ряд других ученых и исследователей. По замыслу участников, словарь должен был охватить не только литературный язык, но и живую речь, с привлечением лексического материала из языков различных социальных и профессиональных групп.

План работ был составлен двумя персидскими учеными Са'ид'ом Нафиси

и Деһхода, причем в основу работ, как я слышал, был положен компромиссный план. Выполнение отдельных намеченных по плану пунктов было распределено между составителями таким образом, что каждому поручалась одна определенная работа: составление словаря к дивану какого-нибудь поэта, работа по сличению и исправлению существующих фэрхэнгов и словарей, установление терминологии одного из производств[1] и пр. Одновременно с фиксированием терминов, относящихся к производственному процессу, рекомендовалось выяснять названия инструментов и записывать даваемые мастером объяснения, сопровождая это, по возможности, чертежами и фотографиями. Не ограничиваясь этим, составители словаря ставили также себе задачей создание слов для передачи новых понятий. Предполагалось проделать большую работу по пересмотру старой литературы по медицине, астрономии, математике, философии и другим наукам с целью извлечения оттуда тех терминов, которые могут быть использованы в настоящее время.

Для передачи понятий, не имеющих эквивалентов в стандартном персидском намечалось привлечь лексический материал из других иранских диалектов.

В основу всей намеченной словарной работы было решено положить برهان قاطع как наиболее полный и распространенный в Персии словарь.

[1] План, составленный Са'ид'ом Нафиси, намечает работу по установлению терминологии следующих производств: 1) столярного, токарного и пр., 2) ткацкого, швейного и пр., 3) металлообрабатывающего, 4) строительного, кирпичеделательного и пр., 5) парфюмерного и аптекарского, 6) пищевого и кондитерского, 7) типографского и переплетного, 8) каретного и автомобильного, 9) живописного, малярного и золотильного и, наконец, 10) по сельскохозяйственной терминологии.

Я уехал из Персии в 1929 г. и не знаю, как далеко с тех пор подвинулась работа по подготовке материала для словаря.

Таков итог той словарной работы, которая была проделана в Персии за последние годы. Сравнение, хотя бы только в количественном отношении, с предшествовавшим периодом, говорит со всей несомненностью о значительном усилении работы в области персидской лексикографии. С другой стороны, попытка создать полный словарь персидского языка не по типу традиционных персидских фэрхэнгов, а с применением новых методов в работе, указывает на определенный сдвиг и в методике составления словарей.

2. Французско-персидский словарь, составленный سعید نفیسی, размером значительно превосходит все вышедшие ранее французско-персидские словари. В основу словаря, по словам автора, был положен словарный материал, который он начал собирать еще в ученические годы и пополнял затем в течение последующих лет во время пребывания во Франции и в процессе литературной работы.[1] В персидском предисловии к изданию составитель указывает, что он не изобретал новых слов, не пользовался арабскими и турецкими словами, не вошедшими в персидский язык, и давал арабские и турецкие слова только в значениях, присвоенных им в персидском языке.[2] Для французского словника, по словам составителя, были использованы, с некоторыми добавлениями, малые словари Larousse'a.[3]

По существу, словарь в большей своей части, представляет собой почти

[1] См. стр. 1—2 французского предисловия к словарю.
[2] مقدمه стр. 2.
[3] См. avertissements (2).

буквальный перевод Larousse'а на персидский язык.

Для большинства научных и технических терминов, имеющих соответствующие персидские эквиваленты или передаваемых заимствованными из западноевропейских языков словами, автор дает буквальный перевод помещенных у Larousse'а объяснений слов. Лишь как редкие исключения, мы встречаем одновременно с описательной передачей термина и соответствующий персидский термин. Это находится в противоречии с указанием автора на то, что эквиваленты научных терминов он старался найти у персидских авторов и в учебных руководствах, принятых в персидской школе. Так например слова radiogramme, aiguille, accumulateur, réfrigérant, électrification, potentiel,[1] croiseur, énergie (как физический термин), и др., переданы описательно при наличии в персидском слов, заимствованных в значительной своей части из французского языка: تلگراف بی سیم, سوزن‌دو راهی ‘ اکو مولاتور ‘ یخچال مصنوعی ‘ الکتریسیته نمودن ‘ پتانسیل ‘ کروازر ‘ انرژی то же в равной мере относится и к химической терминологии, где при наличии заимствованных слов (напр. brome — بروم bismuth — بیسموت и пр.) автор предпочитает передавать указанные термины описательно, буквально следуя Larousse'у и сопровождая их химической формулой.

Тот же недостаток следует отметить у составителя в части общественно-политической терминологии, причем здесь, часто, понятие совершенно искажается. Так, напр., слова anarchisme и anarchiste при наличии распространенных انارشیزم и انارشیست переданы первое через طرفداری از اغتشاش и второе через اغتشاش طلب ‘ مفتن ‘ مفسده جو ‘ مفسد ‘ مفسد فی الارض Для слов communisme et communiste, переданных через مسلک اشتراکی и مسلک اشتراکی طرفدار, не дано значительно более распространенных эквивалентов کمونیستی и کمونیزم. Иногда передача слов поражает своей абсурдностью. Так, напр., слово pogrom передано через در روسیه نهضت عمومی برضد یهود ‘ شورش ‘ طغیان ‘ انقلاب ‘ هیجان. Здесь автор превзошел и Larousse'а, который против этого слова дает только 'emeute'.

Буквальное следование Larousse'у не всегда приводит к удачным результатам. Так под словом hérésie мы находим عقیدای که مذهب کاتولیک آنرا رد کنذ а затем уже следуют персидские эквиваленты: کفر ‘ الحاد ‘ زندقه ‘ اعتزال ‘ شرک Едва ли можно признать допустимыми для словаря такие «двуязычные» объяснения слов как 'saturation' غیر قا بل для 'insaturable'. Даже для распространенных в быту слов Саид Нафиси часто предпочитает переводить объяснения Larousse'а, не давая персидского эквивалента (ср. 'écharde', переданное описательно: خرده وشکسته‌ای ازهر جنسی که در گوشت داخل شود при наличии распространенного слова خار).

Трудно сказать какие задачи ставил себе автор при составлении французско-персидского словаря. Во всяком случае, для практических целей словарь мало пригоден, так как не дает нужных эквивалентов для персидских слов и страдает отсутствием фразеологии (ср. напр., слово fer, где не дано эквивален-

[1] Кстати, в этом слове, в значении физического термина, автор не следует тексту Larousse'а и дает неправильную описательную передачу термина: دو جسم هادی برق مثبت که اگر بواسطهٔ یک مفتول آنهارا بهم اتصال دهند هیچ مقدار قوه برق از این‌جسم بان جسم نرود.

тов для fer forgé, fer en barres, fer plat, fer affiné, fer en feuilles, fer carré и пр.)

Приведение большого количества синонимов усложняет пользование словарем. Для примера можно привести слово biscuit, для которого, помимо передачи описательно, даны следующие слова, многие из которых не соответствуют значению французского слова: کلوچه ، کلوچه قندی ، نان دو آتشه ، نان دو الکه ، کماج ، بسکماج ، نان سمنانی ، کاک ، خشکنان ، نان قاقی ، بسکمات ، سوخاری ، نان سوخاری ، نان تخم مرغی ، نان بیسکویت. С другой стороны, ценность словаря Нафиси заключается именно в богатстве синонимики, даваемой автором для некоторых слов.[1] Накопление синонимов, затрудняя пользование словарем, дает интересный, хотя и слишком сырой лексический материал, так как автор при каждом слове приводит повидимому все известные ему слова, приближающиеся по значению к данному французскому слову (ср. напр. глагол faire для которого дано 102 эквивалента, passer — 98 эквивалентов). К сожалению, отсутствие всякой системы в расположении материала, отсутствие условных обозначений и скудость фразеологического материала значительно уменьшают ценность словаря. К недостаткам словаря следует также отнести то, что составитель не указывает среды распространения данного слова (ср., напр., слово bohémien, для которого автор дает много интересных эквивалентов, не отмечая среды и области их распространения).

Как на положительную сторону работы необходимо указать на включение автором в синонимический материал для пояснения некоторых идиомов так называемых эстелаhат'ов, взятых из живой разговорной речи (ср., напр., слова bouder, brasser, filer à l'anglaise). К сожалению, включая эстелаhат'ы, представляющие очень ценный материал для изучения живого разговорного языка Тегерана, составитель не только не указывает среды их распространения, ограничиваясь изредка общим и малоговорящим пояснением با صطلاح عوام, но даже часто не отделяет эстелаhат'ов от помещаемых рядом литературных эквивалентов.

При передаче некоторых слов, в особенности так назыв. «звукоподражательных», не имеющих установившегося начертания, составитель словаря приводит едва ли вызываемый необходимостью длинный перечень слов, различающихся часто только графическим выражением (ср., например, слово cliquetis — طرق وطرق ، طرق طرق ، طرق وطروق ، طرق وطوروق ، درق ودرق ، درق درق ، درق ودروق ، درق ودوروق ، چکاچاک). Представляет интерес передача французских пословиц соответствующими им по значению персидскими пословицами. В общем, словарь Нафиси производит впечатление составленного наспех и недостаточно проработанного методически труда. Автор, прекрасный знаток как литературного, так и живого персидского языка, не использовал всех имевшихся у него возможностей для того, чтобы дать хороший французско-персидский словарь.

3. Англо-персидский словарь Haïm'а существенно отличается от словаря

[1] На значение этого указывает, впрочем, и сам автор в персидском предисловии (стр. 2), где он говорит, что поместил в своем словаре из синонимов все, что было возможно, начиная с произведений персидских поэтов первых шести веков хиджры и кончая «народным языком» (زبان عوام) и что таким образом он заложил фундамент для создания в будущем полного фэрхэнга на научных основаниях.

Saïd'a Naficy. Не ставя себе задачи включения возможно большего количества английских слов, автор ограничивает себя значительно меньшим, по сравнению со словарем Нафиси, словником, но дает для каждого английского слова точный персидский эквивалент, прибегая к описательной передаче значения слова в исключительных случаях.

*

Словарь Haïm'а является, по всем данным, результатом долголетней кропотливой работы. Внимательный просмотр заключающегоя в словаре материала показывает, что автор для включаемых научных терминов подыскивает, по возможности, соответствующие персидские термины. Медицинская, естественно-историческая, физическая и химическая терминология взята автором из соответствующих руководств по указанным дисциплинам, принятым в персидской высшей и средней школе, что я имел возможность проверить путем сличения принятой в этих руководствах терминологии с терминологией, помещенной в словаре Haïm'а. Производственная терминология была, повидимому, установлена составителем путем опроса рабочих и ремесленников. Как на пример можно указать на довольно полно представленную в словаре типографскую производственную терминологию, нигде не зафиксированную до сих пор, насколько мне известно. Haïm в своем словаре избегает большого накопления синонимов, ограничиваясь помещением лишь самых необходимых. Для передачи оттенков значений и идиоматических выражений составитель дает обширный фразеологический материал (ср., глагол to go, для которого дано 48 примеров, глагол to come — 28 примеров, слово day — 20 примеров и т. д.).

Как и в словаре Нафиси, наиболее распространенные английские пословицы переданы персидскими пословицами, близкими по значению.

По точности передачи английских слов и идиомов, обилию фразеологического материала и отсутствию синонимического балласта, англо-персидский словарь Haïm'а является значительным шагом вперед в персидской лексикографии и представляет ценную работу, которая, помимо большого практического значения, дает интересный опыт для дальнейшей работы в области составления обратных персидских словарей.

Р. Галунов.

Сборник персидских четверостиший.

کوهی کرمانی: ترانه های ملی «فهلو یات» (هفتمین رشته انتشارات مجله ادبی نسیم صبا) طهران ۱۳۱۰ стр. 24.

Небольшой сборник четверостиший, собранных персидским поэтом и журналистом Kӯhī Кермāнӣ, является, насколько мне известно, первым опытом издания в Персии образцов устной поэзии.[1] Факт появления в Персии этого сборника, в условиях все еще распространенного в широких кругах персидской интеллигенции пренебрежительного отношения к произведениям устного творчества, которое не раз отмечалось в русской востоковедной литературе,[2]

---

1 Я исключаю небольшой сборник тэснифов Джāhед'á, так как его издание преследовало лишь практическую цель — служить либретто к пластинкам патефона, напетым в Персии. (Год издания не указан. Я пользовался вторым изданием сборника, появившимся приблизительно в 1928 или 1929 г.).

2 Ср. В. А. Жуковский. Образцы персидского народного творчества, П., 1902, стр. II—III; А. А. Ромаскевич Персидские народные четверостишия, 1, ЗВА, т. XXIII, стр. 2 и, наконец, мою статью «Несколько слов о перспективах собирания материалов по фольклору и театру в Персии», ДАН-В, 1929, стр. 307.

следует рассматривать как определенный сдвиг в литературных вкусах персов. В этом отношении представляет большой интерес предпосланное сборнику предисловие, написанное известным поэтом современной Персии и большим знатоком персидской литературы и языка — Малек ош Шоара Баhāр. Отмечая простоту и безыскусственность четверостиший, слагавшихся в горных местностях и долинах Персии, где они бытуют с давних времен, Малек ош Шоара противопоставляет их «городской поэзии», пользующейся большей частью оборотами арабской поэзии и насыщенной тривиальными метафорами и уподоблениями. Предисловие заканчивается призывом последовать примеру Кӯhӣ и собирать в разных местностях Персии всевозможные образцы поэзии, песни и тэснифы и издавать их, благодаря чему может быть удастся сохранить изчезающие чисто персидские слова и эстелāhāт'ы. «Ибо с быстрым движением поездов, постоянным общением жителей пограничных провинций с населением Тегерана, скоро будут оставлены и красивые диалекты и старые чисто персидские слова и эстелāhāт'ы и все будут подражать жителям Тегерана. И если мы теперь же не подумаем об их собирании, то вскоре это окажется неосуществимым» (предисловие Малек ош Шоара, стр. 6).

Четверостишия были записаны Кӯhӣ в Кермане. Всего в сборнике помещено 110 четверостиший из общего числа свыше тысячи собранных им четверостиший. К сборнику приложена газель на бахтиари, принадлежащая перу покойного Хосейн Кули Хана, с переводом ее на персидский язык и газель Кӯhӣ Кермāнӣ. В дальнейшем собиратель предполагает издавать четверостишия отдельными брошюрами в 2 месяца раз.

Относительно небольшое число слов и фонетических особенностей диалекта Кермāнӣ в четверостишиях дает основание предполагать, что четверостишия собирались среди городского населения, находящегося под влиянием стандартного персидского языка.[1]

Варианты ряда четверостиший, вошедших в сборник Кӯhӣ Кермāнӣ, встречаются в собрании А. А. Ромаскевича.[2]

Собранные четверостишия Кӯhӣ Кермāнӣ издал под двумя названиями: ترانه هامی ملی («Народные песни») и فهلويات. Последний термин, принятый, как известно, в персидских историко-литературных сочинениях для обозначения стихотворений на разных диалектах, был предложен издателю Малек ош Шоара, который воспользовался им, следуя Шамс од Дину Мохаммед Кайсу.[3]

Р. Галунов.

Sorab K. H. Katrak. Through Amanullah's Afghanistan. A book of travel. Karachi, 1929, XXXIV + 145 стр., 1 карта и 36 илл.

Рецензируемая книга принадлежит к числу книг, связанных с последними событиями в Афганистане. Вызываемый

---

[1] Диалект Кермāнӣ в значительной степени насыщен собственно керманскими словами. В рукописном словаре диалекта Кермāнӣ, любезно предоставленном в мое распоряжение собравшим эти слова персидским журналистом Деhгāн'ом, насчитывается около 800 слов и идиомов.

[2] Я отмечу некоторые из них: стр. 11 Ромаск. (О. С.) گل‌سرخم چرا ازمن رمیدی и стр. 13 Кӯhӣ دل آروخم چرا از ما رمیدی; стр. 17 Ромаск. и стр. 21 Кӯhӣ ستارهٔ سرزد و ماهم به‌دنبال; стр. 25 Ромаск. и стр. 16 Кӯhӣ ۷۱ دخترکه بابایت دو چشمانت به چشم گدایه; стр. 25 Ромаск. قد و بالات بسرو ناز بازماند и стр. 16 Кӯhӣ بهر آمد ماند стр. 32 II Ромаск. и стр. 7 Кӯhӣ که گلها چیدنی شد и т. д.

[3] См. предисловие Малек ош Шоара, стр. 3.

ею интерес заключается преимущественно в том, что она — одна из немногих книг на английском языке, написанных не в самой Англии, а в Индии и потому несколько отступает от официальной точки зрения представителей британского империализма.

Автор ее крупный коммерсант, посетивший Афганистан по своим торговым делам. Хотя издатель книги и отмечает на обложке, «что каждая страница этой книги отражает усердие впечатлительного туриста, обладающего склонностью к научной работе», откровенно говоря, особой «ученостью» книга отнюдь не отличается и, напротив, показывает, что автор весьма мало знаком с той страной, которую посетил.

Книга снабжена библиографией, содержащей 74 названия книг, совершенно случайно подобранных и ни в какой мере не отражающих обильную литературу об Афганистане. Более того, библиография эта, вероятно, заимствована из каких-нибудь каталогов и т. п. изданий. Доказательством этого может служить следующий замечательный отрывок из нее (стр. XXVIII):

Deny, I. «Idoles de Bamiyan» (Légende Musulmane relative aux), Revue d'ethonographie (sic!) et des traditions popularies (sic!), 5 anne (sic!)
Ders. «The Basin of Helmund Ebenda» (sic!)
Ders. Merve the queen of the world, etc. London. 1881.

Библиограф обогатил количество авторов, писавших об Афганистане новым автором по фамилии Ders, очевидно, не зная, что ders обычное немецкое сокращение для слова «derselbe» — он же, его же, как это всегда пишется в немецких каталогах, чтобы избежать повторения имени автора.

Комбинация «Helmund Ebenda» тоже очень интересна, ибо «ebenda» значит «там же» и по просту указывает на то, что эта статья была напечатана в том же органе, где была помещена и предшествовавшая ей в каталоге работа. Едва ли кто может предположить, что Дени поместил географическое описание бассейна Хельменда на английском языке во французском журнале, посвященном вопросам этнографии. Конечно, знать немецкий язык не для всех обязательно, но посмотреть на книгу или статью, которую помещаешь в «своей» библиографии все-таки желательно, иначе могут возникнуть такие печальные недоразумения, свидетелями которых мы здесь явились.

Итак, о «научности» этой книги лучше не говорить. Что касается живости изложения, то здесь автор на высоте, ибо книга безусловно читается легко, и прочтение ее может быть названо довольно приятным развлечением. Видное место занимают описания всяких трудностей пути, тех «великих лишений», которые бедному путнику, кстати сказать, путешествовавшему со своим поваром, пришлось перенести. Характерно, что восточный буржуа, разыгрывающий из себя европейца, крайне болезненно относится ко всем остаткам феодализма, с которыми ему приходится сталкиваться. Нашего бедного путешественника пугает и необходимость переночевать в кишлаке, и жульнические приемы афганских шоферов, и разбойники, которых он каждую минуту ожидает увидеть на дороге и с которыми ему все же так и не пришлось встретиться. Описывая ночевку в кишлаке на крыше дома, он с ужасом говорит, что «всю ночь мы слышали страшный вой волков» (стр. 33). Как уже было сказано, «научные» достижения книги представляют очень мало интереса. Но зато крайне занятно описание двух столиц: старой — Кабула, и новой — Пагмана. Автор был там как раз в дни «праздника независимости», описанию которого он и уделяет чрезвычайно боль-

шое место. Центральной фигурой этой яркой картины является, конечно, Аманулла-хан, для восхваления которого у автора прямо-таки нехватает слов.

Особенно сильно подчеркивается демократичность бывшего эмира, гуляющего среди толпы без конвоя, «наравне» с прочими гражданами, заходящего в кафе и рестораны и т. д. Очевидно, представитель индийской буржуазии не может удержать своих восторгов при виде человека, выступившего борцом за освобождение афганской буржуазии от британского империализма.

Автору, вероятно, великолепно известно, что английская печать не склонна к такой идеализации эмира, и, тем не менее, он неоднократно высказывает предположение, что уход Амануллы — только временный перерыв в его царствовании и что он, конечно, вернется обратно на престол. Причины падения эмира объясняются шаблонно (105): «Независимая воинственная фанатическая нация с твердой верой в религию, не позволявшая иностранному воспитанию, привычкам и обычаям проникнуть к своему домашнему очагу, не могла перенести вмешательства даже со стороны монарха, когда он захотел подрезать самые корни ее общественной жизни». Едва ли нужно говорить, что эта формулировка ошибочна с начала и до конца, и что важнейшие факторы, а именно, с одной стороны — экономика, а с другой — давление британского империализма, ею не учтены вовсе. Авместе с тем сама же книга дает довольно много материала, который мог бы служить для правильного освещения вопроса. Уже одного описания сказочной роскоши Пагмана, его парков и фонтанов, дворцового строительства и т. п. совершенно достаточно, чтобы понять, что бремени такого расточительства афганское крестьянство, на плечи которого оно ложилось, перенести не могло. Автор описывает депутатов с мест, «восторженно» глядевших на сказочные дворцы эмира. О Бача-и-Саккао автор говорит весьма кратко, титулируя его «мародером» (106) и вообще стараясь сделать из него какого-то людоеда. Представитель буржуазии иначе к нему, конечно, отнестись и не мог.

Таким образом, в общем книга, несмотря на всю свою безграмотность, вопиющую передачу собственных имен, нелепые ошибки вроде надписи «на куфическом языке, который употреблялся до арабского» (74), или ссылки на то, что «многие ученые» считают афганцев евреями, все же кое-что читателю дает. Стоит ознакомиться с нею и в таких главах, как характеристика работы почты, телеграфа, таможни и т. д. при Аманулле, чтобы увидеть, что этим вопросам «афганский преобразователь» уделял очень мало внимания и что царившие в государственных учреждениях злоупотребления весьма ухудшали положение трудящихся страны.

Е. Бертельс.

Scott, George B. Afghan and Pathan. A Sketch. London, 1929, 188 стр. + 1 карта.

Заинтересованные в Афганистане империалистические державы уже давно поняли, что для успешного проведения захватнической политики нужно прежде всего обратить серьезное внимание на племена, населяющие Афганистан, и их взаимоотношения между собой. Еще в 1880 г. врач Беллью, занимавший позднее политический пост в Кабуле выпустил свой довольно обстоятельный обзор афганских племен.[1]. Эта книга

[1] H. H. Bellew. The races of Afghanistan. Calcutta, 1880.

и некоторые другие работы того же Беллью легли в основу компилятивного труда Игнатьева.[1] Понятно, что работы английских политических деятелей, собиравших сведения непосредственно в самой стране, были гораздо полнее и обстоятельнее, чем компиляции царских дипломатов, как известно, особой прозорливостью не отличавшихся. Тем не менее, утверждать, что англичане вопрос этот вполне разрешили или достаточно полно осветили, нельзя. Правда, есть основания думать, что имеющиеся у английской разведки сведения гораздо полнее и что публикуется только то, что считается более или менее безопасным. Во всяком случае, в известных мне печатных работах я исчерпывающего освещения этого вопроса пока не находил. Поэтому для меня было чрезвычайно интересно увидеть новую книгу по тому же весьма актуальному вопросу и к тому же еще книгу, написанную человеком, с 1893 г. работавшим на знаменитой border — индо-афганской границе.

Книга распадается на 11 глав и содержит отделы, посвященные следующим племенам: Хезара, Юсуфзаи, Махманды, Африди, Шинвари, Уракзаи, Вазири, Баталы после 1893 г. и племенам по границе Белуджистана. Как видно из этого списка, охвачены далеко не все племена, автор ограничился исключительно племенами, расселенными вдоль индийской границы, т. е. теми племенами, с которыми ему практически и приходилось все время иметь дело и которые для англичан представляют особый интерес. Первая глава содержит небольшое введение общего характера и сжатый исторический очерк, ничего нового к имеющимся уже в печати сведениям не добавляющий. Падение Амануллы объясняется, как обычно в английской печати, оскорбленным религиозным чувством населения, хотя у автора есть к этому все же и более существенное добавление, а именно, решило вопрос, по его мнению, объявление воинской повинности и соединенное с этим увеличение поземельных и иных налогов. «Крестьяне», говорит он, «которые могли отнестись равнодушно к религиозным вопросам, этими требованиями были доведены до восстания» (стр. 51). Замечание это вполне правильно, но только здесь не упомянут еще один крайне существенный фактор, а именно использование британским империализмом этого недовольства и бешеная агитация. Думаю, что об этом автор мог бы много рассказать поучительного. Впрочем, автор тут же довольно откровенно замечает, что на деле для Британской Индии совершенно неважно, кто в конце концов правит Афганистаном, за исключением, конечно, руссофильского правительства, так как в этом случае «Кабул мог бы стать подходящим центром для интриг и заговоров между большевиками и разнообразными анархистами и недовольными элементами в Индии» (стр. 53). То есть, другими словами, британскому правительству годится только покорный его приказам эмир, что, впрочем, ни для кого не является тайной. К сожалению, главная часть книги — характеристика племен — сильно разочаровывает читателя. Нет ни слова о внутриплеменных отношениях, об экономике племен, порядке избрания джирги, роли ханов и т. п., что представляло бы наибольший интерес.

Вместо этого автор дает, правда, довольно интересные, географические очерки населенных соответствующими племенами районов, сильно подчеркивая стратегические моменты, а затем сообщает историю отношений каждого из

[1] Игнатьев В. И. Краткий очерк племен, населяющих Афганистан. Асхабад, 1895.

этих племен к английскому правительству. Очерки эти весьма драматичны, но несколько монотонны, ибо повсюду мы встречаем все то же: сначала попытки водворения различных political officers и т. д., неизбежно кончающиеся их убийством, затем карательные экспедиции, сопровождающиеся стиранием с лица земли целых деревень, истреблением сотен афганских воинов и наконец, некоторое «замирение», наступающее только тогда, когда племена уже теряют всякую возможность дальнейшего сопротивления. Автор пытается оправдать эту политику, утверждая, что к такому народу только такое отношение и возможно. «Все восточные люди поклоняются сильному человеку», говорит он, «но одно несомненно, эти пограничные племена не хотят быть под властью парламента индийской интеллигенции,[1] составленного исключительно из невоинственных рас в Симле или Дели; они хотят мужчину и предпочтительно **англичанина** (разрядка моя. *Е. Б.*), чтобы он правил ими, и если он будет еще и солдатом по профессии, то тем лучше» (стр. 175). В доказательство этого положения сообщается о племенах на белуджской границе, что... «хотя они были известны пиратством на Инде, грабежом на дорогах, разграблением всех соседей и считались застарелыми разбойниками, но теперь под британским контролем они оседают мирными землепашцами, честными торговцами и стражей на дорогах» (стр. 188).

Конечно, от человека, проводившего чуть ли не сорок лет политику британского империализма трудно ожидать чего-либо другого. Его политические взгляды должны в точности совпадать со взглядами его руководителей. Это, конечно, для нас не оправдывает позицию автора, но делает ее во всяком случае понятной.

Впрочем, ценность этой небольшой книги, конечно, не в убогих политических рассуждениях доблестного воина, главный интерес ее все-таки в том материале, который она дает. Материал этот обработан не достаточно и, как уже было сказано, крайне далек от полноты, но тем не менее, даже и в таком виде он дает довольно много. Терпеливый читатель, который с картой в руках (только не той, которая приложена к книге, так как на ней разобрать ничего невозможно) проштудирует эту работу, безусловно будет вознагражден целым рядом, правда, разбросанных по разным местам, но все же новых сведений. Они не особенно точны, цифровых данных там нет вообще, но точным данным, вероятно, английские власти появиться в печати и не позволили бы. Поэтому, несмотря на неполноту, эту книгу все же можно рекомендовать всем, кто занимается Афганистаном, предупреждая, однако, заранее, что ответа на наиболее важные вопросы они не найдут и здесь и что придется довольствоваться только скудными сведениями.

Е. Бертельс.

Ruydād-i riyāsat-i divān-i ' āliyi hukūmat-i shāhi-yi Afghānistān rāji ' ba muhākama-y i khāinin-i millat va ghaddārān-i mamlakat Muhammad Valīva Mahmūd Sāmī Kābul 1309, стр. 177. (Отчет президиума верховного суда шахского афганского правительства по делу предателей народа и государственных изменников Мухаммеда Вали и Махмуда Сами).

Небольшая книжечка эта представляет необычайный интерес для всякого, кто интересуется последними событиями в Афганистане. Она посвящена изложению закончившегося 7 Зу-л-ка'дэ

[1] Интересно применение термина «the intelligentia».

1348 г. х. (6 апр. 1930) процесса двух самых видных политических деятелей Афганистана эпохи Амануллы-хана — Мух. Вали, заменявшего самого эмира во время его путешествия по Европе, и Мах. Сами, занимавшего ряд крупнейших должностей в афганской армии и военном министерстве.

По окончании трагического эпизода Бача-и Саккао и воцарении Надир-хана ряд виднейших деятелей (mashāhīr) северных районов обратился к Надир-хану с петицией, в которой указывал на преступные деяния указанных лиц, несмотря на свое положение, предавших своего повелителя и содействовавших разложению армии и временным успехам Бача-и Саккао и тем самым нанесших величайший ущерб населению Афганистана.

Просители требовали расследования и привлечения виновных к ответственности. В результате петиции Надир-хан 15 Ша'бана 1348 г. х. (16 янв. 1930 г.) издал декрет, которым предписал подвергнуть подозреваемых лиц почетному аресту и организовать верховный суд из 73 человек, возглавляемый председателем государственного совета Абдалахад-ханом.

Прежде чем приступить к разбору дела суд, ввиду отсутствия прецедентов, сначала составил своего рода проект устава судопроизводства, которым в своих дальнейших действиях и руководился. Проект этот, состоящий из 18 пунктов, весьма интересен, так как он представляет собой первую попытку введения ряда западных процессуальных норм на афганскую почву.

Суд должен был происходить публично, и согласно п. 9 всякий желающий, по получении установленного входного билета, имел право доступа на его заседания. Проект предусматривает даже такие детали, как расстановку столов и стульев для участников процесса и необходимость для всех вызываемых судом лиц отвечать на вопросы суда стоя, а не сидя. Судебная комиссия назначила двух обвинителей — гражданского Мир-Гулам-хана и военного — гунди-мишр (бригадира) Пир Мухаммед-хана и выделила особую следственную комиссию из 5 человек под председательством Хафиз Абдулгаффар-хана.

Следствие было развернуто чрезвычайно широко, было вызвано большое число свидетелей и добыто значительное количество письменных показаний от лиц, прикосновенных к последним событиям и имевших возможность лично наблюдать отношения обвиняемых к Бача-и Саккао.

По окончании следствия обвиняемым было предъявлено письменное обвинение из ряда пунктов, на которые они должны были дать ответ в письменной форме, и только после этого уже началось самое судоговорение. Не останавливаясь на деталях, все обилие которых охватить было бы невозможно, укажу только те основные результаты, к которым пришла комиссия. Относительно М. Вали целым рядом доказательств было установлено, что он, на обязанности которого лежало вести борьбу с Бача-и Саккао, на самом деле находился с ним в полном соглашении, и все его действия клонились к тому, чтобы как можно скорее и прочнее обеспечить ему полную победу над Амануллой.

Взамен оказанных М. Вали услуг Бача-и Сакао обещал после полной победы предоставить ему эмирский престол, но, как известно, обещания не сдержал и короновался сам. Ставя себе такую высокую цель, М. Вали, конечно, прилагал все усилия, чтобы как можно лучше выполнить задачу. Показаниями

было установлено, что неоднократно добровольцы предлагали М. Вали свои услуги по поимке врага правительства, причем у многих из этих добровольцев имелись даже планы, которые безусловно могли привести к желанному для правительства, но нежеланному для М. Вали, исходу. Поэтому М. Вали все такие предложения или оставлял без внимания, или отклонял в самой резкой форме. Наибольшая опасность для планов М. Вали возникла тогда, когда сам Бача-и Саккао, видя безнадежность своих планов, решил сдаться правительству Амануллы.

Сдача его могла одним ударом разрушить честолюбивые замыслы М. Вали, и он, поэтому, вступил с Бача в переговоры и стал всячески отговаривать его, указывая, что словам Амануллы яко бы нельзя верить, что он обещает помилование, но не сдержит своего слова.

Повидимому, у Бача-и Саккао были все-таки очень веские мотивы, принуждавшие его прекратить сопротивление, так как, несмотря на все уговоры М. Вали, он все же попытался добиться обещания помилования его от Амануллы и с этой целью просил его дать подпись на Коране, гарантирующую Бача неприкосновенность при условии добровольной сдачи. В этот опасный момент М. Вали удалось, однако, добиться от Амануллы отказа дать подпись. Пользуясь своим прошлым влиянием, он внушил эмиру, что «повелителю Афганистана не годится заключать соглашение с разбойником, это может умалить его престиж».

Аманулла подписи не дал, вместо него подписался один из его приближенных, а М. Вали объяснил Бача-и Саккао этот отказ Амануллы тем, что «эмир не дает клятвы, чтобы иметь возможность беспрепятственно с тобой расправиться». Так все попытки уладить дело миром были предотвращены, и начались бои, приведшие, как известно, к утрате Амануллой престола. Следственные материалы показывают, что, не будь этого вмешательства со стороны М. Вали, борьба с Бача-и Саккао закончилась бы полной победой эмира. Кроме всего этого М. Вали от времени до времени помогал Бача и припасами и кровом, подарил ему прекраснейшую винтовку, но во время военных действий все же прямой поддержки не оказал.

В своих расчетах, однако, М. Вали ошибся. Бача-и Саккао оценил его заслуги, но вся его благодарность выразилась только в охране самого М. Вали и его имущества при взятии Кабула и некоторых сравнительно незначительных знаках внимания.

Если действия М. Вали только предотвратили мирный исход столкновения, то действия второго обвиняемого М. Сами принесли для Бача-и Саккао гораздо более ощутительные результаты.

Пользуясь своим положением командующего войсками, М. Сами делал все возможное, чтобы разложить армию, уговаривал солдат и офицеров не действовать против Бача и переходить на его сторону, снимая начальников, наступавших слишком энергично, заменяя их заведомо неспособными, доставлял войскам противника снаряжение и боевые припасы, сообщал планы военных действий и, в конце концов, добился своей цели и обеспечил Бача-и Саккао полную победу.

После воцарения Бача, он немедленно принес ему присягу и всеми мерами старался выслужиться у своего нового повелителя. Чрезвычайно характерный инцидент передавали на суде служащие монетного двора. Во время посещения Бача-и Саккао монетного двора бывший при нем М. Сами взял в руки горсть

только что отчеканенных монет и, увидев, что это еще старая чеканка Амануллы, плюнул на них, бросил на землю и начал топтать, приговаривая: «Я плюю на эти языческие монеты, принесите скорее деньги правоверные», т. е. чеканку с именем Бача. Когда принесли золотые новой чеканки, он быстро схватил пригоршню и сказал: «эмир позволит мне взять их на память об этом славном моменте». В трудную минуту М. Сами выручил нового эмира ссудой в размере 2000 англ. фунтов и получил за это в награду на шесть суток воду одного из источников, что дало ему доход в 1 200 000 рупий. Брат Амануллы Инайатулла всегда не любил М. Сами, не доверял ему и однажды даже публично избил. За это М. Сами пытался ему отомстить и уговаривал Бача-и Саккао в тот момент, когда Инайатулла был осажден его войсками во дворце, бомбардировать дворец с аэропланов и тем или убить Инайатуллу или заставить безоговорочно сдаться. Однако, планы эти, как известно, ему в осуществление привести не удалось.

К этому сводятся основные обвинения, выдвинутые обвинителями. Попытки М. Вали и М. Сами оправдаться и изобразить большую часть этих обвинений как простые, ни на чем не основанные слухи, успеха не имели. В ответ на показания свидетелей у обвиняемых никаких возражений кроме молчания не нашлось. В результате суд признал обоих виновными во всех указанных преступлениях. Решение суда было еще раз обстоятельно рассмотрено в трех заседаниях президиума верховного суда, признано правильным и передано самому Надир-хану для определения наказания.

Однако, новый эмир не счел возможным назначить наказание по своему усмотрению и опять созвал всю комиссию, на заседании которой выступил сначала с большой речью, а затем внес свои предложения. М. Сами им было предложено подвергнуть смертной казни, что всей комиссией было принято единогласно. Для М. Вали эмир такого категорического предложения не сделал, предоставив комиссии решить казнить ли его, или только подвергнуть заключению. Во время двукратного голосования голоса членов комиссии разделились, и потому было решено приговорить его к восьмилетнему тюремному заключению. После этого решения эмир закрыл заседание длинной и пышной молитвой о процветании Афганистана.

Решение суда в отношении М. Сами было приведено в исполнение вечером того же дня, т. е. не более чем через несколько часов.

Таково в общих чертах содержание этой интересной книги. Крайне характерна форма изложения. Начинается она с небольшой главы, посвященной чрезвычайно абстрактным рассуждениям на тему «о предательстве и измене» вообще, сильно отдающим средневековыми философскими трактатами. Затем, по обычной традиции литератур Переднего Востока, идет глава о причинах опубликования книги и о методе ее составления. Хотя неоднократно подчеркивается, что книга абсолютно точно отражает весь ход процесса, тем не менее составитель указывает, что все, по его мнению недостаточно существенное, им опущено. Это заставляет читателя отнестись к книге с большой осторожностью, ибо в судебном процессе зачастую достаточно опустить хотя бы и очень незначительную деталь, чтобы вызвать совершенно неправильное представление о сути дела. Далее, конечно,

у читателя нет никаких гарантий, что опущены действительно «несущественные» моменты.

Поэтому решать на основании этой книги вопрос о виновности обвиняемых все же едва ли возможно. Нельзя не признать, что во многих местах при чтении возникает предположение, что книга отражает дело далеко не во всей его полноте.

Совершенно недостаточно освещены мотивы, по которым были совершены все эти преступления. Невольно встает мысль, что одни личные цели, одна корысть едва ли могут все это объяснить. Чувствуется, что здесь большую роль играли еще другие силы, о которых за все время процесса, судя по книге, ничего не говорилось.

Для того, чтобы действовать так, как действовали обвиняемые, нужно было чувствовать под собой почву, иметь возможность на что-то или на кого-то опереться. Неужели М. Вали, как видно из книги, человек, не имевший ни родни, ни связей между феодальными аристократами и именно потому и назначенный заместителем эмира, мог рассчитывать серьезно на престол, опираясь только на неорганизованные силы, которые мог предоставить ему его союзник? Но действия его были бы совершенно понятны, если бы предположить, что у него был гораздо более мощный союзник, обещавший ему свою поддержку, который, однако, использовав его как орудие для своих целей, выбросил его как ненужную тряпку. Ибо не будем забывать, что действия М. Вали были выгодны не только для него и для Бача-и Саккао, но и прежде всего для британского империализма, которому нужно было как можно скорее отделаться от своего врага—«афганского Петра, эмира-большевика». Я думаю, что, по справедливости, на скамью подсудимых между двумя героями процесса нужно было бы посадить и третьего и притом самого главного, истинного врага независимости всех колониальных и полуколониальных стран.

Независимо от чисто политической формы процесса громадный интерес представляет весь ход производства. Необычно своеобразен контраст между попыткой воспроизвести в основных чертах «буржуазное состязание сторон» и отсутствием возможности определить наказание по определенной законом норме. Если в конечном счете воля эмира решает вопрос о наказании, то для чего тогда все эти «буржуазные» гарантии беспристрастности. Создается впечатление, что средневековый афганец надел фрак европейского адвоката, с которым, однако, не сумел как следует справиться.

Как уже было сказано, книга изобилует свидетельскими показаниями, дающими необычайно богатый бытовой материал и содержащими ряд любопытнейших черт современного Афганистана. Если результаты ее и не могут без критики и проверки быть приняты историком современного Афганистана, то зато и без знакомства с нею попросту невозможно было бы нарисовать более или менее полную картину последних событий. Целый ряд моментов получает совершенно новое освещение в связи с теми бесспорными фактами, которые здесь все-таки имеются.

Поэтому, книга для всякого, кто изучает современный Афганистан, представляет интерес.

Е. Бертельс.

Березкин, В. В Гюргенской долине. Очерк туркмено-курдского восстания в 1924—1926 г. с предисловием редколлегии САНИУ и приложением географо-социально-экономического очерка Д. Русинова и 5 схем. ОГИЗ, Сред.-Аз. Отд. (Самарканд), 1931, 79 стр.

Рецензируемая брошюра состоит из трех совершенно самостоятельных и связанных только общностью темы частей: исследования Березкина, очерка Русинова и «марксистского предисловия», долженствующего исправить ошибки обоих авторов; на деле получилось совсем другое — тт. Березкин и Русинов, при знании материала, слабо представляют себе основные категории марксистско-ленинской теории, а авторы предисловия, вооруженные методологически, повидимому, познакомились с фактами только в изложении тт. Березкина и Русинова. Поэтому, несмотря на предисловие, пытающееся вскрыть и исправить основные ошибки Березкина, утверждающего, что «в Персии у власти стоит компрадорская буржуазия», все же, в целом, брошюра оставляет в голове среднего советского читателя (а на него она, повидимому, и рассчитана) сумбурное и совершенно неверное представление о событиях в Гюргенской долине и о движущих силах туркмено-курдского восстания.

Однако, как сырой материал, добытый из различных разбросанных и мало доступных источников — сводок, обзоров, газет и т. п., кропотливая работа т. Березкина несомненно интересна, несмотря на все ошибочные утверждения автора.

Прежде всего вызывает сильное недоумение отправной тезис т. Березкина «Район восстания заселен инородцами: туркменами и курдами (разрядка наша. *В.* и *Р.*). Персы здесь составляют неприметное меньшинство и живут, главным образом, в городах» (стр. 11). Уж если понадобилось зачем-то воскрешать реакционный термин «инородцы», то, как видно из контекста, его следовало бы скорее употребить по отношению к персам, составляющим в этом районе, по словам самого-же автора, «неприметное меньшинство».

Нетрудно понять, почему, однако, в представлении т. Березкина «инородцами» оказалось именно коренное население края — туркмены и курды. Автор находится во власти обычной в таких случаях пан-иранской концепции, по которой и Хорасан и Туркестан являются исконными персидскими областями, лишь впоследствии заселенными «дикими и некультурными» кочевниками. Эта концепция, близкая к аналогичным «славянским» претензиям на Эльбу-Лабу, Кенигсберг-Королевец, Данциг-Гданск и т. д., достаточно характерна для Персии наших дней и вряд ли может быть с пользой для дела положена во главу угла исследования, претендующего на марксистскую марку.

Раз став на этот путь, т. Березкин не может уже с него сойти. Весь вопрос о «переселении» курдов в Хорасан, о вражде между туркменами и курдами рассматривается им сквозь пан-иранскую призму; если верить автору, то «персидское правительство, не имевшее достаточных сил для борьбы с туркменами, решило переселить в Хорасан из западной Персии несколько тысяч курдов, также отличавшихся храбростью»(sic!)(стр. 11) и «роль, которую персидское правительство возложило на курдов, переселенных в Хорасан, сама по себе определила упорную борьбу между туркменами и курдами» (стр. 15).

Совершенно понятно (для т. Березкина, конечно), что раз и туркмены и курды были чем-то таким, что можно простым фирманом шахиншаха переселять из района в район, вызывая между

ними упорную борьбу, заселять ими по усмотрению властей «исконные» персидские земли, то эти «инородцы» в противовес «культурным» владыкам и «законным» владельцам иранских земель должны находиться на крайне низкой ступени экономического и социального развития. Поэтому, хотя автор и вынужден в результате знакомства с материалом признать, что «к началу описываемых событий хозяйство туркмен в основном уже потеряло свой прежний натуральный характер и в известной степени пропиталось капиталистическими отношениями» (стр. 14), что у туркмен «во втором десятилетии XX в. появились высшие признаки (sic!) зарождения нации» (стр. 14), все же в основу исследования положен аксиомальный, по мнению т. Березкина, факт, что курды и туркмены переживали вплоть до последнего времени родовой строй и только, когда «в конце XIX столетия туркмены, занимавшиеся скотоводством, постепенно стали оседать на землю, одновременно с этим в среде туркмен начинают развиваться капиталистические отношения, зарождается торговый капитал» (стр. 13).

Еще резче подчеркивает это Русинов, который прямо пишет: «Процесс разложения родового строя задерживался и ограниченностью запасов богарных земель, в силу чего иомуд не порывал окончательно связи со скотоводством» (стр. 65). То есть выходит, что скотоводство неизбежно является необходимым фактором родового строя и возможно только при этом последнем, и, таким образом, наши скотоводческие совхозы и колхозы тоже представляют образчик родовых взаимоотношений, а в крупных скотоводческих хозяйствах капиталистического мира, скажем в Америке, классовая борьба должна повидимому отсутствовать.

Допустить наличие феодальных отношений у «инородцев»-кочевников ни Березкин, ни Русинов не могут, хотя оба они приводят целый ряд фактов, свидетельствующих именно о феодализме: стоит взглянуть хотя бы на приводимую Русиновым схему уплачиваемых крестьянами налогов (стр. 72—73), чтобы понять, что пережитки родового строя не могли уже играть ведущей роли в этих районах. Стоит, наконец, процитировать место: «увеличивающаяся товарность сельского хозяйства влекла за собой дифференциацию деревни и обезземеливала мелкое крестьянство» (стр. 73) — это, когда речь идет о персах, населяющих этот район, но, конечно, как уже отмечалось выше, к «инородцам» подобные вещи не применимы, и им «по штату» положен родовой строй.

Совершенно понятно поэтому, что, располагая богатейшим фактическим материалом, т. Березкин оказался не в силах дать сколько-нибудь удовлетворительный анализ восстания и ограничился простым указанием на феодальные и капиталистические отношения и противоречия на фоне давно уже переставшего быть актуальным, но всемерно воскрешаемого и раскапываемого исследователем родового строя.

Авторы предисловия, не поняв в изложении Березкина реальных фактов туркмено-курдской действительности, поспешили обвинить его в том, что он говорит о капитализме и феодализме в родовом обществе — «создает свою собственную теорию о капиталистическом развитии туркмен».

«Итак, в туркменском обществе, — по Березкину, — имеется налицо: торговая буржуазия, феодалы и племенные вожди ... Надо ли говорить, что все эти социальные категории воплощаются

в одном лице», с вполне справедливым возмущением восклицают авторы предисловия, и читатель невольно становится втупик: кому верить — фактам ли, говорящим о наличии среди повстанцев феодальных и капиталистических отношений, или «теории», требующей от кочевника неизбежного для последнего, по мнению тт. Березкина и Русинова, родового строя.

Наряду с прочими важными проблемами, ни т. Русинов, ни тем более т. Березкин не дают ответа на причину смертельной вражды между кочевым туркменским и оседлым персидским населением в конкретных условиях Хорасана и Ср. Азии.

Однако, по этому вопросу существуют определенные материалы. Так, напр., в статье Н. Е. Кудрина — «Старый и молодой Иран. О причинах персидской революции» (Русское богатство, 1908, № 1, стр. 62—101) читаем: «Столько веков продолжавшиеся враждебные столкновения персов и туркменов на северо-восточной границе Персии имели, напр., своею главною причиною распределение воды, сбегающей с цепи Даман-и-Куха, воды, которую предприимчивые персы отводили в верхних долинах на свои поля, оставляя таким образом без орошения пастбища кочевников у подножья» (стр. 69).

То же встречаем у П. М. Лессара в «Сборнике материалов по Азии», 1883, VI, 5.

Кроме того следует отметить, что деление туркмен на оседлых и кочевых (чомуры и чарвы) чрезвычайно условно, и характер хозяйствования зависит, как это, напр., видно из материалов известного исследователя К. Боде (О туркменских поколениях, в Записках Русск. геогр. общ-ва, 1842, ч. II, стр. 21), также и от политических условий и даже чисто внешних факторов (эпизоотии, падеж скота, наличие орошаемых земель и т. д.), а не исключительно лишь от степени социально-экономического развития, как изображают наши авторы.

Приложенная в конце брошюры коротенькая библиография доказывает, что авторы недостаточно глубоко проработали свою тему. Приходится надеяться, что актуальный вопрос о персидских туркменах будет в скором будущем подвергнут серьезной, обстоятельной разработке, для которой труды наших авторов послужат ценным фактическим материалом.

О. Вильчевский.
Ф. Ростопчин.

Черняковская, Е. Г. Хорасан и Сеистан. Ботанико-агрономический очерк Восточной Персии. Л., 1931, 271 стр. Отдельн. оттиск из «Трудов по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. XXIII, 1929/1930.

Рассматриваемая работа является отчетом полугодовой экспедиции автора в Восточную Персию в 1925 г.

Е. Г. Черняковская сумела подойти к своей специальной теме достаточно широко: работа включает кроме ботанико-агрономического отдела несколько коротких главок, посвященных географическому и этнографическому описанию изученных районов и, главное, орошению, характеру земледелия и аграрному вопросу в Восточной Персии.

Автор останавливается на истории исследования Хорасана и Сеистана и приводит библиографию общей и специальной литературы на русском и западных языках, а также список важнейших карт Восточной Персии. Имеется карта Восточной Персии и пройденного экспедицией маршрута. В конце книги — список названий растений.

В тексте 57 иллюстраций как по специальным темам, так и по экономике страны, хозяйственному и домашнему быту населения.

Работа Е. Г. Черняковской производит хорошее впечатление и содержит ценный, добросовестно собранный материал, интересный не только для ботаника и агронома, но и для исследователя, работающего по аграрному вопросу в Персии.

Ф. Ростопчин.

Weil, Gotthold. Tatarische Texte. Nach den in der Lautabteilung der Staatsbibliothek befindlichen Originalplatten herausgegeben, übersetzt und erklärt von... Berlin und Leipzig. Walter de Gruyter et C°, 1930, VI+185 SS.

Записи с фонографических валиков сделаны проф. G. Weil'ем стандартной фонетической транскрипцией. В общем они мало чем отличаются от изданных текстов Г. Балинта (Bálint. Gábor Kazáni-tatár nyelvtanulmányok. I. Füzet. Kazáni-tatár Szövegek. Budapest, 1875), проф. Н. Ф. Катанова (Материалы к изучению казан.-татарского наречия. Ч. I. Казань, 1898), проф. Паасонена (H. Paasonen. Tatarische Lieder. Helsingfors, 1901) и др.[1] Но это только в общем. В частности же, это — ценный, новый диалектологический материал: каждая запись здесь строго и многократно проверена и сопровождается соответствующими примечаниями о сказителе: о его национальности (татарин, башкир, мишарь), месте рождения, образовании и пр. И с этой точки зрения, книга эта займет свое место наряду с сочинениями по изучению татарского языка проф. В. А. Богородицкого (напр. «Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении с звуковой системою общерусского языка», Известия Акад. Наук, Петроград, 1919, стр. 873—886; «О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте», Вестник Научн. общ. татароведения, 1928, № 8, стр. 112—122), Г. Шарафа («Палятограммы звуков татарского яз.», там же, 1927, № 7, стр. 65—102; «Сонорная длительность татарских гласных», там же, 1928, № 8, стр. 170—264) и др.[1]

Перехожу к частностям. Форма настоящего времени (Praesens) от глаголов на гласный звук у G. Weil'я изображается с долгим звуком ŷ (т. е. русск. ы) или ī, напр. čäčmīlär (p. 116), ašamŷm (p. 175), сходясь отчасти с В. В. Радловым, у которого в обоих случаях долгое ī (Phonetik, I, p. 70) и с проф. В. А. Богородицким (см. «О корневом вокализме...», стр. 114; ср. Н. Ф. Катанов. «Матер. к изуч. каз.-татарск. нареч.», ч. I, стр. 22). Интересно отметить написание долгих и двугласных:[2] sūüy (p. 24), au̯üyz (p. 76), ašau̯üym (моя еда, p. 82), bilüüim (мое знание, p. 82) и др.; ср. В. А. Богородицкий. «О корневом вокализме...» стр. 115. Предикативное местоимение 2 л. здесь, у Weil'я' пишется — syŋ и siŋ; напр. ašŷsyŋ (ты ешь), bilmīsiŋ (ты не знаешь, p. 81), jüzärsiŋ (ты будешь плавать, p. 172), zaīfsiŋ (ты слаб, p. 14) и др. У проф. Н. Ф. Катанова и H. Paaso-

---

[1] Мои записи с фонографических валиков с текстами на языке желтых уйгуров сделаны приблизительно подобной же транскрипцией. Мое отношение к системам записей см. С. Е. Малов и Ф. А. Фиельструп, «К изучению турецких абаканских наречий». Записки Коллегии востоковедов, 1928, т. III, стр. 289—291.

[1] Ср. N. K. Dmitriev. Tatarisch-mischarische Studien. WZKM, 1931, Bd. 38, H. 1—2.

[2] Более подробно о подобных долгих гласных и дифтонгах я пишу в своей статье «Заметки по кара-калпакскому языку» (печатается в Туркуле).

nen'а преимущественно — syn и sin. Мои наблюдения склоняются к этой последней форме.

Переводы исполнены весьма старательно. Если и отмечены некоторые места в тексте и переводе знаком вопроса, то это действительно сомнительные места.

Из них я укажу: Aq Idilkäï aɫqyn süüy saɫqyn. Die Wolga ist reissend, ihr. Wasser ist kalt (p. 24). G. Weil (p. 28) объясняет, что aɫqyn для него неизвестное слово и переведено им в связи со словом aɫmaq nehmen, greifen. Я думаю, что с равным правом G. Weil мог бы сопоставить это слово с *aɫ* (алтайск., телеутск.), лютый, грозный (см. В. В. Радлов. «Словарь». I, 349; А. В. Анохин. «Материалы по шаманству у алтайцев...» с предисловием С. Е. Малова, см. Сборник МАЭ, т. IV, вып. 2, Ленинград, 1924, стр. 104). В Полном словаре татарского языка Дж. Валидова (Tatar teleneŋ tuɫy süzligi, т. I, вып. 1, 1927, стр. 111) слово aɫqyn поясняется предположительно (под знаком вопроса) через aγym, т. е. течение, причем приводится тот же текст песни, что и у G. Weil'я. Я сопоставляю слово aɫqyn с древне-уйгурским aɫqyγ в значении простор, ширь, свобода (см. A. Le Coq. Türk. Manichaica, III, p. 30, 42 и 43).

Таким образом, вышеприведенную фразу я бы перевел (предположительно): Река Волга (ср. p. 28, Anmerk. № 3) широка и вода ее холодна. В нескольких случаях G. Weil поясняет, что такого-то слова он не нашел в словарях. Мне неизвестно, о каких словарях говорит здесь G. Weil, но, во всяком случае, часть подобных слов в словарях татарского языка имеется. Напр. quɫγan (p. 116 и 126) Graspflanze имеется в татарско-русском словаре М. Курбангалеева, Р. Газизова и И. Кулеева (Казань, 1927 г., стр. 156) с значением ковыль; имеется это слово и в Башкирско-русском словаре (В. Катаринского), Оренбург, 1819, стр. 163; ср. в Словаре В. В. Радлова, т. II, стлб. 780: ость, усы [у колосьев, Acheln (der Aehre)]; в киргизско-русском (по теперешней правильной номенклатуре: в казакско-русском) словаре (Н. И. Ильминского и А. В. Васильева, изд. 2, Оренбург, 1903, стр. 142), quɫγan иглы (древесные), костяные иглы (рыб). Слово täpän (p. 123) Holzschüssel имеется, напр., в Словаре Дж. Валидова (вып. 2, 1929, стр. 681) и в Татарско-русском словаре Курбангалеева, Газизова и Кулеева (стр. 86). На стр. 114 (ср. p. 109) автор (G. Weil) считает ошибочным выражение üč tabany в смысле «ладонь» (пригоршня) и изменяет его в üč tübü. Действительно, более общим выражением для «ладони» является üč tübü в словарях Н. П. Остроумова (Казань, 1892, стр. 222), Л. Будагова (1868, т. I, стр. 115), А. Воскресенского (Казань, 1894, стр. 118). Но, несмотря на все это, и выражение üč tabany является в этом же смысле вполне правильным, см. Словарь В. В. Радлова, т. III, 963: awyč tabany (казанск. нареч.) eine Handvoll и Словарь Курбангалеева, Газизова и Кулеева: üč tabany = üč tübü ладонь (стр. 22).

Несколько сомнительных мест у G. Weil'я остались таковыми же и для меня (pp. 32, 63, 68, 96, 159, 167).

По содержанию все тексты представляют собой: песни (ср. сборники Х. А. Бадигова, Туйкина и др.), рассказы и анекдоты, рассказы этнографического содержания о жизни татар, пословицы и загадки и отдельные слова (парадигмы).

С внешней стороны книга издана весьма тщательно.

Сергей Малов.

Chauvelot, R. En Indochine. Aquarelles de Marius Hubert-Robert. Ouvrage orné de 218 héliogravures. B. Arthaud, Grenoble, 1931, 160 pp.

На эту книгу, собственно, надо было бы написать не одну, а две рецензии, до такой степени в ней не соответствуют друг другу иллюстрации и текст. В отношении внешности книга издана безупречно. Прекрасные акварели известного художника воспроизведены так, что не оставляют желать ничего лучшего и заслуживают специальной рецензии искусствоведа. Кроме этих четырнадцати пейзажей книга щедро украшена фотографическим материалом, который дает возможность составить весьма наглядное представление об изучаемой стране. Эти 218 гелиогравюр иллюстрируют и индокитайский ландшафт и (в меньшей, но достаточной степени) быт города и деревни Индокитая. В этом отношении данная книга очень хорошо дополняет вышедшую незадолго до нее книгу «L'Indochine, ouvrage publié sous la direction de M. Georges Maspero», превышая ее в смысле тщательности издания, и вместе с ней представляет безукоризненный иллюстративный материал к курсам по страноведению французского Индокитая.

К сожалению, не так дело обстоит с текстом, принадлежащим Р. Шовело. Мы могли бы ожидать в этой книге текст не менее серьезный и содержательный, чем иллюстрации, но при чтении досадно поражает то, что это не более чем заметки путешественника-туриста, который хотя и подчеркивает без излишней скромности, что он великолепно знает Индокитай, но знание это оказывается далеко не научным. Автор мог бы быть более последовательным, хотя бы в отношении транскрипции аннамских слов, рассеянных в тексте, неряшливость которой свидетельствует о том, что язык страны автору не известен, и, как это выясняется из дальнейшего чтения, автору не так-то уж важно знать язык этой страны, ибо из всего текста сквозит нежелание автора поближе соприкоснуться с ее обитателями. В тексте появляются то аннамские носильщики паланкина, которые пользуются сном европейца для отдыха, то аннамский грамотей, который досаждает автору невероятно длинной рацеей — как оказывается — одой в честь... автора, которая стоила поэту бессонной ночи. Если таково отношение автора к аннамитам, то оно совершенно противоположно к французской колониальной политике. Изумление, восторг, преклонение — вот те чувства, которые испытывает автор, говоря о ней. Впрочем, это повидимому принятый тон во многих французских работах по Индокитаю: в упомянутой книге «L'Indochine» этот тон взят с первых же строк предисловия: «Из всех мест мира, где Франция простерла свое владычество, нет ни одного, где, как в Индокитае, она проявила сияние того колониального гения, который можно констатировать лишь у французов» (цит. соч., т. I, стр. V). На той же точке зрения стоит и наш автор: так, например, в главе IV, посвященной искусству Индокитая, мы сначала читаем о том восхищении, которое пережил автор при созерцании этого искусства, а затем, высказав свое мнение о том, что в Индокитае прикладное искусство стоит на более высокой ступени, чем монументальное, автор рассказывает о рентабельности и об успехах фирмы Texor (Tapis d'Extrême-Orient), торгующей коврами Индокитая, и кончает главу опять-таки похвалой деятельности французов, сумевших наладить это производство, учредивших художественные школы для аннамских мастеров и, с помощью

французских археологов, давших аннамским мастерам неподражаемые образцы древнего аннамского искусства. Не об аннамитах, а о самом авторе мы можем, например, узнать, что он несколько раз пытался охотиться на крупных животных (тигр и слоны), но по тем или иным причинам охоты не состоялись. Кроме того, в 1 главе, громко озаглавленной «Annam de jadis et d'aujourd'hui», мы можем видеть восторженный отзыв о личности покойного аннамского императора, о том, какую одежду он предпочитал, чем он интересовался и т. д., и после менее восторженных слов о современном его преемнике — автор нам сообщает о великолепии гробниц аннамских императоров и царей. Об Аннаме же прошлом и современном в этой главе — ни слова. Что же побудило автора написать эту книгу? Ответ на этот вопрос, хотя и в замаскированном виде, мы находим в предисловии, где говорится, между прочим, что Аннам — это ценнейшая жемчужина «в колониальной диадеме Франции». Что же составляет ценность этой жемчужины? Оказывается — каучук, породы деревьев, нужные для постройки аэропланов, полезные ископаемые, рис, чай и т. п. Если сопоставить это место с тем, как автор стремится подчеркнуть рентабельность французских предприятий в богатейшей французской колонии, хотя бы на примере фирмы «Texor», то становится совершенно очевидной основная мысль автора. Косвенно она выражена в концовке предисловия: там автор цитирует слова, которые в 1922 г. высказал лорд Норсклифф, в прошлом — директор «Times» и «Daily Mail», о том, как замечательна эта французская колония, как умело Франция управляет ею и как следует Франции дорожить этой страной, и заключает все предисловие двумя строчками, в которых весь смысл этой книги: «Нам следовало бы, конечно, вспомнить (эти слова. Ю. Щ.) и размышлять о них каждый раз, когда к нам прибывает тенденциозная информация через Кантон или через Москву». Текст этой книги не заслуживает изучения, как материал по страноведению, но вся книга — один из выразительных документов современного настроения французского империализма в Индокитае. Под этим углом зрения прочитать ее не бесполезно.

Ю. Щуцкий.

7 XI 1932.

Мао-Дунь. Трилогия: «Разочарование» роман, 1932, Шанхай, изд. «Каймин», 1932 (ц. 45 центов), 134 стр.; «Колебания» роман, 1932 (ц. 70 центов), 238 стр. «В поисках» роман. 1932 (ц. 70 центов), 246 стр. 茅盾。幻滅。動搖。追求。開明書店刊。上海。

Рецензируемая трилогия Мао-Дуня (литературный псевдоним известного китайского писателя Шень Яньбин 沈雁冰) впервые была напечатана в мае 1930 г., и данное издание является четвертым. Этот факт, принимая во внимание вообще малый тираж изданий китайской художественной литературы, следует признать знаменательным, а это, в свою очередь, заставляет внимательно отнестись к книгам Мао-Дуня.

Книги были написаны к 1930 году, но их содержание отражает более ранний период, а именно 1927 год, тот год, когда в Китае происходили события, непосредственно повлиявшие на создание трилогии и выявившие отношение к ним писателя из лагеря мелкой буржуазии.

В этот период временного поражения китайской революции и нарастания новой революционной волны в среде литераторов китайской мелкобуржуазной ин-

теллигенции, примыкавшей к левому Гоминьдану, происходит расслоение: часть малодушно предает революцию и отходит к гоминьдановской реакции, другая же часть связывает свою судьбу с пролетариатом и руководимым им крестьянством.

Классовая борьба этого периода имела свое отражение и в китайской литературе. Революционная часть мелкой буржуазной интеллигенции после ряда боев на литературном фронте, в тяжелых условиях террористического режима Гоминьдана, создает литературную ассоциацию революционных писателей «Левого блока», проводящих идею создания пролетарской, советской литературы. Мелкая буржуазия, пошедшая за Гоминьданом, создает целый ряд реакционных литературных групп, находящихся на субсидии правительства. Обе группы ведут ожесточенную борьбу, причем правая группа получает правительственную поддержку в этой борьбе против левого крыла, против «Левого блока» не только в виде денежных сумм, но и вплоть до физического уничтожения целого ряда писателей из «Левого блока», объявившего о своем вхождении в МОРП, т. е. Международную организацию революционных писателей.[1]

В этой борьбе, вначале, писатель Мао-Дунь оказался в лагере усомнившихся в исходе революции, в лагере «Разочарования», среди тех, кто пошел по линии упадочничества, отразив моральный крах буржуазии и ее страх перед надвигающейся волной аграрной революции в Китае под знаменами советов.

Написанная блестящим языком, обладающая значительными литературными достоинствами, трилогия Мао-Дуня дает яркую картину умирающей китайской буржуазии, разъедаемой феодальными пережитками, наполненной ядом «Колебаний» и фактически бессильной перед громом марширующих легионов освобождающегося колониального Востока, этого «тяжелого резерва» мировой революции.

Однако, как и многие другие представители китайской мелкобуржуазной интеллигенции, он вскоре понял, что есть только два пути, по которым можно итти, или путь революции или дорога контрреволюции. Всякий другой путь приводит в тупик, в лагерь морального разложения, безысходности и толкает в лагерь реакции.

Мао-Дунь решительно порывает со своей мелкобуржуазной психологией, решительно встает на сторону революционного «Левого блока» и начинает работать в качестве секретаря этой левой литературной организации. Но написанные им книги, охватывающие период Уханьского правительства, остаются памятником колебаний левогоминьдановских буржуа перед лицом углубляющейся революции.

Первоначально Мао-Дунь задумал свою трилогию как большой труд, который должен был отразить весь Уханьский период китайской революции, однако, потом, усомнившись в своих силах, он взял лишь частичный эпизод в трех частях; тем не менее и в этом этюде, на материале жизни одного уезда, выплывает микрокосм того, что в больших масштабах мы имели в самом Ханькоу.

Первый роман из трилогии Мао-Дуня — «Разочарование» — «Хуаньме» — по фабуле весьма несложен. Автор дает

---

[1] По поводу расстрела в начале 1931 г. пятерых писателей, своих членов, «Левый блок» выпустил отдельное «Обращение ко всем организациям революционной литературы и культуры, ко всем писателям и мыслителям, работающим для прогресса человечества». В этой декларации «Левый блок» протестует перед всем миром против той реакции, жертвами которой стали пятеро молодых писателей и поэтов, частью расстрелянных, частью закопанных живьем в Шанхае.

типы двух модернизованных китайских девушек. Одна из них — Цзин — идеалистка, полная индивидуальных мелкобуржуазных идей, другая — Хой — циничная, знающая «жизнь» гедонистка.

На противопоставлении этих двух типов завязывается интрига. Некий Бао Су, оказывающийся впоследствии провокатором, сначала увлекается одной, потом другой. Происходит драма, и разочарованная героиня, Цзин, уезжает в Ханькоу принять участие в революционном движении. Работая сестрой милосердия в госпитале, она знакомится с раненым командиром Цян, в уста которого автор вкладывает наивно-геройские высказывания, и все кончается благополучной свадебной поездкой на курорт.

Автор великолепно знает студенческую жизнь, его типы мелкобуржуазной интеллигенции даны с исчерпывающей полнотой.

В основе этого романа, равно и двух остальных, лежат преимущественно психологические, сексуальные переживания персонажей. Общество, политика — для Мао-Дуня только фон, на котором развертывается психологическая игра, причем эта игра в первом романе слаба, наивна и неубедительна, хотя порою и сделана мастерски, с точки зрения стилистической обработки и владения словом.

Мао-Дунь, сам выходец из мелкобуржуазной среды, лучше всего очерчивает знакомые ему мелкобуржуазные типы. Психологии рабочих, крестьян он не ощущает, и в его изображении они только статисты на сцене. В переводе на русский не удается точно изобразить все богатство образов и всю силу изобразительного таланта автора, являющегося, несомненно, наряду с Юй Дафу, Го Можо и Лу Синем, одним из самых крупных современных художников слова в Китае. В качестве примера описательного свойства можно привести следующий отрывок (стр. 61):

«... и картина родного дома тотчас всплыла перед ее усталым взором:

«Рисовые поля, как зеленые одеяла, квадрат за квадратом, расстилаются среди волнистых гор, а на склонах — песчаные осыпи — краснее огня — совсем как поется в деревенской песне:

«Зеленое парчевое одеяло,
Красного атласа покрывало...»

Легкий ветер порывами шлет глухие стуки колес, нагнетающих воду на поля, и ритмичную песнь колосьев. А к вечеру на берегу деревенского ручья пара желтых коров, послушно остановившись, пьет воду, и мальчики-пастухи под большой акацией сражаются в карты — и только когда по домам разошедшийся люд повторно начнет их звать, тогда лишь тащат они коров, лениво возвращаясь домой.... О, милая родина!...»

Наряду с такими акварельными зарисовками, Мао-Дунь дает, едкие подчас, жанровые сценки. Напр., описывая устный экзамен в Ханькоу для желающих попасть в армейский отдел пропаганды, Мао-Дунь пишет (стр. 87—88):

«Сверх ожидания, уполномоченный по устному экзамену оказался молодым человеком не в военном, а в европейском штатском костюме, низкорослый, со слабым голосом. Каждому экзаменующемуся он предлагал с десяток вопросов, и, как бы ему ни отвечали, на его деревянном лице ничего не отражалось и не позволяло догадываться о его мнении.—Вам известно, что за человек Мусалини? (Муссолини в кит. произношении) — спросил этот маленький уполномоченный у одного из экзаменующихся, после общих вопросов о партийном государстве, вдруг взяв тон обычного вопроса.

На бумаге он написал иностранное слово «Мусалини».

— Му-са-ли-ни?... это старый революционер, — колеблясь ответил экзаменующийся.

— Какой национальности? Умерший?

— Он — русский... как будто недавно умер.

— Кто такой Дзиновэйфу? (Зиновьев в китайском произношении) — переменил вопрос экзаменатор, ничего не отрицая.

— Это контрреволюционер, белогвардеец.

Уполномоченный по устному экзамену написал иероглифами «Дзи-но-вэй-фу».

— А... а мне послышалось Семенов... А этот... этот Зиновьев, конечно, англичанин, — совещательным тоном возразил экзаменующийся.

«Аньгэлянь» (китайск. произн. фамилии англич. Aglen, бывш. нач. кит. таможен. с 1910 г.) — снова написал уполномоченный.

— Этот предатель! Этот разбойник! Он инспектор морской таможни в Пекине, — радостно ответил экзаменующийся.

— А может быть он мукденец? — тотчас задал вопрос экзаменатор, и на лице его не дрогнула ни одна жилка.

— Ну, конечно, — согласился экзаменующийся, с сомнением глядя на лицо уполномоченного.

Цзин, не удержавшись, тихонько засмеялась».

Мао-Дунь высмеивает гоминьдановскую систему, высмеивает гоминьдановских «вождей», показывая их мещанское убожество, но, вместе с своей героиней, он протестует против анархического отношения к собственности со стороны всех этих «революционеров», этих мелких бунтующих буржуа с их теориями «свободной любви» и проблемами пола, заслоняющими для них революцию, которую они представляют как орудие для собственных личных целей.

«... На третий день ее службы, один из сослуживцев занял ее зонтик и на другой день не вернул, сказав, что одолжил кому-то еще.

Ей осталось купить новый.

Однажды другая сослуживица, увидев у нее накидку, заявила: «Э, очень красивая накидка. Жаль, что не мне носить». Однако, она все же накинула ее на себя и ушла. Когда же, через четыре-пять дней, она ее возвратила, то накидка на плечах оказалась порванной.

Все эти люди постоянно отдавали свои вещи неизвестно кому и куда, и в свою очередь сами брали чужие. Они к этому привыкли, но чересчур изысканная и вежливая Цзин не привыкала. Любовь была их единственным занятием, за исключением работы. Она постоянно видела, как обнимались сослуживцы, мужчины и женщины, более того — все целовались. Если одинокая женщина не имела мужчины, то ее вина почти приравнивалась к контрреволюции, по меньшей мере, к пережиткам феодальной идеологии... Все это совершенно ей не нравилось, и постепенно у нее родилось отвращение к текущей работе» (стр. 91—92).

В книге «Разочарование» отражено моральное состояние китайской интеллигенции перед лицом развертывающейся революции, неверие в себя, отсутствие почвы под ногами, псевдо-демократические порывы и непонимание реальности происходящего, романтика буржуазных юношей и девушек, в конечном итоге ощущающих только себя, только через призму своего «я» пытающихся осознать окружающее, терпящих крах и в итоге остающихся на пепле своих «разочарований».

Второй роман Мао-Дуня «Колебания» (Дун-яо) является наиболее интересным и значительным из всей трилогии как

по сюжету, так и по диагнозу очерчиваемых в нем событий и типов. Этот роман в убедительной, художественной форме дает картину жизни уездного города в зоне Уханьского левогоминьдановского правительства.

На фоне борьбы двух группировок, одну из которых возглавляет гоминьдановец Фан Лолань, другую же — перекрасившийся в революционера местный джентри Ху Гогуан, происходит личная драма неизменного треугольника: самого Фан Лоланя, его жены и эмансипированной Сунь Уян, работающей в местном женотделе Гоминьдана. Жена Фан Лоланя ревнует своего мужа к Сунь Уян, являющейся повидимому излюбленной женской фигурой в произведениях Мао-Дуня — женщиной сильных страстей, независимой, циничной и расчетливой, в соединении с внешней женской привлекательностью.

Пока длится вся эта «психология», в городе назревают события. Одним из главнейших является экономическая забастовка союза лавочных продавцов, направленная против хозяев.

Мао-Дунь рисует бастующих как какое-то бессознательное сборище, которое используется в своих целях джентри Ху Гогуаном, ловким маневром объявившим себя революционером и ставшим чуть ли не лидером союза с помощью своего приятеля Лу Мою, сынка из знатной фамилии, имеющего связи в местной гоминьдановской верхушке.

По очереди появляющиеся на сцене событий присланные эмиссары Гоминьдана, в качестве правительственной силы, говоруны и позеры, не спасают положения. На рассвете одного из тревожных дней город занимают контрреволюционные отряды, и все гоминьдановцы спешно эвакуируются из города, кроме Ху Гогуана, разумеется, присоединяющегося к реакционным властям.

В заключительной главе, отдыхающие в придорожном храме, после бегства из города, Фан Лолань с женой встречают тоже бежавшую в солдатском мундире Сунь Уян.

Психологическая драма треугольника разрешается сценой, в которой жена Фан Лоланя застает своего мужа в объятиях Сунь Уян.

В этом романе Мао-Дунь показал себя большим художником в смысле зарисовки отдельных персонажей. Такие типы, как перекрасившийся Ху Гогуан, властолюбивый, расчетливый интриган, сластолюбивый, угодливый и мстительный; Фан Лолань, оторванный от массы политикан, нерешительный и в конечном счете трусливый интеллигент, беспочвенный романтик, ставящий личные переживания выше общественного долга; Сунь Уян, с ее богемными настроениями, с ее житейской расчетливостью, властолюбием и беспринципностью; отдельные типы феодальных купцов, резонеров-студентов, напыщенных гоминьдановских деятелей, дворянских сынков, модернизированных студенток-барышень, паникерствующих обывателей, всей этой накипи на теле китайского народа — все они даны меткими импрессионистскими штрихами, во всей своей неприкрашенной уродливой реальности.

Но если Мао-Дунь сумел талантливо зафиксировать персонажи буржуазии, то его попытки дать зарисовку молодежных пикетов, крестьянской обороны, членов союза лавочников — не удались.

Они оказались аморфными, без классовой очерченности, туманными силуэтами статистов.

Давая картину левогоминьдановского лагеря, Мао-Дунь не заметил компартии. Идеи коммунизма для него звучат в опи-

саниях этого периода, как обывательские слухи об «обобществлении имущества», он не знает, не видит и не показывает нам фигуры тех, кто в этот период вел суровую борьбу за идеи советов в самой гуще крестьянской массы, в глубине фабричных кварталов.

В качестве примера некоторых характеристик из данного романа можно привести несколько отрывков.

Стремящийся к власти джентри Ху-Гогуан, сорвавшийся на попытке пройти в члены купеческого союза, меняет тактику и старается приобрести влияние на поддержке масс демагогическим выступлением. Во время забастовки приказчиков компаньон Ху Гогуана пытался вывезти товар из лавки, но был задержан пикетом, и, воспользовавшись случаем, несколько человек из собравшейся толпы попытались овладеть товаром. Мао-Дунь описывает это так (стр. 86—87):

«... стоя на прилавке, он заговорил. Он обругал всех тех хозяев, которые не считаются ни с жизнью приказчиков, ни с общим положением, а думают только о том, чтобы прикрыть торговлю. Он сказал, что сам он, даже если иссякнет его капитал, ни за что не закроет торговлю; при этом он очень легко отмежевался от своего компаньона, заявив, что тот — человек глупый, простак, только и знает, что соблюдает верность хозяевам, а не понимает общего положения; он сказал, что те двое бродяг, которые пытались вызвать конфликт, конечно, действовали по указке контрреволюционеров, наконец, он сказал так же, что три требования, выставленные союзом приказчиков, можно будет тотчас же выполнить в его фирме, при этом он так же счел возможным образовать при его фирме объединенный комитет хозяев и приказчиков, чтобы совместно управлять делом: ради пользы революции он готов пожертвовать всем.

«... Из толпы раздались аплодисменты и чей-то голос крикнул: — Да здравствует революционный хозяин Ху Гогуан!, и множество голосов закричали вслед:

— Да здравствуют революционные хозяева! долой контрреволюционных хозяев!».

Пока разыгрывается эта сцена, рисующая с определенной точки зрения реакцию толпы на демагогию «революционного» джентри, лидер другого лагеря — официально-гоминьдановского занимается тем, что —

«...Фан Лолань бешено впился в ея кроваво-красные губы, — и всякие там контрреволюционеры, пикеты, магазины, воинствующие хозяева, грозящие руки, проклинающие рты — все скрылось бесследно» (стр. 78).

А после разгрома хулиганами «Приюта для освобожденных женщин», изобретенного местным отделом Гоминьдана, тот же олицетворяющий гоминьдановскую власть Фан Лолань начинает раздумывать следующим образом (стр. 218—219):

«Новогодний счет должен быть полностью подведен. Вы отнимали жизнь у других, вы возбуждали ненависть к себе среди других, а теперь сами пожинаете свои плоды. Вы загоняли людей в тупик, и им не оставалось ничего другого, как на смерть драться против вас.

«Ты забыл, что загнанное животное сражается»?

«Словами, „кулак, помещик, джентри“ вы создали бесчисленных новых врагов; вы изгнали помещиков старого образца и заменили новыми под революционным флагом; вы хотели свободы, а в результате опять получили тираннию...» и т. д.

Это саморазоблачение гоминьдановца, плод всего миросозерцания, построенного на песке идеализма, это «разочарование»

человека, который ощущает «колебание» почвы под ногами, весьма показательно, как показательна и вся книга периода разрушения мелкобуржуазных иллюзий. Здесь нет места для более подробных цитат, еще ярче рисующих атмосферу левогоминьдановского режима.

Надо думать, что следовало бы дать в полном русском переводе всю книгу Мао-Дуня, с соответствующим предисловием, как интереснейший документ крушения китайской мелкобуржуазной идеологии в гигантской борьбе классов.

Переходя к последнему тому трилогии Мао-Дуня, к роману «В поисках» — Чжуйцю — надо отметить, что это произведение является наименее интересным из всех трех романов.

Оно очень интересно в качестве материала, характеризующего состояние китайской интеллигенции в период нанкинской реакции, но с художественной стороны, со стороны фабулы, роман «В поисках» длинен, скучен и переполнен резонерскими монологами.

Нет необходимости давать подробное изложение книги, в которой автор воскрешает социально умершие фигуры героев своих первых двух романов, — стоящих не у дел и варящихся в соку своих психологических переживаний; достаточно просто в виде образца процитировать несколько мест, и эти цитаты полностью обрисуют весь тон третьей части трилогии.

«Чжун Шао, ты знаешь, что является болезнью века?» — говорит герой романа Мань Цин, — «не что иное, как страдания fin de siècle. Мы, блуждающая молодежь, тоже страдаем, и составной частью наших страданий является боль от разочарования... Нет ни идей, ни цели, ни направления...» (стр. 5).

«...Мы не имеем возможности работать, мы не годимся быть господами, но мы не умеем быть и разбойниками или бандитами. В это время громадных потрясений, мы равны нулю... Мы даже не можем сами поверить, что мы еще живые люди» (стр. 11).

А Ши Сюнь, другой резонер, замечает:

«... их жизненный путь: в семнадцать лет хотят преобразовывать общество, в двадцать семь, двадцать восемь ведут общество, в тридцать семь, тридцать восемь — идут уже за обществом, а в сорок семь, сорок восемь тянут общество назад» (стр. 22).

На этом фоне глубокой ипохондрии вяло развертывается канва последнего романа трилогии и завершает путь, пройденный писателем Мао-Дунем, лицо которого на этапе временного поражения китайской революции в 1927 г. вполне ясно вырисовывается через все высказывания героев его трилогии, лицо китайского интеллигента, смятого в борьбе классов и не находящего себе ни места, ни выхода.

Заканчивая рецензию, следует признать, что в советской литературе мы имеем чрезвычайно мало переводов современной китайской литературы, а между тем при том огромном интересе к Китаю, который обнаруживает советский читатель, знакомство с переводной китайской литературой вскроет и осветит такие стороны китайской жизни, которые явятся лучшей иллюстрацией к анализу политической ситуации.

Надо надеяться, что на фронт литературных переводов с китайского мы обратим особое внимание, и тогда несомненно произведения Мао-Дуня также войдут в качестве составной части переводных материалов.

Б. Васильев.

По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся

Среди большого количества тангутских текстов, найденных П. К. Козловым в 1908 г. в Хара хото и хранящихся в Азиатском музее Института востоковедения Академии Наук СССР, имеется ряд ксилографов на китайском языке, изданных в Си Ся. Это владение, занимавшее обширную территорию на северо-западе Китая и просуществовавшее как независимое государство около двухсот лет, в культурном отношении находилось в тесной зависимости от Китая. Несмотря на существование национальной письменности, появившейся у тангутов в первой половине XI века,[1] китайский язык

[1] Ни дата изобретения письма, любопытного как попытка создания в сравнительно недавнее время идеографической письменности, ни авторство первого императора Си Ся Цзин цзуна, более известного под именем Юань хао, не могут считаться твердо установленными. Согласно Сун ши (цз. 485, стр. 15 г.) тангутское письмо было изобретено в 1036 г. Юань хао в сотрудничестве с 野利仁榮. Е ли Жэнь юном (ошибочно названным А. И. Ивановым в статье «Из находок П. К. Козлова в Хара хото », Ли Жэнь юном). По поводу этого Н. А. Невский в своем «Очерке истории тангутоведения», ИАН, 1931, стр. 8, отмечает противоречивые показания некоторых китайских источников, называющих автором нового письма 野利遇乞 Е ли Юй ци (см. также работу 張鑑 Чжан Цзяня, 西夏紀事本末 Си Ся цзи ши бэнь мо, цз. 10, стр. 10 г. и известный труд 西夏紀 Си Ся цзи, цз. 6, стр. 10 г.). Вопрос сильно бы упрощался, если бы дело шло об одном и том же лице, как это полагает А. И. Иванов, утверждающий в своей статье о тангутской письменности (Го сюе цзи кань, I, № 4, стр. 682), что Е ли Юй ци имел прозвание Жэнь юн. Последнее, однако, не соответствует действительности, так как китайские исторические сочинения (см. Си Ся цзи, цз. 9, стр. 2 v. и 6 г.) ни в коем случае не отождествляют обоих этих лиц. Несмотря на разногласие китайских источников, можно полагать, что честь изобретения письма принадлежит все-таки Е ли Жэнь юну, поскольку в Сун ши (цз. 486, стр 20 г.) имеется ясное указание, что в 1162 г. ему был пожалован почетный титул 廣惠王 Гуан хуй вана за заслуги, связанные с изобретением тангутской письменности. Данные Ляо ши (цз. 115, стр 5 г.), приписывающие изобретение отцу Ли Юань хао, 趙 Чжао (он же 李 Ли, объяснение чего см. в Си Ся цзи ши бэнь мо, цз. 首, стр. 3 г.) Дэ мину, явно ошибочны.

и письменность оставались в Си Ся в широком употреблении. Вещественным доказательством этого служат не только известные в китайской и европейской литературе стэлы и памятники,[1] но и тангутские монеты XII—XIII вв., имеющие китайские надписи,[2] а главным образом, находящиеся в Азиатском музее ИВ АН многочисленные китайские тексты, изданные в Си Ся.

Повидимому, в некоторые периоды китайская письменность получала даже преобладающее значение, в особенности, судя по китайским источникам, при Си Ся'ском Чун цзуне (1087—1139 г.). Приблизительно к этому времени относится введение культа Конфуция[3] и расцвет конфуцианского образования в Си Ся. По всей стране были открыты школы, где наряду с тангутским языком, обучались классической литературе на китайском языке, а в 1161 г. по образцу Китая была основана академия Хань линь, в которую вошли известные по составлению истории правления Жэнь цзуна, пятого императора Си Ся (1139—1194), 焦景顔. Цзяо Цзин янь и 王僉 Ван Цянь. Из других ученых конфуцианцев этого периода до нас дошли

[1] 道園學古錄 Дао юань сюе гу лу (цз. 4, стр. 20 г. издания Сы бу пун кань), написанный юаньским 虞集 Юй Цзи (Дао юань его «хао»), указывает еще на существование высеченного на камне стихотворения 靈芝歌 Лин чжи гэ, автором которого, согласно Сун ши (цз. 486, стр. 18 v.), был Си Ся-ский император Чун цзун.

[2] Некоторые из них воспроизведены в нумизматической работе 李佐賢 Ли Цзо сяня 古泉匯 Гу цюань хуай, IV, цз. 15, стр. 8 г.—10 г.

[3] Из Сунской истории (цз. 486, стр. 19 г.) известно, что в 1146 г. Конфуцию был присвоен титул 文宣帝 Вэнь сюань ди и учреждены храмовые жертвоприношения по всем главным городам Си Ся.

имена 李元儒 Ли Юань жу, написавшего на основании китайских классических сочинений книгу о музыке в Си Ся[1] и 李師白 Ли Ши бо, оставившего дневник своего путешествия в государство Цзинь, куда он ездил в качестве посла в 1167 г.[2]

Особенной же известностью, в более позднее время, пользовались писавшие на китайском языке тангуты-конфуцианцы 多爾濟 До эр цзи и 高智耀 Гао Чжи яо.[3]

Последний играл видную роль в начале владычества монголов, когда Юаньское правительство начало приглашать на службу ученых конфуцианцев. Одним из первых среди них был Гао Чжи яо.

Из китайских источников мы знаем, что уже во времена Ли Юань хао на тангутский язык были переведены китайские классические книги Сяо цзин и Эр Я.[4] Целый ряд сочинений, переведенных с китайского языка и отождествленных Н. А. Невским, имеется и в самом Азиатском музее Института востоковедения. Среди них можно отметить фрагменты классического сочинения по стратегии Лю тао, перевод Чжэн гуань чжэн яо танского автора У Цзина, комментарии на Лунь юй и др. Широкое распространение китайского языка и образования в Си Ся дает основание предполагать, что помимо переводной классической литературы, там существовала и печаталась оригинальная литература на китайском языке. Наиболее полные сведения об этом могла бы дать государственная история Си Ся, в которой по образцу китайских династийных историй должна была существовать глава, посвященная литературе. К сожалению, история эта утеряна, вероятно, еще во времена завоевания Си Ся монголами.[1]

Многие сочинения тангутских авторов, писавших на китайском языке, должны бы были попасть и в Юань ши, но в ней, как известно, отсутствует отдел литературы. Данные, которые могут быть извлечены из работ ученых, дополнявших этот пробел, как напр, 金門詔 Цзинь Мынь чжао, 錢大昕 Цянь'Да синя и других, хотя и не вполне исчерпывающе, но дают целый ряд названий сочинений тангутских авторов, некоторые из коих существуют и в настоящее время.

В своем 元史藝文志 Юань ши и вэнь чжи (цз. 4, стр. 2 r.) Цянь Да синь[2] называет 周易卜筮斷 Чжоу и бу ши дуань, написанное 斡道沖 Ва Дао чуном. Предисловие к славословию к портрету последнего[3] говорит, что Ва Дао чун был тангутским министром и известным ученым.[4] Кроме упомяну-

---

[1] Книга была закончена в 1148 г. и называлась, согласно китайским источникам 新律 Синь люй (Си Ся цзи, цз. 24, стр. 12 v.).

[2] См. Цзинь ши, цз. 61, стр. 8 v.

[3] Их биографии помещены в Юань ши, цз. 134, стр. 11 v. и цз. 125, стр. 11.

[4] Сун ши, цз. 485, стр. 15 r. называет также книгу под заглавием 四言雜字 Сы янь цза цзы.

[1] О существовании несколько цзюаней государственной истории Си Ся, найденных среди вещей, открытых в Дунь хуане проф. Pelliot, мне известно лишь из указания Си Ся цзи (цз. 6, стр. 10 r.), работы, представляющей собой один из самых важных источников по изучению истории Си Ся. О ней, так же как и о других главнейших китайских трудах, касающихся Си Ся, уже указано в моей заметке, помещенной в Библиографии Востока, 1932 г., № 1.

[2] В связи с интересом, появившимся за последнее время среди тангутоведов к вопросу о происхождении тангутских фамилий, нелишне отметить работу этого же автора, 元史氏族表 Юань ши ши цзу бяо, 3-я цзюань которой касается тангутов.

[3] 西夏相斡公畫像贊 Си Ся сян Ва гун хуа сян цзань. Помещено в Дао юань сюе гу лу (цз. 4, стр. 20 v.—21 r. издания Сы бу цун каня) и в 國朝文類 Го чао вэнь лей, цз. 18, того же издания.

[4] Умер в 1183 г., прозвание 宗聖 Цзун шэн. Обычное употребление тангутами китайских имен служит лишним доказательством культурного

того «Оракула к гаданью по И цзину» им было написано также толкование на Лунь юй, называвшееся 論語小義 Лунь юй сяо и.[1] Из писателей позднейшего периода следует упомянуть 余闕 Юй Цюе, бывшего согласно его жизнеописанию, помещенному в Юань ши (цз. 143, стр. 17 г.—20 v.), тангутом по национальности. Его сочинения существуют и ныне под названием 青陽山房集 Цин ян шань фан цзи.[2] Сы ку цюань шу цзун му (цз. 167, стр. 13) говорит о Сюй Цюе как о крупном поэте и представителе особого, оригинального направления в поэзии. Из других его сочинений можно назвать 易說 И шо в 50 цзюанях[3] и комментарии на классиков о которых говорится в его биографии. Наконец, он же был одним из 23-х составителей Сун ши. В числе остальных лиц, принимавших участие в составлении Сун ши, упоминается имя тангута 斡玉倫徒 Ва Юй лунь ту, известного помимо этого, как поэт и каллиграф-художник. Часть его стихотворений сохранилась до настоящего времени и входит в сборник стихов юаньских поэтов 元詩選 Юань ши сюань. Из ряда других авторов, писавших на китайском языке, можно назвать еще 孟昉 Мын Фана, современника Сюй Цюе, и 張雄飛 Чжан Сюн Фэя, также бывшего по происхождению тангутом.[1]

Исходя из приведенных выше данных, мы можем судить не только о многочисленности литературы, выходившей в Си Ся, но и о широком развитии в нем печатного дела. В последнем нас особенно убеждают ксилографы буддийского содержания из коллекции Азиатского музея ИВ АН.[2] Многие из этих редчайших документов снабжены послесловиями, содержащими ряд цифр и указаний относительно печатавшихся в Си Ся буддийских книг на китайском языке.

Буддийское книгопечатание, находившееся под покровительством Тангутской династии, многие члены которой были ревностными буддистами,[3] было весьма распространено в Си Ся. Первые, вполне определенные исторические данные, касающиеся буддийской литературы в Си Ся, относятся к XI веку. В 佛祖統紀 Фо цзу тун цзи,[4] составленном в XIII в. и заключающем в себе ценный материал по истории китайского буддизма, есть указание, что в 1058-59 г. тангуты, сообщая китайскому императору о постройке монастыря в своей стране, просили прислать им Трипитаку на китайском языке, что и было исполнено. В следующем XII в. буддийская литература печаталась в большом количестве уже самими тангутами. Первое издание всего буддийского канона на тангутском языке было произведено в самом Си Ся.[5] В юаньский период, под

влияния Китая, подтверждая выводы 陳垣 Чэнь Юаня в его работе 元西域人華化考 Юань си юй жэнь Хуа хуа као (Го сюе цзи кань, т. I № 4). См. рецензию на эту богатую материалом работу в 北京大學研究所國學門週刊 Бэй цзин да сюе янь цзю со го сюе мынь чжоу кань, № 6, стр. 9 и сл.

[1] Согласно Цянь Да синю (op. cit. цз. I, стр, 12 г.) в 20 цзюанях. Не об этом ли сочинении говорит А. Иванов в 西夏國書說 Си Ся го шу шо (Го сюе цзи кань, т. I, № 4, стр. 680), называя автора его 王道忠 Ван Дао чжуном?

[2] Входит в серии 盧陽三賢集 Лу ян сань сянь цзи и 乾坤正氣集 Цянь кунь чжэн ци цзи (по каталогу библиотеки Ts'ing Hua College, стр. 1042).

[3] Цянь Да синь, op. cit., цз. I, стр. 5 г.

---

[1] Согласно Чэнь Юаню, Го сюе цзи кань, т. I, № 4, стр. 629.

[2] Часть китайских текстов из этой коллекции была описана проф. Pelliot в его статье по поводу находок в Хара-хото (J. A. 1914, стр. 503—518).

[3] Жена Жэнь цзуна, китаянка по происхождению, была даже монахиней.

[4] Ток. Трипит. XXXV, 9, цз. 45, стр. 107 v. и цз. 52, стр. 138 г.

[5] См. Pelliot, T'oung Pao, XXVI, стр. 135. Подробности о 2-м издании Трипитаки у Ван Го вэя,

руководством 管主八 Гуань чжу ба (Nanjio, app. № 78) было предпринято новое издание, законченное в 1302 г. в Хан чжоу в Чжэ цзяне и состоявшее из 3620 цзюаней. Около тридцати экземпляров Трипитаки было отослано в Гань су.

Центром книгопечатания на тангутском и китайском языках была столица тангутов 興慶 Син цин.[1]

В находящемся в Азиатском музее экземпляре 大方廣佛華嚴經普賢行願品 Да фан гуан фо хуа янь цзин пу сянь син юань пинь[2] имеется колофон, гласящий, что доски для печатания были вырезаны в 1161 г. в монастыре 周家寺 Чжоу цзя сы, находившемся в столице. Каких больших размеров достигало Си Ся'ское книгопечатание, имеющее особое значение, как происходившее на прямом пути поступательного движения книгопечатания из Китая на запад, показывают цифры, заключающиеся в некоторых послесловиях.

Из обета-послесловия жены Жэнь-цзуна по случаю исполнения трех лет со дня его смерти мы узнаем, что для раздачи народу были отпечатаны в количестве 93 000 экз. сутры 轉女身經 Чжуань нюй шэнь цзин, 仁王經 Жэнь ван цзин и 行願經 Син юань цзин;[1] сутра Гуань Ми лэ пу са шан шэн доу шуай тянь цзин была отпечатана в 100 000 экз. Цзин ган цзин (Vajracchedikā prajnāpāramitā sūtra) в 50 000 экз. и, на китайском же языке, Гуань инь цзин[2] в 50 000 экз.

Точная дата появления книгопечатания в Си Ся неизвестна. Повидимому, самый ранний по дате из имеющихся в Азиатском музее тангутских ксилографов на китайском языке относится к 1146 г.,[3] а самым поздним является издание 佛說大乘聖無量壽決定光明王如來陁羅尼經 Фо шо да чэн шен у лян шоу цзюе дин гуан мин ван жу лай то ло ни цзин в переводе Фа тяня (Ток. Трипит. XXVII, 8), колофон которого датирован 皇建元年 (1210 г.). Большинство ксилографов отличается прекрасным исполнением и не

в его Исследовании о старых изданиях, печатавшихся в Чжэ цзяне 兩浙古刊本考 Лян Чжэ гу кань бэнь као., I, стр. 28. (Собрание сочинений, 內編) и в статье Невского и Исихама 西夏語譯大藏經考, помещенной в журнале, издаваемом Буддийским университетом в Киото, 1930.

[1] Иначе называвшаяся 中興 Чжун син. Основана Ли Юань хао на месте прежнего Син чжоу, теперь Нин Ся сянь в Гань су. См. Гань су тун чжи, цз. 3, стр. 6 v.

[2] Ток. Трипит. 1, 6, стр. 74 и сл. Об этом именно произведении говорится в послесловии Жэнь цзуна к Гуань Ми лэ пу са шан шэн доу шуай тянь цзин (Nanjio. № 204), переведенном сперва А. И. Ивановым (Страница из истории Си Ся. ИАН, 1911, стр. 331—336), а затем вторично проф. Chavannes (Tóung Pao, 1911, стр. 441—446). В воспроизведенном А. И. Ивановым китайском тексте послесловия, перечисляющего названия сутр, розданных народу, пропущен знак 經 после слов Цзинь ган, что ввело в заблуждение проф. Chavannes, давшего в своем переводе название несуществующей сутры Kin kang pou hien hing yuan king. На самом деле речь идет именно о названном выше произведении, представляющем собой последнюю главу Buddhāvataṃsaka mahāvaipulya sūtra (Nanjio, № 89). В Азиатском музее есть несколько тангутско-китайских изданий этого текста.

---

[1] Первая из этих сутр (Nanjio, № 237) имеется в коллекции Азиатского музея, вторая соответствует, вероятно, Жэнь ван ху го бо жо по ло ми до цзин (Nanjio, № 965), а сокращенное название последней относится к главе из Buddhāvataṃsaka mahāvaipulya sūtra.

[2] Вероятно это XXV гл. Saddharma puṇḍarīka sūtra, но не исключена возможность, что речь идет о какой-нибудь иной сутре Авалокитешвары.

[3] Это небольшое издание форматом 18.5×8.5 (15×8.5 см.) Saddharma puṇḍarīka sūtra (Nanjio, № 134) с предисловием танского 道宣 Дао сюаня. Налицо главы 1—5, 8—12, 16, 17, 24—28. На полях гравюры длинный титут Жэнь цзуна. В послесловии перечислены имена лиц, руководивших изданием и мастеров, резавших доски. Самая старая из книг, найденных в Хара хото вообще, носит дату 16 мая 1016 г. Этот, один из самых древних ксилографов в мире, привезен в Си Ся из Китая, как установил проф. Pelliot, отождествивший имя лица, на средства которого происходило печатание.

уступает в этом отношении сунским изданиям, считающимся образцами непревзойденного мастерства. Так же как и в сунских изданиях, в колофонах или на полях страниц некоторых ксилографов проставлены имя каллиграфа, писавшего текст, и имена мастеров, резавших его на досках. Часть ксилографов, как сказано, снабжена послесловиями, содержащими обеты в память умерших родственников или ради получения личной заслуги для того, на чьи средства производилось печатание. Типичным из них является следующее послесловие, написанное Жэнь цзуном к вновь переведенной с санскритского языка сутре 聖佛母般若波羅密多心經 Шен фо му бо жо бо ло ми до синь цзин.

...朕覩勝因遂陳誠願尋命蘭山覺行國師沙門德慧重將梵本再譯微言仍集眞空觀門施食儀軌附于卷末連爲一軸於神妣皇太后周忌之辰開板印造番漢共二萬卷散施臣民...

«...Имея в виду высшую причину,[1] я произнес искренний обет и приказал «Постигшему Карму» учителю государства[2] Sramaṇa Дэ хуй из Ланьшаня, вторично перевести непостижимые слова [сутры] с санскритского текста, снова составить правила обряда принесения жертвы согласно учению Yogācāraḥ[3] и присоединить их к концу сутры, образовав одну книгу. К дню годовщины смерти моей покойной матери императрицы начать печатание и изготовить всего 20 000 экземпляров на тангутском и на китайском языках для раздачи народу». Послесловие датировано 1167 г. Данный текст представляет собой совершенно неизвестный перевод и в значительной степени отличается от вошедшего в Токиоскую Трипитаку перевода сунского 施護.[1] Ши ху.

Упомянутому в послесловии Sramaṇa Дэ хуй принадлежит также перевод имеющейся в коллекции Азиатского музея сутры 佛說聖大乘三歸依經 Фо шо шэн да чэн сань гуй и цзин, в современное издание Трипитаки под таким названием не входящий. Экземпляр этой сутры представляет собой свиток, склеенный из четырех листов, и отличается отличной печатью. Колофон с длинным титулом Жэнь цзуна носит дату 1185 г. Среди других оригинальных и переводных буддийских произведений, не вошедших в Трипитаку, следует отметить изданные в одной миниатюрной книжке [2-я половина XII в.] 聖觀自在大悲心總持功能依經 Шэн гуань цзы цзай да бэй синь цзун чи гун нэн и цзин и 勝相頂尊總持功能依經 Шэн сян дин цзунь цзун чи гун нэн и цзин в переводе Śramaṇa 寶源 Бао юань, и неизвестный до сего времени комментарий (рукопись) на Karmavacana, составленный 智冥 Чжи мином из Лань шаня. Последнее название местности обращает на себя внимание, как особенно часто встречающееся место происхождения переводчиков,[2] в связи с чем возникает вопрос о существовавших в Си Ся переводческих школах. Из отдельных указаний китайских источников

---

1 Pradhānahetuḥ.

2 Об этом титуле см. статью Pelliot в Tóung Pao, 1911, стр. 67 и сл.

3 Ср. Фо шо фо му бо жо бо ло ми до да мин гуань сян и и гуй в переводе Ши ху (Ток. Трипит. XXVII, 6).

---

1 Ток. Трипит. X, 9. Кроме него Prajnāpāramitā hṛidaya sūtra переведена Kumārajīva и Сюань цзаном. Последний, в свою очередь, переведен на английский язык Beal'ом в JRAS, 1864—65.

2 Из Лань шаня же был 金剛幡 Цзинь ган чуан (Vajraketu? см. Nanjio, № 1478), переводчик сборника тантрических формул, составленного в Си Ся в 1200 г. и единственного, как кажется, произведения тангутского происхождения, вошедшего в современное издание Трипитаки (XXVII, 14).

известно о существовании в Си Ся школ переводчиков уйгуров. Так, согласно Гань су тун чжи (цз. 23, стр. 13 v.), около тангутской столицы Син цина находился монастырь 高臺寺 Гао тай сы, в котором хранился буддийский канон на китайском языке. В этом монастыре жили уйгуры, занимавшиеся переводом буддийских сочинений. Поблизости от столицы находился и другой монастырь, называвшийся 承天寺 Чэн тянь сы, монахами которого также были уйгуры. Вопрос о роли переводчиков уйгуров в Си Ся и о том, какими текстами, санскритскими или тибетскими, пользовались они при переводе, может быть разрешен путем изучения документов из Хара хото. Помимо помощи, могущей быть оказанной в работе по отождествлению чисто тангутских текстов, китайские ксилографы, изданные тангутами, эти осязательные свидетельства китайской культуры в Си Ся, представляют интерес как ценные, подлинные документы по изучению истории буддизма на северо-западе Китая, и наконец, как материал, проливающий некоторый свет на бытовую сторону жизни самого тангутского народа.[1]

К. Флуг.

Сы бу цун кань, Шанхай, Commercial Press, 2-е изд., 1928 г., 2100 бэней.

Приобретенная Азиатским музеем Института Востоковедения Академии Наук СССР библиотека-серия «Сы бу цун кань» является одним из самых ценных и необходимых для каждой синологической библиотеки изданий подобного типа. Как известно, в Китае издавна существует обыкновение печатать коллекции различного рода сочинений и выпускать их в виде сборников или серий, обычно называемых цун шу. В эти серии, очень разнообразные по объему (число входящих в них сочинений варьирует от 6—7 до нескольких сотен), часто входят редкие тексты, не существующие в отдельном издании. Печатание серий началось с XII века и непрерывно продолжается вплоть до настоящего времени. Первые печатные издания цун шу «Бо чуань сюе хай» и «Жу сюе цзин у» описаны Е Дэ хуй'ем в его «Шу линь цин хуа» (цз. 8, стр. 12 г. и сл.) и Лу Синь юанем в «И гу тан цзи» (цз. 17, стр. 9 г.—11 г.). Wylie в приложении к «Notes on Chinese Literature» приводит оглавление лишь 13 серий, между тем как в китайской библиографической литературе существуют отдельные, большие каталоги цун шу.

Наиболее важный из них «Цун шу цзюй яо» в 60 цз. составлен Ян Шоу цз-ин'ом, известным по опубликованию ряда старых китайских текстов, найденных им в конце XIX века в Японии и воспроизведенных в прекрасном издании «Гу и цун шу» (см. о нем проф. Pelliot, BEFEO, 1902, стр. 315 и сл.). В выпущенном в 1799 г. и переизданном в Шанхае в 1886 г. «Хуй кэ шу му», перечислено оглавление 269 цун шу. Продолжением его является каталог «Сюй хуй кэ шу му», составленный Ло Чжэнь юй'ем в 1914 г. Наиболее важные цун шу перечислены также в известной библиографии Чжан Чжи дуна «Шу му да вэнь».

Выпущенная в 1919 г. шанхайским издательством «Шан у инь шу гуань» (Commercial Press) большая библиотека-серия «Сы бу цун кань» представляет собой собрание репродукций важнейших

[1] В этом отношении особенно интересна гравюра работы местного мастера, приложенная к Strīvivarta vyākaraṇa sūtra издания 1195 г., на которой изображены предметы домашнего обихода, сельскохозяйственные орудия, женские работы и пр.

произведений старой китайской науки и литературы, основным фондом для которого послужила коллекция сунских, юаньских и минских ксилографов и рукописей, хранящихся в принадлежащей издательству библиотеке «Хань фынь лоу».

Вся серия, в которую входит 323 названия (не считая династийных историй), состоит из 2100 книжек форматом 20 × 13 см. Во втором издании, вышедшем в 1928 г., некоторые оригиналы были заменены более древними и к нескольким сочинениям добавлены отсутствовавшие ранее предисловия. Фотолитографический способ точно передает вид оригиналов и гарантирует отсутствие опечаток в тексте. Как указывает самое название серии, вошедшие в нее сочинения расположены по обычным 4 отделам Цзин, ши, цзы, цзи (классики, историки, писатели — неклассики, беллетристы).

При расположении сочинений внутри отделов, в основу была принята классификация «Сы ку цюань шу цзун му». Самый обширный отдел серии — отдел изящной литературы — состоит из собраний сочинений наиболее известных писателей, многие из которых до сих пор отсутствовали в Азиатском музее. С приобретением «Сы бу цун кан'я» китайский фонд Института востоковедения обогатился рядом полных собраний сочинений таких выдающихся писателей, как танские Ло Бинь ван, Ли Шан инь, Лу Гуй мын, сунские Ван Ань ши, Люй Цзу цянь и др. Писатели цинского периода также представлены теперь гораздо полнее собраниями сочинений Лу Вэнь чао, Цянь Да син'я, Сунь Синь ян'я, Ли Э. Из отдельных сочинений следует упомянуть ключевой словарь «Юй пянь» (543 г.) Гу Е ван'а (в редакции Чэнь Пын нян'я), математическое сочинение «Цзю чжан суань шу», исторические хроники обеих Ханьских династий, составленные во II и III—IV вв. и целый ряд других, не менее важных сочинений, не имевшихся раньше в Институте востоковедения. В настоящее время серия «Сы бу цун кань» является совершенно необходимой для библиотеки исследователя-китаиста, как факсимиле недоступных ему редчайших изданий наиболее важных источников. Вот несколько примеров (к сожалению, серия получена далеко не полностью) ценности воспроизводимых в Сы бу цун кане текстов, дающих возможность корректировать обычные издания и часто их дополняющих.

«Кун цун цзы» с комментарием сунского Сун Сян'я (XI в.). Репродукция минского ксилографа, отпечатанного с досок, вырезанных по сунскому экз.; послесловие к второму изданию датировано 1188 г. Кун цун цзы, зарегистрированный в «Сы ку цюань шу цзун му» (цз. 91, стр. 2 v), также как и обычные издания серий «Бо цзы цюань шу» и «Цзы шу бо цзя», состоит из 3 цз., тогда как «Сы бу цун кань» воспроизводит экз. более древней редакции, разделяющей это сочинение на 7 цз., что совпадает с данными Сунской истории (цз. 205, стр. I v.) и сунских каталогов «Чжи чжай шу лу цзе ти» (цз. 9, стр. 6) и «Цзюнь чжай ду шу чжи» (дополнение, цз. 5, стр. 44 v. издания Ван Сянь цян'я). 7-я цз. носит название «Лянь цун цзы» и состоит, главным образом из стихотворных «фу», приписываемых ханьскому Кун Цан'у. В обычных изданиях она отсутствует. 1-я «Глава Сяо эр я», также в современных изданиях выпущенная, существует в настоящее время в отдельном виде в сериях «Шао у Сюй ши цун шу» и «Чжи цзинь чжай цун шу» (П).

«Сюнь цзы», 20 цз. В предисловии, датированном 818 г., комментатор Ян Лян говорит, что им была произведена перемена в редакции текста «Сюнь цзы», причем старое название «Сунь Цин синь шу», изменено на современное. В конце 20-й цз. сохранилось оглавление «Сюнь цзы» ханьской версии, разделявшее текст на 32 гл. (ср. «Хань и вэнь чжи као чжэн», цз. 5, стр. 4 v, Ван Ин линя, и «Цянь Хань шу», цз. 30, стр. 17 г.)

«Цюнь шу чжи яо», — свод выборок из канонических книг, династийных историй и различных писателей (до IV в. н. э.) касающихся конфуцианских принципов управления государством. Составлен в 631 г. Вэй Чжэн'ом и др. Вэй Чжэн (его биография в «Синь Тан шу», цз. 97 стр. 1 г. — 16 г.), известный как автор «Суй шу», в действительности был только редактором «Цюнь шу чжи яо». Фактическим составителем был Сяо Дэ янь, что явствует из его биографии («Синь Тан шу», цз. 198, стр. 17 г.). «Цюнь шу чжи яо» значится в отделе библиографии Танской истории как состоящий из 50 цз. В Сунский период оно было утеряно и долгое время оставалось неизвестным в Китае, но сохранилось в Японии, хотя и в неполном виде (см. этюд Симада Кан в «Гу вэнь цзю шу као» цз. 1, стр. 70 г. — 74 г.) «Сы бу цун кань» воспроизводит экз. японского издания 1787 г. Цзюани 4, 13 и 20 отсутствуют.

«Хоу цунь да цюань цзи», 196 цз. Очень редко встречающееся полное собрание сочинений сунского Лю Кэ чжуан'а (см. его биографию в «Сун ши и», цз. 29, стр. 12 г. — 17 v. Лу Синь юаня). Издание 1720 г. в 16 цз. с 2 цз. дополнения, и издание в 50 цз., зарегистрированное в каталоге Цянь Луна (цз. 163, стр. 5 v), далеко не полны.

Большую часть этого сочинения составляют тексты официальных документов, докладов, меморандумов, стэл и пр., в большой мере дополняющие Сунскую династийную историю.

«Фан янь», 13 цз. — диалектический словарь с комментариями Го По. Хотя авторство Ян Сюн'а, которому приписывается составление «Фан ян'я», является спорным (см. «Сы ку цюань шу цзун му» цз. 40, стр. 2 г. — 3 г. и Academia Sinica, II, 1, стр. 44), тем не менее он составлен во всяком случае в Ханьский период, так как уже с III в. китайские писатели начинают его цитировать. Текст сунского ксилографа «Сы бу цун кан'я» более правилен и дает возможность корректировать обычные издания «Фан ян'я».

В современных изданиях отсутствуют также 2 предисловия, датированные 1200 г.

«Хуа ян го чжи», 12 цз. История Сы чуани и прилегающих к ней местностей (до 348 г.), составленная Чан Цюй'ем. («Цзы» Дао цзян, IV в.). Написанное им «Нань чжун чжи», 1 цз., о котором говорит «Сы ку цюань шу цзун му», цз. 78, стр. 3 г., составляет 4-ю цз. Хуа ян го чжи 3 последних цзюани состоят из собрания биографий 442 уроженцев Сы чуани, дополняющих биографический отдел ханьской истории. 1-е изд. «Хуа ян го чжи» вышло в 1078—1086 г. в Чэн ду фу. Оригиналом для рукописи, воспроизведенной в «Сы бу цун кан'е», послужил экз. 2-го изд., относящийся к 1204 г. В позднейших изданиях «Хуа ян го чжи» («Гу цзинь и ши» и «Хань Вэй цун шу») помимо некоторых изменений в расположении текста и частичных пропусков, целиком пропущены цз. 10 шан и 10 чжун.

«Цзы чжи тун цзянь», 293 цз. Общеизвестный исторический труд Сыма Гу-

ана, обнимающий период от IV в. до н. э. по X в. Основой для современного издания «Цзы чжи тун цзян'я» послужило минское издание с комментариями Ху Сань син'а, доски для которого были вырезаны в Линь хай'е (Чжэ цзян). Сунские издания 1086 и 1133 г. без комментария очень редки (см. каталог «Тянь лу линь лан шу му, сюй бянь, цз. 4, стр. 7 v.).

«Ци минь яо шу», 10 цз. Один из самых древних трактатов по земледелию, садоводству, огородничеству, виноделию и пр., написанный Цзя Сы се, жившим при дин. Хоу Вэй (424—535 г.). Подробный обзор содержания этого сочинения помещен в Bausteine zu einer Geschichte der chinesischen Literatur Hirth'a. Wylie, в отделе «Нун цзя» (Writers on agriculture) совершенно не упоминает об этом важном источнике по изучению истории развития агротехники и всевозможных отраслей сельского хозяйства в Китае. Текст, воспроизводимый в Сы бу цун кане, ничем не отличается от текста Северно-сунского ксилографа, вошедшего репродукцией в изданную Ло Чжэнь юй'ем серию «Цзи ши ань цун шу» и, следовательно, свободен от многочисленных ошибок современных изданий. Так напр., в издании Чун вэнь шу цзюй, 1875 г., на протяжении 7 страниц статьи 45 (цз. 5) имеется около 50 ошибок, пропусков, неверных знаков и кроме того целиком пропущены 2 страницы текста (соответствующие стр. 2 v. и 3 r. издания Сы бу цун каня).

К. Флуг.

Новая работа по тангутоведению. Го-ли Бей-пин Ту-шу-гуань гуань-кань (Bulletin of the National Library of Peiping), т. IV, май — июнь 1930 (выпущено в январе 1932), № 3, 21 стр. иллюстраций на меловой бумаге, XII+404 стр.

Ввиду ограниченности работ по тангутоведению и почти полного отсутствия изданных текстов, нельзя не приветствовать начинание Бейпинской национальной библиотеки, решившей выпустить в своем «Бюллетене» специальный номер, посвященный расшифровке тангутских текстов. Данный номер должен был выйти еще в 1930 г., но трудности, сопряженные с печатанием, затянули его выход в свет на целые полтора года. Наконец, номер был выпущен, главным образом, благодаря стараниям Ло Фу-чэн'а и Ван Цзин-жу. Большинство помещенных в номере работ, за исключением отдельных статей, не оперирующих с тангутскими текстами, изданы литографским способом.

В начале номера помещено 19 страниц снимков, иллюстрирующих содержание:

1. Начальный рисунок из тома IX ксилографа Цы-фэй дао-чан чань (из коллекции Национальной библиотеки).
2. Славословие буддам (с их изображениями) из той же книги.
3. Начало текста той же книги.
4. Начальный рисунок из тома IX ксилографа Suvarnaprabhāsottamarāja-sūtra (из кол. Нац. б.).
5. Начало текста той же книги.
6. Начало XX тома Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā (рукопись Аз. музея Института востоковедения Акад. Наук СССР).
7. Начальный рисунок из тома I Saddharmapuṇḍarīka-sūtra (экземпляр Morisse'а, приобретенный одним из берлинских музеев).

8. Начало предисловия к вышеназванной сутре.

9—11. Три листа полускорописных фрагментов сутры Лю-цзу да-ши фа-бао-тань цзин (из кол. Ло Чжэнь-юй'я).

12. Изображение пяти медных монет с тангутскими идеографами.

Примечание. №№ 2 и 3 на клише по недосмотру перепутаны местами. На большой монете внизу страницы тангутский идеограф, поясняемый Ло Фу-чэн'ом, как знак 流 из сочетания 流 通 и понимаемый им в смысле субститута идеографа 通 тун, на самом деле означает «волны» и читается pâ (ср. кит. 波 бо). На монете он употреблен фонетически для транскрипции китайского 寳 бао «драгоценность». Китайскому идеографу 通 лицевой стороны монеты на реверсе соответствует слово تُونْك tung, написанное арабским шрифтом справа от квадратного отверстия.

13—16. Четыре фотографии с неопределенной сутры (ксилограф), найденной внутри буддийской статуи из Дин-чжоу (из кол. Ло Чжэнь-юй'я).

17. 2 частные тангутские печати и одна казенная.

18. Именная бляха-пропуск служащего в лейб-гвардии.

19. Именная охранная бляха.

Помимо снимков с этих клише, перед первой страницей помещена фотография покойного молодого тангутоведа Ло Фу-чан'а. На оборотной странице этого портрета отпечатана краткая биография преждевременно погибшего ученого, написанная ныне тоже покойным Ван Го-вей'ем. Между 202 и 203 страницами помещено клише фотографии начала X тома «Ratnameghasūtra» (рукопись Инст. востоков. Акад. Наук).

Кроме вышеприведенных клише, исполненных на меловой бумаге, на стр. 210 имеется еще одно клише фотографии начала тома XVII «Buddhabhāṣita-buddhamatṛjāta-tridharmapiṭaka-prajñā-pāramitā-sūtra» (ксилограф Инст. востоковед. Акад. Наук).

Вслед за вышеперенумерованными 19 иллюстрациями помещено «General introduction» (общее введение), состоящее из вводного слова, расшифровки и перевода Дин-чжоу'ской сутры (клише 13—16), попытки расшифровки документов на оборотной стороне фрагментов сутры «Лю-цзу да-ши фа-бао-тань цзин» и различных замечаний и поправок к расшифровкам Ло Фу-чэн'а, Невского и пр.

Надо сказать, что автор «Общего введения» Ван Цзин-жу относит Дин-чжоу'скую сутру к типу Ши-ван-цзин. («Сутра о десяти царях»). Расшифровка страдает массой ошибок, неточностей и пропусков за отсутствием знания тангутских идеографов, поэтому приводимый вслед за расшифровкой перевод на китайский язык, мне кажется, несколько преждевременен. Судя по таким словам, как 明 滿 (стр. X, 4), 善 起 (стр. VIII, 8), 礙 施 (стр. XI, 6) и 菩 提 勇 情 (стр. XII, 1), которые, повидимому, не осознаются автором «Введения» как эквиваленты слов 佛 «будда», 比 丘 «бикшу», 夜 叉 «якша» и 菩 薩 «бодисаттва», но которые являются буквальным переводом тибетских saṅs-rgyas, dge-sloṅ, gnod-sbyin и byaṅ-chub sems-dpaḥ, можно почти с уверенностью сказать, что разбираемая тангутская сутра переведена с тибетского.

Вслед за «вводной» статьей начинаются основные статьи сборника: Ло Фу-чан. «Находки русской экспедиции в Хара-хото». Это краткий список письменных памятников на китайском и тангутском языках, найденных экспедицией Козлова в 1908 г. — Сян Да. «Краткие сведения об экспедиции Stein'а в Хара-хото». — Ло Фу-чан. «Критические заметки к главе о государстве Си-ся в «Сунской истории»,—неоконченная работа покойного тангутоведа, пред-

ставляющая собой сводку исторических материалов, приноровленную к отдельным пунктам вышеназванной главы. — Ло Фу-чан. «Относительно официальных вымениваний трипитаки тангутским государством». — Невский и Исихама. «Некоторые соображения по поводу тангутских переводов буддийской трипитаки. Перевел с японского Чжоу И-лян». Данная статья была помещена мною и проф. Исихама в одном из киотоских журналов в 1930 г.[1] Из нее же разбираемый номер «Бюллетеня» заимствовал фотографии Ratnamegha и Buddhabhṣita-buddhamatṛ-jāta-tridharmapiṭaka-prajñāpāramitā, использованные для клише. — Ло Фу-чэн. «Образец словаря «Гомофоны».[2] Образец расшифровки нескольких страниц из отдела «Губные смычные». — Ло Фу-чэн. Образец словаря «Смешанные категории Моря начертаний».[3] Фань-це, объясняющие произношение, пропущены. — Ло Фу-чэн. Образец словника «Идеографическая смесь».[4] — Ло Фу-чэн. «Тангутская надпись с ворот Цюй-юнгуань».[5] Первая попытка расшифровки всей надписи полностью. — Ло Фу-чэн. «Тангутская надпись Лян-чжоу'ской стэлы (храма Да-юнь-сы)».[6] Первая попытка расшифровки. За данной работой Ло Фу-чэн'а следует послесловие, написанное Янь Кэ-чжун'ом. — Ло Фу-чан. «Расшифровка с попутным переводом на китайский язык начала I тома Buddhāvataṃsaka-mahāvaipulya-sūtra». За расшифровкой следует тангутский текст, отпечатанный специально изготовленными идеографами. — Ло Фу-чан. «Расшифровка (с попутным переводом) предисловия Дао-сюан'я к Saddharmapuṇḍarīka». — Ло Фу-чан. «Расшифровка (с попутным переводом) другого предисловия к той же сутре». — Ло Фу-чэн. «Расшифровка (с попутным переводом) начала тома XXVII Mahāratnakūṭa». — Ло Фу-чэн. «Расшифровка (с попутным переводом) начала I тома Mahāprajñāpāramitā». Тексты для этих двух работ были отправлены мною из Японии в порядке обмена. Оригиналы хранятся в Инст. востоковед. Акад. Наук. — Ло Фу-чэн. «Расшифровка (с поп. пер.) начала X тома Ratnamegha». — Ло Фу-чэн. «Расшифровка (с поп. пер.) начала XVII тома Buddhabhāṣita-buddhamatṛjāta - tridharmapiṭaka - prajñāpāramitā». — Ло Фу-чэн. «Расшифровка (с поп. пер.) фрагмента II тома Kṣitigarbha-boddhi-sattva-pūrvapraṇidhāna-sūtra». **Парижский фрагмент миссии Pelliot, определенный и изданный мною и проф. Исихама в 1927 г.** — Ло Фу-чэн. «Расшифровка (с поп. пер.) фрагмента XVIII тома Amoghapāśakalparāja». — Ло Фу-чэн. «Расшифровка (с поп. пер.) начала II тома Ārya-Mahāpratisara- vidyā-rājñī-sūtra». Текст был послан мною из Японии в порядке обмена. Оригинал хранится в Инст. востоковед. Акад. Наук. — Иванов. «Сутра созерцания наивысшего рождения Майтреи в небесах Тушита». Переиздание (исправленное) Ло Фу-чэн'ом части работы проф. А. И. Иванова.[1] — Ло Фу-чэн. «Расшифровка фрагментов сутры Лю-цзу да-ши фа бао-тань-цзин (клише 9—11). — Ло Фу-чэн. «Расшифровка фрагмента неопределенного буддийского произведения». — Невский. «Расшифровка четырех тангутских фрагментов с тибетской транскрипцией» (из коллек-

[1] Н. А. Невский. Очерк истории тангутоведения, ИОН, 1931, стр. 8, пр. 1.
[2] Там же, стр. 18—19.
[3] Там же, стр. 19.
[4] Там же, стр. 20.
[5] Там же, стр. 9.
[6] Там же, стр. 10.

[1] Там же, стр. 19, пр. I.

ции Инст. востоковед. Акад. Наук.[1] Тексты эти были мною отправлены еще из Японии, и расшифровка их в настоящий момент требует пересмотра. — Невский. «Расшифровка двух коротких рассказов из книги «Лес категорий».[2] — Невский и Исихама. Начало XX книги Aṣtasāhasrikā - prajñāpāramitā - sūtra с критическими замечаниями, китайским и тибетским переводом en regard и приложением оригинального санскритского текста и древнего китайского перевода (клише 6). — Чжоу Шу-цзя. «Каталог тангутских переводов буддийской трипитаки, хранящихся в Национальной бейпинской б-ке, с приложением списка древних китайских изданий буддийского канона». — Ло Фу-чэн. «Поправки и примечания к каталогу Чжоу». — Ло Фу-чэн. «Краткий список тангутских переводов буддийского канона в частных коллекциях».

А. А. Драгунов, Н. А. Невский и Ван Цзин-жу. «Списки тангутских ксилографов и рукописей, хранящихся в Азиатском музее Акад. Наук СССР». — Н. А. Невский. «Очерк истории тангутоведения». Перевод на китайск. язык моей статьи, помещенной в ИОН 1931 г.

В заключение своего описания специального тангутского номера «Бюллетеня» упомяну еще три работы Ван Цзин-жу, которые он любезно прислал мне: 1) «Си-ся „Фань-Хань хо-ши Чжан-чжун-чжу" бу цзи Си-ся минь цзу юй-янь юй Ся-го-ши-ляо» — «Дополнение к тангутскому словарю „Фань-Хань хо-ши Чжан-чжун-чжу" и материалы по истории тангутской народности, языка и государства». Бейпин, 1930. Изд. Национального историко-филологического исследовательского института; 2) «Хэ-си цзы цзан-цзин дяо-бань као». «О ксилографировании буддийского канона тангутскими идеографами». Отд. оттиск из «Тангутских студий» («Си-ся янь-цзю»), изданных в 1930 г. тем же Институтом, и 3) «Си-ся-вэнь Хань-Цзан и-инь шэ лио». «Краткий очерк по сравнительному изучению китайской и тибетской транскрипций тангутских идеографов», 1930 г. Отд. оттиск из второй серии второго тома «Сборников Национального историко-филологического исследовательского института».

Н. Невский.

統計月報 **The Statistical Monthly.** Published by the Directorate of Statistics, Directorate-General of Budget, Accounts and Statistics, National Government of China. — China. Nanking. 1932. Combined Issue for the Months of January and February, [4] + 55 + 17 pp. + анкета на отд. листе. То же: March — April, [2] + 103 + 2pp. То же: May — June, [2] + 86 + 14 + 37 + [2] pp. То же: July — August, [2] + 125 + 6 + + [2] pp.

Научно-исследовательская работа в области экономики Китая наталкивается постоянно на серьезное препятствие — отсутствие достоверных статистических материалов. Китайская статистика, помещаемая в официальных изданиях министерств и департаментов, в большинстве трудно доступна, более же широко распространенные издания не могут удовлетворить научного работника. К тому же китайская статистика, как вообще статистика буржуазных стран, преследующих одну и ту же цель поддержания своего господства над рабочим классом и беднейшим крестьянством, не дает целого ряда данных, раскрывающих социальное содержание политического и хозяйственного процесса.

[1] Невский, назв. соч., стр. 16.
[2] Там же, стр. 21.

Оценка китайской статистики, и с этой стороны, проделана Л. Мадьяром в его работе «Экономика сельского хозяйства в Китае» (стр. 9—37, 2-го издания). Л. Мадьяр, в основном правильно оценив эту статистику, предупредил многих наивных исследователей от слепого ее использования. Некоторая утрировка негодности китайского статистического материала, имеющая место у Л. Мадьяра, была нужна ввиду некритического отношения к ней и чрезмерного ею увлечения. Но эта утрировка, вместе с тем, вселяет ненужный пессимизм, так как Л. Мадьяр, остановив внимание на отрицательных сторонах, не осветил вопроса о возможности использования китайской статистики и о методах, которые необходимо применить при ее использовании.

Подобная же работа — оценки китайской статистики, но уже исключительно с формальной стороны, главным образом области сельскохозяйственной статистики, была проведена Е. Е. Яшновым в работе «Население и крестьянское хозяйство Китая. (Обзор источников)», Харбин, 1928 г. и в его последней работе «Сельское хозяйство Китая в цифрах», опубликованной в №№ 6—7 и 8 «Вестника Манчжурии» 1932.[1] Эти две работы имеют исключительно формальный характер, и многие аргументы в пользу той или иной цифры и материала не всегда достаточно убедительны, но польза, вытекающая из такого рода сводных работ, несомненно большая. Особенное внимание обращает работа «Сельское хозяйство Китая в цифрах», в которой Е. Е. Яшнов поставил задачу суммировать все статистические данные о сельском хозяйстве и дать свои «средние», выведенные из материалов, данные. Можно указать на ряд источников, оставшихся неизвестными автору (в частности — рецензируемый «Статистический ежемесячник»), можно не согласиться со многими положениями автора и признать его аргументацию не убедительной, но высказанная им мысль о возможности и необходимости использования китайской статистики вполне правильна. Безусловно это использование должно включать повышенное критическое отношение к статистическим данным, преследующим в основном фискальные и административные цели.

Кроме работ с оценкой статистических материалов, мы имеем ряд источников, где цифровой материал приводится без всякого обсуждения: общеизвестный справочник «China Year Book», уже вышедший за 1932; официозную книгу «Two Years of Nationalist China»[1] частично дополняющую «China Year Book» в своих довольно обширных, но запоздавших, статистических материалах; издания китайского таможенного управления, вышедшие за последнее время «Foreign Trade of China. 1930» — 2 части изд. 1931 г. и наконец хорошо сделанный и полезный статистический сборник, изданный в 1931 г. National Research Institute of Social Sciences, Academia Sinica: «Statistics of China's Foreign Trade during the Last Sixty-five Years», имеющий параллельно китайский и английский тексты.

В отношении статистических материалов, помещаемых периодически в различных журналах, нужно указать на необходимость использования: «Chinese Economic Journal» и «Chinese Economic

[1] Отдельный оттиск, с некоторыми добавлениями, вышел в 1933 г. под тем же названием (Харбин, 1933, 107 стр. + 1 сводная таблица).

[1] Two Years of Nationalist China. Edited by Min-Ch'ien T. Z. Tyau, Director, Intelligence and Publicity Department Ministry of Foreign Affairs. — Shanghai, Kelly and Walsh, 1930, [14] + 523 pp. + + 97 иллюстр. и схем на отдельных листах.

Bulletin», издаваемых Bureau of Foreign Trade Ministry of Industry в Шанхае; «Finance and Commerce», «Far Eastern Review» и мало известный бюллетень «Nankai Weekly Statistical Service» изд. Nankai Institute of Economics, Nankai University — в Тяньцзине, насчитывающий уже пять лет своего существования.

Из китайских журналов, посвященных специально вопросам статистики, кроме рецензируемого журнала, необходимо указать: 金融統計月報, 物價統計月刊, 上海物價月報, 北平生活費指數月報, 南開統計週報 и большое число официальных журналов министерств и местных административных органов.

Кроме того в ряде китайских журналов периодически помещается интересный статистический материал.

В данном обзоре мы несколько подробнее остановимся на также мало известном у нас в СССР журнале «Statistical Monthly» 統計月報, в котором помещается основной статистический материал и из которого черпают материал многие китайские журналы.

За 1932 г. мы имеем 4 номера этого журнала, выходящего раз в два месяца.

Первый выпуск, вышедший за январь—февраль месяцы, посвящен исключительно сельскохозяйственной статистике и дает материал по двум вопросам, расположенным в четырех статистических таблицах. Эти таблицы, как указывает предисловие к этому выпуску журнала, составлены на основании данных Бюро статистики законодательного департамента за 1929—1931 гг. и Статистического управления Национального правительства за 1931—1932 гг. Некоторые из статистических материалов были уже опубликованы в предыдущих номерах журнала. Данные статистических таблиц не охватывают всего Китая. Явление понятное, если принять во внимание действительное распространение власти «национального» правительства в Китае. Из 28 провинций и 1935 уездов в Китае, существующих в настоящее время, в таблицах представлено 25 провинций с 1781 уездами. Не включены провинции Сикан — 33 уезда, Циньхай — 12 уездов, Гуанси — 93 уезда. Из остальных провинций 10 уездов провинции Сицзян, 4 уезда — Юньнань и по одному уезду провинций Хэйлунцзян и Гуйчжоу также не включены в статистический материал, ввиду непредставления ими сведений.

Первая таблица «Число хозяев и площадь обрабатываемой земли», с разбивкой последних данных на площадь орошаемой и неорошаемой земли, обычного типа,[1] встречаемая и ранее в ряде источников (см. Л. Мадьяр «Экономика сельского хозяйства в Китае», стр. 41), но за 1915 г.

Вторая таблица: «Площадь и продукция важнейших сельскохозяйственных культур» занимает три страницы и дает данные о величине площади (в 1000 му) и размеры продукции (в 1000 цзинь) основных сельскохозяйственных продуктов: риса, пшеницы, ячменя, гаоляна, проса, соевых бобов, сладкого картофеля и других продовольственных и технических культур.

Сравнивая эту таблицу, предварительно унифицировав ее меры, с таблицей, опубликованной в статье O. E. Baker'a «Land utilization in China» в сборнике «Problems of the Pacific», Chicago, 1928, стр. 327—338, на основании которой учениками O. E. Baker'a A. Fleur и E. J. Foscue были составлены

---

[1] Эта же таблица опубликована в № 34, vol. V, Бюллетеня «Nankai Weekly Statistical Service» от 22 августа 1932 г.

картограммы распространения посевов основных сельскохозяйственных культур (см. «Economic Geography», 1927, vol. 3, № 3, pp. 297—308), мы получим данные об уменьшении посевов риса на 5 109 625 акров и об увеличении посевов пшеницы на 13 581 126 акров. Это грубое сравнение заставляет сомневаться в одной из этих таблиц.

Третья таблица (стр. 5—23), развертывая первую таблицу по уездам каждой провинции, дает число всех семейств и семейств, занимающихся сельским хозяйством, и площадь распаханной земли: общее количество отдельно—орошаемой и неорошаемой земли.

Последняя, четвертая, таблица дает площадь и продукцию сельскохозяйственных культур по уездам каждой провинции, данные приводятся в последовательном порядке по значимости данной культуры для провинции.

Эта таблица, наиболее важная для изучения распространения сельскохозяйственных культур на территории Китая, составлена небрежно, напр., в Гиринской провинции не указаны посевы и продукция бобов, занимающих, согласно данным первой таблицы, площадь 21 777 тысяч му, и, следовательно, стоящих на первом месте по площади (просо — 11 974 тыс. му, пшеница 9 332 тыс. му и т. д.). На странице 55 перепутаны названия культур и др. Кроме нескольких крупных недочетов, много заметных мелких ошибок, большею частью не поддающихся исправлению.[1]

Номер оканчивается приложением (стр. 1—17) — сообщением об основных частях плана предполагаемого исследования сельского хозяйства Китая и инструкцией для обследователей с вопросами и анкетой.

Второй и следующие два выпуска журнала имеют весьма разнообразный материал по следующим разделам: население, производство, цены, финансы и торговля, иностранная торговля, общественные финансы и транспорт, с рядом таблиц в каждом из указанных разделов.

Во втором выпуске в разделе «население» даны таблицы: «Изменения населения в главных городах по месяцам» с октября 1929 по февраль (вкл.) 1932 г., по городам: Нанкин, Бейпин, Тяньцзин, Ханькоу, Кантон (до сентября 1930 г.), Ханчжоу и Циндао. Вторая таблица этого же раздела дает статистику причин смерти в больших городах в 1931 г.; 3-я таблица — о перешедших в китайское подданство по роду занятий, возрасту и т. д.; 4-я — население Шанхая (международной концессии) по возрасту.

Второй раздел «Производство» включает одну таблицу: «Продукция предметов промышленности и собранных за них сборов за первые шесть месяцев 1931 года».

Раздел «Цены» состоит из нескольких таблиц, в которых даны индексы цен в основных городах за 1927—1930 гг., по месяцам за 1931 и частично за 1932 г., то же по отдельным городам, по отдельным товарам и т. д.

Раздел «Финансы» дает несколько интересных таблиц: «Сумма выпущенных банкнот отдельными банками», с разделением по месяцам за 1931 и 1932 гг.; цены на серебро; различные таблицы и курсы главным образом Шанхайского фондового рынка.

В разделе «Иностранная торговля» обычная статистика импорта и экспорта за два месяца 1932 г. и сравнительные данные 1931 г. тех же месяцев.

1 Эти таблицы послужили материалом для составления картограмм C. C. Chang в его работе: An Estimate of China's Farms and Crops, Nanking, 1932. Картограммы составлены по продукции культур. Автором настоящего обзора составлены картограммы по площади, занимаемой с.-х. культурами (рукопись).

Раздел «Общественные финансы» заполнен бюджетом национального правительства за период июнь 1931—июнь 1932 г., с очень интересными, не в пользу гоминьдановского правительства, данными. Таблица вторая того же раздела дает существенный материал по данным провинциальных бюджетов за июль—декабрь 1931 г. Структура последних, до сих пор, была известна лишь в общих чертах. Эта статистическая таблица раскрывает многие характерные черты налогового обложения по отдельным провинциям и расходной части провинциального бюджета. Для приходной части бюджета каждой провинции типичны сборы сельскохозяйственного налога, «Разных сборов» и так наз. «Business Tax» с мелкого производителя. В расходной части выпячивается статья на администрацию и военные расходы, в среднем составляющие около половины всех сборов.

Раздел транспорта приводит материал по перевозкам на отдельных железных дорогах по числу пассажиров, тоннажа грузов, выраженных как в количестве единиц, так и в сумме стоимости перевозок.

Третий выпуск этого журнала май—июнь состоит из тех же разделов, что и второй, с некоторыми не бывшими в предыдущем выпуске таблицами. Таблица с данными о провинциальных бюджетах за январь—март 1932 г. дана с большей наглядностью, чем во втором выпуске.

Особое внимание в этом выпуске необходимо уделить двум приложениям, сброшюрованным с тем же выпуском, но с иной пагинацией. Первое приложение составляет указатель законов и постановлений национального правительства, изданных по май месяц 1932 г. Указатель занимает 14 страниц и построен довольно удобно для пользования.

Во втором приложении (37 стр.) дан «Указатель статистических материалов, помещенных в китайских журналах за январь—март 1932 года». Для указателя использован 71 журнал, названия которых приведены вначале с указанием томов, номеров и времени выхода. Весь материал классифицирован по 27 разделам, из которых сельское хозяйство занимает 4 страницы, торговля 7, промышленность 2 и т. д. Статистические материалы относятся не только к Китаю, но и ко всем странам, поскольку они были опубликованы в китайских журналах. Этот индекс раскрывает данные о многих неизвестных нам статистических материалах, почему необходимо признать за ним значительную ценность.

Четвертый выпуск журнала, июль—август, по своему содержанию сходен со вторым и третьим выпусками. Из помещенного в нем материала заслуживает внимания 3-я таблица «Продукции ископаемых в различных провинциях Китая в 1929—31 гг.». Подобного типа таблица за 1927 г., но с указанием стоимости продукции была помещена Т. Ф. Хоу в его работе «Чжунго гуанъе цзияо», вышедшей в 1929 г. (таблицы XX и XXI). Таким образом, данные выпуска дополняют данные Хоу, к сожалению, пропуская 1928 г.

В этом же номере имеется отсутствующий в предыдущих выпусках раздел международной статистики, занимающий значительное число страниц (104—125) выпуска.

На внутренней стороне обложки каждого выпуска помещены картограммы или схемы, напр. в первом выпуске, неважно отпечатанная картограмма населения; во втором — картограмма внеш-

ней торговли; в третьем и четвертом — схемы шоссейных дорог в Шэньси и Хубей.

На 3 и 4 страницах обложки каждого номера даны наиболее важные статистические данные о Китае.

Журнал в основных таблицах имеет, параллельно китайскому, английский текст; исключение составляют приложения, даваемые только на китайском языке. Английский текст в журнале, несомненно, расширяет возможности его использования для незнакомых с китайским языком.

Этот небольшой обзор содержания журнала показывает его значительную ценность для научно-исследовательской работы, хотя в большинстве помещаемых материалов журнал выполняет заказы гоминьдановского правительства и не раскрывает очень многих существенных сторон экономической и политической жизни Китая, невыгодных для Гоминьдана. Поэтому вдумчивое и сугубо критическое отношение при его использовании необходимо рекомендовать каждому, работающему над этим журналом.

П. Скачков.

Март 1933 г.

Япония. Статья в «Большой советской энциклопедии», т. 65 (1931).

«Экономический очерк Японии» т. Зимана, помещенный в 65-м томе Большой советской энциклопедии, дает чрезвычайно обстоятельный анализ структуры японского капитализма, и схему его развития в основном рисует правильно.

Но вместе с тем в ряде вопросов т. Зиман дает неверные установки, дезориентирующие читателя и препятствующие правильному пониманию сложных социально-экономических процессов, происходящих в современной Японии.

К числу таких вопросов в первую очередь относится аграрный вопрос. Обрисовка аграрных отношений в японской экономике в трактовке т. Зимана страдает целым рядом существенных недостатков, идущих в основном по линии недооценки роли и значения феодальных пережитков в экономике современной Японии.

Если в своем очерке «Общая характеристика развития японского капитализма» т. Зиман и говорит, что «развитие капитализма в сельском хозяйстве Японии пошло не по американскому или прусскому, а по своеобразному пути, наиболее близко подходящему к пути аграрного развития в колониях» (стр. 573), то он совершенно не вскрывает этого своеобразия. Тов. Зиман ограничивается указанием на то, что «мелкое крестьянство, лишившись большинства прежних источников дохода (отмирание мелкой сельской промышленности, отмирание одних отраслей сельского хозяйства, напр. хлопководства, и переход других в крупные капиталистические хозяйства), сосредоточило почти весь свой труд на двух высокотоварных отраслях — рисосеянии и шелководстве, и таким образом оказалось полностью подчиненным рынку и тем, кто на нем господствует» (стр. 573).

Но разве это в какой-либо мере исчерпывает картину «феодально-колониальной» эксплоатации широких масс японского крестьянства? Разве это не позволяет прямо делать неправильный вывод о господстве капиталистических отношений в японской деревне? Это впечатление усугубляется тем обстоятельством, что т. Зиман нигде не говорит о том, что с первых шагов развития японского капитализма одной из серьезнейших помех этому развитию явилась совершенно недостаточная емкость внутреннего рынка, благодаря господству

докапиталистических, феодальных форм эксплоатации японского крестьянства. Т. Зиман на стр. 575 ссылается лишь на то, что лишь теперь, когда рост числа занятых рабочих приостановился, то «в сочетании с обнищанием крестьянства это означает серьезное сокращение внутреннего рынка». Таким образом, затушевывается одна из важных особенностей японского капитализма — постоянная (а не только создавшаяся за последнее время) зависимость от внешнего рынка, стимулирующая грабительскую политику военных авантюр с первых дней существования пореформенной Японии.

Что эта ошибка у т. Зимана отнюдь не случайна, — явствует и из его утверждения о том, что «Капиталистическая перестройка как всего народного хозяйства, так в частности и сельского хозяйства привели к высокой пролетаризации населения Японии» (стр. 578).

Повидимому т. Зиман не отдает себе отчета в том, что революция Мэйдзи и все последующее развитие не привели к капиталистической перестройке в японской деревне. Упоминая о том, что в 1925 г. около половины всего населения Японии было занято в сельском хозяйстве, т. Зиман говорит «в этом отношении Япония стоит позади даже Франции» (стр. 578; разрядка наша. *И. Ц.*). Но ведь во Франции как-раз деревня свободна от феодальных пережитков и самое хозяйство построено на чисто капиталистической основе.

В своем очерке «Аграрные отношения» т. Зиман совершенно ошибочно противопоставляет класс землевладельцев-помещиков родовому дворянству в дореволюционной Японии; в то время как история дает многочисленные примеры взаимопроникновения этих двух категорий, вырастания помещиков из феодалов, т. Зиман, переоценивая капиталистический характер помещичьего землевладения в Японии, считает, что феодал и помещик — это совершенно разные вещи. Поэтому он в очерке об аграрных отношениях лишь вскользь замечает, что в Японии «преобладает мелкая докапиталистическая аренда, большей частью краткосрочная (на 1 год), хотя арендный договор сплошь и рядом возобновляется из года в год».

Между тем как прямое приведение того бесчисленного количества чисто феодальных форм аренд (различные виды издольщины, местами даже отработочная рента), которое реально существует в японской деревне, ясно показало бы, какое значение имеют феодальные остатки в японской экономике, и почему именно стратегический удар японской коммунистической партии должен быть направлен в первую очередь против военно-полицейской монархии и против помещичьего землевладения — за разрешение задач буржуазно-демократической революции.

Недооценка этого момента у т. Зимана сопровождается недостаточно отчетливым пониманием специфики самого японского империализма. Т. Зиман говорит, что «природа японского империализма в основном такова же, как и всякого иного» (стр. 577)... «дополнительные стимулы, усиливающие империалистическую агрессивность и милитаризм создаются интересами военно-феодальной клики, пользующейся большим влиянием при бюрократической монархии» (там же).

Между тем Ленин, совершенно недвусмысленно говоря о Японии и о царской России, подчеркивал специфический характер империализма этих стран, указывая на «военно-феодальные» их

особенности. В статье «Империализм и раскол социализма» Ленин писал: «В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и проч. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала» (разрядка наша. *И. Ц.*).

Следовательно, речь должна итти не только об определенном «влиянии» военно-феодальной клики на монархию. Для правильного понимания существа японского империализма необходимо ясное представление о соотношении сил японских капиталистов («новейшего финансового капитала»), японских помещиков полуфеодального типа и военно-полицейской бюрократической монархии, взаимно поддерживающих друг друга, дающих картину определенного взаимного переплетения, но отнюдь не сводящегося к полному подчинению какой-либо одной из этих категорий двух остальных.

Следующий вопрос, в разрешении которого т. Зиман допускает серьезную ошибку — это вопрос о госкапитализме. Правильно констатируя значительный удельный вес собственно государственных капиталовложений в различных отраслях японского народного хозяйства, т. Зиман говорит следующее: «Государство в Японии в настоящее время концентрирует в своих руках повидимому не менее четверти всего национального дохода (...До такого высокого уровня развития государственного капитализма еще не дошла ни одна крупная капиталистическая страна)» (стр. 600, разрядка наша. *И. Ц.*).

Таким образом, повидимому, т. Зиман считает государственный капитализм продуктом развития всех крупных капиталистических стран на определенном этапе и, следовательно, наличие элементов государственного капитализма рисуется ему высоким уровнем развития капитализма вообще. Нечего говорить, что подобное представление способствует распространению неверного взгляда на существо современной Японии.

Ряд мелких ошибок т. Зимана (как, напр., утверждение о том, что во всех японских предприятиях запрещено применение ночного труда) не обесценивают работы, но тем более подчеркивают необходимость устранения отмеченных нами коренных недостатков, препятствующих распространению правильного представления о современной Японии.

И. Цейтлин.

АННОТАЦИИ НА КНИГИ

Read, Margaret. The indian peasant uprooted. A study of the human machine. London, 1931, XIV+256.

Книга представляет собой ряд очерков о положении рабочих и пытается осветить те причины, которые вынуждают крестьян сменять нищую деревню на городские трущобы.

В качестве материала использованы показания и цифровые данные королевской Комиссии по труду в Индии (комиссия Уитли, назначенная в 1929 г. и сдавшая свой доклад в 1931 г.). В задачу комиссии входило исследовать «существующие условия труда на промышленных предприятиях и плантациях Британской Индии, здоровье, производительность труда, жизненный уровень рабочих и отношения между предпринимателями и наемным трудом».

Комиссия состояла из предпринимателей и крупных чиновников. Подлинных представителей труда, рабочих,— в ней не было. Бойкот комиссии рабочими масссами показал отношение рабочего класса к ее работе.

Автор, чтобы преподнести результаты обследования более широкому кругу читателей, персонифицирует показания официальных «Синих книг», выводя рабочих и работниц, которых комиссии приходилось опрашивать во время своей работы. Обстоятельства, в которых описываются эти лица, взяты как из самого доклада, так и из собственного опыта автора, жившего в Индии.

Книга снабжена предисловием председателя королевской Комиссии по труду Дж. Г. Уитли.

Dutt, Nripendra Kumar. Origin and growth of caste in India. Volume I (B.C. 2000—300). London. 1931, XII+310.

Автор ставит перед собой задачу дать систематическую и обширную историю касты и кастовых законов, прослеживая последовательные стадии ее развития с ведических времен по новейшее время. В первом томе охватывается период по 300 г. до н. э. (вся работа трехтомна, подготовляются т. II, 300 г. до н. э. — 1200 г. н. э., и т. III, 1200 г. — 1900 г. н. э.), к каковому времени, по автору, кастовые правила приняли в главных чертах ту форму, которая существует в настоящее время, но еще не подверглись влиянию буддизма и не сталкивались с идеями, принесенными извне в эпоху Маурья и позже. Автор — профессор истории в Хугли-колледже в Бенгалии.

Royal Commission on Labour in India. Report of the Royal Commission on Labour in India. London, 1931, XVIII+580.

Доклад королевской комисси по труду в Индии, назначенной великобританским правительством совместно с правительством Индии в мае 1929 г. Целью комиссии было: «исследовать и представить доклад о существующих условиях труда на промышленных предприятиях и плантациях Британской Индии; о состоянии здоровья, производительности и жизненном уровне рабочих и о взаимоотношениях между предпринимателями и рабочими. Внести предложения». Комиссия работала под председательством Дж. Г. Уитли.

Доклад представляет большой интерес как по свежести данных, так и по охвату проблем индийского труда.

Chablani, H. L. Studies in indian currency and exchange. Bombay, 1931, VII+264.

Второе пересмотренное и дополненное издание книги Indian currency and exchange, p. II (1925) профессора Делийского университета Г, Л. Чаблани. В книге разбираются вопросы индийского денежного обращения, подвергающиеся за последнее время горячему обсуждению. Работа ценна не только для экономистов, но интересна и для более широкого круга читателей.

Meston, Lord. Nationhood for India. London, 1931, pp. 112.

Книга представляет переработанные лекции, прочитанные автором в Институте политики (Уильямстаун, США) в 1930 г. и посвящена вопросам о происхождении и истории индуизма, характеристике индуизма как национальной силы, национализму и политическому будущему Индии (федеративные государства Индии) в представлении британского консерватора, бывшего губернатора Соединенных провинций.

Касаясь индийской конституции, лорд Местон выражает обычное империалистическое мнение о том, что Индии еще слаба и не доросла до того, чтобы получить сейчас обещанное самоуправление. «Только путем долгого и терпеливого сотрудничества британцев может быть преодолена слабость Индии, и конфликт между цивилизациями превращен в человеческую гармонию», пишет автор в одной из глав. В заключение приведены краткие итоги первой конференции Круглого Стола.

Бескровный.

Actes du XVIII-me Congrès International des orientalistes. Leide, 7—12 Septembre 1931. — Leiden, Brill (1932), VI + 276.

18-й конгресс ориенталистов состоялся в Лейдене 7—12 сент. 1931 г. под председательством Snouck Hurgronje. Участвовало 574 члена, среди них немало ученых из стран Востока, как Таха Хусейн (Каир), Dikshitar (Мадрас), Genchi Kato (Токио), М. Таймур (Каир) и др. Из советских ученых в списке значились: акад. В. Алексеев, акад. И. Крачковский и В. Крачковская.

В ознаменование конгресса организационный комитет устроил выставку восточных рукописей коллекции «Legatum Warnerianum» Лейденской университетской библиотеки, а также выставку по истории востоковедения в Лейденском университете.

Конгресс принял ряд резолюций, из которых заслуживает упоминания решение о регулярном выпуске библиографии новых китайских изданий; о подготовке к изданию индекса имен и технических терминов, встречающихся в истории 24 династий; о выборе комиссии для выработки схемы фундаментального санскритского словаря, которая должна быть представлена следующему конгрессу, предположенному к созыву в Риме в 1934 г.

Настоящая книга в основном содержит в себе резюме докладов, читанных в восьми секциях конгресса (ассириология, египтология, Передняя Азия, Дальний Восток и Индонезия, Индия, семитские языки и народы, ветхий завет и иудаизм, ислам) и в подсекции по изучению папирусов. Ниже приводятся оглавления докладов с указанием журналов, в которых предполагается их опубликовать.

Ассириология (стр. 41—72) G. Furlani: Суд перед богом в древне-месопотамской религии (41, Studi e Materiali di Storia delle Religioni).— K. Tallqvist: Ассирийский бог (42, о сущности бога Ассура. Studia Orientalia, 4).—P. Koschaker: Запрет брака между сестрой и братом у хеттов и его отношение к матриархату (42, Zeitschrift für Assyriologie, 41). — V. Korošec: Хеттское частное право, его место среди древневосточных прав (43, Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte (1932), 146—59).—E. A. Speiser: Значение раскопок в Тель Билла и в Тепе Гавра для решения этнических проблем древней Месопотамии (44—7, ср. книгу автора Mesopotamian Origins, Philadelphia 1930). — E. Forrer: Дешифровка «хеттского» картинного письма (47—50, с таблицей. Oriental Institute Publications, Chicago).— I. Gelb: Замечания к дешифровке хеттских иероглифических надписей (50—3, в серии Studies on Ancient Oriental Civilisation II).— F. M. Th. Böhl: Надписи с неизвестным письмом из лейденского собрания (53—5, времен третьей урской династии. Archiv für Orientforschung). — Th. Jacobsen: Главный бог Эшнунны (55—6, Тишпак, этимология его. Oriental Institute Communications, Chicago). — C. F. Jean: Эволюция шумерской религии до династии Исина (Babyloniса). — C. F. Lehman-Haupt: зооморфная юнктура на протоармянско-халдской, этрусской и китайской бронзовой утвари как признак культурно-исторических взаимоотношений (57—9, зооморфная юнктура — выступание ноги зверя изо рта его — на китайской и этрусской утвари объясняется подражанием халдскому прообразу). — S. Langdon: Раскопки в Кише (59—60, Excavations at Kish 4). — F. W. von Bissing: Научная съемка восточных находок в Этрурии и Лациуме (61—2, Studi Etruschi 5). — H. Frankfort: Древнейшее появление шумерцев (62—4, Studies in Oriental Civilisation of the Oriental Institute of the University of Chicago).—J. Jordan: Результаты раскопок в Уруке (64—6). — A. Deimel: Значение клинописной палеографии для хронологии древнейшей вавилонской истории (67, Orientalia 1 (1932) изд. Istituto Biblico Pontificio в Риме). — F. J. Stephens: Yale'ский список шумеро-аккадских соответствий (67—8).— J. B. Schaumberger: Продолжение труда Ф. Куглера (68—9, под названием «Sternkunde und Sterndienst in Babel», изданы неполностью в Мюнстере (1907 след.), предполагается в ближайшее время издать регистр и дополнение к вышедшим двум томам и тем закончить труд. Orientalia Римского библейского института). — M. von Oppenheim: Джебелет эл-беда, святилище в Тель-Халафе и халафская культура (70—2).

Египтология (стр. 73—89). A. H. Gardiner: Папирус Beatty II. Ослепление правды (73, см. Late-Egyptian Stories автора, p. 30 след.). — W. F. Edgerton: Демотические словари, задуманные и начатые Вильгельмом Шпигельбергом (73—4, докладчик при содействии Breasted'a издаст в 1934 или 1935 г. «Kleines Demotisches Wörterbuch», который Шпигельберг имел в виду закончить к 1932 г.; большой словарь потребует 15—20 лет).—Amelia Hertz: Начатки письма (74—5).—L. Wiener: Шумерское происхождение египетских иероглифов (75, древне-египетский язык близок к шумерскому или происходит от него). — C. Anti: Святилище Сух'а в Тебнутис (75—6, Файюм. Rivista del Reale Istituto di Archeologia e Storia dell'Arte, Roma 1931—32). — G. Bagnani: Рельеф святилища Сух'а в Тебнутис (77, там же). — G. Roeder: Арена возникновения мира в Гермополисе и раскопки германской экспедиции в Гермополисе (77—8).—J. Capart: Шедевр эль-амарнского искусства (78—9).—Sami Gabra: Раскопки египетского университета в святом городе Гермополисе (79—80). — M. Werbrouck: Обломок скульптуры редкого типа (80, из Брюссельского музея искусств и истории).—K. S. Sandford: Новейшие пути в исследовании палеолитического человека в Египте (80—1, Oriental Institute of the University of Chicago). — H. Ranke: Иштар как богиня исцеления в Египте (81—2, Journal of Egyptian Archaeology). — U. Hölscher: Храм Рамсес'а III в Мединет Хабу на западе от Фив (82—5, Oriental Institute Publications, Chicago № 5, 7, 10). — M. Barber: Исследования д-ра de-Vianna Kelsch о законах изоцефалии в египетском искусстве (85, см. книгу Kelsch'a: Canon Tibertius of Composition, Harmony and Rhythm, Hague and London 1931).—Selim Hassan: Раскопки Каирского университета в Гизе в 1930—31 г. и открытие нетронутой гробницы времен древней империи (85). — A. de Buck: Второй предварительный отчет об издании текстов гробниц, предпринятом Восточным институтом в Чикаго (85—6).— L. Homburger: Африканские и египетские глагольные формы (86—7). — G. Mercier: Ливийское счисление (87—8, сближается с семитским. Journal Asiatique). — C. Boreux: О псевдо-группах в египетском искусстве (88—9, Revue d'Egyptologie). — W. F. Edgerton: Труд по эпиграфике, предпринятый Восточным институтом Чикагского университета в окрестностях Луксора (89).

Передняя Азия (стр. 90—119). B. Nikitine: Исторический роман в современной персидской литературе (90—1, Journal Asiatique). — V. Minorsky: Исторические и географические исследования о Персии с 1900 г. (91—2, Acta Orientalia 10,3 (1932) 278—93). — E. Denison Ross: Заметки к дополнению к персидско-английскому словарю Steingass'a (92—3, приводится список слов. Bulle-

tin of the School of Oriental Studies, London Institution 6,3). — (94, Сообщение о газали Žalāl ad-dīn Rūmī, в которой встречается слово «эфенди» в подлиннике и английском переводе). — Riza Nour Bey: Турецкая метрика, основанная на системе aruz (94—6, турки заимствовали его у арабов и персов и изменили его в соответствии с потребностями их языка. Revue de Turcologie 1 (12. 1931).— F. Heichelheim: Проблема структуры государства Александра Великого и государства первых халифов (96, Chronique d'Egypte 13). — F. Taeschner: Предложение о введении единой международной транскрипции для арабского, турецкого и персидского языков (96—9, с таблицей; мало отличается от обычной немецкой научной транскрипции — вместо j — y, вместо ẓ — ẓ). — O. G. von Wesendonk: Мидийцы и восточный Иран (99—100, мидийцы первоначально обитали в западном Иране и лишь с 10/9-го века до нашей эры стали переселяться на восток). — A. Christensen: Заметки об источниках Bundahišn'a (100—1, Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs historisk-filologiske Meddelelser).—G. Messina: Saušyant и его ожидание в иранской традиции (101—3, Orientalia Римского библейского института). — S. P. Osztern: Новые данные о проблеме «Парсизм и ислам». Первая серия: Коран (103—5, кроме еврейских и христианских влияний на Мухаммеда следует также принять в расчет и персидские. В Коране налицо целый комплекс авестских черт). — P. Kahle: Карта Америки, начертанная на основании карты Колумба и португальских карт турком Пири Реис в 1513 г. (105—6, готовится к изданию, ср. La Cultura 10,1 (1931), Investigación y Progreso 5,2 (1931).—T. Kowalski: Турки и турецкий язык в северо-восточной Болгарии (107—9, татары, гагаузы и собственно турки; для решения проблемы их происхождения привлекаются лингвистические данные без решающих выводов). — D. S. Margoliouth: Новые данные о династии Шайбани по турецкой рукописи Richard Burn'a (109—10 под названием Zubdat al-ātār соч. ʿabdallāh ibn Muḥammad ʿalī Naṣrallāh; последняя часть ее содержит историческую хронику и, возможно, будет издана). — M. A. van den Oudenrijn: Крнайские Миабанолки и их литературная деятельность (110—1, монастырская ассоциация в восточной Армении, игравшая большую роль в деле распространения схоластических знаний вне Европы. Источники по их истории. Studia Catholica). — J. Deny: Был ли турецкий язык первоначально моносилабическим? (111—3, отвечает утвердительно, так как второй слог является формативным приращением). — Rechid Safwet Bey: Туркология в ее связи с общим востоковедением (113—5, туркология, хотя и созданная и закрепленная такими гениальными учеными как Радлов, Томсен и др. не достигла однако решающей фазы научной организованности, которая бы всесторонне соответствовала ее объему и значимости). — I. Scheftelowitz: Монотеистический культ Михира-Суриа у индоскифов (116—7, саков, связан с культом Митры). — J. Kuryłowicz: Об одном архаизме в индо-иранском спряжении (117—8, каузативы, производные от глаголов восприятия, не являются двойными каузативами). — A. Abel: Богословская война в Малой Азии в IX и X вв. и ее связь с состоянием идей в исламском и византийском мире (118—9, теологические разногласия подготовили почву для мутазилитов; на этом видно византийское влияние на арабов). — K. Barr: Замечания к пехлевийскому псалтырю (119, Acta Orientalia 10,4).

Дальний Восток и Индонезия (стр. 120—42). E. M. Gale: Экономическая установка первых правителей династии Хань (120—1 Практические мероприятия, которые стремились к строго централизованному государству). — E. D. Edwards: Основание школ светской музыки Мин Хуаном из династии Тан'ов (121—2). — L. Hodous: Дао-Дэ-Сюэ-Шэ, современная синкретическая секта в Китае (122—3, основана в 1916 г. и имеет целью увязать конфуцианство с религией и воззрениями Запада). — J. L. Pierson: Был ли японский язык в 7-м столетии языком открытых слогов? (123—4). — H. C. Gallois: Взаимные влияния между керамикой Ближнего Востока и Китая эпохи Тан'ов и ранее (125, The Asiatic Revue; The Arts of Asia). — Fl. Ayscough: Связь между китайской каллиграфией, поэзией и художеством (126—6, в 4-м в. нашей эры не делалось различия. Wiener Beiträge zur Kunst und Kultur Ostasiens 1. 1932). — W. F. Stutterheim: Можно ли возвести музыкальный [яванский] размер sléndro к названию династии Çailendra? (126—7, полемика против J. Kunst'a, давшего утвердительный ответ. Bijdragen van het Kon. Instituut voor de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië). — C. C. Berg: Проблемы и задачи яванского литературоведения (127—9, новояванскую литературу не следует рассматривать как продолжение древней индусской восточно-яванской литературы, а считать независимой от нее; возникновение новой литературы надо отнести к промежутку между 900 и 1500 гг. нашей эры, а местом ее роста является средняя Ява). — R. von Heine-Geldern: Прародина и древнейшие миграции австронезийцев (129—30, иммиграция древнейших австронезийцев из Китая в Восточную Индию и Малайский полуостров восходит, предположительно к 2000 или 1500-му году до нашей эры. Anthropos).—Sylvain Lévi: Санскритские стансы яванского перевода Mahābhārata (130—1, сделанного в конце 10-го века; если санскритский театр изучался в Яве, то он мог оказать решающее влияние на возникновение wayang, театра теней, который находится под прямым влиянием Mahābhārata и существование которого засвидетельствовано в первый раз в царствование царя Airlanga, наследника переводчика Mahâbhârata). — Sylvain Lévi: Санскритское название индийского архипелага (131, Jipâttala ошибочно, следует читать Dvîpântara, точное соответствие китайского Kouen-louen. Mededeelingen van het Instituut voor de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch—Indië 88 p. 621—7). — G. Ferrand: Арабские географы и Индийский океан (131—3, арабская география греческого, точнее птолемейского происхождения. Лишь один мореплаватель Aḥmad ibn Māžid в своей книге Kitāb al-fawā'id дает формулу определения вышины звезд, не встречающуюся ни в Греции, ни в Персии, ни в Индии, Китае или Индонезии. Вопрос о происхождении этой формулы остается открытым). — W. E. Soothill: Замечание о сходстве некоторых китайских и римских астрономических определений (133—4,

нет доказательств каких-либо связей между ними, но сходство несомненно). — P. Pelliot. Актуальные задачи синологии (134—5, нужны основательная грамматика, словарь, библиография. Мало текстов, переводы крайне неудовлетворительны; ждут индекса истории 24 династий; необходимо разделение труда между учеными — китайцами и европейцами). — A. Forke: Гэ-Хун, философ и алхимик (136, ок. 253—333 нашей эры, дается краткая характеристика. Archiv für Geschichte der Philosophie). — M. A. Hermann: Новый исторический атлас по взаимоотношениям между Китаем, Индией и Ближним Востоком (137—8, отчет о готовящемся американским институтом Гарвард-Иенчин «Историческом и Торговом Атласе Китая» в числе 84 карт. 6 карт были представлены конгрессу и встречены большим одобрением). — Dorothea Hosie: Потребность в современной карте Китая в связи с торговой картой Китая Philip'a, изданной Alexander'ом Hosie (138—9). — A. W. Hummel: Скептический подход к китайской истории (139, см. книгу докладчика The Autobiography of a Chinese Historian, being the Preface to a Symposium on ancient Chinese History (Ku Shih Pien), translated and annotated, Sinica Leidensia, Vol. I, Leiden 1931). — J. J. L. Duyvendak: Латинизация китайской орфографии (140—1, высказывается против системы некоторых китайских ученых в которой интонации обозначаются простым согласным или гласным. Система Charles S. Gardner'a хороша лишь для англичан. Сам докладчик изобрел транскрипцию, исходящую из голландской орфографии. Дается сравнительная оценка систем Wade и французской и приводятся изменения к первой, предложенные в 1928 г. Karlgren'ом). — S. Karpelès: Развитие буддологических штудий в Лаосе и Камбодже (141—2, в Лаосе французская дальневосточная школа собрала все представляющие интерес рукописи, положив этим основание Luang-Prabang'ской библиотеке. В Камбодже в 1914 г. была основана школа пāли, которая в 1924 г. вместе с буддологической библиотекой была превращена в высшую школу пāли. Продолжительность обучения 5 лет. Преподавание ведется на языке пāли, санскрите и по-французски. Изучаются тексты и комментарии Tripiṭaka Pāli, внеканонические сочинения, буддийская история и иконография и палийские тексты в бирманской, лаоской, латинской, сиамской и сингалезской транскрипциях. Школа предприняла издание канонических текстов на пāли и в камбоджском переводе, а также буддийских гравюр. В 1931 г. был создан Институт буддологии, который приступил к изданию полного текста Tripiṭaka на языке пāли с параллельным камбоджским переводом. Proceedings of the Pali Text Society). — G. Vacca: Классический Китай в сочинениях Сун-веня (142). — H. Maspero: Несколько замечаний о китайских классиках и комментаторах (142). — Guyon Gest: О библиотеке по китаеведению имени Gest'a при университете McGill в Монреале, Канада (142).

Индия (стр. 143—65). O. Pertold: Легенда о принцессе Ratnāvalī как проблема народной религии сингалезцев (143—4, по данной легенде произошло слияние туземного божества Anurādhapur'ы с принцессой Ratnāvalī, дочерью короля Перакумбы V из Гамполы, изгнанной её отцом и попавшей к Roḍiyas; последние ее идентифицировали со старым божеством, имя которого упоминается в сингалезской рукописи Британского музея в Лондоне Or. 6611[38] и Or. 6611[83]; это подтверждает теорию об одинаковом этническом происхождении Roḍiyas и сингалезцев). — P. E. Dumont: Несколько замечаний об Īśvaragītā Kūrmapurāṇ'ы (144, в гл. 11, 34—35 назв. сочинения слово sunaphā — один из видов yoga — повидимому заимствовано у греческих философов нео-платоников, где συναφή обозначает соединение души с высшим существом. Bulletin de l'Académie Royale de Belgique). — Pran Nath: Дешифровка письмен долины Инда (145, на печатях Mohenjo-daro и Harappa. см. JRAS, июль 1931; мы имеем дело с отдельными буквами, связанными с шумерским письмом. Найденные письмена являются исходными и для Brāhmī). — L. de la Vallée Poussin: Связь между книгами Abhidhamma и Abhidharma (145, указывается на близкое родство Dhātukathāpakaraṇa и Dhātukāya, см. Abhidharmakośa, введение стр. XXXIII след.). — R. P. Masani: Обычаи, церемонии и верования, связанные с дачей имени детям в Индии, в сравнении с таковыми, существующими в других странах (145—7, мусульмане различают три рода имен — ism xāṣṣ, kunjā и laqab, у индусов их два — partaksh nām — для обиходного употребления и janmarāsi nām — гороскопическое имя; в выборе имени мусульмане руководствуются традицией — предпочитают имена пророков и святых, индусы считаются с метампсихозом и, смотря по племени, называют детей по умершим предкам или избегают этого. Некоторы племена, как и парсы, называют детей именами деда или бабушки; классификация имен; имена во избежание дурного глаза; замена имена — по той же причине; имена — табу). — F. O. Schrader: Проблема Śvetāśvatara-Upaniṣad (147—8, относится к Yajurveda; относительная хронология шести глав Upaniṣad'a, разработанная Prof. Belvalkar в основном оказалась правильной, лишь второй Adhyāya является более поздним. Śvetāśvatara-Upaniṣad не следует связывать с Śaiva-Upaniṣad'ами). — Mme C. A. F. Rhys Davids: «Werden» в Sakya, 500 г. до н. эры (148—9, bhavya в ранних Upaniṣad'ах. Journ. of the Royal Asiatic Society (1.1932) 114 след.). — A. L. Saunders: Распространение эдиктов Aśok'и по Индии (149—50, биография Ашоки, правителя Индии с 273 г. до нашей эры и разбор его эдиктов; в них мало теологии, бог не упоминается, лишь один раз называется Будда. Расцвет Индии в рассматриваемую эпоху является результатом политической, экономической и культурной связи с Передней Азией, достигшей своей вершины благодаря походам Александра Македонского. Asiatic Review). — F. W. Thomas: Царство женщин, Strī-rājya (150—1, упоминаемое в санскритских и китайских сочинениях, повидимому в Hunza-Nagar. Разбирается буддистская sūtra, касающаяся политического положения в Хотане, Балтистане и strīrājya в 741—746 г. нашей эры). — J. Rahder: Буддология (151—2, обзор методов, применяемых в изучении буддизма: Rhys Davids — попытки найти в монашеской традиции следы евангелия Sakya, оптимизм, активность, динамичность; Sylvain Lévi — буддистская философия как универсальная гуманитарная теория познания; издание много-

численных непальских рукописей; Przyluski — идентифицирование австралийско-азиатских элементов с помощью сравнительного, социологического и фольклористского изучения буддийских мифов и легенд; Louis de la Vallée Poussin — реалистический анализ логической, эпистемологической, метафизической и моральной структуры буддизма; берлинская школа — Lüders, Bang, Sieg, Siegling — издание среднеазиатских санскритских, тохарских и уйгурских буддийских текстов; ленинградская школа — Щербатской, Розенберг, Обермиллер, Тубянский — гегельянская интерпретация, диалектика, часто материализм, привлечение в целях философской экзегезы бурятских и монгольских лам; японская школа — историческая и лингвистическая критика континентальных традиций; Разбор статьи Miyamoto Shôson). — Sylvain Lévi: Mudrā и их религиозное и этнографическое значение (152—3, язык жестов, в ходу в Индии, Индонезии и Японии. Возможно, что он древнее звуковой речи. Следует заснять на фильму эти жесты и зафиксировать фонографически mantras пока они еще не исчезли). — R. B. Whitehead: Русла рек Пенджаба и Синда (153—4, замечания к книге майора Raverty «The Mihran of Sind and its Tributaries» (1892) относительно исторической топографии. The Indian Antiquary).— E. Washburn Hopkins: Клятва в индийской эпической литературе § (154). — J. Przyluski: Имя бога Viṣṇu (154, все формы этого слова, засвидетельствованные в литературах Индии, трудно возвести к индо-арийскому прообразу, но их можно объяснить не-арийским происхождением; в основе лежит корень vĕth, имя бога или народа. В прениях Sten Konow возражал против такого объяснения, также и F. W. Thomas, который полагает, что Viṣṇu может происходить от *Viṣṭnu, как Kṛṣna < Kistnā). — H. de Willman-Grabowska: Косвенное предложение в послеведийской прозе (154—5). — F. Edgerton: Кашмирский вариант Bhagavad Gītā (155). — P. L. Vaidya: Литература Apabhraṃśa 10-го века и ее влияние на язык Marathi (155—6, современные индийские языки происходят от литературного языка Apabhraṃśa. Возможен переходный период общего северо-индийского народного языка, что подтверждается ранними литературными памятниками современных диалектов). — V. S. Sukhtankar: Разные замечания о комментаторах Mahābhārata (156, Annals of the Bhandarkar O. R. Institute). — Raghuvira: Варианты Yajurveda (157). — J. Abs: Несколько ранних буддийских текстов в связи с философией материализма в Индии (157—60, Lokāyata было первоначально натурфилософией и лишь постепенно в процессе борьбы против брахманов, буддистов и джайн'ов превратилось в материализм, указания на который мы находим в Brahmajālasutta (1, 3, 9—17), где он называется ucchedavāda, в известном тексте Sāmañña-phala-sutta (2, 17) и Yajña-jātaka (10—15). Journal of the Royal Asiatic Society). — J. de la Valette: Содействие исследованиям по археологии и искусству в индийских государствах (160—2, роль туземных княжеств в собирании материалов по истории индийской архитектуры. Выражается пожелание об окончании «Report on Modern Indian Architecture», издание которого начато было индийским правительством в 1913 г. Несколько замечаний о работах по изучению индийской музыки, не могущих продолжаться из-за отсутствия средств. Asiatic Revue, янв. 1932). — C. L. Fábri: Хронология фресок в пещерах Ajāṇṭā и Bāgh (162, дополнения к статье в JRAS, июль 1931). — P. G. Schurhammer: Важность португальских архивов для востоковедения (162—3, именно, для изучения Абиссинии, Аравии и Персии вместе с восточной Африкой, Передней Индии, Малайского Архипелага и Китая и Японии. Краткий список). — (163—4, A. Ballini: Сообщение о древних рукописях, найденных в большом числе в Непале и Тибете молодым итальянским ученым Tucci). — J. Ph. Vogel: Институт им. Керна и его цели (164—5, основан в 1925 г. в Лейдене для содействия изучению индийской археологии в самом широком смысле. Библиотека инст-та обещает стать наиболее полной в своей области, собирая помимо книг всякие прочие материалы, вроде снимков, диапозитивов и оттисков надписей; начата коллекция слепков со скульптур. Как исследовательское учреждение институт выпустил четыре тома Annual Bibliography of Indian Archaeology. Сотрудник ин-та Dr. Bake собирает материал по индийской музыке и фольклору, но отсутствие средств ставит под угрозу его дальнейшую работу. Проектируется атлас по индийской археологии).

Семитские языки и народы (стр. 166—81). G. Horsfield: Новейшие открытия в Трансиордании и их связь с праисторией Азии (166—7, в Wadi Araba найдены медные рудники; недалеко оттуда и в других местах ряд укреплений и сооружения бронзового века. Описание стелы в Балуа. Bulletin of the Palestine Museum).—M-lle A. Conway: Керамика из Петры, из недавних раскопок (167—9). — S. Birnbaum: (Древне)еврейский язык и идиш (169—70, еврейский язык и поныне должен считаться за живой, являясь языком чисто-литературным, не разговорным. Идиш оказал сильное влияние на евр. яз. Примеры. В произношении следует принять обратное влияние евр. яз. на идиш, так как ритмическое ударение (трохей) в идише лишь случайно дало тот же результат, что и ударение на основе в немецком языке — ударение на предпоследнем слоге. Необходимо извлечь научные данные из наличных материалов. — В прениях H. Grimme защищает теорию немецкого влияния, J. Ginsberg полагает, что перед нами самостоятельно возникшие параллельные факты). — D. Yellin: Вторая форма вопросительного h ē (170—1, наряду с hă = арабский 'a — в трех местах: Исход 8,32, Иеремия 2,10 и Исая 58,4 сохранилась форма hēn = арабск. hal; в других случаях nūn от hēn ассимилировался следующему согласному, чем и объясняются вопросительное ha с удвоением за ним, или с удлинением его в известных случаях, так как hă не должно вызвать удвоения следующего согласного. Revue des Etudes Juives).—H. Grimme: Три новые синайские надписи (172—5, с таблицами, открытые синайской экспедицией Гарвардского и Вашингтонского университетов. Разбор текста). — G. Rijckmans: Как обстоит дело с опубликованием южносемитских надписей? (175, особенно арабских. Revue Biblique). — H. Bauer: Принципиальные замечания об алфавитных клинописных текстах (176, т. е. надписей в Rās Šamra, краткий итог дешифровки их будет опубликован под названием:

Das Alphabet von Ras Schamra. Seine Entzifferung und seine Gestalt). — R. Růžička: Чередование ع — غ в арабском языке по свидетельству арабских грамматиков и лексикографов. К вопросу о существовании общесемитского ġ (176—8, в защиту теории докладчика о вторичном характере арабского غ; выступавшие в прениях Bouyges, M. Cohen и D. Yellin возражали против выдвинутых тезисов). — C. U. Ariëns Kappers: Антропология Ближнего Востока (178—80, на основании антропологических измерений около 2500 чел., главным образом мужчин. Армяне и ливанцы дают общий тип (хеттский?), у последних есть, однако, кое-какое сходство с населением Дамаска и других городов (еврейский тип?). Мезоцефалы представлены сирийским бедуинским племенем Аднан (финикийский тип?), к которому примыкают самаритяне, а также большинство сефардских евреев. Древнее еврейское население было, повидимому, суббрахицефальным, каковой тип часто встречается среди палестинских арабов. Кахтанские арабы в Ираке и Иемене, в противоположность Аднанским являются брахицефалами и, возможно, родственны армяно-халдской или Хуррской группе. Среди персов обнаружены три типа: мезоцефальные иранцы (включая курдов) превалируют на севере, где есть также не мало суббрахических кавказцев, редких в средней Персии. На юго-востоке преобладает долихоцефальный индо-афганский тип. Среди турок имеются представители первых двух групп, но в массе господствует армянский тип, монголов же всего около 7%. Население Эллады было в большинстве мезоцефальным с некоторым процентом долихоцефалов; позднейшие нашествия влили значительное число суббрахицефалов-кавказцев. Средневековые венецианцы дали гипербрахицефалов (ныне в Иллирии—Албании). В среднем нынешнее население Греции суббрахицефальное. Proceedings of the Koninklijke Akademie van Wetenschappen 1930—2).

Ветхий завет и иудаизм (стр. 182—208). J. Aistleitner: Пояснение к 68-му псалму (182—3, Biblische Zeitschrift (1931) 29—41).— S. Krauss: Новые пути к пояснению Песни Песней (183—4). — N. Glueck: Слово to'eba в ветхом завете (184—5, развитие значения. The Hebrew Union College Annual 1930).—S. Daiches: Новые эгзегетические разъяснения к псалмам (185—7, Expository Times 1932). — S. Zeitlin: Еврейский календарь в библейское и раннехристианское время (187—9, первоначально солнечный год был в эллинистическую эпоху заменен лунным). — O. Eissfeldt: Бог Тавора и его распространение (189—92, название горы на острове Родосе Ἀταβύριον было первоначально обозначением места культа «Таворского» бога, занесенного сюда из Палестины; почитание его относится к 2-му тысячелетию до нашей эры — по сведениям Филона из Библоса, подтвержденным данными раскопок в Ras eš-Šamra. Archiv für Religionswissenschaft 30). — S. A. Cook: Заслуги Kuenen'a перед ветхозаветной критикой (192—4).—R. Edelmann: Родина, возраст и роль синагогальной поэзии; проблемы и их решение (194—5, возникновение синагогальной поэзии pījūṭ'а, относится к 600 г. и произошло в результате запрещения со стороны византийцев употреблять молитвы). — H. Loewe: Šəṭārōṯ в Британском музее (195, еврейские юридические документы).—M. A. Canney: Антропологический подход к ветхому завету (196—7, точнее этнографический — о привлечении данных фольклора для пояснения некоторых библейских мест. Journal of the Manchester Egyptian and Oriental Society (1932) № 17).— S. H. Blank: Еврейская рукопись Библии в библиотеке Hebrew Union College'а (197, сефардская рукопись 13-го в., вокализованная по традиции Бен-Ашера. Имеются варианты, встречающиеся только в рукописях, огласованных по Бен-Нафтали). — K. Budde: Дерево познания в рассказе о рае (197—8, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft).—B. D. Eerdmans: Происхождение и значение арамейской части книги Даниила (198—202, между еврейской и арамейской частью различие не только в языке, но и в тенденции и общем фоне. Автор первой, относящейся к времени гонений Антиоха Эпифана, знает о войнах между Египтом и Сирией в 3 в. до нашей эры; в арамейской же части нет никаких указаний на эллинистический период и все происходит на историческом фоне вавилонской империи. Ср. книгу докладчика: Godsdienst van Israël, 2 (Utrecht 1930) 49—55). — W. F. Albright: Иудея в эпохи пленения и после него в свете палестинской археологии (202—4, на основании результатов раскопок в Бет-Цур, на севере от Хеброна, предпринятых в 1931 г. американцами). — H. Robinson: Происхождение племени Иуда (204—5, ханаанейское племя, с прослойкой пришельцев-арамейцев, оформившееся как единое племя под ударами филистимлян). — D. Sidersky: Иисус Навин в Гибеоне (205—7, Jewish Quarterly Review). — P. L. O. Guy: Новейшие раскопки в Мегиддо (207—8, Oriental Institute Communications, Chicago).

Ислам (стр. 209—44). J. Schacht: Šarīga и Qānūn в современном Египте (209—10, светское законодательство имеет стремление распространиться и на такие области, где до сих пор господствовало духовное право. Islam).—R. Said-Ruete: Династия Āl-Bū-Said в Аравии и Вост. Африке (210—12 основана Aẓmad ibn Said'ом в первой половине 18-го века. Происходя из Иемена, эта династия распространилась с одной стороны до Омана, а с другой по восточно-африканскому побережью и вглубь, завязав торговые связи вплоть до Китая и САСШ. Члены этой династии и поныне царствуют в Омане и Занзибаре. Islam). — L. Massignon: Связи сирийской секты носайров с Персией по данным ортодоксально-шиитской литературы (212—3, против господствующих взглядов в религии носайров очень много иранских элементов. Приводятся указания на первоисточники. Revue des Etudes Islamiques). — J. H. Gottheil: Иллюстрированный экземпляр Корана (213—6, весьма редкое явление; иллюстрации исполнены персом ẓāfiẓ Ibrāhīm al-Fihmī. Некоторые места текста были вычищены, чтобы дать место рисункам. Revue des Etudes Islamiques (1931) 21—4).— G. Wiet: Деревянные буидские panneaux 4-го века (216, ср. G. Wiet: L'exposition d'Art Persan de 1931, Publications du Musée Arabe du Caire). — G. Marçais: Лампа 11-го века, сохранившаяся в большой мечети в Кайруане (217, Notes et Documents publiés par la Direction des Antiquités et Arts de la Tunisie). — H. Pérès: Abūl-Walīd al-ẓimjarī al-Andalusī (ум. ок. 440/1048), его поэтический сбор-

ник о весне и цветах (217—8, о Kitāb al-badīg fī waṣf ar-rabīg, рукоп. Эскуриала № 353 по каталогу Dérenbourg'а, одном из наиболее ранних памятников испанско-арабской литературы, ставшем образцом для последующих поэтов. Bibliotheca arabica publiée par la Faculté des Lettres d'Alger).— F. Krenkow: О готовящемся издании ğiljat al-Awlijā'Abū-Nuğaim'a, Ṣafwat aṣ-ṣafwa Ibn-až-Žawzī, и других сочинений, подготавливаемых индийскими арабистами (218—20, в издании Хайдерабадского общества Dā'irat-al-mağārif).—S. Inayatullah: Географический фактор в жизни и истории арабов (220—1).—Husein F. al-Hamdani: История исмаилитской dağwat и ее литература в последний период фатимидской империи (221—2, исмаилитская «миссия» играла значительную роль в распространении доктрины фатимидов среди исламских стран, выдвинув ряд выдающихся ученых и деятелей. Journal of the Royal Asiatic Society (1.1932) 126 след.).—J. de-Somogyi: Исследования по всеобщей истории «Kitab al-muntaẓam wa-multaqaṭ al-multazam» Abul-Faraž'a ğabd ar-Rağmān ibn Abil-ğasan ibn ğalī až-Žawzī (222—4, 1116—1200. Его труд обнимает время «от сотворения мира... до халифа al-Mustadhī», т. е. до 574/1179 и известен по ряду рукописей. Дается краткая характеристика. Journal of the Royal Asiatic Society (1.1932) 49 след.).—Ahmed Amīn: Происхождение мутазилитов (224—5, этим именем первоначально называли людей, оставшихся нейтральными в «верблюжьей войне» и битве при Сиффине; от своего прежнего мнения, что muğtazil представляет собой перевод еврейских «фарисеев» докладчик ныне отказывается. Основные элементы теории мутазилитов восходят к Корану и традиции, ко времени, когда арабы еще не смешались с другими народами. Во время Аббасидов влияние греков становится очевидным).—Mustapha Abdel Razek: Слово islām, его первоначальное значение и эволюция (225—6).—M. Guidi: Сочинения al-Qāsim'а ibn Ibrāhīm и их значение для истории ислама (226—7, ум. 246/860. 20 полемических трактатов по вопросам теологии, большей частью неизданных, имеют большое значение для истории арабской прозы а также для истории мусульманской доктрины и полемики. Rivista degli Studi Orientali).—C. A. Nallino: Несколько замечаний об отношениях между мусульманским и римским правом (227).—Hafiz Afifi Pacha: «Коронные» буквы; введение прописных букв и знаков препинания в арабское письмо (228—9, «Если туркам легко было отказаться от арабского письма, так как оно явилось для них чужой транскрипцией, не соответствующей характеру турецкого языка, то переход на латинизацию арабского языка наталкивается благодаря специальному характеру семитских языков, на непреодолимые препятствия. К тому же латинский алфавит не обладает никакими эквивалентами для большого числа согласных, употребляемых в семитских алфавитах. Более просто, поэтому, стараться заполнить пробелы арабского письма путем проведения серии частичных реформ... Двумя главными недостатками, в которых обычно упрекают арабскую орфографию, являются отсутствие прописных букв и частичные недостатки в знаках препинания... Для исправления этих неудобств король Фуад I, принимая близко к сердцу сохранение и усовершенствование арабского языка и арабской каллиграфии, издал в 1928 г. приказ об организации комиссии для изучения различных необходимых реформ, в частности с целью рекомендовать введение прописных букв и применение однообразной системы интерпунктуации. Эта комиссия объявила конкурс и провела анкету, подвергла полученные как от египтян, так и от иностранцев проекты внимательному изучению для присуждения назначенной премии авторам наиболее удовлетворительных предложений». По принятому проекту вводятся прописные «коронные» буквы, представляющие собой обычные арабские буквы с росчерком вокруг литеры, таким образом, что размер получаемого знака больше строчных букв. Для знаков препинания введены европейские обозначения, за исключением запятой и точки с запятой, которые взяты в опрокинутом виде. Остается еще провести реформу в отношении гласных букв, с целью облегчения чтения. — Весь проект надо рассматривать как паллиатив, не дающий особенного эффекта и вызванный страхом перед неизбежной латинизацией арабского письма).—Emir Chekib Arslan: Связь между историей арабов и арабскими диалектами (229, La Nation Arabe 8.—9. 1931 и Al-Muqtaṭaf).—G. Galbiati: Арабские рукописи миланской Biblioteca Ambrosiana, их важность по своему количеству и значению (230, около 8000 мусульманских рукописей, немного христианских; половина их собрана Federico'м Borromeo в начале 17-го века, остальные приобретены папой Пием 11-м в 1909—1912 гг. В первой группе преобладают рукописи из Персии, Малой Азии, Аравии, Египта, Триполитании, Алжира и Марокко; вторая же состоит из рукописей южно-арабского происхождения. Al-Mašriq).—A. Dessus-Lamare: Заметки по мусульманской архитектурной терминологии (230—3, несколько примеров).—Mahmoud Teymour: Конфликт между языками в современной египетско-арабской литературе (233, «сохранить ли классический арабский язык, развивать ли разговорный [народный] язык, или создать новый — в виде компромисса между старым и современным языками? Классический язык, как язык литературы, и лишь редко, разговорный, не может исчезнуть; он необходим для полного уразумения текста Корана и является духовным звеном для арабов Азии, Африки и Америки. К несчастью он обладает крайне трудной грамматикой и больше не в состоянии служить для выражения национальных воззрений послевоенного египетского народа. Новоарабский язык является языком исключительно жизненной формации. Он обладает упрощенным звуковым составом и еще не вполне оформившейся грамматикой, но он язык, на котором говорят все социальные классы египетской нации. Классики бесполезно отрицают за ним право на письменность, что не мешает ему обладать уже своей литературой, своими романами и своим театром. В общем он находится в том же положении, как французский язык в эпоху Vaugelas» [грамматик Claude Favre de Vaugelas, ум. 1650]. Выводы: более вероятно, что будущим языком египтян явится современный народный язык, превратившись в официальный государственный язык как литературный, так и разговорный, в то время как классический язык останется для литературных целей арабов всех стран. Asiatic Review,

Revue des Études Islamiques, в египетских журналах). — M. Plessner: К истории наук в исламе (233—4, о сочинениях Abū-Sulaimān'a al-Manṭiqī as-Sižistānī: Ṣiwān al-ȥikma и Kitāb al-imtāg wal-mu'ānasa). — P. Kraus: Учение о kumūn'e, этюд по проблеме: манихеи и мутазилиты (235, большая часть будто бы абстрактных философских учений мутазилитов возникла из их споров с манихеями. Примером является учение о kumūn'e заимствованное у манихеев, у которых она служит основой естествознания, в частности алхимии). — A. González-Palencia: «Iȥṣā al-ģulūm» al-Fārābī, неизданная эскуриалская рукопись (235, описание рукописи и анализ ее частей: о грамматике, логике, математических науках, физике и метафизике, политике, праве и теологии. Ср. книгу докладчика: Alfarabi etc., Madrid 1932). — J. Millàs Vallicrosa: К изучению источников астрономического сочинения еврея Авраама бар-Хийя, XI—XII в. (236, автор сочинений по математике, астрономии и философии, написанных по-еврейски, для научного просвещения французских евреев. В своих сочинениях по астрономии он пользовался трудами Alfargani и Albattani, ср. книгу автора: Assaig d'historia de les idees fisiques i matemátiques a la Catalunya medieval 2). — G. Levi Della Vida: Проект издания «Žamharat al-ansāb» Ibn al-Kalbī (236—7, сочинение по генеалогии старо-арабских племен, относится к концу 2-го века хиджры. Islamic Culture, Hyderabad). — E. Lévi-Provençal: Мусульманская Испания по историко-географическому справочнику Ibn ģabd al-Munģim al-ȥimjarī (238—40, словарь вроде Jāqūt'а под заглавием: ar-rauḍ al-miģṭār fī ģažā'ib al-aqṭār, известный до сих пор благодаря цитатам во II томе Analectes Maqqarī. Докладчику удалось разыскать три рукописи ar-Rauḍ'а, представляющего собой сведения о городах и странах в алфавитном порядке. Преобладают сведения по Африке, Магрибу и, особенно, Испании). — F. Bajraktarević: исламистские штудии в Югославии (240—1, главным образом с 1918—1931 гг. В 1925 г. при белградском университете была учреждена кафедра по исламским языкам, а в этом году предполагается кафедра по мусульманскому праву. За отсутствием специального востоковедного журнала статьи по востоковедению печатаются в общенаучных изданиях: Glasnik zemaljskog muzeja; Glasnik skopskog naučnog društva, или в более или менее популярных журналах: Južna Srbija, Gajret, Novi behar. Темой этих работ является исследование турецких документов и памятников, история ислама и турецкая, персидская и арабская литературы. Archiv Orientálni). — Taha Hussein: Связь между арабской и греческой реторикой (241—2, в основном арабская реторика сохранила туземный характер до второй половины III в. Со времени перевода реторики Аристотеля началась борьба между арабской и греческой реториками. Взаимные влияния были неизбежны. Благодаря работе Ибн-Сины было облегчено согласование этих двух реторик, что и сделал Abd el-Kaher в V веке. Ср. предисловие к книге автора Nakd el Nathr de Kodama). — E. García Gómez: Несколько замечаний к «qaṣīda maqṣūra» Abū-l-ȥasan'a al-Qarṭažannī (242—3, памятник арабско-андалузской поэзии XIII в., его значение. Биография поэта и его отца. Комментарии касыды. Разбор одного отрывка. Boletín de la Academia Española). — Mohammed Torki: Неизданный текст, приписываемый Ибн-Мукл'е (243—4, везирь Abū ģalī Muȥammad Ibn-ģalī Ibn-Muqla (272/886), автор сочинения о реформе арабского письма, характеристику которого дает докладчик).

Папирология (стр. 245—8). H. I. Bell: Папирология в Англии. — F. Heichelheim: Сообщение о списке папирусов, расположенных по странам, архивам и столетиям. — K. Kalbfleisch: Прогресс работы над Гиссенскими папирусами. — M. Steinwenter: Предложение о публикации коптских юридических документов. — H. Antoniadis: О влиянии византийского актового языка на современный греческий язык. — S. G. Mercati: Замечания о тексте и метрике некоторых христианских папирусов. — Ch. Wessely: Мистическая минералогия магических папирусов. — P. Koschaker: Значение греческих пергаментных документов из Дуры для истории права. — E. Seidl: Демотический гражданско-процессуальный устав и греческие акты. — M. Hombert: Проект папирологической библиографии. — P. Collomp: Критика текста и папирология. — G. von Manteuffel: Папирусы, как свидетели греческой литературы небольших произведений. — G. Méautis: Гомеровский пережиток в одном папирусе из Оксиринха. — A. Calderini: Предложение о составлении списка лиц, упоминаемых в египетских документах греко-римского периода. — B. A. van Groningen: Проект унификации систем критических знаков. — A. Grohmann: Греческие и латинские государственные термины в арабском Египте. — E. Cavaignac: Серебро и медь во время последних Птолемеев. — C. Préaux: Архивы Зенона с точки зрения их исторического значения. — V. Martin: Об одном папирусе, относящемся к epicrisis'у. — F. Bilabel: О ходе работ по вновь поступившим гейдельбергским папирусам. — N. Hohlwein: Замечания о некоторых неизданных каирских папирусах. — A. J. Boyé: Некоторые неизданные папирусы из коллекции короля Фуада. — (Все доклады по папирологии напечатаны в 13/14 выпуске Chronique d'Egypte (1.1932).

Я. В.

ЖУРНАЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ЯПОНСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ «КАЙДЗО» («РЕКОНСТРУКЦИЯ»)

Апрель, 1932 г. Токио, стр. 294 + 142 + 403. Спец. цена 1 иена.

Япония относится к странам, где наряду с массовой ежедневной прессой, весьма большое распространение имеет издательство самых разнообразных журналов. Здесь мы будем говорить о буржуазной прессе и журналах. Наиболее характерны для современной японской буржуазной прессы ее гибкость и уменье охватить самые разнообразные интересы и запросы различных слоев читателей. Сравнительно большое распространение и тираж имеют журналы как экономические, политические, литературные, специальные, так и особенно журналы для «легкого чтения», женские, детские и т. д. Достаточно указать, что периодических изданий, считая и специальные научные журналы, бюллетени различных научных обществ, коммерческих предприятий, фирм, торговых палат... т. п. в Японии насчитывается свыше 6000.

Журнал «Кайдзо» является одним из самых распространенных «толстых» ведущих журналов. Он основан частной издательской фирмой Ямамото Санэхико в конце мировой войны. В сущности карьера журнала была сделана на печатании радикальных и социалистических статей, что и дало ему репутацию «левого» буржуазного журнала. Надо сказать. что действительно журнал нередко дает весьма интересный материал по социально-экономическим проблемам и часто печатает даже статьи авторов, считающихся японскими марксистами. В последние годы за такой «либерализм» журнал стал подвергаться усиленным нападкам японских фашистов как «очаг красной пропаганды». Но по существу такое «обвинение» ни на чем не основано. Японскому «толстому» буржуазному журналу вообще, а «Кайдзо» в частности, совершенно чужда какая-либо левизна или революционность. О большинстве буржуазных журналов нельзя сказать, что они придерживаются какого-нибудь определенного политического (партийного) направления; «Кайдзо» же, в свою очередь, не представляет исключения. Однако, это не мешает им довольно тонко и умело быть проводниками и глашатаями буржуазной идеологии. Под маской «беспристрастной объективности» давая возможность высказываться разным политическим направлениям, журнал, порою резко критикуя современный государственный строй, в основном стоит на платформе буржуазного реформаторства, в направлении расширения буржуазной демократии. Этой установке соответствует и название «Кайдзо», что означает — реконструкция. Журнал, с другой стороны, издателем и редакторами рассматривается и как коммерческое предприятие, задачей которого является обеспечение определенного дивиденда. Это также влияет на содержание. Он строится таким образом, чтобы обслужить интересы читателей возможно более широкого круга. Круг читателей журнала: различные слои японской буржуазной интеллигенции, служащих, чиновников, функционеров рабоче-крестьянского реформистского желтого движения, студенчество. Как содержание, так и форма изложения рассчитаны на эту массу чатателей, ибо чтение такого журнала возможно для читателя с образованием не ниже среднего. Обычно содержание журнала разбивается на следующие отделы. Первым, ведущим и основным отделом журнала, который представляет наибольший интерес, так как там обычно помещаются статьи самых известных японских экономистов, политиков, публицистов, является отдел, посвященный вопросам политики, экономики, партиям, общественным проблемам. Здесь помещают свои статьи такие публицисты, как Такахаси Камеёси, Иномата, Ямакава Кин, Баба, Сугияма и др. В этом отделе, кроме перечисленных выше вопросов, помещается и политико-международный обзор. Следующим отделом является публицистическо-очеркистский. Здесь помещаются публицистические статьи обычно небольшого размера, очерки о тех или иных сторонах общественно-политической жизни как Японии, так и других государств. Эти два отдела занимают большую часть журнала и, в частности, в рецензируемом номере им отводится 384 стр.

По содержанию в них может быть самый разнообразный материал: теоретическая ли статья о теории накопления К. Маркса или Р. Люксембург, раскол пролетарских партий, движение безработных в Америке, Советский пятилетний план и новая программа национал-фашистов, все это может найти место на страницах журнала, в особенности, если это является политической новинкой и имеет спрос, причем любому вопросу могут быть даны совершенно различные освещение толкование и выводы.

«Живи и жить давай другим». Пишите кто угодно, но только в рамках требования реформ, хотя бы и

радикальных и не больше. Лишь в одном вопросе — внешней политики, запрещено все, кроме абсолютной апологетики империализма. Да и то лишь для того, чтобы избегнуть цензуры, ибо при другой обстановке личина радикализма была бы выгоднее. В апрельском номере вопросам внешне-политическим посвящены целых две больших статьи: одна — Ятибара «О новом Манчжуро-Монгольском государстве», другая Сугимора — «Каков путь Японии».

Она, несмотря на ее вычурно-ученый и туманный язык, проводит две незамысловатых програмных идейки японского национал-фашизма. Первая сводится к тому, что развитая в хозяйственном отношении страна должна иметь обширную территорию для того, чтобы иметь возможность «самоснабжаться» сырьем и прочими ресурсами.

Поскольку Япония и относится к странам «обиженным» вследствие узости ее территории и недостатка естественных богатств, то она и должна следовательно расшириться за счет страны недостаточно развитой в хозяйственном отношении, вроде Китая или «самого ближайшего материка» — СССР.

Национал-фашистская апологетика войны с Китаем, отторжение Манчжурии и прямой призыв к вторжению в СССР здесь проводятся достаточно откровенно. Вторая мысль, развиваемая Сугимори, представляет также типичный образчик фашистской демагогии о так наз. «государственно регулируемой экономике».

«... Социалисты не последние из тех, кто отрицает капитализм. Есть еще третья группа, которая рождается из крайностей капитализма и социализма. Эта группа не стоит, конечно, за свободную, нерегулируемую экономику, не стоит и за экономику социалистическую, а признает экономику, основывающуюся на принципе регулирования». Силы же, на которые государство должно будет опереться, чтобы проводить регулирование государством экономики уже имеются. Это, во-первых, военные, а во-вторых, фашистские союзы, ибо они «свободны» от влияний финансового капитализма, не имеют целей наживы. Опираясь на эти силы, государство и сумеет регулировать экономику страны. Оказывается, что и рабочие организации также должны будут поддержать такую политику.

«Если в этом вопросе взять и организацию рабочих, то они должны будут поддержать политическую форму, которая обеспечит на основе реальной силы, обладающей искренними намерениями, гарантию их необходимого жизненного уровня, гарантию, следовательно, производственной деятельности и, благодаря этому, гарантию справедливого дохода».

Итак все ясно. Теперь японские рабочие могут быть «спокойны». Государственная власть, состоящая из «независимых» от капитализма военных и фашистов, обеспечит все, что угодно... господам фашистам... войну с Китаем и СССР, невыносимый террор — внутри страны и дальнейшее снижение и без того нищенского уровня жизни пролетариата Японии. На эту удочку в настоящее время, когда свыше двух миллионов японских рабочих не имеют работы и риса, вряд ли можно поймать кого-либо из сознательных рабочих. Кроме того, разгул террора против рабочего движения сейчас недвусмысленно говорит рабочим, что их ждет, если весь государственный аппарат будет монополизирован военными и фашистами.

Приемы пропаганды японского фашизма не отличаются особой тонкостью, и японским коммунистам не составит большого труда вскрыть их существо перед рабочими массами. Кроме того, и сами массы из ежедневного опыта знают, что гарантируют им «независимые» военные и фашисты.

Весьма интересно описывается роль государства как регулятора экономики. Государство, разумеется не должно брать в свои руки производства, ибо «продуктивность производства и распределения, в первую очередь, конечно, производства, особенно получает препятствия благодаря непосредственно государственному управлению». Таким образом, и производство и распределение остаются в руках их нынешних владельцев. А «государство, правительство, должно весьма высоко поднять статистику, обследования и их публикацию, что охватит полностью производство, потребление и распределение. Объем этой работы как национальный, так и интернациональный. Государство должно взять на себя ответственность за учет, обследование и публикацию ежедневно, еженедельно, ежемесячно, такого круга вопросов: в каком положении сейчас реальные производительные силы в отношении сырья, труда, техники; перечень соответствующих, затронутых обследованием производств; как выглядит в каждый данный момент положение в отношении удовлетворения или неудовлетворения потребительского спроса; в каком положении пути для распределения, или еще более срочный вопрос — вопрос о состоянии покупательной силы и финансах. Нечего и говорить, что это является необходимостью как технический минимум плановой, регулируемой экономики. Регуляционный план и деятельность, обусловливаемые такого рода статистикой, обследованием и публикацией, должны принадлежать к непосредственному содержанию деятельности правительства и государства». Мы нарочно привели столь длинную выписку из этой фашистской «теоретической» окрошки, чтобы показать все эти рассуждения во весь рост их убожества. Без труда вся нелепость этих рассуждений будет наверное понята и японскими рабочими, которые, читая даже буржуазные газеты, знают, что десятки миллионов их братьев по классу в Америке, Англии, Германии и других капиталистических странах, несмотря на наличие многочисленных «регуляторов», таких как конъюнктурные институты, министерские обследования и публикации, все равно терпят все ужасы кризиса и безработицы. И наоборот, лишь пролетариат СССР, свергнувший власть капитализма, взявший власть в свои руки, действительно может строить плановую социалистическую экономику, без кризисов, безработицы и пр. неизбежных спутников капиталистической системы. Полное подтверждение этого дается в том же номере «Кайдзо» в очерке «Страна, где нет безработных». В нем журналист Отакэ,[1] который жил

[1] Японский журналист Отакэ — интересная и своеобразная фигура в японском литературном мире. Пробыв в СССР в качестве корреспондента газеты «Асахи» с начала революции и по 1924 г., он вернулся в Японию, где занял весьма друже-

в СССР и наблюдал достаточно наше социалистическое строительство, дает довольно правильное и объективное изображение поражающей картины великой социалистической стройки, производственного энтузиазма рабочих масс Союза, форм соцсоревнования и ударничества.

«Когда я вернулся из путешествия по СССР», говорит Отакэ, «то все задавали мне один и тот же вопрос: Действительно ли советами производится такое оживленное строительство, как об этом говорят. — Нет, оно не таково, как о нем говорят. Я возвратился, поражаясь, насколько оно (строительство) превышает представления и толки о нем», отвечает Отакэ.

Что же поразило Отакэ. Прежде всего огромное новое строительство фабрик, рабочих соцгородков, огромные темпы этого строительства, индустриальные колоссы вроде Днепростроя, рост новых городов и удвоение их населения в один-два года, совхозы Зернотреста «Гигант» и многое другое. Наблюдая отсутствие безработицы, большой процент женщин на предприятиях, отсутствие торговцев, деятельность которых невозможна, по его мнению, ибо снабжение построено с расчетом зависимости от качества и количества труда, отмечая преимущественное снабжение ударников, он в заключение и говорит, что СССР — мир, где все работают. Поразила его и система подготовки кадров, которая дает возможность получения за счет государства необходимой квалификациии и переквалификации.

Отакэ, познакомившись с социалистическим соревнованием, как действительно массовым движением пролетариата, подробно описывает его и отрицает басни о принудительном труде в СССР. В заключении, останавливаясь на жизненном уровне пролетариата нашей страны, он, на основании разговоров с рабочими и личных наблюдений, не скрывая и теневых сторон его, дает правильную картину развития новых социалистических форм жизни, психологии и настроений.

СССР уделяется место и в другой статье журнала — международном обзоре. Первая часть его и посвящена, без каких-либо собственных комментариев, второму пятилетнему плану СССР так, как он выявляется на основе директив XVII партконференции.

Выше было отмечено, что «Кайдзо» всегда дает место как политической сенсации, так и сезонной новинке буржуазного мира. В этом номере образцом первой является статья лидера национал-фашизма, бывшего лидера соц.-демократов, Акамацу, о буржуазной демократии. Акамацу сейчас более чем когда-либо нужный и свой человек в политическом лагере буржуазии. За выполнением им порученной ему задачи фашизации реформистского движения внимательно следят все заинтересованные буржуазно-фашистские круги Японии. Отсюда создание ему ореола популярности: интервью в газетах, помещение его статей в буржуазных журналах и т. п. Образцом сезонной новинки буржуазного мира является статья нашумевшей Хаяси Фумико — буржуазной дамы, выступившей с проповедью «эмансипации сердца» на японской почве.

Бросив свою семью, она начала жизнь в соответствии со своими представлениями о свободе. В Японии, где в буржуазной литературе наибольшее предпочтение отдается вопросам пола и быта, эта фигура быстро стала «знаменитостью». Книга г-жи Хаяси, интервью с ней по возвращении из путешествия по Европе и, конечно, путевой очерк г-жи Хаяси в журнале «Кайдзо» под громким названием «Безоблачное небо до Парижа». Журналу нельзя отказать в умении вести пропаганду буржуазно-либеральной идеологии самыми разнообразными методами.

Разнообразные вопросы, которые охватывает журнал, можно разбить на несколько разделов:

1. Статьи, освещающие внешне-политические вопросы, в данном номере касающиеся в основном Китая — Манчжурии.
2. Статьи по общим вопросам политики и экономики.
3. Вопросы буржуазных, реформистских и прочих партий Японии.
4. Прочие общие вопросы.
5. Очерки.

Заключением обычно является литературный отдел, который, так же как и другие отделы, имеет тенденцию буржуазного радикализма и реформаторства. Печатается все, что может в той или другой степени отвечать этой установке и быть популярно, модно или является новинкой. Здесь могут быть и бульварного типа романы и повести, произведения известных писателей современной Японии и даже выходящие на литературную арену пролетарские писатели, вроде Кобаяси (авт. «Краболова»), рассказ которого «Деревня Нумадзири» помещен в настоящем номере.

При этом, появление в «Кайдзо» произведений пролетарских писателей имеет два значения. Первое — политическое: захватить в орбиту влияния буржуазного радикализма пролетарского писателя, стоящего на позициях классовой борьбы, ибо печатаясь здесь, он получает вместе с большой известностью и большие гонорары. Отсюда возможность путем такого подкупа постепенного разложения и отвода писателя с классовых пролетарских позиций на позиции буржуазного радикализма. Другое значение — погоня за литературной новинкой, сенсацией, за именем, сделавшимся известностью, что способствует распространению и самого журнала.

Кроме всего этого, печатается, обычно берущая в журнале много места, разнообразная реклама: о словарях, книгах и пр. изданиях, выбрасываемых на книжный рынок тем же издательством «Кайдзо». В частности, в апрельском номере 400 страниц занято новым мировым биографическим словарем, выходящим в издании «Кайдзо».

Несмотря на огромный размер журнала — 50 печ. листов — цена журнала не высока — одна иена. Причем и эта цена не обычная, а повышенная, в связи с наличием большого приложения. Обычно

ственную позицию по отношению к СССР. Являясь одним из лучших знатоков реального положения СССР в современной Японии, он не делает поспешных заключений на основании внешних признаков трудности нашего роста. Прекрасно владея русским языком, он внимательно следит по материалам прессы и экономической литературы Союза за его ростом и достижениями. В 1931 г. он совершил поездку по СССР, и рецензируемая статья и представляет его впечатления о нашей стране на нынешнем этапе ее развития.

цена журнала при размере от 20 до 25 печ. листов не превышает 50 сен (1 иена = 97 коп., имеет 100 сен), т. е. примерно 40—50 коп.

Дешевизна японского журнала одно из условий его большой массовости.

В частности «Кайдзо», несмотря на то, что он является толстым журналом, т. е. таким, который не рассчитан на широкие массы, тем не менее имеет весьма большой тираж, исчисляемый временами до 100 тысяч.

Для изучающих Японию советских востоковедов, владеющих марксистско-ленинской методологией, журнал «Кайдзо» может быть полезен тем, что он дает богатый материал для критического изучения различных сторон политической, экономической и культурной жизни современной Японии.

Ненароков.

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ СЕДЬМОГО МЕДЖЛИСА[1]

Персидский Меджлис седьмого созыва, деятельность которого продолжалась от 14 Абана 1307 г. до 14 Абана 1309 г., т. е. от 5 ноября 1928 г. до 5 ноября 1930 г., был одним из самых плодовитых Меджлисов в отношении своей законодательной деятельности. Он просуществовал полный нормальный двухгодичный срок, предусмотренный для персидского законодательного учреждения,[2] что не каждому Меджлису предыдущих созывов удавалось. Объясняется это прежде всего тем, что седьмой Меджлис не имел сколько-нибудь ярко выраженной правительственной оппозиции и не вступал с правительством в конфликты. Это, в свою очередь, вызвано тем, что выборы в него были произведены в условиях сильного правительственного регулирования.[3] Таким образом правительственное большинство в этом Меджлисе было обеспечено уже с самого начала его существования.

С этой точки зрения данное собрание законов представляет интерес в том отношении, что отражает в себе политику реза-шахского правительства в наиболее чистом виде без каких-либо влияний со стороны других политических группировок. В отношении изучения расстановки классовых сил и экономических отношений в современной Персии этот сборник законов, следовательно, является показательным материалом.

Но интерес этого сборника не только в этом, а так же и не только в том, что он включает в себя особенно много законодательного материала. Его особый интерес заключается в том, что в него вошли важнейшие государственные акты периода начала развития в Персии мирового экономического кризиса. Точнее сказать, его объем и важность документов главным образом определяются именно последним моментом. Если условно считать за начало мирового экономического кризиса момент американского биржевого краха осенью 1929 г.,[1] то законодательные материалы этого сборника относятся к последнему предкризисному году и первому году кризиса.

Современный экономический кризис, проходящий в условиях всеобщего кризиса капиталистической системы, в своем развитии в Персии нашел для себя уже в значительной степени подготовленную почву в лице местного структурного аграрного кризиса и деградации крестьянского хозяйства, доведенного непосильными налогами до полного истощения; кроме того, он усугубился падением цен на серебро.[2] Кризис серебра, начавшийся несколько раньше, в 1928 и 1929 гг. уже сильно сказывался на Персии и нашел свое отражение в законодательных актах этого сборника в форме законов: «о разрешении контроля и наблюдения за покупкой и продажей иностранных валютных ценностей, при посредстве котировальной комиссии» (так наз. закон о девизной монополии), об установлении новой денежной единицы (о переходе на золотую единицу) и в ряде законодательных актов, разрешающих чеканку новой монеты заграницей и др.

Развитие мирового экономического кризиса в Персии естественно вызвало законодательные мероприятия, носящие характер борьбы с кризисом. Из других законодательных актов, помещенных в этом сборнике, вызванных кризисом, кроме упомянутых выше, касавшихся вопросов денежного обращения, следует отметить следующие, закон о налоге на общества, торговлю и проч.: закон о регистрации сбора на перевозочные средства и другие законы и, наконец, общее постановление Меджлиса с предложением правительству взять на себя инициативу по внесению законопроектов, преследующих цель устранения экономического кризиса.[3]

Целый ряд законов этого сборника касается земельных отношений. К таковым относятся: дополнительный закон о кадастре (известный закон, заменивший натуральные сельскохозяйственные налоги — денежными), закон о канатах (оросительных системах), об организации сельскохозяйственного банка, о регистрации документов и недвижимости и др.

В специальном разделе собраны международные акты, ратифицированные Персией в этот период. Наиболее важные из них следующие: присоединение Персии к пакту Келлога, торговый договор с Германией, договор о дружбе с Турцией, присоединение Персии к протоколу Литвинова, соглашение с СССР о почтовых посылках и др.

---

1 Полное персидское название مجموعه قوانين موضوعه و مسائل مصوبه دوره هفتم تقنينيه, т. е. дословно — «Собрание установленных законов и утвержденных вопросов седьмой законодательной сессии».

2 См. ст. 5 основного закона Персии от 8 Джеди 1285 г., что соответствует 31 декабря 1906 г.

3 О предвыборной кампании в седьмой Меджлис см. напр. корреспонденцию — Выборы в Меджлис и примечание редакции в Бюллетене прессы Среднего Востока, Ташкент, 1928, № 3, стр. 58—60.

1 О некоторой произвольности этой датировки см. замечания у Е. Варги в его докладе «Новое обострение мирового кризиса и его перспективы», читанном в Комакадемии 24 декабря 1931 г., «Проблемы мирового кризиса», 1932, стр. 5.

2 См. И. Сталин, Политотчет ЦК XVI Съезду ВКП(б). Вопросы Ленинизма, 9-е изд. 1931, стр. 489.

3 Стр. 534.

В сборник включен ряд договоров, заключенных с европейскими государствами после отмены в Персии режима капитуляции.

В задачи статьи не входит развернутый анализ всего законодательного материала, вошедшего в сборник, ее задачи ограничиваются библиографическим перечнем материала с совершенно краткой аннотацией. Весь материал сборника разбит в нем по формальному признаку на шесть больших разделов, в начале каждого раздела помещено оглавление материала этого раздела, а в конце сборника оглавление всего материала в хронологическом порядке. Все законодательные акты, помещенные в сборнике, занимают 535 стр. текста кроме 60 стр.,[1] приходящихся на предисловие и оглавления (нумерация основного текста и оглавлений разная).

Разделы по котсрым разбит материал следующие:

1. Законы общие — акты, носящие публично-правовой характер и распространяющиеся по своему содержанию на всех граждан».[2]

2. Договоры и соглашения — акты международно-правового характера: договоры, заключенные Персией с другими державами, или международные акты, в которых Персия приняла участие.

3. Контракты — законодательные акты о службе иностранных специалистов.

4. Концессии.

5. Акты финансовые — государственный бюджет, кредиты, (персональные) пенсии, разрешения на продажу и отчуждение государственных земель.

6. Разные постановления.

Всего в сборник вошло 240 законодательных актов.

Перейдем к конкретному перечню законодательного материала, вошедшего в сборник; даем русский перевод наименований всех этих актов. Цифры в скобках означают страницы сборника.

1. Законы общие

1. О разрешении приведения в действие законопроектов министерства юстиции после одобрения их парламентской юридической комиссией (1).

2. Об освобождении снаряжения военного министерства и жандармерии от уплаты дорожного сбора и таможенных пошлин и сборов (2).

3. О единообразии одежды персидских подданных внутри государства (2).

4. Дополнительный закон о регистрации имений (4).

5. Об изменении некоторых статей гражданского процессуального кодекса, касающихся случаев препровождения исков в шариатские суды (5).

6. О судоустройстве и судопроизводстве служебных уголовных судов над государственными служащими (6).[3]

[1] 3 + 2 + 10 + 4 + 4 + 1 + 8 + 28.

[2] Как это сказано в предисловии, см. стр. 1 مصوباتی که جنبهٔ عمومی داشته و عموم افراد مشمول آن باشند

[3] Главным образом по обвинению в растратах и хищении казенных денег.

7. Дополнительный закон к закону о наказаниях государственных служащих (14).

8. Дополнительный закон к закону о служебных уголовных судах над государственными служащими (17).

9. О нотариальных конторах (22).

10. Дополнительный закон о службе судей и служащих министерства юстиции (25).

11. О предоставлении местным городским управлениям караульных помещений и правительственных возделанных и не возделанных земель, используемых городами (27).

12. О случаях условных наказаний (28).[1]

13. О дисциплинарном суде (29).

14. О запрещении торговли рабами на территории Персии и о свободе рабов в момент прибытия в Персию (31).

15. О налоге на убитый скот (32).

16. О таможенных исключениях (34).

17. О наказаниях виновных в контрабанде (36).

18. О толковании статьи седьмой закона о наказании виновных в контрабанде, в отношении контрабанды оружием (40).

19. О толковании закона о контрабанде оружием (41).

20. О свободе ввоза серебра и золота и освобождении их от оплаты таможенных пошлин (42).

21. О правительственной табачной монополии (43).

22. О дополнительном кредите для уплаты остатка содержания чиновникам, ожидающим службу в 1307 г., и установлении порядка выплаты содержания ожидающим службу в 1308 г. (47).

23. О наказаниях за передачу чужого имущества (49).

24. Об изменении закона о третейском суде (51).

25. О разрешении приведения в действие законопроектов министерства юстиции после одобрения их парламентской юридической комиссией (55).

26. О разрешении применения минимального таможенного тарифа в отношении товаров Иракского государства (55).

27. О наказаниях лиц, выдающих чужое имущество за свое (56).

28. Об изменении закона об общей регистрации имений и давности в отношении срока протеста (57).

29. Об установлении порядка прохождения исков между персидскими и иностранными подданными, имеющихся к настоящему моменту в судебных учреждениях и каргозарствах[2] министерства иностранных дел (58).

30. О разрешении организации займа у Национального банка под названием «Городского» (59).

[1] قانون راجع جموارد تعليق Нашему понятию условного наказания в новом персидском законодательстве соответствует термин تعليق в значении «откладывания» наказания.

[2] كارگذار يها — каргозарства, т. е. управления каргозаров — особых чиновников министерства иностранных дел в провинциальных городах по делам иностранцев; судебные функции этих учреждений в настоящее время являются пережитком капитуляционного режима в Персии и находятся в стадии ликвидации.

31. Об изменении номеров статей, упомянутых в тексте статьи 97-й закона о судоустройстве органов министерства юстиции (60).

32. О назначении чинов студентам судебных и нотариальных классов и окончившим школы правоведения и политических наук (61).

33. О шариатских судах (63).

34 Об освобождении правительства от оплаты стоимости почтовых отправлений, а также от оплаты судебных издержек (64)

35. О давности на движимое имущество (65).

36. О разрешении выбора двадцати процентов общего количества студентов, камандируемых в Европу, из среды неимущих персидских студентов, проживающих в Европе (68).

37. О разрешении командирования в Европу тридцати человек студентов для практического обучения железнодорожному делу (69).

38. Об установлении высшего чина управленческих чиновников Меджлиса (69).

39. О присоединении дополнительного примечания к статье 33-й закона о гражданской государственной службе (70).

40. О наказаниях иностранных подданных, переходящих на территорию Персии без паспорта или с паспортом, который не в порядке (70).

41. О свидетельских показаниях и обстоятельствах, подтверждающих показания (71).

42. О дополнениях к закону о судебной службе (73).

43. О повышении г-на Мирза Аббас Хана Ария с 7-го до 8-го чина (75).

44. О подданстве (75).

45. Дополнительный закон о подданстве (80).

46. О разрешении взимания гарантии обеспечения убытков и судебных издержек с иностранных подданных (81).

47. О регистрации документов и имений (82).

48. О разрешении выбора недостающего количества студентов, командируемых в Европу в текущем 1308 г. для изучения железнодорожного дела, из персидских студентов, проживающих за границей (88).

49. О дополнительном примечании к статье 15-й внутреннего устава Меджлиса (88).

50. О разрешении приведения в действие законопроектов министерства юстиции после одобрения их парламентской юридической комиссией (89).

51. О порядке пресечения контрабанды опиумом (90).

52. О порядке оказания денежной помощи студентам высшего учительского института и о порядке их службы после окончания учения (91).

53. О разрешении приведения в действие инструкции о вспомоществовании национальным школам после одобрения парламентской комиссией просвещения (93).

54. Об освобождении от уплаты таможенных пошлин химических материалов и технических принадлежностей для борьбы с саранчой (94).

55. Об освобождении от таможенных пошлин и других сборов химических материалов и технических принадлежностей для борьбы с саранчой (94).

56. О регистрации документов и имений (95).

57. О регистрации священных мест, мест общего пользования и резделенных имений, в которых некоторые из служб и угодий[1] находятся в нераздельном владении (137).

58. О разрешении контроля и наблюдения за покупкой и продажей иностранных валютных ценностей при посредстве котировальной комиссии (138).[2]

59. Дополнительный закон к закону о контроле над иностранными валютными ценностями (143).

60. О продлении закона о разрешительных свидетельствах на врачебную практику (145).

61. Об обеспечении исковой суммы (146).

62. О разрешении учреждения министерства путей [3] и министерства народного хозяйства [4] вместо министерства общественных работ (156).

63. Об установлении персидской законной денежной единицы и монетной стопы (157).[5]

64. О регистрационном сборе на перевозочные средства (163).

65. О налоге на общества, торговлю и проч. (166).

66. Об изменении статьи 15-й внутреннего устава Меджлиса (171).

67. О разрешении продажи правительственных военных строений, в которых военные учреждения не нуждаются (172).

68. О разрешении приведения в действие законопроектов министерства юстиции после одобрения парламентской юридической комиссией (172).

69. О порядке пресечения насильственных завладеваний (имуществом) (173).

70. О городских управлениях (176).

71. Об ускорении судопроизводства (178).

72. О силе документов, составленных заграницей (195).

73. Об обязательности составления торговых и таможенных договоров на основе взаимности и об ответных мероприятиях в торговых сношениях (196).

74. О разрешении чеканки заграницей семисот пятидесяти тысяч реалов монеты (197).

75. О судебной взаимной помощи (197).[6]

76. О чиновниках мирового суда (198).

77. О судопроизводстве по мелким уголовным судам (201).

78. О лиценциатах прав и адвокатах (205).

79. О тарифе на авио-почтовые грузы (206).

80. Об обеспечении наследников чинов полиции, которые погибли при исполнении своих обязанностей (206).

81. О свободе ввоза рупий (207).

82. О разрешении ежегодного вывоза тридцати тысяч кранов персидской монеты в Чехансур (207).[7]

---

1 متعلقات.

2 Обычно, запросто называемый—закон о девизной монополии или закон о валютной монополии.

3 وزارت طرق وشوارع.

4 وزارت اقتصاد ملی.

5 Для понятия монетной стопы введен новый термин مقیاس پول.

6 Имеется в виду — в отношении иностранных судебных учреждений.

7 Чехансур—چخانسور—город в Афганистане близ границы с Персией, местопребывание персидского консульства.

83. О канатах[1] (208).

84. О разрешении учреждения сельскохозяйственного банка. (211).

85. Об освобождении экспорта пшеницы и ячменя от уплаты вывозной пошлины и дорожного сбора (216).

86. О торговых палатах (217).

87. О службе рядовых чинов низшего персонала полиции и охранного управления (224).

88. О подтверждении права наследства (231).

89. О разрешении выбора недостающей части студентов железнодорожного и рудного дела из студентов, проживающих заграницей и из окончивших персидские технические школы (235).

90. О разрешении командирования тридцати человек студентов на два года заграницу для практического обучения железнодорожному делу (236).

91. Об официальном характере национальных школ (237).

92. Об изменении статьи 43-й закона о гражданской службе и изменении дополнительной статьи к закону о службе служащих Меджлиса (238).

93. О разрешении чеканки заграницей двухсот тысяч реалов медной монеты (239).

94. О разрешении продажи правительственных зданий, не удовлетворяющих учреждения, и о назначении этих сумм для расходов на покупку, постройку и усовершенствование прочих правительственных зданий (239).

95. Об освобождении от таможенных пошлин и дорожного сбора вещей и орудий производства неимущих персов в момент возвращения их в Персию (240).

96. Дополнительный закон о кадастре (241).

97. О разрешении приведения в действие законопроектов, вносимых министерством юстиции после одобрения юридической комиссией Меджлиса (246).

98. Об охране национальных памятников (247).

99. О монопольном обложении корней папиросного и трубочного табака (253).

100. О предоставлении сбора налога на городскую недвижимость[2] городским управлениям (253).

101. О долевом вознаграждении лиц, открывающих контрабандные товары (254).

102. О наказаниях лиц, держащих у себя на квартире ступки и ручные табакорезательные машины (254).

103. О компетенции дисциплинарных судов (255).

104. Об исках между частными лицами и государством (256).

2. Договоры и соглашения

1. О разрешении обмена (ратификационными грамотами) временного договора, заключенного между государствами Персией и Австрией (259).[3]

2. Об обмене (ратификационными грамотами) дополнительного протокола к договору о дружбе и гарантиях между Персией и Афганистаном и протокола о выдаче преступников и заподозренных в преступлении (262).

3. Об обмене (ратификационными грамотами) временного договора, заключенного между государствами Персией и Чехословакией (265).

4. Об обмене (ратификационными грамотами) временного договора, заключенного между государствами Персией и Францией (268).

5. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о передвижении жителей пограничных сел между Персией и СССР (272).

6. Об обмене (ратификационными грамотами) временного договора, заключенного между государствами Персией и Бельгией (281).

7. Об участии Персидского государства в договоре о запрещении войны (285).[1]

8. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о дружбе, договора о жительстве и договора о торговле, таможнях и авиации, заключенного между государствами Персией и Германией (286).

9. Об утверждении всеобщего почтового договора и соглашений о почтовых отправлениях, ценных ящиках и почтовых посылках, заключенных на Стокгольмском почтовом конгрессе (305).

10. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о дружбе и гарантиях, заключенного между государствами Персией и Турцией (306).

11. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о дружбе и жительстве, заключенного между государствами Персией и Египтом (317).

12. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о торговле, таможнях и мореплавании, заключенного между государствами Персией и Чехословакией (322).

13. Об утверждении присоединения Персидского государства к протоколу Литвинова (330).

14. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о дружбе, заключенного между государствами Персией и Швецией (330).

15. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о жительстве, торговле и мореплавании, заключенного между государствами Персией и Швецией (334).

16. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о дружбе, заключенного между государствами Персией и Бельгией (346).

17. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о жительстве, заключенного между государствами Персией и Бельгией (351).

18. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о торговле и мореплавании, заключенного между государствами Персией и экономическим союзом Бельгии и Люксембурга (356).

19. О разрешении присоединения Персидского государства к Женевскому протоколу о запрещении пользования ядовитыми газами и бактериеносными веществамм (364).

20. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о дружбе, заключенного между государствами Персией и Францией (365).

---

[1] Канат — قنات — подземный канал особой системы, служащий для целей орошения.

[2] مستغلات

[3] Этот и другие подобные законы представлены в настоящем сборнике законов в форме единой статьи, разрешающей обмен ратификациями с приложением самих текстов договоров.

[1] Имеется в виду так наз. пакт Келлога от 27 VIII 1928.

21. Об обмене (ратификационными грамотами) соглашения о почтовых посылках, заключенного между государствами Персией и СССР (369).

22. О разрешении участия Персидского государства в постановлениях телеграфной конференции, состоявшейся в Брюсселе (380).

23. О разрешении участия Персидского государства в постановлениях беспроволочно-телеграфной конференции, состоявшейся в Вашингтоне (380).

24. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о дружбе, заключенного между Персидским государством и государством Геджаса, Неджда и присоединенных земель (381).

25. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о дружбе, заключенного между государствами Персией и Голландией (383).

26. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о дружбе, заключенного между государствами Персией и Италией (388).

27. Об утверждении всеобщего почтового договора, заключенного на почтовом конгрессе в Лондоне (390).

28. Об утверждении устава постоянного международного суда и протоколов с ним связанных и о разрешении передачи этих утвержденных документов генеральному секретариату Лиги Наций (391).

29. О разрешении присоединения Персидского государства к международному договору об облегчении таможенных формальностей (392).

30. Об утверждении Барселонского договора о передвижении и инструкции о свободе передвижения, и о разрешении передачи ратификованных экземпляров их генеральному секретариату Лиги наций (392).

31. Об утверждении международного договора о пресечении распространения и торговли предосудительными изданиями и о разрешении обмена ратификованными экземплярами этого договора (393).

32. Об обмене (ратификационными грамотами) договора о защите патентов на изобретения и промышленно-торговых знаков и пр., заключенного между государствами Персией и Германией (393).

3. Контракты

1. О разрешении приглашения на службу из Франции одного судового механика для судов санитарной службы в южных портах (397).

2. О ежегодной выплате г-ну Гессу[1] пяти тысяч туманов в качестве оплаты за правовую консультацию, сверх его преподавательского содержания (398).

3. О продлении сроком на два месяца контракта г-на Марио Руйда,[2] специалиста по выделке бумаги (398).

4. О продлении сроком на полтора месяца контракта г-на Марио Руйда, специалиста по выделке бумаги (399).

5. О продлении сроком на один год контракта инженера г-на Кароля,[3] подданного Соединенных Штатов (399).

---

1 مسیر هس

2 مسیو ماریو رویدا.

3 مسیو کارول.

6. О продлении сроком на один год контракта инженера г-на Кароля, подданного Соединенных Штатов (400).

7. О продлении контракта г-на Андре Гесса, французского подданного, на преподавание в школе правоведения (401).

8. О продлении контракта с Гесс, французской подданной, на заведывание и преподавание в женском учительском институте (401).

9. О разрешении приглашения на службу четырех человек рабочих, специалистов по чайному делу из китайских подданных (402).

10. О разрешении приглашения на службу четырех человек специалистов по земледелию, из французских подданных (403).

11. О разрешении приглашения на службу двенадцати человек французских учителей для усовершенствования и улучшения средних школ в центре и провинции (404).

12. Об уплате двухсот пятидесяти туманов каждому из двенадцати человек французских учителей в качестве квартирной арендной платы (406).

13. О возобновлении контракта с женщиной-врачом, д-ром Пен,[1] специалисткой по женским болезням (406).

14. О возобновлении сроком на два года контракта с Морицом Брусье,[2] старшим инженером беспроволочного телеграфа (407).

15. О приглашении на службу сроком на два года г-на Берже,[3] инж.-электрика и г-на Клериса,[4] инж.-механика беспроволочного телеграфа (408).

16. О разрешении приглашения из германских подданных начальника главной бухгалтерии (409).

17. О возобновлении сроком на три года контракта с доктором Гранделем,[5] французским подданным, на заведывание техническо-административной частью Пастеровского института (409).

18. О разрешении возобновления сроком на три года контракта с г-ном Декеркером,[6] главным начальником таможен (410).

19. О приглашении на службу сроком на три года доктора Мельчарского,[7] поляка, для технического заведывания и преподавания зуболечения (410).

20. О приглашении на службу г-на Отто Мозера,[8] германского подданного для технического заведывания типографией Меджлиса (411).

21. О приглашении на службу г-на Эмиля Варенкампфа,[9] бельгийца, химиком таможенного управления и преподавателем красильного дела Коврового управления (412).

22. О приглашении на службу сроком на шесть месяцев г-на Ван-дер-Хольста,[10] бельгийца, на должность инженера железнодорожного управления (412).

---

1 مادموازل دکترپن.

2 موریس بروسیه.

3 مسیو برژه.

4 مسیر کلریس.

5 دکتر گرندل.

6 مسیو دکرکر.

7 دکتر ماچار سکی.

8 مسیو اتو موزر.

9 مسیو امیل وا هرنکامف.

10 مسیو وان درهو لست.

23. О продлении сроком на три года контракта двоих преподавателей французов школы правоведения (413).

24. О разрешении возобновления контракта с д-ром Генрихом Штренком[1] и г-ном Гюнелем[2] — немцами и о приглашении на службу одного преподавателя высшей математики для правительственного промышленного училища (414).

25. О разрешении приглашения на службу двоих специалистов чайного дела из Голландии (415).

26. О приглашении одного рабочего, специалиста по чайным операциям, из Китая (415).

27. О приглашении одного специалиста по лесам из Франции (416).

28. О приглашении на службу сроком на шесть месяцев г-на Хаждме Сузуки,[3] японского инженера, на должность инженера железнодорожного управления (417).

29. О приглашении на службу инженеров и технических сотрудников для железной дороги из подданных иностранных государств и об ассигновании трех миллионов туманов для необходимых расходов на 1309 г. (418).

30. О приглашении на службу одной женщины-врача, специалистки по женским болезням (418).

31. О приглашении на службу одного горного инженера и одного горного техника из подданных германского государства (419).

32. О разрешении приглашения на службу одного специалиста-энтомолога (420).[4]

4. Концессии

1. О разрешении предоставления перевозки воздушной почты по линии Тегеран — Мешхед авиационной компании Юнкерс (421).

2. О разрешении обмена (ратификациями) пятого приложения к концессионному договору Шахин-шахского банка (422).[5]

3. О предоставлении монопольной концессии г-ну Мохаммед Вали Хану Асади на разработку залежей каменного угля в Мешхедском районе (425).

5. Финансовые акты

а. Бюджеты

1. Дополнительный закон о бюджете Меджлиса на 1307 солнечный год (429).

2. О годовом бюджете Меджлиса на 1308 солнечный год (430).

3. О разрешении возврата министерству финансов сумм, назначенных для учреждения бумажной фабрики (443).

4. О государственном бюджете на 1308 г. (443).[6]

5. Об исполнении годового бюджета Меджлиса за 1306 солнечный год (451).

6. О разрешении оплаты городских бюджетов с начала 1308 г. (453).

7. О толковании примечания 1-го к закону о городских кредитах относительно канцелярско-управленческих расходов (463).

8. О годовом бюджете Меджлиса на 1309 солнечный год (463).

9. Об исполнении годового бюджета Меджлиса за 1307 солнечный год (481).

10 Об общем государственом бюджете на 1309 г. (483).[1]

11. О разрешении, данном министру финансов производить перемещения кредитов в бюджете министерства финансов на 1309 г. (490).

12. Дополнительный закон к общему государственному бюджету на 1309 г. (491).

13. О разрешении выдачи суммы в 10 000 туманов из экономии по бюджету Меджлиса в 1308 и 1309 гг. на устройство гробницы Фердоуси (496).

14. Об исполнении годового бюджета Меджлиса за 1308 солнечный год (496).

б. Кредиты

15. О кредите в 25 000 туманов для проведения новых телеграфных линий в Белуджистане (499).

16. О разрешении выплаты разницы в расходах по приезду и отъезду итальянских морских офицеров и кредите на расходы по квартире, автомобилям и их переезду (499).

17. О разрешении выдачи 32 337 туманов на ликвидацию обязательств министерства почт и телеграфа, относящихся к проведению телеграфной линии Хурремабад — Дизфуль и прочих расходов, связанных с этим (500).

18. О разрешении выплаты недостающей суммы месячного содержания азербайджанскому ген.-губернатору и разницы месячного содержания помощнику местного ген.-губернатора за 1306 г. (501).

19. О разрешении выплаты 30 000 туманов в качестве переходящего кредита министерства почт и телеграфа для приготовления материалов по проведению телеграфных линий в 1308 г. (502).

20. О разрешении выплаты недостающей суммы содержания мазандеранскому губернатору (502).

21. О разрешении выплаты двух кредитов 1306 г. и дополнительных кредитов 1307 г. по министерству юстиции (503).

22. О 64 000 туманов дополнительного кредита для оплаты расходов по окончанию службы американских сотрудников (504).

23. О разрешении зачета стоимости материалов правительственного здания в Ширазе в счет расходов по новому зданию полиции (504).

24. О разрешении оплаты разницы расходов по проведению телеграфной линии Масджед — Сулейман (505).

25. О разрешении выплаты 240 000 туманов Тегеранскому городскому управлению для перепланировки города (505).[2]

---

[1] دکتر هانری اشترنک.

[2] مسیو هونل.

[3] آقای حجمه سوزوکی.

[4] متخصص حشره شناسی.

[5] Об отказе банка от эмиссионного права.

[6] Персидский государственный бюджет на 1928—1929 г.

[1] Персидский государственный бюджет на 1929—1930 г.

[2] За последнее время в Персии в связи с развитием автомобильного движения совершается перепланировка многих городов, выражающаяся

26. О кредите в 15 000 туманов для устройства центральной тюрьмы и провинциальных тюрем и для покупки ученых собак (506).

27. О кредите в 25 000 туманов для помощи жителям Хорасана, пострадавшим от землетрясения (506).

28. О разрешении выплаты суммы в 21 043 тумана для покупки кабеля и проведения телеграфных линий в Ахвазе, Бесатине, Хафе и Каризе (507).

29. О назначении 100 000 туманов на борьбу с саранчой (508).

30. О кредите в 15 000 туманов для строительства Казвинской плотины (508).

31. О назначении 4500 туманов из бывших поступлений школы политических наук на покупку книг для школы правоведения и политики (509).

32. О разрешении уплаты суммы в 1000 туманов на остающиеся расходы по строительству Керманшахского почтово-телеграфного управления (509).

33. О разрешении выплаты кредита в 6000 туманов, утвержденного и предусмотренного по бюджету на 1308 г. министерства почт и телеграфа для покрытия дефицита по расходам на командировку 18 студентов радиотелеграфистов и телеграфистов (510).

34. О разрешении зачета суммы в 2000 туманов на необходимые расходы по Кашкайскому району в 1308 г. из экономических сумм этого года (510).

35. О разрешении выплаты 50 000 туманов для прекращения исков племени Пушт-дери, находящегося в подданстве Иракского государства (511).

36. О разрешении выплаты содержания и расходов сверхштатным полицейским чиновникам гг. Абадана и Масджед-Сулеймана в 1308 г. (511).

37. О кредите для ремонта и постройки стены западной стороны проспекта Баб-е-Хомаюн (514).

38. О разрешении выплаты 109 000 туманов на расходы по борьбе с саранчей (514).

39. О разрешении переноса 3000 туманов из кредитов бюджета министерства общественных работ за 1307 г. на бюджет полицейского управления за 1307 г. (515).

40. О разрешении уплаты 25 000 туманов компании Юнкерс из сумм поступлений от воздушной почты в 1308 г. (515).

41. О кредите в 200 000 туманов из сумм сахарной монополии на наблюдение и управление железнодорожными линиями (516).

42. О разрешении оплаты дополнительных расходов на студентов железнодорожного и рудного дела (516).

43. О разрешении оплаты 12 000 туманов дефицита по расходам на студентов-практикантов железнодорожного дела (517).

44. О разрешении выплаты 425 000 туманов для улучшения и строительства дороги от Мансурйе до Шемшека (517).[1]

главным образом в выпрямлении и расширении узких восточных улиц; общее название этих работ — خیابان سازی, что дословно — «строительство проспектов.

[1] Под Тегераном, к шемшекским каменноугольным копям.

45. О кредите на покрытие сумм, выплаченных сверх кредита по управлению регистрации актов гражданского состояния в 1305 и 1306 гг. (518).

46. Об установлении переходящей суммы для нужд Главного казначейства посредством взятия аванса у Национального банка (518).

47. О разрешении оплаты дефицита по расходам политического отдела управления полиции (519).

48. О разрешении уплаты дополнительного кредита в 100 000 туманов из сумм запасного государственного фонда для заселения Луристана и перевода на оседлое состояние луров (519).

49. О разрешении покрытия таможенных пошлин и других сборов за химические материалы, провезенные сотрудниками, командированными Советским правительством, из экономии по бюджету министерства общественных работ за 1307 г. (520).

50. О разрешении назначения доходов, поступающих от школ: технической, врачебной и зубоврачебной — на нужды этих школ (521).

51. О 10 000 туманах эксплоатационного капитала типографии Меджлиса (521).

52. О заключении счета капитала бумажной фабрики (522).

53. О разрешении оплаты расходов по задержанию Дуст Мохаммед Хана и дефицита по расходам на заключенных при центральной и провинциальных полициях (524).

54. О кредите для ремонта участковых зданий конной полиции и арендной платы за провинциальные тюремные помещения (525).

55. Об освобождении от таможенных пошлин и дорожного сбора мазута, ввозимого в качестве топлива для землечерпалки[1] Советского пароходства (525).

в. Продажа земель. Пенсии

56. О разрешении продажи 3500 кв. гязов[2] земли, прилегающей к Ширазскому арку (527).[3]

57. О разрешении продажи Шах-ин-шахскому банку Персии 7700 кв. гязов земли в Дуздабе (527).

58. О разрешении подтверждения права собственности г-на Шараф-од-Довле на одну шестую (неразделенную) часть[4] государственной деревни Зендабад Караджадагского района, против получения от него 1700 туманов (528).

59. О разрешении предоставления 1 000 000 гязов из земель государственной деревни Ахермеджан[5] Салмасскому городскому управлению для строительства нового города[6] (528).

60. О разрешении продажи земли бывшего транспортного управления и о назначении этой

---

[1] کشتی شن کش.

[2] Мера длины, близкая по размерам к 1 м.

[3] ارک старая укрепленная часть города, подобие кремля в старых русских городах.

[4] دانک.

[5] اهرنجان.

[6] После землетрясения, почти полностью разрушившего старый город; вновь строящийся город переименован в честь наследника, сына Реза-шаха, Шахпур — شاهپور.

суммы для оборудования конюшни и необходимых ремонтов Рештской почты и телеграфа (529).

61. О разрешении обмена земель урочища Агдаш, принадлежащих Хаджи Ага Дильмагани, на казенное имение, для устройства аэродрома (529).

62. О разрешении продажи места школы Шахпура [1] в Тавризе и о назначении сумм, вырученных за это, для промышленной школы и учительского института (530).

63. О назначении пенсии в 120 туманов ежемесячно наследникам Сейед Абдуль Касем Хана Амиди (531).

64. О назначении пенсии в 10 туманов ежемесячно наследникам покойного Энайетолла Хана Мовавдата (532).

65. О назначении пенсии в 30 туманов ежемесячно наследникам покойного Мирза Али Хана Кази (532).

6. Разные постановления

1. Постановление об утверждении программы кабинета г-на Мехди Кули Хана Хедайета (533).

2. Постановление о пересмотре внутреннего устава (Меджлиса) и о назначении для этой цели комиссии из 12 человек (533).

3. Законодательное постановление об организации комиссии для составления хозяйственным управлением Меджлиса отчета о бумажной фабрике (534).

4. Постановление относительно приглашения правительства к принятию на себя инициативы по устранению экономического кризиса и представления соответствующих законопроектов в Меджлис (534).

Н. А. Белородский

«СЕТАРЭ-ЙЕ-СОРХ»

Орган Иранской Коммунистической Партии.

Год первый, второй и третий (1929—31 гг.) №№ 1—12.

Год первый (1929), № 1—2, 78 стр. От редакции (5—6). — Политика английского империализма в современной Персии и пути развития страны (7—18). — VI Конгресс Коминтерна (19—30). — Государственный бюджет и реакционный пехлевийский режим (30—42). — 7-й Меджлис или «Пехлевийский» парламент (42—53). — Открытое письмо ЦК Иранской компартии ко всем членам партии относительно выборов в Меджлис (53—55). — Газеты «Иран» и «Азери-йе-Торк» в роли рупора тегеранской охранки и английского посольства (55—61). — Стих. «Крестьянин во время жатвы» (А. Каргер) (62—64). — Хеджази — герой рабочего движения в Персии (64—66). — Революционное движение среди персов, живущих в Европе (66—68). — Письмо из Тегерана о рабочей демонстрации 1 мая 1928 г. (69—75). — Письмо из Месджед-е-Солейман (75—76). — Письмо из Мешеда о реакционной деятельности духовенства (76—78).

№ 3—4, (июнь—июль 1929 г.), 115 стр. Революционное движение в Персии после мировой войны (3—19). — Аграрный вопрос в Персии (19—29). — Национальный вопрос и проблема языка в Персии (29—45). — Большевизация нашей партии (45—49). — Замечания со стороны редакции к предыдущ. статье (50—54). — Разъяснение ЦК относительно ст. 8 (О развитии капитализма в стране) тезисов II Конгресса Иранской Коммунистической партии (54—56). — XII Конгресс Германской Коммунистической партии (56—59). — Женщины и Коммунистическая партия (60—62). — Шахиншахский банк — орудие империалистической эксплоатации Персии (63—82). — 1-е августа Международный антиимпериалистический день (83—85). — Кровавый Афганистан или плацдарм английской империалистической политики (86—91). — Современная продажная пресса или дворцовая печать (92—105). — То, что видит из Парижа сыщик, не желает видеть в Тегеране газ. «Иран» (105—109). — Стих. «Забастовка рабочих южной нефти» (А. Каргер) (109—111). — Революционные рабочие южных нефтяных промыслов демонстрируют свою классовую мощь (111—113). — Письма из Мешеда о положении рабочих и ремесленников (113—115).

№ 5—6, (1929), 130 стр. Грядущая война против СССР и роль Персии Реза-шаха (1—22). — Англо-Персидская нефтяная компания или нефтяная база Великобритании (23—42). — Иностранный капитал в Персии (43—49). — 10-й пленум Исполкома Коминтерна (50—68). — Аграрный вопрос в Персии (окончание) (69—77). — Идеализм или материализм (78—92). — А. Каргер, Стихи (93). — Даже мертвые вопиют (Относительно забастовки рабочих южной нефти) (94—100). — Вопрос иностранных советников в государстве Пехлеви (101—109). — Стихи (Лахути) (110—111). — 2-й Конгресс антиимпериалистической лиги (112—119). — Письмо из Тегерана. Последнее восстание племен (120—130).

Год второй (1930), апрель, №№ 7—8, 91 стр. Основные проблемы Иранской Ком. Партии в деле борьбы за союз рабочих и крестьян и создание правительства трудящихся (3—8). — [Перевод: «В борьбе за Советскую Персию». «Бюллетень Прессы Ср. Востока», 1931, № 10—11 (117—120)]. — Почему «Иран-Пур» лжет. Почему персидское правительство ведет пропаганду против СССР (9—29). — Политические партии и группировки в Персии (30—49). — Клич рабочих, заключенных в персидских тюрьмах (50—57). — Ко всем организациям и членам Иранской Ком. Партии (Обращение ЦК ИКП) (58—62). — Ко всем членам Иранской Ком. партии (то же) (63—67). — Решения 2 Пленума ЦК Иранской Ком. партии о деятельности Политбюро (68—69). — [Перевод под тем же заглавием в «Бюллетень Прессы Ср. Востока», 1931, № 10—11 (125—126)]. — Стихи (Лахути и А. Каргер) (70—72). — Рабочие южной нефти совершают самоубийства (положение рабочих на промыслах) (73—81). — Англо-персидская нефтяная компания и ее отделы (82—91).

№ 9, январь 1931 г., 71 стр. Воззвание ЦК Иранской Компартии «Персидский народ и 8-й Меджлис» (5—14). — [Перевод под тем же заглавием: «Бюллетень Прессы Ср. Востока», 1931, № 10 (128—31)]. — Военные планы и кровавые замыслы французского империализма против СССР (процесс вредителей) (15—22). — Экономический кризис и проблема валютной реформы в Персии.

---

[1] По имени наследника.

(23—30). — Положение рабочих южно-персидских нефтяных промыслов (31—37). — [Перевод под тем же названием в «Материалы по нац.-кол. проблемам (НИАНКП)», М., 1931, № 1, стр. 18—20]. — Воззвание к товарищам ковровым рабочим (37—39) [Перевод: «Воззвание к ковровым ткачам». «Бюллетень Прессы Ср. Востока», 1931, № 10—11, стр. 126—8] — Письмо из Персии (по аграрн. вопросу и полож. крестьянства) (39—40). — Воззвание Иранской Компартии ко всем персидским трудящимся ко дню годовщины начала империалистической войны в связи с подготовкой новой мировой империалистической бойни (41—45). — Газ. «Коммунист» (Орган Хорасанской организации) (45—46) [Приводится в «Бюллетень Прессы Ср. Востока», 1931, № 10—11, 127]. — XVI-й съезд ВКП (б) (47—56). — Ко всем членам Персидского Комсомола (Открытое письмо ВК КИМ) (57—63). — Стихи (Лахути) (64—65).— Выборы в VIII-й Меджлис (Письмо из Гиляна) (67—70). — «Интернационал» (слова Лахути), (71).

№ 10—11, май 1931 г., 89 стр. Персидские рабочие профсоюзы и задачи компартии (3—8). — Реза-хан и большевизм (9—15). — Монополия внешней торговли — новая авантюра правительства Пехлеви (16—24). — Аграрная и налоговая политика Пехлеви (25—33). — 60-летие Парижской Коммуны (34—42). — Ткацкая фабрика «Ветен» в Исфагани (Письмо из Исфагани) (43—48). — Крестьянское движение в Персии. (49—53). — Письмо из Мешеда о положении ковровщиков (54—56). — Письмо ИК Коминтерна (57—73). — IX-й Конгресс ВЛКСМ (74—79). — Персидские женщины и реакционное правительство Пехлеви. (80—84). — Стихи (Лахути) (85—88). — «Интернационал» (слова Лахути) (89.)

Год третий, *№ 12, январь 1932, 46 стр.* Монополия внешней торговли (3—12). — 1-е мая и забастовка рабочих Исфаганской фабрики «Ветен» (21—30). — Общий очерк Астрабадской провинции (31—38). — Биография революционера Ва'иза Кейвани (Казвини) (39—46).

«ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ». ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТРЕХНЕДЕЛЬНИК ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ

г. Улан-Батор — Хото

Niigem zuramiin zam. Mongol Aradiin Kubiskalta Namiin Təb Koroonoos gurban doloo konog dutam nigen udan keblen niiteleke ulastəriin ba ediin zasagiin sedkyyl.

1930 г. *№ 1—2.* Письмо ЦК и ЦКК МНРП и ЦК МРСМ ко всем членам партии и ревсомола о развертывании самокритики и борьбе с правым уклоном (1—84).—Гендун. Историческое значение VIII съезда МНРП (85—107).—Дындып. Вопросы районирования МНР (108—119).—Джигжитжап. Выгоды административно-экономического районирования МНР (120—130).—Дорчжи. Передача джассовского скота на выпас аратскому населению (131—138).—Нацов. Перспективы некапиталистического развития Монголии (139—154).—Дугаржап. Проблема латинизации (155—168).

№ 3—4. Демит. Борьба за генеральную линию партии (1—13). — Сындэ-Сурун. Вопросы партийного строительства (14—28). — Насон-Бальжир. Вопросы партийного просвещения (29—37). — Гендун. Историческое значение VIII съезда МНР (продолжение) (38—61). — Мадьяр. Политический и экономический кризис империализма (62—79). — Чимит. Решения VIII съезда МНРП по вопросу колхозного строительства (80—101). — Нацов. Перспективы некапиталистического развития Монголии (продолжение) (102—116). — Максор. Империалистическая интервенция в Китае (117—135). — Мындэ. Поворот Ревсомола к вопросам хозяйственного и культурного строительства (136—170). — Дымбырел-Сурун. О распространении Государственного займа (171—180).

№ 5—6. (Передовая). Тринадцатая годовщина Октябрьской революции (1—14).—Джигжитжап. Октябрьская революция и революционное движение аратских масс Монголии (15—26). — Наван. Октябрьская революция и мировое революционное движение (27—54). — Чижия. Партия между VIII съездом и I партконфер. (55—114). — Нацов. Перспективы некапиталистического развития Монголии. (Продолжение) (115—128). — Мындэ. Поворот Ревсомола к вопросам хозяйственного и культурного строительства (продолжение) (129—153).— Жамцаранжап. Об улучшении издательского дела (154—161). — Дорчжи и Дагба. Нервные и психические болезни (162—176).

№ 7—8. Чижия. Первая партконференция МНРП, русск. номер 5 (16). — Гендун, Джигжитжап и Чижия. Пятилетний план развития народного хозяйства и культурного строительства МНР (введение) (2—22). — Административно-экономическое районирование (23—46). — Скотоводство (47—79). — Земледелие (80—91). — Вопросы промышленности (92—101). — Внешняя и внутренняя торговля (102—116). — Рост народного дохода (117—125). — Единый Государственный бюджет (125—140). — Кооперация (141—154). — Транспорт (155—161). — Народное просвещение (162—179).— Научно-исследовательская работа (180—184). — Здравоохранение (185—198).

1931 г. №№ 17 (9)—18 (10). Передовая. Теория и практика (1—8). — Маркс. Тезисы о Фейербахе (1—4). — Ленин. Три источника и три составные части марксизма (5—13). — Сталин. Основы ленинизма (14—54). — Сталин. Речь на конференции аграрников-марксистов (55—86). — Вопросы истмата 87—157. — Дорчжи. Итоги I Конференции МРСМ (158—182). — Джигжитжап. МНР накануне 1 мая (183—199). — Джигжитжап и Ачикто. Поездка в Бурят-Монголию (200—210). — Сындэ-Сурун. Развернем самокритику (211—219). — Программа партийных кружков руководящих работников (200—237). — Дуущи-Дорчжи. Борьба на 2 фронта (238—240).

№ 21 (13) — 22 (14). Номер с монгольским и русским текстами. Передовая. Первое мая 1931 г. (1—39[1]; 1—26)[1]. — Ворошилов. Будет ли война? (40—55; 27—36). — Гендун. 1 мая — день смотра революционных сил мирового пролетариата (56—59; 37—39). — Бадархо. 1 мая — день международной солидарности пролетариата (60—67; 40—44). — Дындып. 1 мая и наши задачи (68—72;

---

[1] Первые цифры после заглавия статьи — страницы монгольского текста, а вторые — русского текста.

45—48). — Степной. Первое мая — праздник труда (73—77; 49—52). — Покус. Первое мая и военная опасность (78—80; 53—54). — Лопсан-Ширап. Первое мая и задачи парторганизаций (81—84; 55—57). — Доржи и Мындэ. Первое мая и задачи ревсомольских организаций (85—89; 58—60). — Нацов. Третий решающий год пятилетки СССР (90—114; 61—77). — Резолюция VI съезда Советов СССР по докладу правительства Союза (115—122; 78—82). — Джигжитжап. Великая стройка (123—126; 83—85). — Письмо АПО ЦК МНРП и АПО ЦК МРСМ и Первомайской комиссии при ЦК МНРП и ЦК МРСМ ко всем аймгоркомам партии и ревсомола и айм-горкомиссиям по проведению 1 мая (127—131; 86—88). — Лозунги АПО МНРП к 1 мая (132—134; 89—90). — Резолюция ЦК и ЦКК МНРП о посевной компании (135—139; 91—93). — Резолюция ЦК МНРП по докладу редакции журнала «Путь к социализму» (140—142; 94—95). — Резолюция ЦК МНРП по докладу редакции газеты «Правда» 143—150; 96—101). — Обращение ЦК МНРП о работе среди батраков (151—158; 102—105). — Тезисы АПО и Отдела кадров ЦК МНРП по поводу мобилизации 150 членов партии и ревсомола на производство (159—167; 106—111).

№ 23 (15)—24 (16). Черномордик. К вопросу о путях развития монгольской революции (1—32). — Бадархо. Против оппортунизма, за генеральную линию партии (1—54). — Сталин. Основы ленинизма (продолжение) (52—77). — Ленин. Тезисы II Конгресса Коминтерна по колониальному и национальному вопросу (78—84). — Ленин. Речь на II Конгрессе Коминтерна по колониальному и национальному вопросу (85—90). — Нацов. Перспективы некапиталистического развития Монголии (продолжение) (91—107). — Тезисы АПО ЦК МНРП и ПУР'а МНКА о территориальных частях (108—117). — Политработа в территориальных частях (118—148).

№ 25 (17)—26 (18). Передовая. Новый единый с.-х. налог и задачи партийно-ревсомольских организаций (1—3). — Передовая. Очередные задачи профдвижения МНР (4—15). — Письмо Профинтерна к Центр. Совету Профсоюзов Монголии (16—40). — Постановление ЦК и ЦКК МНРП и ЦК МРСМ о едином с.-х. налоге (41—45). — Сафаров. Подъем революционного движения в колониальном мире (46—62). — Нацов. Перспективы некапиталистического развития Монголии (63—95). — Резолюция VIII Конференции Улан-Баторской организации МНРП по докладу т. Лопсан-Ширапа о деятельности ЦК МНРП (96—105). — Постановление ЦК ЦКК МНРП и ЦК МРСМ по поводу письма Профинтерна (106—112).

№ 27 (19)—28 (20). Передовая. Десятилетие Монгольской революции (1—23). — Мануильский. Задачи секций Коминтерна в связи с углублением экономического кризиса и нарастанием политического кризиса в ряде стран (24—46). — Черномордик. Десять лет проверки (об этапах развития Монгольской революции) (47—60). — Гендун. Десять лет революции и наши очередные задачи (1—18). — Бадархо. МНРП — руководящая сила Монгольской революции (19—25). — Демит. Десять лет революции и МНКА (26—37). — Дорчжи. Десятилетие революции и МРСМ (38—46). — Дындып. Революционное движение аратских масс и задачи профсоюзов (47—71). — Чижия. Коминтерн и МНРП (72—81). — Джигжитжап. СССР и МНР (82—91). — Доксома. Десять лет революции и женщины (92—94). — Дугуржап, Тимохин и Моисеев. Десять лет революции и дело народного образования (95—109). — Лхунбу. Всемонгольские профсоюзы и годовщина революции МНР (110—118). — Содном и Рогов. Итоги развития промышленности МНР (119—144). — Содном и Усневич. Итоги развития торговли МНР за последние четыре года (145—164). — Содном-Еши. Первая беспартийная аратская конференция (165—173). — Мижид-Дорчжи и Рыгдылон. Первая конференция рабкоров МНР (174—177).

№ 29 (21)—30 (22). Шижия. (Чижия). Задачи партийных организаций в проведении уборочной кампании (1—5). — 1 августа — день борьбы с опасностью империалистической войны (6—21). — Мануильский. Задачи секций Коминтерна в связи с углублением экономического кризиса и нарастанием политического кризиса в ряде стран (продолжение) (22—46). — Ленин. Социализм и религия (47—53). — Чимит. Заготовим сено и построим утепленные хотоны для скота (54—58). — Пути первой беспартийной аратской конференции (59—64). — Полонский. Итоги весенней посевной и задачи уборочной кампании (65—79). — Бадархо. Речь на общем собрании учащихся театра (80—106). — Идам-Сурун. Члены Ревсомола все на сенокошение (107—109). — Постановление ЦК МНРП о ходе латинизации (110—112). — Постановление ЦК и ЦК МНРП от 20 июля 1931 г. (113—118).

№ 31 (22)—32 (23). Передовая. Четырнадцатая годовщина Октябрьской революции (1—8). — Мануильский. Задачи секций Коминтерна в связи с углублением экономического кризиса и с нарастанием политического кризиса в ряде стран (продолжение) (1—35). — Советское движение в Китае и очередные задачи китайской компартии (37—123). — Чижия. Внешнее и внутреннее положение МНР (доклад т. Чижия на первом съезде учителей МНР) (124—156). — Дендып. Краткая история революционного движения на Западе (продолжение) (157—214). — Итоги агитмассовой работы при проведении 10-летия монгольской революции (215—229). — Решения VIII съезда МНРП по ламскому вопросу (230—246). — Полонский. Урок Цецерликской парторганизации (247—250) — Письмо ЦК МНРП ко всем членам Ара-Хангайской организации (251—268).

№ 33 (24)—34 (25). Передовая. Партийное просвещение — боевая задача в работе парт. организаций (1—6). — Передовая. Произвол японских империалистов в Манчжурии (7—14). — Гендун. VIII съезд уполномоченных Монценкопа и его очередные задачи (15—20). — Сталин. Растущий кризис мирового капитализма и внешнее положение СССР (21—50). — Мануильский. Задачи секций Коминтерна в связи с углублением экономического кризиса и нарастанием политического кризиса в ряде стран (продолжение) (1—43). — Миф. Гражданская война и борьба за советы в Китае (44—64). — Письмо ЦС монгольских профсоюзов о поднятии трудовой дисциплины (65—73). — Положение о производственных совещаниях (74—76). — Резолюция ЦК МНРП о работе

среди батрачества (77—83). — Резолюция ЦК и ЦКК МНРП и ЦК МРСМ по поводу захвата японскими империалистами Манчжурии (84—87).— Резолюция ЦК МНРП о партийном просвещении (88—89).

№ 35 (26)—36 (27). Передовая. Против феодально-клерикального и буржуазного мировоззрения на фронте науки (1—4). — Чижия. Подготовка к IX съезду партии — боевая задача партийных организаций (5—16). — Бадархо. 100% выполнение плана скотозаготовок — очередная боевая задача партийных и ревсомольских организаций (17—25). — Его же. Внешнее положенне МНР и военная опасность (26—40). — Сталин. О задачах хозяйственников (41—52). — Сындэ-Сурун. Против конкретных извращений линии партии в области культурного строительства (53—56). — А. Н. Национально-революционное движение Тувы (57—61). — Резолюция ЦК и ЦКК МНРП и ЦК МРСМ по докладу о деятельности научно-исслед. комитета (62—64). — Резолюция ЦК МНРП о положенни дел в пограничных районах (65—71). — Резолюция ЦК МНРП и ЦК МРСМ об антипартийной вылазке в Кентейской организации (72—73). — Резолюция ЦК МНРП о ходе скотозаготовок (74—75). — Письмо АПО ЦК МНРП ко всем аймачным комитетам и партячейкам о развертывании массовой работы вокруг скотозаготовок (76—77). — Тезисы АПО ЦК МНРП для докладчиков по вопросу о выполнении скотозаготовок (78—80).

№ 37 (28)—38 (29). Передовая. Вопросы латинизации — одна из очередных боевых задач партии и ревсомола (1—13). — Мындэ. Итоги VIII съезда уполномоченных Монценкопа (14—28). — Сталин. Растущий подъем социалистического строительства и внутреннее положение СССР (1—130). — Кучумов. К десятилетию монгольской революции (131—147). — Наван. XIV годовщина Октябрьской революции (148—167). — Содном-Еши. Партийно - ревсомольская работа в МНКА за зимний период (168—188). — Резолюция ЦК МНРП по отчету Монценкопа (189—222). — Резолюция объединенного заседания ЦК и ЦКК МНРП, ЦК МРСМ, Малого Хурала МНР, Правительства, Центр. Совета Монгольских профсоюзов и др. по поводу XIV годовщины Октябрьской революции (223—231).

1932 г. № 43 (1)—44 (2). Письмо ЦК и ЦКК МНРП ко всем членам и кандидатам партии и ко всем партийным организациям по поводу созыва IX съезда партии (2—20). — Передовая. Против разбойничьих действий японского империализма (к меморандуму Танаки) (21—27). — Сталин. О некоторых вопросах истории большевизма (28—42). — Гендун. Ленин и монгольская аратская революция (43—57). — Базар-Сурун. Ленин и народы Востока (58—65). — Рыгдылон. Против оппортунизма, за марксизм-ленинизм (66—76). — Демит. Военная подготовка членов партии и ревсомола (77—89). — Меморандум Танаки о позитивной политике Японии и Манчжурии (90—124). — Резолюция ЦК и ЦКК МНРП, ЦК МРСМ и др. по поводу японской агрессии в отношении Манчжурии и Монголии (125—128). — Обращение Пленума ЦК МРСМ ко всем членам, ко всем организациям ревсомола о военной опасности (129—132). — Резолюция, принятая на общественной массовой демонстрации в Улан-Баторе по поводу борьбы с военной опасностью (132—134).

№ 45 (3). Передовая. Борьба с оппортунизмом на новую ступень (1—4). — Чижия. Партия в борьбе за генеральную линию партии (1—57). — Шагдыр. Борьба на два фронта от VIII до IX съезда партии (58—71). — Базар-Сурун. Развернем самокритику против недостатков и промахов (72—74). — Бадархо. Борьба за революционное искусство (75—88). — Дендып. Новые формы и методы работы КК (89—101). — Его же. План работы КК (102—133). — Наван. Опыт работы Ара-Хангайской организации (134—149). — Поворот организации к задачам хозяйственного строительства (150—179). — Резолюция ЦК и ЦКК МНРП по поводу заявлений двух лидеров правых— Дамба-Дорчжи и Джа-Дамба (180—211).

«AL-MAŠRIQ, КАТОЛИЧЕСКИЙ ВОСТОКОВЕДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК, ПО ВОПРОСАМ НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА, ИЗДАВАЕМЫЙ ИЕЗУИТСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ СВ. ИОСИФА В БЕЙРУТЕ, СИРИЯ»

Год 30 (1932)

№ 3. Armala Isʒāq-as-surjānī. Ar-rutab al-kahanūtīja fiṭ-ṭā'ifatajn al-mārūnīja was-surjānīja (161—9, духовные степени у маронитов и сиро-католиков). — Daʒdāʒ Salīm. Intixāb baṭrijark mārūnī fil-qarn at-tāsiɕ ɕašar wa tadaxxul qunṣul franṣa fī d̲ālik (170—7, выборы маронитского патриарха в 19-м веке и вмешательство французского консула). — Lammens. Limād̲ā iftataʒ al-ɕarab sūrija (178—85, почему арабы покорили Сирию, с иллюстрациями). — ɕawwād Manṣūr. ɕawwād: Al-baṭrijark al-lubnānī Iljās Buṭrus al-ʒuwajjik. 1842—1931 (186—92, биография умершего маронитского патриарха Хойека, продолжение). — Gire Martin. Ad̲-d̲ahab fī manāžima wa xāṣṣatan fī sūrija (193—200, рудное золото в Сирии по обследованию Антиохийского округа). — Abela Charles. Az-zawāž tabaɕan lir-risāla al-bābawīja «casti connubii» (201—8, о браке по папской энциклике, продолжение). — Bustānī Fu'ād Afrām. Mašākilnā al-adabīja al-ʒāḍira wa ṣilathā bil-adab al-ɣarbī (209—16, современные проблемы арабской литературы в их связи с литературой Запада). — Naṣrāllāh Naṣrāllāh. Aṣ-ṣaum al-arbaɕīnī fil-qarn ar-rābiɕ fiš-šarq wal-ɣarb (217—23, пост в 4-м веке в Антиохии, Иерусалиме и Александрии). — Farʒāt Isṭifān: Mušāhadāt wa ta'ammulāt (224—6, картины и впечатления, беллетристические заметки, окончание). — (227—30, среди журналов.—231—9, рецензии на книги: Massignon, Le diwān d'Al-Hallāg; Oppenheim, Der Tell Halaf; Bonnichon, La conversion au christianisme de l'indigène musulman algérien; Allo, Plaies d'Europe et baumes du Gange; Hérédités et races; Monzie, Petit manuel de la Russie nouvelle; Musée national syrien de Damas; Giannini, Al-usra al-masīʒīja; Riḍā, Tafsīr al-manār; Qiṣaṣ wa adab wa fukāha; ɕanīsī, Taqwīn kanīsat assajjida al-kubrā fī bait-šabāb li sanat 1932; D̲ikrā al-fu'ād; ɕāṭifat ʒubb wa ixlāṣ. — 240, важнейшие события арабского Востока).

№ 4. Audin A: Fī ittihām al-kanīsa bil-istibdād (241—7, Об обвинении церкви в деспотизме). — Bāz Anṭūn: Ṣanāɕat al-ʒažar fī lubnān (248—51, промышленная обработка камня на Ливане, с опи-

санием технологического процесса).— Abela Charles: Az-zawāž tabagan lir-risāla, al-bābawīja «casti connubii» (252—7, о браке по папской энциклике, продолжение). — Dazdāz Salīm: Intixāb batrijark mārūnī (258—65, историческая справка о выборах маронитского патриарха в 19 в., окончание). — Gire Martin: Ad-dahab fī manāzima wa xāṣṣatan fī sūrījā (266—71, рудное золото в Сирии, окончание). — gawwād Manṣūr gawwād: Al-batrijark al-lubnānī Iljās Butrus al-zuwaijik (272—81, биография умершего маронитского патриарха Хойек, продолжение). — Yaṣṣūb Jūsif: Al-quffa (282—8, плетеная корзинка, рассказ). — Fāris Jūsif: At-taržama wal-mutaržimūn (289—96, переводы и переводчики эпохи Аббасидов). — Armala Iszāq as-surjānī: Ar-rutab al-kahanūtīja fit-ṭā'ifatajn al-marūnīja was-surjānīja (297—302, духовные степени у маронитов и сиро-католиков, продолжение). — al-Bustānī Fu'ād Afrām: Manša' al-'ādāb al-garabīja (303—6, возникновение арабской литературы). — (307—10, среди журналов: скауты среди мусульманских народов; Польша и Хиджаз.— 311—2, разное: в Риме выпускается иллюстрированный двухнедельник на арабском и итальянском языках (с преобладанием первого) под названием «Al-Mustaqbil al-garabī» (Арабская Будущность). Редактором ее является Munīr al-Labābīdī, родом из Дамаска, издававший ранее сирийскую газету «Al-Xaḍāra», а позже основавший в Бразилии арабско-португальскую газету. «Al-mustaqbil al-garabī» будет второй арабской газетой, выходящей в Италии. Первая под названием «Al-mustaqill» издавалась в Сардинии и имела целью поддерживать итальянскую политику в Тунисе. Существовала она недолго — до 1881 г., когда французы заняли Тунис. — Столетие мученичества отца Гавриила Денбо. — 213—20, рецензии на книги: Sertillanges, L'orateur chrétien; Raphael Altamira y Crevea, Histoire d'Espagne; Comment juger la sociologie contemporaine; L'Art Byzantin; Strothmann, Die koptische Kirche in der Neuzeit; Le bouquet des dix vierges; Sbath, L'ouvrage géoponique d'Anatolius de Bérytos; Коран в изд. Alzibālī; Bāz, Alqaḍājā al-mustagzila, Abū-Rāšid, Ar-rizla ad-dāntīja fīl-mamālik al-nawā'ija (перевод Божественной комедии Дантэ); Almaʏīlī, Tāž ad-dīn fīmā jažib galal-mulūk; Sweidān, Faḍlaka ta'rīxīja lilkursī al-antākī al-ortodoksī; Attuzfa lisanat 1932. — 321. (Последние новости).

Я. В.

СОДЕРЖАНИЕ ЯПОНСКИХ ЖУРНАЛОВ, ПОЛУЧАЕМЫХ ИНСТИТУТОМ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

«Chuokoron», Tokio, 1932. Chuokoronsha

№ 3. Sasaki, Sōichi. Деятельность правительств с точки зрения конституции (2—19).[1] Oyama, Ikuo. Неустойчивое политическое положение и неопределенность путей масс. [Пассивность избирателей во время избирательной кампании. Китайский инцидент и всеобщие выборы. Экономический кризис и изменение психологии масс. Разочарование в парламентской политике. Массовое движение как центральный пункт деятельности правого и левого крыла. Естественный рост политической самостоятельности в массах. Критика политики и действительности. Результаты парламентской деятельности пролетарской партии.] (19—37) Matsui, Hitoshi. Истинное лицо Шанхайского инцидента (37—44). Minobe, Tatsukichi. Нормальный путь конституции и насилие (44—48). — Yuzawa, Koki. Куда идет Гитлеровское движение (48—65).— Mukōzaka, Itsuro. Спасет ли кабинет Сэйюкай деревни. [Оценка политики кабинета Сэйюкай. Маловероятность спасения деревни от аграрного кризиса.] (65—71). — Saito, Kyoei. Новое Манчжуро-Монгольское государство и экономические перспективы Манчжуро-Монголии. [Рассмотрение вопроса об образовании Манчжуро-Монгольского государства и разбор тех надежд, которые возлагаются Японией на это государство.] (71—77). — Yamakawa, Kin. Парламентские выборы и перспективы фашистского движения (93—101). — Baba, Kogo. Yoshizawa, Kenkichi [Бывш. мин. ин. дел.] (149—157). — Sakurai Chuon. Очерки военных действий в Манчжурии (209—221).

№ 6. Takahashi, Masao. Об японском империализме. [Исторический обзор. Обсуждение вопроса о самостоятельности Манчжурии. Манчжурия и японский капитализм. Манчжурия и мировое положение.] (57—67). — Nōro, Eitarō. Новый этап кризиса и его перспективы. [Особенности кризиса в Японии и его развитие.] (77—95). — Ogawa, Kyotarō. Падение Инукаи Кэйки. [Действительные причины падения кабинета Инукаи. Неудачная финансовая политика. Теоретические ошибки. Финансовый вопрос в связи с падением кабинета Инукаи.] (68—76). — Yoshino, Sakuzo. Выборы, золото и политические партии (97—102). — Masamune, Hakucho. Tanizaki, Junichirō и Satō Haruo (279—292). — Baba, Kōgo. Об Uchida, Yasuya. [Характеристика Uchida, Yasuya, как государственного деятеля.] (140—147). —

Keizai ōrai, Tokio, 1932, Nihonhyoronsha

№ 3. Inoya, Zenichi. Экономическая политика новой Манчжурии и Монголии. [Создание единого блока из Японии, Кореи, Манчжурии и Монголии.] (53—65). — Araki, Kotaro. Будущее манчжурской денежной системы (65—75). — Tanabe, Tadao. Политика строительства путей сообщения в Манчжурии и Монголии. [Основные установки политики ж.-дор. строительства. Жел. дороги стратегического, административного и экономического значения. Автомобильное сообщение.] (74—82). — Makino, Kochi. Как разрешить теоретически проблему взаимоотношений между развитием Манчжурии и японской промышленностью (82—86). — Sato, Kanji. Несколько замечаний о сельскохозяйственном переселении в Манчжурию. (86—88). — Shimomura, Kō. Куда идет Китай. [Оценка перспектив развития Китая как великой державы. Обсуждение возможностей этого. Взаимоотношения с Тибетом, Монголией и Манчжурией (88—97). — Mizuno, Kōtoku. О войне в Тихом океане. [Базы военных операций. Японо-американские вооруженные силы. Крупный недостаток американского флота. Филиппины как стратегическая база. Панама и Гаваи. Крейсера с 8-дюймовыми орудиями и южно-океанские острова. Возможно ли

---

[1] Цифры в скобках обозначают страницы издания.

разрешение войны главными силами флота. Слабая сторона обороноспособности Японии. Быстрое и медленное ведение войны.] (97—105). — Hirata, Shinsaku. Об Американском флоте. [Самоуверенность ген. Тейлора. Американский флот не желает войны. Боевые силы японского и американского флота. Действительные силы американской морской авиации.] (105—114). — Yasutomi, Seizo События в Шанхае и Манчжурии и Лига Наций (197—202). — Aoki, Setsuichi. Вторичное признание Лиги Наций. (202—205). — Takayanagi, Shōichirō. Влияние Шанхайских событий на экономический мир Японии (205—207). — Fujiyama, Kaita. Шанхайский инцидент и финансы (207—209). —Okubo, Kokurō. Истинное лицо шанхайских событий и их экономическое влияние (209—213).— Suginami, Sonjin. Естественные богатства Ян-Цзы-Цзян и экономическая борьба великих держав (213—221).

№ 5. Hijikata, Shigeyoshi. О высшем хозяйственном совете [Ошибки парламентской политики, необходимость в экономическом парламенте. Постановка вопроса о высшем хозяйственном совете в разных странах: Италия, Англия, Франция и Германия. Вопросы, входящие в компетенцию высшего хозяйственного совета.] (1—15). — Mukai, Rokushō. Капитализм и плановое хозяйство (16—35).—Suchiro, Gentarō. Плановое хозяйство и труд (35—39). — Ōmura, Masao. Плановое хозяйство Сов. Союза. [Советская плановая политика до выработки пятилетнего плана. Пятилетний план. Планово-экономические органы. План и его выполнение.] (39—47). — Shikishima, Shunosuke. Плановое хозяйство фашистской Италии (48—56).— Ōshima, Seiichi. Движение за плановое хозяйство в Англии (57—62). — Ōkura, Kimmochi. Сходство и различие между фашистской Италией и Советским Союзом (63—70). — Hayashi, Kimio. Сходство и различие между государственным социализмом и национальным социализмом (86—93).

№ 6. Takada, Yasuba. Будущее японской экономики. [Финансовое положение. Аграрный вопрос.] (1—14). — Nakanō, Shōgō. О японской национальной (государственной) политике. [Комиссия лорда Литтона и общественное мнение Манчжуро-Монголии. Закулисная сторона Манчжуро-Монгольской самостоятельности. Манчжуро-Монгольская доктрина Монрое. Плановое хозяйство как наиболее актуальная проблема. Япония должна продвигать вопрос о плановой экономике.] (27—34). —Araki, Mitsutarō. О реформе японской банковской системы (71—81). — Sasa, Hirōo. О чрезвычайной сессии парламента. [Значение чрезвычайной сессии парламента. Вопросы подлежащие обсуждению. Партии.] (82—89). — Ōta, Masataka. Чрезвычайная сессия парламента и вопрос о финансовой экономике (90—94). — Shigemori, Tadashi. Международный характер Китайской Вост. жел. дороги. [Американские вожделения в отношении Манчжуро-Монголии. Надежды, возлагаемые крупными американскими капиталистами на Манчжуро-Монголию.] (218—222). —

«*Tōyō*» *Tokio*, *1932*, *Tōyōkyokai*

№ 3. Wakamiya, Unosuke. Духовный рост Манчжурии. [Влияние Японии.] (2—9).—Naganō, Akira. Как проходит образование Манчжурского государства. [Отсутствие плановости. Необходимость твердой программы в области политики и экономики.] (10—15).—Ishikawa, Seikyu. Теоретическая необходимость совместного контроля над Китаем [Китай после манчжурского инцидента. Совместное обследование Китая. Теория Абенда об интервенции. Прежние теории об интервенции. Таможенные пошлины, налог на соль, почта, железные дороги. Последние события.] (28—35).—Murata, Shungen. Об устройстве единообразной денежной системы в Манчжурии (68—75). —

№ 4. Nasu, Kō. Эмигранты земледельцы в Манчжуро-Монголии. [Условия жизни крестьянства в Манчжурии и Японии. Необходимость предварительной подготовки японского крестьянства к условиям жизни в Манчжурии и Монголии.] (2—7). — Obiyama, Naodo. Признание нового Манчжуро-Монгольского государства и договоры о дипломатических взаимоотношениях (21—28). — Oike, Uichirō. Об эмиграции японских крестьян в Манчжурию и Монголию. [Манчжурия и Монголия, как источник жизни для Японии. Количество пригодной для обработки земли в Манчжурии. Население, цена на землю. Климат и почва. Возделываемые злаки (по провинциям). Сопоставление с теми же условиями в Японии. Суммы, необходимые для переселения.] (54—61). — Ōtake, Hirokichi. Мои впечатления о советской России. (73—82). — Tomitsuchi, Tatsuma. Национальные взаимоотношения в Советской России. [Национальный вопрос в царской России и в Советской России. Мероприятия советского правительства в отношении нацменьшинств.] (82—88).

№ 5. Ōyama, Ujirō. О признании Манчжурии (2—14). — Ōkura, Kōbō. Очередные вопросы нового Манчжуро-Монгольского государства. [Финансы. Национальный вопрос. Природные богатства.] (15—24).— Kabayama, Aibo. Дальневосточный инцидент и Америка. [Позиция Америки во время японской интервенции в Китае.] (25—29). — Kimura, Masatarō. Основание Манчжуро-Монгольского государства и японо-китайские взаимоотношения (30—37). — Ōtake, Hirokichi. Мои впечатления о Советской России. (61—67). — Nōmura, Seisai. Дальневосточная политика Советской России и будущее Китайской Восточной жел. дороги. [Образование Манчжуро-Монгольского государства в новый этап в будущем японо-советских отношений на Дальнем Востоке.] (68—73). — Onuma, Tadao. Несколько замечаний о реформе финансовой политики в Манчжурии. [Вопрос о таможенной политике.] (75—83).

Kaizo, *Tokio*, *1932*, *Kaizosha*

№ 2. Yamakawa, Kin. Национал-социалистическое движение и пролетарская партия. [Критика основных положений одного из лидеров национал-фашизма Акамацу. Раскрытие антипролетарских установок Акамацу в оценке современного капитализма, международного рабочего движения и в отношении к Манчжурскому вопросу.] (25—38). — Suzue, Gonichi. Новая китайская полит. власть и финансовый кризис. [Растущий кризис и бессилие власти. Состояние бюджета. Рост военных расходов. Правительственные доходы. Государственные займы. Современное политическое положение в Китае и Цзян-Кай-Ши.

Борьба партий. Китайский инцидент Япония и Цзян-Кай-Ши.] (38—46). — Suzuki, Shigetarō. Борьба за первенство двух концернов Мицуи и Мицубиси. [Руководители борьбой за первенство. Партия Сэйюкай — концерн Мицуи и партия Минсэйто — концерн Мицубиси. Расположение гл. сил для борьбы в том и другом концерне. Производство Мицуи и торговли Мицубиси. Борьба между торговыми отделами обоих концернов.] (22—32). — Sato, Kiichirō. Заводы, изготовляющие яп. аэропланы. [Недостатки, наблюдающиеся в аэропланном строительстве в Японии. Успехи, достигнутые за последние годы. Места изготовления яп. аэропланов. Различные виды аэропланного строительства. Развитие аэропланостроения. Опытные аэропланные заводы.] (108—116).

№ 5. Nasu, Kō. Манчжуро-Монгольская политика и крестьяне-переселенцы. [Японская политика в отношении Китая. Выяснение вопроса о необходимости переселения яп. крестьян в Манчжурию.] (21—28). — Suzuki, Shigetarō. Новое Монгольско-Манчжурское государство и японский финансовый капитал (64—71). — Asahara, Kenzo. Фашизация пролетарских партий. [Разбор деятельности пролетарских партий Shakai inshutō, Nihonrodōkurabu, Taishutō. Их склонность к государственному капитализму и к с.-д. демократ. Приобретение фашистской окраски.] (33—39). — Ishihama, Tomoyuki. Различные течения в Японском национал-фашизме. [Различные оттенки японских национал-фашистов. По методу: от террористов до парламента; по содержанию: долой капитализм и контроль над капитализмом.] (54—64).

№ 6. Makino, Kōchi. Об экономической политике нынешнего кабинета [Финансовое положение страны. Состояние внешней торговли. Политика кабинета Инукаи и инфляция. Необходимость борьбы с политическими ошибками кабинета Инукаи.] (72—80). — Baba, Kogō. Кабинет Инукаи и военные сферы (80—86). — Sasa, Hirōo. О фашистском кабинете. [Лидеры движения за создание нового кабинета Hiranuma, Yamamoto, Adachi, Ugaki, Saito.] (86—94). — Arahata, Kānson. Период упадка рабочего профдвижения. [Фашизация рабочего движения.] (74—82).

№ 7. Tanaka, Kōtarō. Анархия современной мысли и ее причины. [Социальные и экономические причины анархии современной мысли. Влияние Америки и Европы на идеологическое развитие Японии в эпоху Мэйдзи. Образование различных течений в области философии. Марксизм как одно из наиболее сильных течений. Католицизм и марксизм. Коммунизм и фашизм.] (2—28). — Rōzan. Seido. Политическая организация Манчжуро-Монгольского государства (29—43). — Sasa, Hirōo. Политические перспективы Японии в переживаемый критический момент. [Обзор политического положения Японии в момент инцидента 15 V—32 г. (убийство Инукаи). Крушение политики полит. партий и виды на будущее.] (44—58). — Baba Kōgo. Члены кабинета Саито. [Характеристка членов кабинета и их политическое прошлое.] (65—72). — Kawanishi, Taichirō. Меры, принимаемые в отношении современного критического положения в деревнях. [Обследование положения крестьянства в префектурах Ниигата и Иватэ. Правит. меры воспомоществования. Снижение налогов.] (73—79). — Iwabuchi, Nagao. Кабинет Саито и военные сферы (40—45). — Mukōsaka, Itsurō. Критика замечаний г-на Gondo, Seikei. [Аграрный кризис.] (65—75). — Seta, Kaku. Современное положение резервистов в Японии. [Статистические данные. Занятия и идеологическое направление.] (90—98). — Suzuki, Shigetarō. Жизненное значение вопроса о Манчжуго. [Система организации центральных органов Манчжуро-Монгольского государства.] (118—127). — Hamaguchi, Tsuruo. О военных судах (128—136). —

№ 8. Arisawa, Hiromi. Каковы перспективы японской экономики после вторичного наложения эмбарго. [Иностранные займы. Состояние японского денежного рынка. Финансовая политика кабинета Инукаи. Инфляция. Перспективы на будущее.] (2—24). — Saegusa, Hakuon. Кризис культуры. [Экономический кризис. Влияние экономического кризиса на культурную жизнь страны.] (29—39). — Suzue, Genichi. Новая фаза в советско-китайском движении. [Шанхайский инцидент и организация нанкинского правительства. Крайне-левое движение после шанхайского инцидента. Прошлые пять лет и развитие красной армии. Современное положение советского движения.] (67—78). — Baba, Kōgo. Перспективы политических сфер в критический момент. [Партия Adachi. Кабинет Saitō.] (79—85).

Chosen koron, Seul, 1932, Chosenkoronsha

№ 1. Ushijima, Shōzō. Поднятие на должную высоту корейского местного управления (20—22). — Omura, Takuichi. О железнодорожном строительстве (в Корее) (26—27). — Watanabe, Shinobu. Обзор корейской промышленности. [Состояние отдельных отраслей промышленности в Корее. Влияние кризиса на корейскую промышленность.] (28—31).

№ 2. Ishimoto, Keikichi. О культурном развитии Восточной Манчжурии. [Что собой представляет Манчжурия. Возможность культурного развития Вост. Манчж. Идеологические предпосылки. Промышленное развитие. Китайское, корейское и манчжурское население. Новая культура в 21-м веке.] (8—13). — Kawanō, Onkyo. Положение рынка труда за последнее время. [Различные отрасли промышленности. Количество и возраст лиц, занятых в различных отраслях промышленности. Степень образования.] (14—17).

Цена 8 руб. 50 коп.